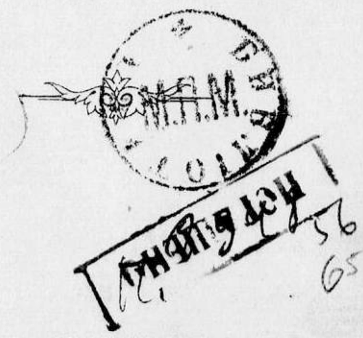
Люцій Апулей.

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

Переводъ съ латинскаго

Н. М. Соколова.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1895.

Типографія М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, Невскій просп., № 8.

Люція Апулея
изъ Медавры,
философа платонической школы,
одиннадцать книгъ превращеній
или
Золотой Оселъ.

ЛЮЦІЙ АПУЛЕЙ.

(Біографическій очеркъ).

Апулей родился во второмъ вѣкѣ по Р. Хр.,—въ царствованіе Адріана,—въ Африкѣ, въ Медаврѣ, римской колоніи на границѣ съ нумидійцами и гетулами. Его отецъ былъ тамъ дуумвиромъ, т. е. первымъ въ городскомъ совѣтѣ. Это былъ высшій административный постъ, до котораго можно было возвыситься въ провинціи. Двумъ своимъ сыновьямъ, Апулею и его брату, онъ оставилъ два милліона сестерцій, т. е. около 100,000 рублей на наши деньги.

Апулей воспитывался и получилъ первоначальное образованіе въ Карѳагенѣ. Для усовершенствованія въ наукахъ онъ ѣздилъ впослѣдствіи въ Аѳины, гдѣ съ особеннымъ увлеченіемъ изучалъ философію Платона.

По окончаніи образованія, онъ, повидимому, много путешествовалъ. Въ Греціи онъ былъ посвященъ почти во всѣ религіозныя таинства. Былъ онъ и въ Римѣ. Сколько времени онъ тамъ пробылъ, когда былъ и съ какою цѣлью посѣтилъ этотъ городъ,—свѣдѣній нѣтъ.

Вернувшись на родину, онъ быстро поднимался по лѣстницѣ почетныхъ общественныхъ должностей и въ концѣ концовъ занялъ то мѣсто, которое когда то занималъ его отецъ.

Въ Карѳагенѣ онъ достигъ и званія верховнаго жреца.

За свои литературные труды и краснорѣчіе онъ всюду пользовался почетомъ и уваженіемъ. Когда въ Карѳагенѣ онъ читалъ публичныя лекціи, въ его аудиторію сходилось столько слушателей, сколько до него не удавалось собрать ни одному философу. Ему воздвигли статую и тамъ,—честь, которую уже много разъ до того оказывали ему въ другихъ городахъ и провинціяхъ. Лично онъ не домогался этого. Его даже не было въ Карѳагенѣ, когда былъ поставленъ и рѣшенъ вопросъ объ этомъ доказательствѣ общественнаго вниманія къ его заслугамъ. Въ то время онъ ѣздилъ въ Персію, на цѣлебныя воды (къ сожалѣнію, за недостаткомъ свѣдѣній, нельзя точнѣе опредѣлить мѣсто этого курорта), надѣясь найти избавленіе отъ той болѣзни, которая развилась у него изъ вывиха ноги. Вернувшись домой, онъ благодарилъ гражданъ Карѳагена за честь. Эта благодарственная рѣчь вошла и въ Florida, сборникъ его рѣчей.

Во время одного изъ своихъ путешествій въ Александрію, онъ зимою попалъ въ городъ Эю, теперешнее Триполи, гдѣ занемогъ такъ сильно, что долженъ былъ остаться въ этомъ городѣ и слегъ въ постель. По счастью, онъ встрѣтилъ тамъ старыхъ друзей, по имени Аппіевъ, въ домѣ которыхъ нашелъ себѣ пріютъ и внимательный уходъ во время своей болѣзни. Одинъ изъ нихъ, Понтіанъ, относился къ нему съ особенною заботливостью и дружбою.

Этотъ Понтіанъ уже давно познакомился и подружился съ Апулеемъ, когда оба они одновременно находились въ Аѳинахъ. Въ Эѣ Понтіанъ задумалъ и породниться съ философомъ, стать его пасынкомъ. Поводомъ къ этому послужили слѣдующія обстоятельства его семейной жизни.

Эмилія Пудентилла, мать Понтіана, была замужемъ за Сициніемъ Амикомъ, однимъ изъ жителей Эи, отъ котораго, кромѣ Понтіана, у нея былъ еще сынъ, по имени Сициній Пудентъ. Когда она овдовѣла, ея свекоръ былъ еще живъ. Свекоръ упрямо настаивалъ на томъ, чтобы вдова Амика вышла замужъ за его второго сына, Сицинія Клара. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ Пудентиллѣ тѣмъ, что ея дѣти ничего не получатъ изъ отцовскаго наслѣдства. И это онъ легко могъ сдѣлать, такъ какъ по римскимъ законамъ дѣдъ имѣлъ неограниченныя права надъ своими внуками и надъ имуществомъ, которое они могли бы унаслѣдовать отъ своего покойнаго отца. Кларъ не нравился Пудентиллѣ. Но, чтобы не обездолить своихъ дѣтей, она дала слово своему деверю. Подъ разными предлогами, она откладывала день свадьбы, пока наконецъ ея свекоръ не умеръ, составивъ передъ смертью духовное завѣщаніе въ пользу ея дѣтей.

Это развязало Эмиліи руки. Она дала Клару рѣшительный отказъ и рѣшила избрать себѣ мужа по душѣ, изъ числа тѣхъ поклонниковъ, которые ее окружали. Вдовѣла она почти тринадцать лѣтъ и это вредно отозвалось на ея здоровьѣ. Врачи совѣтовали ей выйти замужъ, если она хочетъ быть здоровой и не хочетъ рисковать жизнью.

О своемъ рѣшеніи она извѣстила Понтіана, который

въ то время находился въ Римѣ. Молодой человѣкъ поторопился вернуться домой. Отъ дѣда на его долю и на долю брата пришлось сравнительно немного. Всѣ свои надежды они возлагали на состояніе матери, которое простиралось до четырехъ милліоновъ сестерцій, т. е. до 200,000 рублей на наши деньги. Понтіанъ боялся, что выборъ матери упадетъ на человѣка алчнаго, который уговоритъ ее отдать своему новому мужу, въ видѣ приданаго, все свое состояніе.

Въ такомъ положеніи было все это дѣло, когда Апулей прибылъ въ Эю. Понтіанъ тотчасъ же обратилъ на него свое вниманіе. Ему казалось, что это именно тотъ человѣкъ, который, женившись на его матери, не станетъ поперекъ дороги ему и его брату. Онъ зондировалъ въ этомъ направленіи своего друга, но оказалось, что философъ имѣетъ больше склонности къ путешествіямъ, чѣмъ къ семейной жизни.

Получивъ такой отвѣтъ, Понтіанъ все таки не отказался отъ своей мысли. Онъ просилъ Апулея остаться въ Эѣ до зимы, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Александрію; лѣтомъ же, по его словамъ, пускаться въ путь было неудобно по причинѣ жары и дикихъ звѣрей, которыхъ было не мало въ этой мѣстности. А пока онъ настойчиво просилъ Апулея оставить своихъ хозяевъ и переселиться въ домъ его матери. Домъ ея – на морскомъ берегу; тамъ ему будетъ и удобнѣе и полезнѣе для здоровья.

Апулей уступилъ настойчивой просьбѣ своего друга и въ этомъ ему не пришлось раскаиваться. Въ домѣ Пудентиллы его приняли съ рѣдкимъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Когда Апулей совсѣмъ поправился, друзья упросили его прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій. Многочисленное общество, которое посѣщало его аудиторію, было въ такомъ восторгѣ отъ его чтеній, что всѣ слушатели единодушно просили лектора остаться въ ихъ городѣ навсегда и стать гражданиномъ Эи.

Понтіанъ увидѣлъ въ этомъ счастливое предзнаменованіе для себя. Онъ снова предложилъ Апулею руку своей матери, объяснилъ ему положеніе дѣлъ и оказалъ ему, какъ философу и своему другу, полное довѣріе.

Сначала Апулей не хотѣлъ и слышать объ этомъ: онъ любитъ путешествовать, отъ чего ему придется отказаться, если онъ женится. Но, обдумавъ хорошенько дѣло, онъ не могъ не признать, что Пудентилла женщина въ высшей степени достойная его любви. Онъ пробылъ въ ихъ домѣ почти годъ и за это время въ самой непринужденной бесѣдѣ много разъ имѣлъ случай хорошо ее изучить. Онъ не посмотрѣлъ на то, что ей было около сорока лѣтъ, и рѣшился, отказавшись отъ своихъ прежнихъ намѣреній, просить ея руки.

Понтіанъ поспѣшилъ къ своей матери. Ему не трудно было уговорить ее остановить свой выборъ именно на Апулеѣ и отдать ему предпочтеніе предъ другими ея поклонниками. Апулей былъ молодъ, красивъ, имѣлъ нѣкоторыя средства, видѣлъ свѣтъ, былъ очень образованнымъ человѣкомъ и умѣлъ быть пріятнымъ въ обществѣ.

Молодой человѣкъ былъ въ восторгѣ. Ему хотѣлось, чтобы дѣло не откладывалось въ долгій ящикъ и какъ только можно поторопились со свадьбой. Но мать категорически потребовала отъ него, чтобы прежде женился онъ самъ и, въ качествѣ опекуна своего младшаго брата, дождался совершеннолѣтія Сицинія Пудента.

Понтіанъ женился на дочери Гереннія Руфина и—тотчасъ же совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Апулею и матери. Если прежде онъ хотѣлъ во что бы то ни стало поженить ихъ, то теперь готовъ былъ пустить въ ходъ все, чтобы помѣшать этому браку. Его тесть,—человѣкъ въ высшей степени недобросовѣстный и нечестный, который, какъ говорили, торговалъ даже своею женою и своею дочерью и жилъ гораздо шире, чѣмъ ему позволяли средства,—изъ корыстныхъ и эгоистическихъ цѣлей, поддерживалъ своего зятя въ этихъ попыткахъ. Любовь совсѣмъ ослѣпила честнаго молодого человѣка.

Пудентилла тотчасъ же разгадала всю эту игру, прекратила всякія сношенія съ Понтіаномъ и, ни на минуту не думая разрывать съ своимъ женихомъ, стала торопиться со свадьбой. Недалеко отъ города, въ одномъ имѣніи, были совершены брачные обряды и она стала женою Апулея.

Черезъ нѣсколько времени открылись глаза и у Понтіана. Онъ увидалъ, что слухи о прежнихъ похожденіяхъ его жены были, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливы и что его тесть—дѣйствительно человѣкъ нечестный. Тотчасъ же вмѣстѣ съ своимъ братомъ, который былъ у него подъ опекой, онъ принесъ повинную передъ своей матерью и Апулеемъ и въ искреннемъ раскаяніи, со слезами на глазахъ, просилъ ихъ забыть прошлое.

Когда онъ совсѣмъ примирился съ своею семьею, онъ сталъ просить своего отчима рекомендовать его Лоллію Авиту, тогдашнему проконсулу Африки. Онъ зналъ, что Апулей, который былъ очень близокъ съ Лолліемъ, разсказалъ проконсулу все, что произошло въ ихъ семейной жизни за это время. Вполнѣ понятно, что для молодого

человѣка, который только что начиналъ свою карьеру, было съ высшей степени цѣнно доброе мнѣніе высокопоставленнаго сановника.

Апулей безъ отговорокъ исполнилъ желаніе своего пасынка. Онъ далъ ему письмо къ проконсулу, въ которомъ рекомендовалъ молодого человѣка съ самой лучшей стороны. Понтіанъ отправился въ Карѳагенъ. Къ сожалѣнію, на возвратномъ пути въ Эю Понтіанъ умеръ. Его состояніе, довольно значительное (Пудентилла, при своемъ разрывѣ съ дѣтьми, по настоянію Апулея, въ высшей степени великодушно и щедро одѣлила ихъ изъ своихъ личныхъ средствъ), въ силу его завѣщанія, переходило къ матери и брату. Его жена, дочь Руфина, должна была получить только какіе то пустяки.

Для Руфина, тестя Понтіана, это было очень чувствительнымъ ударомъ. Онъ сильно разсчитывалъ на это наслѣдство. Чтобы вернуть къ себѣ эти деньги, онъ попробовалъ съ помощью своей дочери втянуть въ свои сѣти Сицинія Пудента, младшаго брата своего покойнаго зятя. Съ этою цѣлью онъ захотѣлъ подкупить Сицинія Эмиліана, дядю Пудента, который, по недобросовѣстности и ненависти къ Апулею, былъ вполнѣ достоинъ Руфина. Это ему удалось.

Молодой человѣкъ, который и отъ природы не отличался особеннымъ благородствомъ, оставилъ домъ своей матери и ушелъ къ Эмиліану, гдѣ окончательно сбился съ дороги. Излишества всякаго рода и нелѣпыя глупости, которыя онъ себѣ позволялъ, скоро совсѣмъ его погубили. Затянутый въ тину грязнаго порока, онъ поддался всѣмъ совѣтамъ и подстрекательствамъ Руфина и Эмиліана, которыми руководила корысть и зависть къ Апу-

лею. Подъ ихъ вліяніемъ, онъ оффиціально, передъ судомъ, обвинилъ Апулея въ чародѣйствѣ. Въ доказательство этого, онъ ссылался на то, что Пудентилла, которой было подъ 40 лѣтъ, которая вдовѣла уже около 14 лѣтъ и вовсе не думала о новомъ бракѣ, вышла за него замужъ. Онъ, очевидно, съ помощью магіи понудилъ ее къ этому, чтобы завладѣть ея богатствомъ.

Его адвокатъ, Танноній, который отнюдь не отличался краснорѣчіемъ, сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы представить Апулея въ смѣшномъ и непривлекательномъ видѣ. Онъ всячески хотѣлъ возбудить ненависть къ своему противнику и навлечь на него серьезное подозрѣніе. Но это ему не удалось. Все, что онъ говорилъ, было такъ пошло, плоско, ничтожно и такъ противорѣчиво, что смѣшнымъ въ этомъ процессѣ оказался только самъ адвокатъ вмѣстѣ съ своимъ довѣрителемъ, добросовѣстность котораго въ этомъ дѣлѣ была болѣе чѣмъ сомнительна

Онъ обвинялъ Апулея въ томъ, что онъ философъ, что онъ краснорѣчивъ, что онъ такъ же силенъ въ греческомъ, какъ и въ латинскомъ языкѣ, что онъ прекрасно воспитанъ, что у него красивые волоса и хорошіе зубы и что при всемъ этомъ, онъ часто смотрится въ зеркало, пишетъ любовныя стихотворенія, любитъ поѣсть, а самъ бѣденъ и наполовину нумидіецъ, наполовину гетулъ.

Въ доказательство того, что Апулей колдунъ, онъ приводилъ слѣдующіе факты: 1) Апулей разспрашивалъ рыбаковъ о различныхъ породахъ рыбъ; 2) Апулей околдовалъ одного мальчика, который передъ нимъ безъ чувствъ упалъ на землю и, придя въ себя, не могъ вспомнить, что съ нимъ было; 3) Апулей носитъ въ носовомъ платкѣ что-то такое, чего никому не показываетъ;

4) Апулей приноситъ жертвы по ночамъ и 5) у Апулея ради колдовства есть какая то кукла, въ видѣ скелета, сдѣланная изъ драгоцѣннаго дерева.

Апулею, конечно, не трудно было оправдаться противъ такихъ вздорныхъ обвиненій. При защитѣ онъ далъ полную волю своему остроумію. Противъ первыхъ обвиненій, конечно, не стоило и возражать. Ясно изъ всей исторіи его женитьбы на Пудентиллѣ, что онъ могъ говорить и говорилъ противъ того обвиненія, будто бы онъ овладѣлъ рукою своей жены съ помощью магіи и колдовства.

Остальныя улики въ мнимомъ вѣдовствѣ философъ отпарировалъ такъ: 1) онъ спрашивалъ у рыбаковъ о породахъ рыбъ, потому что писалъ въ то время этюдъ изъ естественной исторіи; 2) мальчикъ, который упалъ передъ нимъ безъ чувствъ на землю, страдалъ падучей болѣзнью; 3) въ носовомъ платкѣ онъ носитъ нѣкоторые знаки и символы, которые получилъ отъ жрецовъ въ Греціи, когда его посвящали въ различныя мистеріи; 4) обвиненіе въ принесеніи жертвъ ночью — клевета; свидѣтели, которые удостовѣряли это, подкуплены; 5) наконецъ, мнимый скелетъ — статуетка Меркурія, которую вырѣзалъ ему изъ слоновой кости одинъ художникъ.

На основаніи брачнаго договора и духовнаго завѣщанія своей жены, онъ ясно доказалъ, что, хотя ему представлялись другія и блестящія партіи, онъ женился на Пудентиллѣ не изъ корыстныхъ видовъ, а главнымъ образомъ изъ дружбы къ Понтіану. Приданое его жены, которое было ему только обѣщано и до сихъ поръ еще не выплачено, простирается только до 300,000 нуммовъ (около 15,000 рублей) и притомъ, въ силу брачнаго договора,

въ случаѣ смерти его жены, если только у нея не будетъ отъ него дѣтей, имѣетъ перейти къ ея сыновьямъ отъ перваго брака, а если дѣти будутъ, достанется всѣмъ ея дѣтямъ поровну. По духовному завѣщанію Апулею не отказано ничего. Напротивъ, подъ угрозою разрыва въ томъ случаѣ, если бы Пудентилла пожелала (допуская возможность этого) лишить Пудента наслѣдства за то, что онъ причинилъ ей столько горя и страданій,—онъ настоялъ на томъ, чтобы Пудентъ, послѣ смерти Понтіана, былъ объявленъ единственнымъ наслѣдникомъ всего ея имущества.

Эта побѣдоносная защита, конечно, сняла съ Апулея передъ судомъ проконсула Клавдія Максима всякое подозрѣніе въ чародѣйствѣ. Онъ съ честью вышелъ изъ этого суда, а его обвинителю пришлось ссылаться на свою молодость, чтобы не понести суроваго наказанія за ту клевету, въ которой онъ служилъ простымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Но, несмотря на все это, потомство почему то хотѣло оставить за Апулеемъ обвиненіе въ магіи и чародѣйствѣ. Послѣ его смерти, его ставили на одну доску съ Аполлоніемъ Тіанскимъ и ссылались на него въ спорахъ съ христіанами, какъ на доказательство того, что и язычники могли совершать чудеса. Святой Августинъ положилъ конецъ этому нелѣпому обвиненію. Но въ опроверженіе этого мнѣнія онъ говорилъ, между прочимъ, и то, что Апулей «при всей своей магіи никогда не могъ добиться высокихъ должностей на своей родинѣ», а это прямо не согласно съ опредѣленными указаніями въ книгахъ самого Апулея.

Мы не имѣемъ другихъ указаній на біографическіе факты изъ жизни философа отъ позднѣйшаго времени.

Извѣстно только, что книги «*О морали*» и «*О мірѣ*» онъ писалъ для Фаустина, котораго называетъ своимъ сыномъ. Можно думать, что это былъ его сынъ отъ Пудентиллы.

До нашего времени дошла медаль, гдѣ изображенъ Апулей въ лавровомъ вѣнкѣ. Она вполнѣ подтверждаетъ показаніе его враговъ, что онъ былъ дѣйствительно хорошъ.

Сколько извѣстно, Апулей по характеру былъ безкорыстнымъ, кроткимъ и великодушнымъ человѣкомъ. Онъ щедро платилъ своимъ учителямъ и давалъ иногда приданое ихъ дочерямъ. При различныхъ обстоятельствахъ онъ не разъ уговаривалъ свою жену не обижать ея дѣтей отъ перваго брака, хотя они относились къ нему совсѣмъ не по родственному. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы всегда оставаться господиномъ своихъ страстей, по возможности совершенствоваться и учить добродѣтели не только словомъ, но и примѣромъ.

Онъ отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Отказываясь отъ всякихъ удовольствій и даже рискуя своимъ здоровьемъ, онъ съ ранней молодости ревностно занимался науками. Только при такомъ трудолюбіи онъ и могъ оставить послѣ себя такое огромное количество произведеній и въ стихахъ, и въ прозѣ.

Но его справедливо упрекаютъ въ хвастовствѣ и въ льстивомъ отношеніи къ великимъ міра сего. Въ своей апологіи онъ отъ начала и до конца гнетъ свою спину передъ Клавдіемъ Максимомъ. Въ такомъ же духѣ онъ говорилъ о Лолліѣ Авитѣ, Северіанѣ Гоноріѣ и Эмиліанѣ Страбонѣ.

Его хвастливость во всемъ своемъ блескѣ сказалась въ одной его рѣчи, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Гиппіемъ. Онъ, хотя и не могъ, подобно Гиппію, ткать, шить сапоги

и одежду и токарничать, но обнаружилъ за то еще больше ловкости во всѣхъ работахъ духа. Онъ пишетъ оды, пѣсни, комедіи, трагедіи и сатиры, историческія сочиненія, рѣчи, философскіе діалоги—такъ же хорошо на греческомъ, какъ и на латинскомъ языкѣ и все, что онъ пишетъ, заслуживаетъ обыкновенно общее одобреніе. Вообще нѣкоторые отрывки его рѣчей напоминаютъ скорѣе какого то площаднаго говоруна, чѣмъ философа платонической школы. Впрочемъ, никакъ нельзя отрицать большой учености и рѣдкой даровитости Апулея. Только его остроуміе не всегда достаточно высокой пробы. Иногда оно немного отзываетъ педантизмомъ.

До насъ дошли слѣдующія изъ его произведеній:

1) *Превращеніе*, или *Одиннадцать книгъ милетскихъ сказокъ*, или *Сказка объ ослѣ*, которая повсюду извѣстна подъ заглавіемъ:—*Золотой оселъ*. Главную мысль этого произведенія Апулей заимствовалъ у Люція Патрасскаго, откуда взялъ ее въ своемъ *Золотомъ ослѣ* и современникъ Апулея—Лукіанъ. Оттуда же взято и самое имя героя этого разсказа—Люція. Но Апулей ввелъ въ этотъ разсказъ много эпизодовъ личнаго творчества и изобрѣтенія. Весь этотъ романъ—сатира на разнузданные нравы общества, на склонность къ магіи, мечтательность, суевѣрія и шарлатанство жрецовъ. Можно думать, что Апулей написалъ своего *Золотаго осла* сравнительно поздно. Это была отчасти месть за тѣ непріятности, которыя причиняла ему вѣра простого народа въ магію. Если бы она появилась до его извѣстнаго процесса съ Пудентомъ, вѣроятно на судѣ ссылались бы и на нее. Исторія *Золотаго осла* разсказана такъ чистосердечно и просто, что многіе поддавались на удочку и все принимали за чистую монету.

2) *Апологія*, защитительная рѣчь на судѣ по обвиненію въ чародѣйствѣ, произнесенная въ Гарбатѣ, одномъ африканскомъ городѣ, передъ проконсуломъ Клавдіемъ Максимомъ.

3) *О мірѣ*,—по Аристотелю.

4) *О геніѣ Сократа*.

5) *Жизнь и философія Платона*,—три книги, изъ которыхъ первая посвящена метафизикѣ и физикѣ, вторая—морали и третья ученію о разумѣ.

6) *Флорида*, т. е. цвѣты, отрывки рѣчей, которыя Апулей говорилъ въ Карфагенѣ, Эѣ и, можетъ быть, другихъ мѣстахъ.

Многія изъ произведеній Апулея до нашего времени не дошли.

Ему приписываются, хотя безъ особенной увѣренности, еще слѣдующія книги:—

1) *О природѣ боговъ*, діалогъ Гермеса Трисмегиста (переводъ).

2) *Объ именахъ и цѣлебныхъ свойствахъ травъ*.

3) *Садикъ нимфъ*, изъ Менандра (вольный переводъ).

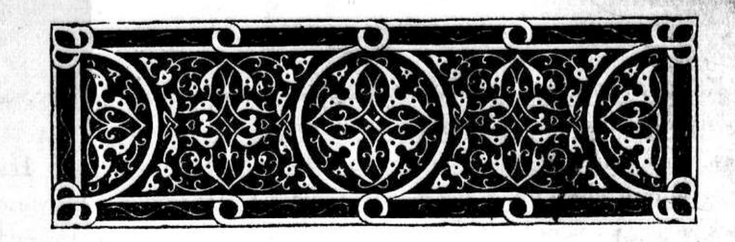
Сколько жилъ и когда умеръ Апулей,—неизвѣстно.

Семейныя отношенія Апулея видны изъ слѣдующей таблицы:

Сициній.

Эмиліанъ. Кларъ. Амикъ. Пудентилла. Апулей.

Понтіанъ, мужъ дочери Руфина. Пудентъ. Фаустинъ.



КНИГА ПЕРВАЯ.

Я поведу свой разсказъ милетскою рѣчью [1]) и, если ты удостоишь своимъ вниманіемъ египетскій папирусъ, исписанный остріемъ нильскаго тростника, для твоихъ жадныхъ ушей найдется здѣсь много забавнаго. Я разскажу тебѣ, какъ нѣкоторые люди превращались въ другія формы и потомъ снова принимали свой настоящій видъ. О, это были удивительныя превращенія!

Но прежде въ немногихъ словахъ скажу тебѣ, кто я. Нашъ старый родъ происходитъ изъ аттическаго Гиметта, изъ коринѳскаго Истма, изъ лакедемонскаго Тенара,—изъ тѣхъ счастливыхъ странъ, которыя увѣковѣчены счастливыми книгами.

Тамъ, въ Аттикѣ, я провелъ первые годы своей молодости и получилъ первоначальное образованіе. Но скоро я попалъ въ Римъ и, безъ предварительной подготовки, безъ руководства учителя, съ величайшимъ трудомъ изучилъ языкъ квиритовъ. Поэтому заранѣе прошу извиненія, если кое гдѣ я оскорблю твой слухъ словами чужой или простонародной рѣчи. Но, мнѣ кажется, что именно этотъ, нѣсколько странный, языкъ вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру тѣхъ превращеній, о которыхъ я собираюсь говорить.

И такъ, къ греческой баснѣ!.. Вниманіе, читатель! Ты будешь смѣяться!

---

[1]) Слогъ прозаическихъ забавныхъ произведеній.

Какъ то по дѣламъ мнѣ пришлось отправиться въ Өессалію (по матери я происхожу именно оттуда; мы можемъ гордиться тѣмъ, что нашъ родъ по преданію, идетъ отъ знаменитаго Плутарха и отъ его внука, философа Секста [1]). На бѣломъ туземномъ конѣ я ѣхалъ черезъ крутыя горы, глубокія долины, кочковатыя поля, по неудобнымъ дорогамъ. Мой конь усталъ,—усталъ и я отъ долгаго сидѣнья. Чтобы размять члены, я соскочилъ съ сѣдла, тщательно отеръ потъ со лба лошади, потрепалъ ее по ушамъ, разнуздалъ, далъ поѣсть, освободиться отъ естественной, но ненужной тяжести въ желудкѣ и тихимъ шагомъ повелъ за собою въ поводу.

Пока мой конь продолжалъ свой завтракъ на ходу,—то наклоняясь внизъ, то поворачивая морду на бокъ, чтобы схватить клокъ другой травы на лугу, по которому мы проходили,—я догналъ двухъ путниковъ и пошелъ за ними, прислушиваясь къ ихъ разговору.

— Перестань врать,—сказалъ одинъ изъ нихъ съ громкимъ хохотомъ.—Все это пустыя и глупыя басни.

А я большой любитель всякихъ басенъ и диковинокъ и поэтому эти слова меня очень заинтересовали.

— Позвольте и мнѣ принять участіе въ вашемъ разговорѣ,—сказалъ я обращаясь къ нимъ.—Прошу объ этомъ не изъ любопытства, а только потому, что мнѣ всегда хочется знать или все или, по крайней мѣрѣ, многое. А, кромѣ того, за веселой бесѣдой намъ будетъ легче подниматься по этой крутой дорогѣ.

— Ну,—продолжалъ свою рѣчь первый изъ спутниковъ,—этой лжи такъ же можно повѣрить, какъ и тому, кто увѣряетъ, что волшебными заклинаніями можно повернуть рѣки къ истоку, сковать море, остановить вѣтеръ, задержать солнце, покрыть пѣною луну, сбросить съ мѣста звѣзды, продлить ночь, сократить день.

— Пожалуйста,—сказалъ я второму путнику, уже смѣлѣе

---

[1]) Стоикъ Секстъ изъ Херонеи, учитель императора Марка Аврелія Антонина, философа.

вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ,—не полѣнись и не поскучай разсказать мнѣ все по порядку.

— А ты,—сказалъ я, обращаясь къ другому,—должно быть очень тугъ на ухо, если такъ упрямо отвергаешь то, что можетъ быть еще и вѣрно. Клянусь Геркулесомъ, ты, должно быть, никогда еще не имѣлъ случая убѣдиться, что только при ошибочномъ взглядѣ на вещи считается ложнымъ все странное для слуха, новое для глаза, трудное для пониманія; если бы ты всматривался въ дѣло повнимательнѣе, ты бы скоро узналъ, что все это не только ясно до очевидности, но и очень легко для исполненія.—Однажды за ужиномъ я чуть не умеръ, когда, чтобы не отстать отъ другихъ, которые ѣли одинъ лучше другого, забилъ въ ротъ слишкомъ большой кусокъ пирога съ сыромъ; клейкій и мягкій кусокъ засѣлъ у меня въ глоткѣ и заткнулъ горло такъ, что у меня сперло духъ.—А въ Аѳинахъ почти у самаго пецильскаго портика какой то шарлатанъ (я это видѣлъ своими собственными глазами) жралъ большую кавалерійскую саблю, воткнувъ ее въ глотку остріемъ. Онъ же за самую ничтожную плату вонзилъ въ свои внутренности охотничье копье тѣмъ концомъ, на которомъ былъ желѣзный наконечникъ; потомъ перевернулъ копье такъ, что острый конецъ выставился наружу какъ разъ пониже живота, а ручка вышла вонъ сквозь затылокъ; на древко прыгнулъ какой то хорошенькій мальчикъ; къ большому удовольствію зрителей, онъ скакалъ, прыгалъ и извивался на этой палкѣ, какъ будто у него совсѣмъ не было ни жилъ, ни костей; со стороны можно было подумать, что это благородный змѣй Эскулапа вьется своими скользкими кольцами по сучковатому жезлу съ наполовину отрѣзанными вѣтвями.—Но очередь говорить не за мной. Говори ты, пріятель; продолжай, что началъ. Я буду вѣрить тебѣ за двухъ и угощу при первой остановкѣ. Это будетъ тебѣ наградой.

— Спасибо за обѣщаніе,—отвѣтилъ онъ.—Это ты ладно придумалъ. Буду продолжать свой разсказъ. Но клянусь тебѣ солнцемъ, этимъ всевидящимъ богомъ, что мои слова—одна правда. Вы пере-

станете сомнѣваться, когда мы придемъ въ ближайшій ѳессалійскій городъ. Тамъ объ этомъ говорятъ всѣ, такъ какъ все это случилось у всѣхъ на глазахъ.—Но прежде мнѣ надо сказать вамъ, кто я такой, и откуда, и чѣмъ заработываю свой хлѣбъ. Родомъ я изъ Эгины; торгую сицилійскимъ медомъ и сыромъ и по торговымъ дѣламъ часто бываю въ Ѳессаліи, Этоліи и Беотіи. Прослышалъ я какъ то, что въ Гипатіи, одномъ изъ лучшихъ ѳессалійскихъ городовъ, можно по сходной цѣнѣ купить свѣжій и тонкаго вкуса сыръ. Я разсчиталъ, что скупить эту партію мнѣ на руку, и отправился въ Гипатію. Но,—какъ это всегда бываетъ, когда пускаешься въ дорогу не въ добрый часъ,—надежда на барыши меня обманула. Наканунѣ одинъ крупный торговецъ Лупъ скупилъ весь сыръ. Утомленный безполезной поспѣшностью, съ наступленіемъ вечера я отправился въ городскія бани и вдругъ встрѣтилъ тамъ своего пріятеля Сократа; только онъ сталъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ былъ прежде. Полуприкрытый рванымъ плащемъ, онъ сидѣлъ на землѣ; блѣдный и безобразно тощій, онъ имѣлъ очень жалкій видъ. Таковы самые загнанные пасынки фортуны, которые просятъ милостыню на перекресткахъ дорогъ. Хотя я всегда смотрѣлъ на него, какъ на очень хорошаго знакомаго, почти какъ на родственника, но только послѣ долгихъ колебаній рѣшился къ нему подойти.

— О, мой Сократъ,—сказалъ я ему,—что съ тобою? Какой у тебя видъ! Какое униженіе! Дома тебя считаютъ мертвымъ и давно уже оплакали. Къ твоимъ дѣтямъ, по опредѣленію суда, приставлены опекуны. Твоя жена послѣ похоронныхъ обрядовъ совсѣмъ извелась отъ скорби; она доплакалась до того, что почти ослѣпла. Родители уговариваютъ ее оживить печальной домъ новой веселой свадьбой. А ты, къ величайшему нашему стыду, сидишь здѣсь, какъ какое-то привидѣніе съ того свѣта.

— Аристоменъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—ты, я вижу, совсѣмъ не знаешь, какъ непостоянна фортуна, какъ перемѣнчива жизнь!

Съ этими словами онъ закрылъ свое, закраснѣвшееся отъ стыда лицо рванымъ плащемъ, такъ что все отъ пупа внизъ обнажилось. Я не могъ выносить такого печальнаго зрѣлища, подалъ ему руку и хотѣлъ помочь ему встать.

— Оставь, оставь меня!—кричалъ онъ, какъ прежде закрывая голову плащемъ.—Пусть фортуна еще полюбуется на то, что она сама поразила.

Наконецъ, я уговорилъ его идти за собою, снялъ съ себя одну изъ двухъ своихъ одеждъ и не то одѣлъ, не то прикрылъ его. Потомъ отдалъ его на попеченіе баньщика и самъ приготовилъ все, что нужно для мытья и для притираній. Съ большимъ трудомъ мы смыли съ него его необыкновенную грязь. Изъ бани, усталый самъ, я, поддерживая его, утомленнаго до послѣдней степени, повелъ къ себѣ, положилъ на теплое ложе, насытилъ пищей, угостилъ виномъ, занялъ веселой рѣчью. Разговоръ пошелъ веселѣе, посыпались шутки, бойкія остроты, тонкія колкости,—и вдругъ Сократъ глубоко вздохнулъ, ударилъ себя по лбу рукою и заговорилъ такъ.

— Да, вотъ въ какое несчастіе попался я, желая полюбоваться знаменитымъ боемъ гладіаторовъ!—Ты самъ знаешь, что я ради барышей отправился въ Македонію. Тамъ я пробылъ десять мѣсяцевъ и не безъ прибыли возвращался назадъ. Я торопился поспѣть на игры, но недалеко отъ Лариссы, въ одной бездорожной и глухой долинѣ, на меня напали разбойники и обобрали до чиста. Въ этомъ жалкомъ состояніи я рѣшился зайти на постоялый дворъ къ Мероѣ,—старой, но еще видной женщинѣ. Я разсказалъ ей все,—зачѣмъ я пустился въ путь, какъ возвращался домой и какъ меня ограбили по дорогѣ. Когда я, несчастный, кончилъ свой разсказъ, она дала мнѣ сытный, а главное даровой ужинъ, угостила виномъ и потомъ, распалясь похотью, приняла къ себѣ на ложе. Едва только мы успѣли лечь, какъ она съ перваго же раза стала кричать и обвинять меня въ томъ, что я опозорилъ и заразилъ ее. Чтобы отвязаться отъ нея, пришлось ей отдать и ту одежду, которую оставили мнѣ для прикрытія добрые разбойники,—пришлось отдать остатки всего, что я пріобрѣлъ, когда еще

былъ въ состоянiи вести торговлю. Такимъ образомъ злая судьба и добрая старушка довели меня до того состоянiя, въ которомъ ты меня видѣлъ.

— Поистинѣ,—сказалъ я,—ты достоинъ самой скверной участи, если только можетъ быть что-нибудь хуже того, что ты испыталъ за послѣднее время! Какъ ты могъ предпочесть шалости Венеры и распутную старуху своей женѣ и семьѣ?

— Молчи, молчи,—перебилъ онъ, крѣпко прижимая къ губамъ указательный палецъ и озираясь по сторонамъ.—Не говори такъ о вѣщей женщинѣ. Насъ могутъ подслушать и твой несдержанный языкъ причинитъ намъ много горя.

— Скажи-же, что за могущественная женщина эта трактирная фея?

— Колдунья и вѣдьма. Она можетъ пригнуть небо, повѣсить на воздухѣ землю, превратить воду въ камень, растопить горы, вызвать изъ могилъ тѣни умершихъ, свергнуть боговъ, погасить звѣзды и освѣтить самый адъ.

— Опусти, пожалуйста, свой театральный занавѣсъ и брось трагическiе разводы. Говори проще, въ чемъ дѣло?

— Если хочешь я разскажу тебѣ,—отвѣчалъ онъ,—что-нибудь изъ того, что она дѣлаетъ?.. Такихъ дѣлъ за нею много и сдѣлать это для нея сущiе пустяки. Вотъ, напримѣръ, что случилось недавно на глазахъ у всѣхъ. Своего любовника, который изнасиловалъ другую женщину, она однимъ словомъ превратила въ дикаго бобра. Этотъ звѣрекъ, спасаясь отъ погони, откусываетъ у себя половые члены. Она хотѣла, чтобы такая-же судьба постигла и ея любовника, падкаго до чужой Венеры. Своего сосѣда,—тоже трактирщика и, значитъ, конкуррента,—она превратила въ лягушку. Онъ, теперь уже старикъ, плаваетъ въ винномъ отстоѣ на днѣ винной бочки и раздувая жабры, хрипло, но по-прежнему радушно зазываетъ къ себѣ посѣтителей. Одного адвоката, который на судѣ говорилъ противъ нея, она превратила въ барана и теперь онъ ведетъ свои судебныя дѣла, какъ баранъ. У беременной жены своего любовника, которая ловко сказала по ея адресу что-то очень постыдное, она заключила чрево и увеличила плодъ, чѣмъ обрекла ее на вѣчную беременность. Всѣ знаютъ, что эта бѣдняжка уже восемь лѣтъ ходитъ съ такимъ огромнымъ животомъ, какъ будто собирается родить слона. Когда она уже всѣмъ и всячески насолила, сосѣди, наконецъ, возмутились и сговорились на слѣдующiй день покончить съ нею самымъ жестокимъ образомъ. Было рѣшено побить ее камнями. Но силою своихъ заклинанiй она и тутъ вывернулась. Какъ Медея, упросивъ Креона отсрочить ея изгнанiе на одинъ день, огнемъ брачныхъ факеловъ сожгла весь его домъ, его дочь, и его самаго,—такъ и Мероя похоронными заклинаньями, произнесенными надъ могилой (объ этомъ она потомъ сама мнѣ разсказывала подъ пьяную руку), заперла всѣхъ по своимъ домамъ. Сколдовала она такъ ловко, что два дня подрядъ никто не могъ открыть оконъ, отворить дверей или проломать стѣны. Тогда всѣ въ одинъ голосъ стали кричать и съ самыми страшными клятвами увѣрять ее, что больше никто не подниметъ на нее руки, что всѣ придутъ къ ней на помощь, если кто нибудь рѣшится посягнуть на ея жизнь. Тогда она сжалилась и выпустила городъ на волю. Но главнаго зачинщика этого заговора она не пощадила. Въ бурную ночь, со всѣмъ его—закрытымъ, какъ и прежде,—домомъ (стѣнами, срубомъ и фундаментомъ, до послѣдняго камня) она перенесла его въ другой городъ, который былъ построенъ на вершинѣ неприступной скалы и поэтому не мало терпѣлъ отъ недостатка воды. Дома жителей этого города стояли слишкомъ тѣсно, такъ что для новаго поселенца мѣста не оказалось и ему пришлось поселиться около городскихъ воротъ.

— Дѣйствительно, Сократъ, все, что ты говоришь, удивительно и странно. Ты нагналъ на меня не простое безпокойство, а настоящiй ужасъ. Очень я боюсь, какъ-бы эта старуха, при помощи своихъ служебныхъ демоновъ, не узнала про наши раз-

говоры. Не лучше-ли намъ лечь поскорѣе спать? Отдохнемъ и съ разсвѣтомъ пустимся бѣжать отсюда какъ можно дальше!..

Пока я говорилъ это, Сократъ, сбитый съ ногъ дневною усталостью и неумѣренною попойкой, началъ храпѣть. Я осмотрѣлъ засовы, заперъ дверь на крюкъ, плотно приставилъ къ ней мою кровать и легъ на нее; Сократъ спалъ подъ кроватью. Отъ страха я долго не могъ заснуть; наконецъ (приблизительно около третьей стражи) мои глаза стали понемногу смыкаться.

Спалъ я крѣпко. Вдругъ двери распахнулись съ такою силою, какъ будто въ комнату ворвались разбойники; крюкъ лопнулъ, петли были выдернуты съ корнемъ и дверь упала на полъ. Кровать,—и безъ того маленькая, гнилая и хромая на одну ногу,—отъ сильнаго удара перекувырнулась; я тоже упалъ на полъ, а кровать ножками къ верху повалилась на меня и меня закрыла.— Тогда я понялъ, что нѣкоторыя чувства проявляются иногда самымъ несвойственнымъ имъ образомъ. Если отъ радости часто текутъ слезы, то я, перепуганный до нельзя, невольно захохоталъ, потому что вдругъ изъ Аристомена превратился въ черепаху. Растянувшись на полу, покрытый, какъ черепаха бронею,—кроватью, я искоса сталъ посматривать, что изъ всего этого выйдетъ. Вижу, входятъ двѣ женщины очень преклоннаго возраста. У одной въ рукахъ яркій фонарь, у другой—губка и обнаженный мечъ. Въ такомъ видѣ онѣ остановились около Сократа, который мирно храпѣлъ.

— Вотъ, Патія, сестра моя,—заговорила та, которая была съ мечемъ,—это мой милый Эндиміонъ. Вотъ мой соблазнитель, который днемъ и ночью губилъ мою молодость. Онъ отвергъ мою любовь и ласки и теперь не только поноситъ меня всякою бранью, но даже замышляетъ бѣгство. А я, какъ новая Калипсо, обманутая коварствомъ своего Одиссея, буду горько плакать въ вѣчномъ одиночествѣ.

— А это,—сказала она, вытянувъ свою руку и указывая на меня пальцемъ,—это его добрый совѣтникъ, Аристоменъ; онъ то

и затѣялъ это бѣгство. Теперь онъ лежитъ растянувшись подъ кроватью и подсматриваетъ, что здѣсь дѣлается, надѣясь, что меня можно обижать безнаказанно; но онъ близокъ къ смерти. Потомъ,—нѣтъ, не потомъ, а сегодня, и не сегодня, а сію минуту,—я сдѣлаю такъ, что онъ будетъ каяться въ своей прежней болтливости и теперешнемъ любопытствѣ.

При этихъ словахъ отъ ужаса я весь облился холоднымъ потомъ; всѣ мои внутренности такъ задрожали, что кровать надо мною зашаталась, заходила и начала подпрыгивать.

— Чего-же ждать?—сказала добрая Патія.—Начнемъ съ него. Свяжемъ ему руки, будемъ его терзать, какъ вакханки, и отрѣжемъ у него...

— Нѣтъ, нѣтъ,—остановила ее Мероя (дѣйствительно, это была она, такъ какъ ея поступки вполнѣ соотвѣтствовали удивительнымъ разсказамъ Сократа).—Пусть пока онъ остается въ живыхъ, чтобы потомъ было кому, хоть какъ нибудь, засыпать землею тѣло этого бѣдняка.

И, отодвинувъ немного на бокъ голову Сократа, она вонзила ему въ лѣвую сторону шеи весь свой мечъ до рукоятки. Подставивъ маленькій сосудъ, она осторожно подбирала брызнувшую струю крови, такъ что потомъ нигдѣ не было видно ни одной капли. Все это я видѣлъ своими собственными глазами. Потомъ (чтобы не измѣнять, какъ я думаю, ничего въ обрядѣ жертвоприношенія) добрая Мероя черезъ рану глубоко просунула свою правую руку, долго шарила по внутренностямъ моего бѣднаго товарища и наконецъ вытащила сердце. А у него изъ раны черезъ горло, прорѣзанное мечемъ, вырвался какой-то звукъ или скорѣе какой-то неопредѣленный шумъ, какой бываетъ, когда лопается на водѣ пузырь.

— Берегись, губка,—говорила Патія, отирая губкою широко-открытую рану,—берегись, рожденная въ морѣ, утонуть въ ручьѣ.

Послѣ этого онѣ отодвинули кровать, подъ которою я находился; растопыривъ ноги, онѣ присѣли надъ моимъ лицомъ, очи-

стили свои мочевые пузыри и облили меня своею вонючею мочею.

Только что онѣ ушли, двери, какъ будто бы ихъ никто и не трогалъ, стали на свое мѣсто; крюки вошли въ свои петли, доски пристали къ своимъ косякамъ, засовы легли въ свои скобки. А я, растянувшись на полу, испуганный, обнаженный, облитый мочею, остался одинъ и дрожалъ отъ холода, точно я только что вышелъ изъ чрева матери; я былъ не то живой, не то мертвый или, скорѣе, совсѣмъ мертвый, даже какой-то посмертный, или, что еще вѣрнѣе, преступникъ, приговоренный къ неминуемой пыткѣ.

— Что будетъ со мною,—думалъ я,—когда утромъ откроютъ это убійство? Кому моя правда покажется правдоподобной?.. Скажутъ, ты бы хоть кричалъ и звалъ на помощь, если при такомъ крѣпкомъ тѣлосложеніи не могъ справиться со старухой. На твоихъ глазахъ убиваютъ человѣка—и ты молчишь? Отчего же пощадили тебя? Зачѣмъ разбойникамъ оставлять въ живыхъ свидѣтеля? Не для того ли, чтобы онъ на нихъ донесъ?—Ну, если ты разъ ушелъ отъ смерти, то теперь не уйдешь!..

Долго и много я думалъ про себя въ этомъ духѣ. А ночь уже проходила. Тогда мнѣ пришло въ голову, что лучше всего потихоньку убраться отсюда до свѣта и, хотя и со страхомъ въ сердцѣ, пуститься въ дорогу. Я взялъ свой мѣшокъ, отодвинулъ задвижку и сталъ отпирать замокъ. Но мнѣ пришлось много разъ и на всякіе лады пускать въ дѣло ключъ, прежде чѣмъ съ большими усиліями удалось отворить эту вѣрную и надежную дверь, которая ночью сама собою сходила съ петель.

— Эй, гдѣ ты?—кричалъ я на дворѣ.—Отвори мнѣ ворота. Я собираюсь пуститься въ дорогу до свѣта.

— Развѣ ты не знаешь,—отвѣчалъ мнѣ впросонкахъ привратникъ, который лежалъ по ту сторону воротъ,—что по дорогѣ шалятъ разбойники? Какъ можно идти въ дорогу ночью? Или тебѣ очень хочется умереть, такъ какъ за тобою есть какое нибудь преступленіе? Такъ вѣдь у насъ то головы, а не тыквы, чтобы умирать за тебя...

— Скоро утро,—настаиваю я.—Да и что взять съ нищаго? Или ты, дуракъ, не знаешь, что и десяти атлетамъ не раздѣть голаго?

— А я почемъ знаю?—лѣниво и сонно отвѣчалъ сторожъ, поворачиваясь на другой бокъ.—Можетъ быть ты убилъ своего товарища, съ которымъ вчера вернулся къ себѣ такъ поздно, и теперь хочешь скрыться отъ наказанія бѣгствомъ.

При этихъ словахъ мнѣ показалось, что земля раскрылась подо мною и я увидалъ весь до дна тартаръ, откуда высунувшись смотрѣла на меня голова страшно голоднаго Цербера. Тутъ то только я и понялъ, что добрая Мероя пощадила меня вовсе не изъ состраданія, что она берегла меня для неминучей пытки. Я вернулся къ себѣ и сталъ думать, какъ бы мнѣ получше покончить съ собою. Но фортуна не посылала мнѣ ничего подходящаго для самоубійства. Въ комнатѣ была только кровать, на которой я спалъ.

— О, милый одръ, дорогой моему сердцу! — заговорилъ я.— Сколько страданій ты пережилъ вмѣстѣ со мною! Ты одинъ знаешь, что тутъ было ночью. Только на твои показанія я и могъ бы сослаться передъ судомъ въ доказательство своей невинности. Послужи же мнѣ средствомъ добраться до цѣли въ моемъ стремленіи къ аду.

Я расплелъ веревку, на которой держалась постель, и набросилъ ее на брусокъ, вдѣланный въ окно, который съ этой стороны немного выдавался; одинъ ея конецъ я крѣпко привязалъ къ бруску, а другой завязалъ узломъ, сталъ на кровать, чтобы было откуда прыгнуть, опустилъ голову и надѣлъ петлю. Но, когда другою ногою я оттолкнулъ опору, на которой стоялъ, чтобы подъ тяжестью моего тѣла петля перетянула мнѣ горло и перехватила дыханіе, — гнилая и старая веревка лопнула. Я съ размаху упалъ на Сократа (онъ лежалъ подлѣ меня) и вмѣстѣ съ нимъ покатился по полу. Въ ту же самую минуту, крича во всю глотку, въ комнату ворвался привратникъ.

— Гдѣ же тотъ, что сегодня ночью такъ воровски хотѣлъ удрать отсюда? Какъ, ты храпишь, растянувшись на полу?

Сократъ (онъ проснулся, незнаю отъ нашего ли паденія, или отъ этого неистоваго крика) поднялся первымъ.

— Справедливо жалуются всѣ постояльцы на прислугу этого постоялаго двора,—сказалъ онъ.—Этотъ несчастный, некстати ворвавшись въ нашу комнату, вѣроятно, затѣмъ, чтобы что-нибудь здѣсь стянуть, своимъ дикимъ крикомъ разбудилъ меня, хоть мнѣ очень хотѣлось бы еще отдохнуть немного.

Поднялся и я,—веселый, бодрый, въ неописуемомъ восторгѣ.

-- Смотри,—говорю я,—смотри, вѣрнѣйшій изъ сторожей! Вотъ онъ мой спутникъ, отецъ мой, мой братъ! А ты ночью спьяна болталъ, будто-бы я его убилъ...

И я бросился обнимать и цѣловать Сократа, хотя онъ изъ всѣхъ силъ отъ меня отбивался, такъ какъ отъ меня отвратительно пахло той мерзкой влагой, которой вѣдьмы облили меня ночью.

— Отойди ты отъ меня!—кричалъ онъ.—Отъ тебя пахнетъ, какъ отъ...

Онъ съ хохотомъ сталъ спрашивать меня, съ чего это со мной сдѣлалось. А я, несчастный, отдѣлавшись отъ него какою-то глупою шуткою, употреблялъ всѣ усилія, чтобы отвлечь его вниманіе на что нибудь другое.

— А не пора ли намъ и идти?—сказалъ я, протягивая ему руку.—Зачѣмъ намъ отказываться отъ удовольствія идти утромъ?

Я взялъ мѣшокъ, заплатилъ по счету гостинницы и мы пустились въ путь. Мы прошли уже часть дороги. Все освѣщалось сіяніемъ зари. Я внимательно и часто посматривалъ на шею своего спутника,—куда, какъ я видѣлъ, ударили его мечемъ.

— Что я за дуракъ!—думалось мнѣ въ это время.—Какіе дикіе сны снятся послѣ неумѣренной попойки! Вотъ, Сократъ, здоровый, невредимый, весь какъ на ладони! Гдѣ рана? Гдѣ губка? Гдѣ хоть рубецъ отъ такой глубокой и свѣжей раны?

— Очень удачно,—сказалъ я, обращаясь къ нему,—опытные медики объясняютъ тяжелые и страшные сны обжорствомъ и пьянствомъ. Вчера вечеромъ я позволилъ себѣ лишнее и сегодня всю ночь меня тревожили какіе то ужасные и уродливые призраки. Мнѣ и теперь еще кажется, что я облитъ и оскверненъ человѣческою кровью.

— Ты облитъ не кровью, а мочей,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Впрочемъ и мнѣ самому снилось, что меня убиваютъ. Мнѣ было больно, какъ отъ раны. Мнѣ казалось даже, что изъ меня вынимаютъ сердце. И теперь мнѣ трудно дышать. У меня трясутся колѣни, я шатаюсь на ходу и для возстановленія силъ хотѣлъ бы чего нибудь поѣсть.

— Вотъ,—сказалъ я ему,—вотъ тебѣ завтракъ.

Съ этими словами я снялъ съ плеча сумку и далъ ему хлѣба съ сыромъ.

— Сядемъ подъ этимъ платаномъ,—предложилъ я.

Мы усѣлись. Сталъ закусывать и я. Вглядываясь въ Сократа, который ѣлъ съ удивительною жадностью, я вдругъ замѣтилъ, что его лицо мало по малу покрывается необыкновенною блѣдностью. Пропали наконецъ и послѣдніе слѣды жизни на его лицѣ. Я снова вспомнилъ ночныхъ фурій. Я такъ испугался, что кусокъ хлѣба, очень скромный, который я только что положилъ въ ротъ, застрялъ у меня въ глоткѣ и не шелъ ни взадъ, ни впередъ. Мимо насъ часто проходили люди и это еще больше усиливало мой страхъ. Кто могъ бы повѣрить, что одинъ изъ двухъ спутниковъ убитъ безъ всякаго участія въ этомъ преступленіи со стороны другаго? А онъ, какъ слѣдуетъ утоливъ свой голодъ (такъ какъ до крошки съѣлъ добрый край самаго лучшаго сыра), сталъ томиться необыкновенной жаждой.—Недалеко отъ платана лѣниво струился тихій ручеекъ,—свѣтлый какъ серебро или стекло,—который больше напоминалъ собою спокойный прудъ.

— Напейся изъ этого чуднаго источника,—сказалъ я Сократу.

Онъ всталъ, слегка прикрылся, подошелъ къ отлогому мѣсту на берегу, опустился на колѣни и, чтобы напиться, нагнулся къ водѣ. Но только что онъ прикоснулся губами къ пове

воды, его рана широко раскрылась и губка изъ нея выскочила. Изъ раны въ очень незначительномъ количествѣ потекла кровь. Бездыханное тѣло непремѣнно упало бы въ воду, если бы я не успѣлъ схватить его за ногу. Съ большими усиліями я вытащилъ трупъ повыше на берегъ. Оплакавъ, насколько позволяло время, своего несчастнаго товарища, я зарылъ его тѣло въ песокъ и оставилъ въ вѣчномъ сосѣдствѣ съ рѣкою.—Крайне встревоженный и испуганный всѣмъ этимъ, я скрывался въ отдаленныхъ и безлюдныхъ пустыняхъ. Какъ виновный въ убійствѣ человѣка, я оставилъ свою родину и домъ; добровольнымъ изгнанникомъ я поселился въ Этоліи и здѣсь обзавелся новою семьею.

Такъ говорилъ Аристоменъ.

— Не можетъ быть ничего лживѣе этой сказки и нелѣпѣе этой басни,—сказалъ его спутникъ, который съ самаго начала съ упорной недовѣрчивостью относился къ его словамъ.

— А ты,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—человѣкъ по виду и по манерамъ почтенный, вѣришь этой сказкѣ?

— Я думаю, что ничего невозможнаго нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Съ человѣкомъ все такъ и бываетъ, какъ рѣшитъ судьба. И со мной, и съ тобой, и со всѣми случается много удивительнаго и невѣроятнаго, чему не повѣрятъ люди, которые этого не видали сами. Но, клянусь Геркулесомъ, я ему вѣрю и очень благодаренъ за то, что онъ развлекъ насъ забавнымъ и веселымъ разсказомъ. Благодаря ему, мы безъ скуки и утомленія прошли эту трудную и во всякомъ случаѣ длинную дорогу. Я думаю, что этому очень радъ и мой конь, такъ какъ я, не обременяя его, добрался почти до воротъ этого города не на его спинѣ, а на своихъ ушахъ.—

Такъ кончился нашъ разговоръ и наше общее путешествіе. Мои спутники свернули въ ближайшую деревню налѣво, а я вошелъ въ городъ.

У перваго-же постоялаго двора я замѣтилъ какую то старую женщину и обратился къ ней съ своими распросами.

— Это Гипатія?

— Да.

— Не знаешь ли ты здѣсь Милона, одного изъ первыхъ граждан въ городѣ?

— Именно перваго,—смѣясь отвѣчала она,—потому что онъ живетъ почти не въ городѣ, а въ пригородѣ у огородовъ.

— Шутки въ сторону, добрая бабушка. Скажи, пожалуйста, что это за человѣкъ и гдѣ онъ живетъ.

— Видишь тамъ крайнія окна, которыя смотрятъ за городъ, а съ другой стороны ворота, которыя выходятъ въ ближайшій переулокъ? Тамъ и живетъ этотъ Милонъ, человѣкъ съ деньгами и большими деньгами; но онъ крайне скупъ, о немъ худо говорятъ и живетъ онъ въ большой грязи. Онъ даетъ въ долгъ деньги подъ залогъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, но беретъ очень большіе проценты. Съ своею женою, достойною его по скупости, онъ сидитъ въ своемъ маленькомъ домишкѣ, весь преданный алчности. Кромѣ одной молоденькой служанки, онъ никого не держитъ и, выходя на улицу, одѣвается какъ нищій.

— Умно и любезно, — сказалъ я расхохотавшись, — со стороны Демеаса, направить меня въ домъ такого человѣка, у котораго нечего бояться дыму или чаду изъ кухни.

Съ этими словами я пошелъ дальше, подошелъ къ воротамъ и долго стучалъ въ крѣпко запертыя двери. Наконецъ на стукъ вышла какая то дѣвушка.

— Съ чего ты,—сказала она,—такъ сильно стучишься въ двери? Подъ какой залогъ ты хочешь просить? Развѣ ты не знаешь, что мы даемъ только подъ залогъ золота и серебра?

— Придумай для меня что-нибудь другое,—сказалъ я.—Скажи-ка лучше, дома-ли твой хозяинъ?

— Дома. Но зачѣмъ тебѣ это знать?

— У меня есть къ нему письмо отъ Демеаса изъ Коринѳа.

— Подожди-же здѣсь, пока я сбѣгаю къ нему и доложу о тебѣ.

Дѣвушка снова заперла дверь и скрылась въ домъ.

— Иди, онъ зоветъ тебя,—сказала она, вернувшись черезъ нѣсколько времени и отворяя передо мною дверь.

Вхожу въ домъ и застаю Милона сидящимъ на очень маленькой кровати. Онъ только что собирался обѣдать. Рядомъ съ нимъ сидѣла его жена. Передъ ними стоялъ пустой столъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—мое угощеніе.

— Ладно и это,—сказалъ я и тотчасъ-же подалъ ему письмо отъ Демеаса.

— Хвалю Демеаса, — сказалъ Милонъ, быстро прочитавъ письмо;—хвалю за то, что онъ направилъ ко мнѣ такого гостя.

Послѣ этого онъ велѣлъ своей женѣ уйти и предложилъ мнѣ занять ея мѣсто. Я изъ приличія отказывался, но онъ тащилъ меня къ себѣ, схвативъ за полу.

— Садись здѣсь,—говорилъ онъ.—Боясь разбойниковъ (а разсказы о нихъ не басня), мы не можемъ обзавестись приличною мебелью.

Я сѣлъ.

— По твоимъ изящнымъ манерамъ и по твоей почти дѣвичьей стыдливости, я догадался, что ты происходишь изъ благороднаго дома. Тоже пишетъ мнѣ и Демеасъ. Не побрезгуй нашей бѣдной хижиной. Мы уступимъ тебѣ смежную комнату; это вполнѣ приличное помѣщеніе. Сдѣлай одолженіе, остановись у насъ. Ты, конечно, своимъ посѣщеніемъ сдѣлалъ бы честь и лучшему дому; но, если ты будешь доволенъ и скромнымъ гостепріимствомъ, ты послѣдуешь славному примѣру Тезея, тезки твоего отца, и обнаружишь его доблесть. Вѣдь и онъ не отринулъ скромной Гекалы [1].

— Фотида,—крикнулъ онъ свою служанку,—возьми поклажу гостя и снеси въ его комнату; потомъ поскорѣе захвати масла для притиранья и полотенце для обтиранья и все, что нужно для бани. Да неси проворнѣе. Ты проводишь его въ ближайшія

[1] Однажды въ молодости знаменитый греческій герой Тезей остановился на ночлегъ у бѣдной, но добродѣтельной старушки Гекалы.

городскія бани, такъ какъ онъ, конечно, очень усталъ отъ трудной и долгой дороги.

Слушая эти распоряженія и зная характеръ и скупость Милона, я на первый разъ хотѣлъ показаться особенно вѣжливымъ и любезнымъ.

— О, ничего этого не нужно,—сказалъ я ему,—эти вещи всегда имѣются въ запасѣ у путешественниковъ. Да и бани я найду самъ; прохожіе на улицѣ покажутъ. Я безпокоюсь только о своей лошади, которая такъ бодро довезла меня до вашего города. Вотъ, Фотида, возьми эти деньги и купи для нея сѣна и овса.

Я убралъ свои вещи въ отведенную для меня комнату и отправился въ баню. По дорогѣ я зашелъ на съѣстной рынокъ, чтобы запастись чѣмъ нибудь на ужинъ. Тамъ была выставлена великолѣпная рыба. За нее спросили 100 динаріевъ; я сталъ торговаться и купилъ ее за двадцать.

Только что я пошелъ дальше, какъ мнѣ попался на встрѣчу Пиѳій, съ которымъ мы вмѣстѣ учились въ Аттикѣ, въ Аѳинахъ. Онъ долго въ меня всматривался, потомъ узналъ, обрадовался и началъ меня цѣловать.

— Клянусь Поллуксомъ, давненько мы съ тобой не видались, Люцій! Клянусь Геркулесомъ, кажется съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы ушли отъ своего учителя!—Что это заставило тебя пуститься въ такое путешествіе?

— Завтра узнаешь. Но что съ тобою? Я вижу топоры и розги ликторовъ; на тебѣ одежда, присвоенная гражданскимъ чиновникамъ.

— Я здѣсь эдиломъ,—отвѣтилъ онъ,—смотрю за съѣстными припасами. Если тебѣ что нибудь надо по этой части, я радъ быть тебѣ полезнымъ.

Я отказался, потому что съ меня было вполнѣ довольно моей рыбы.

— А что ты далъ за эту дрянь?—спросилъ Пиѳій, тряхнувъ мой мѣшокъ и увидавъ въ немъ рыбу.

— Едва едва сторговался съ рыбникомъ на двадцати динаріяхъ,—отвѣтилъ я.

При этихъ словахъ Пиѳій схватилъ меня за руку и потащилъ назадъ къ рынку.

— У кого же ты купилъ эту мерзость?—

Я указалъ на старика, который сидѣлъ въ углу. По власти эдила, Пиѳій набросился на купца и сталъ кричать изо всей мочи.

— Вы не дорожите нашими друзьями и посѣтителями нашего города, когда продаете за такія большія деньги такую скверную рыбу! Скоро благодаря дороговизнѣ припасовъ цвѣтущій городъ Ѳессаліи превратится въ пустыню! Но это не пройдетъ вамъ даромъ! Я покажу вамъ, какъ поступаютъ съ недобросовѣстными торговцами!

Выкинувъ изъ мѣшка всю рыбу, онъ приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ топтать ее ногами. Довольный своей строгостью, Пиѳій обратился ко мнѣ съ предложеніемъ ограничиться этимъ.

— По моему, Люцій, для старика довольно и этого позора.

Сбитый съ толку и крайне удивленный, я пошелъ въ баню, лишившись изъ за властнаго и мудраго вмѣшательства своего товарища и рыбы, и денегъ.

Послѣ бани я вернулся въ домъ Милона и прошелъ въ свою комнату.

— Гость, тебя зоветъ хозяинъ,—сказала мнѣ Фотида.

Зная скупость Милона, я на это приглашеніе отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ; я сказалъ, что свою усталость хочу сегодня лечить сномъ, а не пищею. Получивъ такой отвѣтъ, Милонъ пришелъ ко мнѣ самъ, ласково взялъ меня за руку и настойчиво потащилъ къ себѣ. Я то отказывался, то слегка упирался.

— Не отойду отъ тебя,—увѣрялъ Милонъ,—пока ты не пойдешь со мною.

За этими словами послѣдовала клятва. Я невольно подчинился его настойчивости и пошелъ съ нимъ къ его кровати.

— Какъ поживаетъ Демеасъ?—спросилъ онъ, когда я садился.—Его жена, дѣти, домочадцы?

Я отвѣчалъ на все попорядку.

Онъ въ подробностяхъ спрашивалъ меня о причинѣ моего путешествія; я отвѣчалъ подробно. Самымъ подробнымъ образомъ онъ повелъ рѣчь о нашемъ городѣ, объ его лучшихъ гражданахъ, наконецъ о нашемъ правителѣ. Я давалъ подробные отвѣты на все.

И только тогда, когда онъ увидалъ, что я совершенно утомленъ и путешествіемъ, и разговоромъ, что я начинаю дремать и останавливаться на половинѣ слова, заикаться и бормотать какія то непонятныя слова, онъ позволилъ мнѣ удалиться въ свою комнату.

Весь ужинъ скупого старика состоялъ изъ болтовни и разсказовъ. Поужинавъ баснями, я пошелъ къ себѣ, отягченный не пищею, а сномъ.

Только въ своей комнатѣ я могъ наконецъ отдаться желанному отдыху.

КНИГА ВТОРАЯ.

Только что ночь миновала и начался день, я вскочилъ съ постели, нѣсколько возбужденный и полный нетерпѣливаго желанія узнать все, что есть въ этомъ городѣ удивительнаго и рѣдкаго. Я не забылъ, что я въ Ѳессаліи, которая по всему міру славится заклинаніями и заговорами своихъ колдуновъ и волшебниковъ. Помнилъ я и то, что говорилъ объ этомъ городѣ мой превосходный спутникъ Аристоменъ. Любопытный, какъ всегда, во всемъ сомнѣваясь и ничему не довѣряя, я пошелъ осматривать городъ. На что бы только я ни взглянулъ, все мнѣ казалось не тѣмъ, чѣмъ оно было. Мнѣ казалось, что силою адскихъ заклинаній все превратилось во что то другое. Я спотыкался о камни и думалъ, что это люди, превращенные въ камень; я слышалъ пѣніе птицъ и думалъ, что это поютъ люди, покрытые перьями; деревья у городской стѣны мнѣ казались людьми, покрытыми корою; даже въ фонтанахъ и ручьяхъ я видѣлъ очарованныхъ людей, которые вдругъ разлились и потекли. Мнѣ чудилось, что эти статуи могутъ ходить, стѣны говорить, быки и другія животныя давать предсказанія. И это небо, и это свѣтлое солнце, думалось мнѣ, неожиданно могутъ сказать что то неожиданное и таинственное.

Въ такомъ настроеніи духа, въ предчувствіи чудесъ, томясь желаніемъ увидѣть что нибудь непонятное, я бродилъ по всему

городу, но нигдѣ не видѣлъ никакихъ признаковъ и слѣдовъ того, чего мнѣ такъ хотѣлось. Какъ пьяный, я шелъ отъ дома къ дому, осматривая все, что мнѣ попадалось на дорогѣ и, наконецъ,—самъ не знаю какъ,—очутился на съѣстномъ рынкѣ. Тамъ я увидѣлъ одну женщину, которая шла въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Я ускорилъ шагъ и догналъ ее. Золотыя съ алмазами серьги и золотое шитье на туникѣ говорили о томъ, что это знатная дама. Рядомъ съ нею шелъ какой то господинъ, уже очень преклоннаго возраста.

— Клянусь Геркулесомъ, это Люцій,—сказалъ онъ, какъ только увидѣлъ меня.

Съ этими словами онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня и что то шепнулъ на ухо своей госпожѣ.

— Отчего же,—спросилъ онъ меня,—ты не идешь поздороваться съ своею родственницею?

— Оттого,—отвѣчалъ я,—что я ее совсѣмъ не знаю.

Опустивъ голову, я остановился и покраснѣлъ отъ смущенія и стыда.

— Вотъ,—сказала она, остановивъ на мнѣ свой взглядъ,—вотъ благородная отрасль добродѣтельной Сальвіи. Какъ онъ похожъ на нее! Какое удивительное сходство во всемъ! Высокій, но не слишкомъ, ростъ, умѣренная полнота, не очень яркій румянецъ, золотистые, просто убранные волосы, сѣрые, но живые и проницательные глаза, которые иногда загораются подобно орлинымъ, пріятный взглядъ, изящныя и непринужденныя манеры.

— Я, Люцій, воспитала тебя на своихъ рукахъ,—сказала она, обращаясь ко мнѣ.—Ты не знаешь этого? Мы въ кровномъ родствѣ съ твоею матерью и вмѣстѣ съ нею росли. Мы обѣ изъ рода Плутарха; насъ кормила одна кормилица и мы провели свое дѣтство въ одномъ гнѣздѣ. Правда, потомъ мы разошлись по разнымъ дорогамъ. Она вышла замужъ за одного изъ самыхъ знатныхъ людей, а я за простого смертнаго. Я—Биррена. Думаю, что дома ты часто слышалъ это имя; вѣроятно, твои воспитатели не-

рѣдко обо мнѣ вспоминали. Прими же, Люцій, довѣрчиво мое гостепріимство. Считай мой домъ своимъ собственнымъ домомъ.

Пока она это говорила, я нѣсколько успокоился и пересталъ краснѣть.

— Нѣтъ, дорогая родственница,—сказалъ я ей.—Я не могу безъ всякаго повода отказаться отъ гостепріимства Милона. Но насколько умѣю, я постараюсь доказать тебѣ свое уваженіе. Всякій разъ, когда мнѣ понадобится побывать въ вашемъ городѣ, я не буду останавливаться ни у кого, кромѣ тебя.

За разговоромъ мы незамѣтно подошли къ дому Биррены. Идти пришлось недолго. Мы вошли въ великолѣпный атріумъ. По его стѣнамъ въ четыре ряда стояли колонны, украшенныя статуями пальмоносной богини [1]). Развернувъ крылья, онѣ слегка опирались на шаткій шаръ; казалось, ихъ легкія ноги не надолго остановились на этой неустойчивой опорѣ; казалось, онѣ каждую минуту готовы подняться и улетѣть.

Посрединѣ атріума стояла статуя Діаны изъ паросскаго мрамора, замѣчательно художественной работы. Сохраняя все величіе божества, быстрымъ движеніемъ она, казалось, стремилась навстрѣчу входящимъ,—въ своей легкой, развѣвающейся по воздуху одеждѣ.

По бокамъ богини—мраморные псы. Ихъ глаза горятъ, уши подняты, ноздри раздуты и широко открыты свирѣпыя пасти. Если бы гдѣ-нибудь поблизости случайно послышался лай, можно было бы подумать, что онъ выходитъ изъ ихъ каменной глотки. Превосходный ваятель лучшее доказательство своего искусства далъ въ томъ, что собакъ поднялъ на воздухъ и остановилъ ихъ только на заднихъ лапахъ.

За спиной богини изъ громадной скалы сдѣлана пещера, покрытая мхомъ, травою, вѣтками и листьями. Между камнями кое гдѣ тянутся виноградныя лозы и зеленѣютъ небольшие кустики. Задняя стѣна отполирована такъ, что на ней ясно отражается тѣнь статуи. По наружному краю висятъ яблоки и грозды винограда—замѣчательно тонкой работы; искусство, подражая природѣ, казалось, дало имъ жизнь; казалось, что осенью, когда они совсѣмъ поспѣютъ, ихъ можно будетъ рвать и ѣсть. Если наклониться и посмотрѣть въ прозрачныя струи, которыя лѣниво льются отъ ногъ богини, можно подумать, что яблоки и виноградъ тихо качаются на своихъ вѣточкахъ.

[1]) Богиня побѣды изображалась съ пальмовою вѣтвью въ рукахъ.

Среди этой каменной листвы каменный Актеонъ, уже превращающійся въ оленя, бросаетъ назадъ любопытные взгляды и любуется каменною Діаною, которая собирается купаться.

Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту группу.

— Все, что ты здѣсь видишь, твое,—сказала мнѣ Биррена и знакомъ дала приказаніе своимъ слугамъ удалиться.

Слуги ушли и она снова заговорила со мною.

— Клянусь этой богиней, милый Люцій, я очень боюсь за тебя,—боюсь, какъ за своего собственнаго сына. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты былъ поосторожнѣе. Берегись, изо всѣхъ силъ берегись злыхъ чаръ и преступныхъ соблазновъ Памфилы, жены Милона, у котораго ты остановился. Говорятъ, что это первая по нашимъ мѣстамъ вѣдьма и большая мастерица по части колдовства и заговоровъ. Посредствомъ прутиковъ, камешковъ и другихъ такихъ же бездѣлушекъ, она можетъ низвергнуть въ тартаръ блистающее звѣздное небо и все погрузить въ первобытный хаосъ. Она, какъ только увидитъ статнаго и красиваго юношу, тотчасъ же увлекается его наружностью, не сводитъ съ него глазъ, только объ немъ и думаетъ, осыпаетъ его ласками, плѣняетъ его сердце и привязываетъ къ себѣ крѣпкими узами вѣчной любви. Но въ гнѣвѣ на тѣхъ, кто отвергаетъ и презираетъ ее, она превращаетъ многихъ молодыхъ людей въ камни, въ звѣрей, во всевозможныхъ животныхъ, а другихъ—прямо убиваетъ. Вотъ чего я боюсь и вотъ почему я совѣтую тебѣ быть на сторожѣ. Эта вѣдьма всегда полна похоти, а ты красивъ и молодъ...

Такъ заботливо говорила со мною Биррена. А я, любопытный какъ всегда, съ восторгомъ слушалъ этотъ разсказъ о чародѣйствѣ и волшебствѣ Памфилы. Такія рѣчи меня всегда соблазняли. Я былъ далекъ отъ мысли остерегаться жены Милона. Напротивъ, я былъ очень радъ этому и готовъ былъ заплатить большія деньги, чтобы только поближе познакомиться съ секретами этого искусства и очертя голову броситься хоть въ адскія бездны. Съ безумной поспѣшностью я вырвалъ свою руку изъ ея рукъ, на ходу сказалъ ей «прощай» и опрометью бросился въ домъ Милона.

— Впередъ,—говорилъ я себѣ, ускоряя шагъ, какъ безумный.— Впередъ, Люцій! Смѣлѣе, не трусь! Вотъ то, чего тебѣ хотѣлось! Теперь ты досыта можешь наслаждаться баснями и чудесами! Прочь дѣтскіе страхи! Бодро и смѣло берись за дѣло! Конечно, надо бояться узъ Венеры съ хозяйкой дома. Надо честно относиться къ брачному ложу добраго Милона. Но очень стоитъ похлопотать о благосклонности Фотиды, ихъ молоденькой служанки. У нея милое личико, веселый нравъ и бойкій язычекъ. Вспомни, какъ ласково она провожала тебя въ твою комнату, когда вчера ты уходилъ спать! Какъ мило она уложила тебя въ постель, какъ нѣжно покрыла тебя одѣяломъ! Она поцѣловала твою голову и, какъ по всему можно было замѣтить, уходила отъ тебя далеко не охотно. Уходя, она часто останавливалась и оглядывалась назадъ.— Итакъ, смѣлѣе! Будь, что будетъ, надо попытать счастья у Фотиды!—

Съ такими думами я подошелъ къ дому Милона. По пословицѣ, все шло какъ по маслу. Милая Фотида была дома одна; не было ни Милона, ни его жены. Фотида стряпала для господъ похлебку и мясо, изрубленное на кусочки. Вкусный запахъ еще издали щекоталъ мои ноздри. Въ чистой и тонкой полотняной туникѣ, опоясанная розовой лентой, поднятой высоко подъ самыя груди, Фотида хлопотала на кухнѣ. Кухонный горшокъ такъ и ходилъ въ ея свѣжихъ ручкахъ. Подкидывая и крутя въ рукахъ

сито, она мило двигала своими боками; бедра замѣтно шевелились, гибкая спина плавно изгибалась и волновалась. Залюбовавшись на нее, я въ восхищеніи остановился.

— Какъ красиво, какъ мило, дорогая Фотида,—сказалъ я ей,— ты вертишь рѣшетомъ и бедрами! И что за прелесть похлебка, которую ты варишь! Счастливецъ, просто счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ тотъ, кому ты позволишь обмокнуть въ ней хоть палецъ!..

— Уходи, несчастный,—сказала она, какъ всегда бойкая и скорая на слово,—уходи подальше отъ моей печки. Если тебя хоть слегка опалитъ мой огонекъ, ты вспыхнешь весь и кромѣ меня никто не потушитъ твоего пожара. У меня все выходитъ вкусно. Я одинако ловко трясу и постель, и сито.

Сказала, посмотрѣла на меня и расхохоталась. Но я не могъ отойти отъ нея, пока не изслѣдовалъ и не запомнилъ всего во всѣхъ подробностяхъ.

Да что мнѣ говорить о другомъ? Скажу прямо,—всегда, даже при людяхъ, я, не отводя глазъ, любовался ея лицомъ и волосами. Только о нихъ я думалъ, оставаясь одинъ въ своей комнатѣ. И, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи я былъ вполнѣ и совершенно правъ. Именно эта часть тѣла всегда открыта и всѣмъ видна. Она прежде всего бросается намъ въ глаза. Ту прелесть, которую сообщаетъ другимъ формамъ тѣла пріятный цвѣтъ изящной одежды, лицу и волосамъ придаетъ ихъ природная окраска. И женщины, чтобы похвастать своимъ сложеніемъ и своими прелестями, поднимаютъ края одежды и откидываютъ свои плащи. Онѣ знаютъ, что красота лучше безъ покрововъ, и больше разсчитываютъ на розовый цвѣтъ кожи, чѣмъ на золотое шитье одежды. Есть одно, очень жестокое доказательство того, что это дѣйствительно такъ,—хотя о немъ, можетъ быть, лучше было бы и не говорить. Попробуй снять волосы съ головы самой хорошенькой и аппетитной женщины, попробуй снять съ ея лица природный румянецъ. Что же будетъ? Пусть она сошла съ неба, ро-

дилась въ морѣ, вскормлена пѣной волнъ,—пусть она, говорю я, будетъ самой Венерой и явится въ сонмѣ всѣхъ своихъ Грацій, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ Купидоновъ, въ своемъ волшебномъ поясѣ, въ благовонныхъ струяхъ киннамона и бальзамическихъ ароматовъ,—но съ плѣшью?—О, съ плѣшью она не понравится даже Вулкану!

Что можетъ быть лучше красивыхъ волосъ, когда они то искрятся подъ солнцемъ яркимъ и ослѣпительнымъ блескомъ, то кротко тускнѣютъ и разнообразятъ наружность на тысячу новыхъ и новыхъ прелестей? Иногда, сверкая, какъ золото, они вдругъ принимаютъ свѣтлый и мягкій оттѣнокъ меда; иногда, черные какъ вороново крыло, они спорятъ съ сизыми искорками на голубиной шейкѣ; иногда, спрыснутые аравійскими духами, гладко причесанные тонкими зубцами гребня и крѣпко завязанные назади, они блестятъ, какъ зеркало,—и любо смотрѣться въ это зеркало каждому влюбленному. Что можетъ быть лучше густыхъ волосъ, когда они высоко поднимаются надъ головою или длинною волною извиваются вдоль спины? Наконецъ, обаяніе хорошей прически такъ велико, что женщина въ золотѣ, драгоцѣнныхъ украшеніяхъ и чудномъ костюмѣ не можетъ считаться красивой, если не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, убрать своей головы.

Прическа моей Фотиды не отличалась изысканностью. Маленькая небрежность и вольность головного убора придавала ей особенную прелесть. Ея пышные, распущенные волосы свободно падали съ затылка на шею; тамъ легко загибающеюся лентою они снова поднимались кверху и, постепенно округляясь, на самой вершинѣ головы заплетались въ узелъ.

Я больше не могъ выносить этой пытки. Я наклонился къ ней и тамъ, гдѣ ея волоса поднимались до своей вершины, напечатлѣлъ самый сладкій поцѣлуй. Она отдернула затылокъ, повернулась ко мнѣ и искоса посмотрѣла на меня злыми глазами, которые, казалось, умѣли кусаться.

— Берегись, схоластикъ,—сказала она мнѣ;—вѣдь это и сладко

и горько. Смотри, чтобы за сладость меда тебѣ не пришлось долго расплачиваться горечью желчи.

— Что же изъ этого, моя прелесть?—отвѣчалъ я.—Освѣженный однимъ твоимъ поцѣлуемъ, я сейчасъ же готовъ растянуться и жариться на этомъ огнѣ.

Съ этими словами я обнялъ ее еще крѣпче и снова сталъ ее цѣловать.

Она, охваченная тою-же страстью, уже дѣлила со мною желанія любви. Съ ея открытыхъ губъ на меня вѣяло ароматами киннамона. Мой языкъ ловилъ ея языкъ—сладкій, какъ нектаръ. Желаніе жгло насъ обоихъ.

— Погибаю,—шепнулъ я ей;—погибну совсѣмъ, если ты не будешь добрѣе.

— Успокойся,—отвѣчала она, поцѣловавъ меня снова.—Я твоя; насъ соединило взаимное желаніе. Тебѣ не придется ждать долго. Съ первымъ огнемъ я буду въ твоей комнатѣ. А теперь иди и готовься. Всю ночь я буду сражаться, сражаться съ тобой, смѣло и отъ всей души.

Послѣ этого мы разстались. Только что наступилъ полдень, какъ хлѣбосольная Биррена прислала мнѣ жирнаго поросенка, пять курицъ и добрый боченокъ стараго, хорошаго вина.

— Вотъ,—сказалъ я, позвавъ къ себѣ Фотиду,—вотъ онъ, спутникъ и оруженосецъ Венеры—Бахусъ. Сегодня выпьемъ это вино до дна. Оно прогонитъ отъ насъ вялую стыдливость, дастъ силу и бодрость желанію; для успѣшнаго плаванія ладьи Венеры и для ночнаго бодрствованія нужны только лампа съ масломъ, да чаша съ виномъ.

Остальную часть дня я посвятилъ банѣ и ужину. Добрѣйшій Милонъ пригласилъ меня къ своему скромному столу. Помня совѣты Биррены, за ужиномъ я всячески старался не попадаться на глаза хозяйкѣ; когда мои глаза случайно останавливались на ея лицѣ, мнѣ становилось жутко: мнѣ казалось, что я смотрю въ какое то адское озеро. Но мнѣ становилось легче всякій разъ,

когда я могъ оглянуться и посмотрѣть на прислуживавшую намъ Фотиду.

Насталъ вечеръ. Памфила посмотрѣла на огонь.

— Завтра будетъ большой дождь,—проговорила она.

— А ты почему это знаешь?—спросилъ ее Милонъ.

— Мнѣ сказалъ это огонь.

— Великая же ты Сивилла для гаданія на свѣчѣ! Въ своемъ подсвѣчникѣ ты, кажется, видишь всѣ небесныя явленія и само солнце.

— Ну, нѣтъ,—замѣтилъ я.—Этому удивляться нечего. Есть несомнѣнныя доказательства такой прозорливости. Можетъ быть этотъ маленькій огонекъ, зажженый рукою человѣка, помнитъ о томъ великомъ небесномъ огнѣ, отъ котораго онъ и родился. Вѣщимъ чутьемъ онъ можетъ угадывать перемѣны на эѳирныхъ высотахъ, а черезъ это давать предсказанія и намъ. У насъ въ Коринѳѣ и теперь есть одинъ иностранецъ, родомъ халдей, который удивляетъ всѣхъ своими пророчествами. За небольшое вознагражденіе онъ открываетъ людямъ тайны ихъ судьбы. Онъ опредѣляетъ, какой день лучше для свадьбы, какой удобнѣе для закладки стѣнъ, какой счастливѣе для купца, путешественника или моряка. Я самъ обращался къ нему съ вопросомъ о своемъ путешествіи и онъ наговорилъ мнѣ много различныхъ и удивительныхъ вещей. Онъ предсказалъ мнѣ довольно громкую славу,—сказалъ, что я напишу большую исторію, неправдоподобную басню и вообще буду писать книги.

— А какъ выглядитъ,—спросилъ меня улыбаясь Милонъ,—и какимъ именемъ называется твой мудрый халдей?

— Это высокій и смуглый человѣкъ, по имени Діофанъ.

— Онъ и есть. Кому и быть другому.—И у насъ онъ многимъ наговорилъ всякой всячины. И у насъ онъ собралъ нѣкоторую сумму—отнюдь не маленькую, а скорѣе довольно таки крупную, но вдругъ сталъ жертвою не злой, а, прямо сказать—свирѣпой судьбы.—Однажды, окруженный густою толпою зрителей и слушателей, онъ гадалъ и давалъ предсказанія. Подходитъ къ нему одинъ купецъ, по имени Цердонъ, и хочетъ узнать, въ какой день ему лучше всего отправиться въ путь. Отвѣтъ былъ данъ. Купецъ вынимаетъ кошелекъ и отсчитываетъ сто динаріевъ, которые по условію онъ долженъ былъ заплатить за предсказаніе. Вдругъ къ Діофану сзади подходитъ какой то знатный юноша, схватываетъ его за одежду, поворачиваетъ лицомъ къ себѣ и начинаетъ цѣловать самымъ сердечнымъ образомъ. Діофанъ отвѣчаетъ на поцѣлуи и даетъ юношѣ мѣсто рядомъ съ собою. Повидимому, онъ былъ очень удивленъ неожиданною встрѣчею, потому что, забывъ о неоконченномъ дѣлѣ, пустился съ своимъ пріятелемъ въ разговоры.

— Давно ли ты прибылъ сюда, мой желанный?

— Только вчера вечеромъ,—отвѣтилъ ему молодой человѣкъ.—Да ты то, братецъ, скажи, отчего ты такъ скоро уѣхалъ изъ Эвбеи и какъ совершилъ свое путешествіе сюда по водѣ и по сушѣ?

— Пусть,—не успѣвши еще опомниться, отвѣчалъ Діофанъ, этотъ прозорливый халдей, который мыслью видитъ все,—пусть врагамъ и недругамъ нашимъ выпадетъ на долю такое скверное, хуже чѣмъ одиссеевское путешествіе. Корабль, на которомъ мы ѣхали, долго трепали бури и вихри, пока мы не потеряли оба руля. Потомъ насъ сильно ударило о край прибрежней скалы и нашъ корабль, перевернувшись, пошелъ ко дну. Погибли всѣ, только мы съ трудомъ спаслись отъ гибели, добравшись до берега вплавь. Потомъ все, что намъ дали изъ жалости сострадательные люди и наши добрые друзья, попало въ руки разбойниковъ. Мой бѣдный и единственный братъ, по имени Аризватъ, вздумалъ было сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ—и былъ убитъ на моихъ глазахъ.

Пока онъ грустно передавалъ всѣ эти подробности своего путешествія, купецъ Цердонъ спряталъ деньги, которыя онъ думалъ было отдать за предсказаніе, и во весь духъ пустился бѣжать отъ предсказателя. Діофанъ только тогда понялъ, какой онъ сдѣлалъ промахъ и какъ онъ былъ неостороженъ, когда мы со всѣхъ сторонъ разразились громкимъ хохотомъ.

— Пусть хоть одному тебѣ, достопочтенный Люцій, этотъ халдей предсказалъ сущую правду. Желаю тебѣ всякаго счастья и благополучнаго путешествія.

Признаться, мнѣ было очень не по душѣ, что Милонъ пускается въ такія длинныя разсужденія. Не мало досадовалъ я и на себя— за то, что началъ серію этихъ несчастныхъ разсказовъ и черезъ это даромъ потерялъ добрую часть вечера и лучшія его забавы. Наконецъ мнѣ удалось побороть свою застѣнчивость и обратиться къ Милону съ такою рѣчью.

— Предоставимъ Діофана его судьбѣ, дорогой Милонъ! Пусть, какъ прежде, на сушѣ и на водѣ, онъ теряетъ все, что набираетъ отъ довѣрчивыхъ людей. А я еще и до сихъ поръ не успѣлъ отдохнуть отъ вчерашняго путешествія. Позволь же мнѣ удалиться въ свою комнату.

Сказавъ это, я быстро встаю и поспѣшно иду къ себѣ. Вижу, что всѣ приготовленія къ пиру сдѣланы. Фотида постлала постель мальчику какъ можно дальше отъ дверей, чтобы удалить свидѣтелей нашихъ ночныхъ стычекъ. Около моей кровати она поставила маленькій столикъ, на которомъ собрала цѣлый ужинъ изъ лучшихъ остатковъ милоновой трапезы. Два сосуда были до половины налиты теплой водой, чтобы разбавлять слишкомъ крѣпкое вино. Стояла и фляжка съ широкимъ отверстіемъ, чтобы удобнѣе пить даръ Вакха, который всегда идетъ въ авангардѣ воинствующей Венеры.

Только что я легъ, ко мнѣ вошла Фотида. Она уже успѣла уложить свою госпожу. Изъ своей высоко поднятой пазухи она вынимала и бросала на меня вѣтки и бутоны розъ.

И вотъ она уже прижимается ко мнѣ, крѣпко, крѣпко цѣлуетъ, шутя связы ваетъ гирляндою розъ, осыпаетъ цвѣтами, наливаетъ въ бокалъ вино, разбавляетъ его теплою водою, подаетъ бокалъ мнѣ, но не даетъ допить до конца. Не успѣлъ я выпить половины бокала, какъ она ласково взяла его у меня изъ рукъ, по капелькѣ допила своими розовыми губками остальное и, прихлебывая, нѣжно смот-

города. Здѣсь есть въ избыткѣ все, что нужно для жизни. Здѣсь, какъ и въ Римѣ, спокойно и привольно живется всѣмъ иностранцамъ, которые пріѣзжаютъ сюда по дѣламъ или для развлеченія. А скромный гость найдетъ здѣсь почти деревенскую простоту и всѣ удобства тихой и отдаленной провинціи.

— Ты права, Биррена, — отвѣтилъ я. — Кажется, я нигдѣ не чувствовалъ бы себя лучше и свободнѣе, чѣмъ здѣсь, если бы я не боялся тайныхъ и неотразимыхъ чаръ магическаго искусства. Говорятъ, что здѣсь даже мертвые не безопасны въ своихъ могилахъ. Говорятъ, что нѣкоторые остатки могилъ и погребальныхъ костровъ, а часто даже и труповъ, собираются волшебниками на бѣду и на муку живымъ. Говорятъ, что старыя вѣдьмы прежде всѣхъ прибѣгаютъ на чужія похороны и стараются не опоздать къ погребальной церемоніи.

— Это такъ,—замѣтилъ одинъ изъ гостей.—Но онѣ не щадятъ иногда и живыхъ. Здѣсь есть одинъ человѣкъ,—кто именно, не знаю, — которому пришлось испытать нѣчто подобное. Вѣдьмы обезобразили и изувѣчили ему все лицо.

При этихъ словахъ раздался общій неудержимый хохотъ. Всѣ лица и взоры обратились къ одному человѣку, который сидѣлъ въ углу. Тотъ, смущенный общимъ вниманіемъ и хохотомъ, сталъ подниматься съ ложа, сердито бормоча что то себѣ подъ носъ.

— Куда ты, Телефронъ? — обратилась къ нему Биррена. — Останься съ нами и съ свойственною тебѣ любезностью раскажи, какъ это было. Пусть и сынъ мой Люцій насладится прелестью твоего забавнаго разсказа.

— Я знаю, что ты, госпожа,—съ волненіемъ отвѣчалъ онъ,— всегда остаешься милой и любезной; но я не выношу дерзости нѣкоторыхъ изъ твоихъ гостей.

Настойчивыя просьбы Биррены, которая заклинала его своимъ спасеніемъ разсказать превратности его удивительной судьбы, въ концѣ концовъ подѣйствовали на Телефрона.—Подостлавъ подъ себя помягче коверъ, нѣсколько приподнявшись на ложѣ и опи-

раясь на локоть, онъ вытянулъ впередъ правую руку и сложилъ пальцы, какъ это дѣлаютъ ораторы: два послѣдніе пальца пригнулъ къ ладони, свободно вытянулъ два другіе и твердо держалъ только одинъ указательный. Слегка улыбаясь, онъ началъ свой разсказъ.

— Сиротою изъ Милета я отправился на олимпійскія игры. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть и другія замѣчательныя мѣста этой знаменитой провинціи. Я отправился путешествовать по всей Ѳессаліи и на свою бѣду зашелъ въ Лариссу. Истощивъ съ своихъ странствіяхъ свой кошелекъ, я искалъ, чѣмъ бы мнѣ помочь своему горю. И вдругъ я вижу на рынкѣ какого то высокаго старика. Поднявшись на камень, онъ громко кричалъ: «кто хочетъ сторожить мертваго, пусть идетъ торговаться».

— Что я слышу? — спросилъ я у одного прохожаго. — Развѣ здѣсь мертвые имѣютъ скверную привычку убѣгать?

— Молчи, — отвѣтилъ тотъ. — Ты слишкомъ молодъ и слишкомъ иностранецъ, и только поэтому позабываешь, что ты въ Ѳессаліи, гдѣ колдуньи часто увѣчатъ лица покойниковъ и пользуются своей добычей, какъ средствомъ для колдовства.

— А въ чемъ же,—спросилъ я,—состоитъ эта адская обязанность сторожить трупъ?

— Прежде всего надо всю ночь напролетъ неусыпно бодрствовать и ни подъ какимъ видомъ не спускать глазъ съ трупа. Ни на минуту нельзя косить глазами или оглядываться по сторонамъ. Эти проклятые оборотни принимаютъ видъ любаго животнаго и подкрадываются такъ незамѣтно, что могли бы обмануть глаза солнца и очи правосудія. Онѣ являются то птицей, то собакой, то мышью, то даже мухой. Могучими заклинаніями онѣ погружаютъ сторожей въ глубокой сонъ. — Трудно и разсказать, съ какимъ коварствомъ эти негодныя вѣдьмы пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства ради своей похоти. И за всю эту ужасную работу даютъ небольше четырехъ или шести золотыхъ. Ахъ, да,—я чуть было не позабылъ тебѣ сказать, что, если утромъ трупъ не окажется цѣлымъ, всѣ недочеты въ немъ будутъ покрыты изъ твоего собственнаго тѣла.

Собравъ эти справки, я постарался набраться смѣлости.

— Перестань кричать,—сказалъ я, подходя къ глашатаю.— Сторожъ передъ тобою,—говори цѣну.

— Плата за трудъ—тысяча мелкихъ монетъ (шесть золотыхъ). Но помни, малый, смотри въ оба; тебѣ придется беречь отъ злыхъ гарпій тѣло перваго человѣка въ этомъ городѣ.

— Выдумалъ, что сказать,—отвѣчалъ я.—Это глупости и пустяки. Ты видишь предъ собою человѣка желѣзнаго, безсоннаго, болѣе зоркаго, чѣмъ Аргусъ, у котораго все тѣло было въ глазахъ.

Только что я кончилъ, какъ старикъ повелъ меня къ одному дому. Ворота были заперты и онъ впустилъ меня черезъ какую то маленькую калиточку. Потомъ онъ ввелъ меня въ темную комнату съ закрытыми окнами. Тамъ я увидѣлъ знатную даму, всю въ слезахъ, одѣтую въ траурное платье.

— Вотъ,—сказалъ старикъ, подходя къ ней,—этотъ человѣкъ нанялся сторожить тѣло твоего мужа.

Она раздвинула волосы, которые съ обѣихъ сторонъ падали надъ ея глазами, и показала свое, даже въ скорби прекрасное лицо.

— Смотри же,—сказала она, глядя на меня,—какъ можно лучше исполни то дѣло, за которое ты берешься.

— Будь спокойна, госпожа,—отвѣтилъ я,—не поскупись только что нибудь прикинуть.

Она согласилась на это, быстро встала съ своего мѣста и повела меня въ другую комнату. Туда же вошло семь человѣкъ свидѣтелей. Хозяйка своею рукою подняла блестящія бѣлыя одежды, которыя покрывали трупъ ея мужа. Долго она плакала, потомъ, заклиная присутствующихъ показать впослѣдствіи только правду, указывала имъ на различные органы покойника, а писецъ записывалъ за нею ея показанія.

раясь на локоть, онъ вытянулъ впередъ правую руку и сложилъ пальцы, какъ это дѣлаютъ ораторы: два послѣдніе пальца пригнулъ къ ладони, свободно вытянулъ два другіе и твердо держалъ только одинъ указательный. Слегка улыбаясь, онъ началъ свой разсказъ.

— Сиротою изъ Милета я отправился на олимпійскія игры. Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть и другія замѣчательныя мѣста этой знаменитой провинціи. Я отправился путешествовать по всей Ѳессаліи и на свою бѣду зашелъ въ Лариссу. Истощивъ съ своихъ странствіяхъ свой кошелекъ, я искалъ, чѣмъ бы мнѣ помочь своему горю. И вдругъ я вижу на рынкѣ какого то высокаго старика. Поднявшись на камень, онъ громко кричалъ: «кто хочетъ сторожить мертваго, пусть идетъ торговаться».

— Что я слышу? — спросилъ я у одного прохожаго. — Развѣ здѣсь мертвые имѣютъ скверную привычку убѣгать?

— Молчи, — отвѣтилъ тотъ. — Ты слишкомъ молодъ и слишкомъ иностранецъ, и только поэтому позабываешь, что ты въ Ѳессаліи, гдѣ колдуньи часто увѣчатъ лица покойниковъ и пользуются своей добычей, какъ средствомъ для колдовства.

— А въ чемъ же,—спросилъ я,—состоитъ эта адская обязанность сторожить трупъ?

— Прежде всего надо всю ночь напролетъ неусыпно бодрствовать и ни подъ какимъ видомъ не спускать глазъ съ трупа. Ни на минуту нельзя косить глазами или оглядываться по сторонамъ. Эти проклятые оборотни принимаютъ видъ любаго животнаго и подкрадываются такъ незамѣтно, что могли бы обмануть глаза солнца и очи правосудія. Онѣ являются то птицей, то собакой, то мышью, то даже мухой. Могучими заклинаніями онѣ погружаютъ сторожей въ глубокой сонъ. — Трудно и разсказать, съ какимъ коварствомъ эти негодныя вѣдьмы пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства ради своей похоти. И за всю эту ужасную работу даютъ небольше четырехъ или шести золотыхъ. Ахъ, да,—я чуть было не позабылъ тебѣ сказать, что, если утромъ

трупъ не окажется цѣлымъ, всѣ недочеты въ немъ будутъ покрыты изъ твоего собственнаго тѣла.

Собравъ эти справки, я постарался набраться смѣлости.

— Перестань кричать,—сказалъ я, подходя къ глашатаю.— Сторожъ передъ тобою,—говори цѣну.

— Плата за трудъ—тысяча мелкихъ монетъ (шесть золотыхъ). Но помни, малый, смотри въ оба; тебѣ придется беречь отъ злыхъ гарпій тѣло перваго человѣка въ этомъ городѣ.

— Выдумалъ, что сказать,—отвѣчалъ я.—Это глупости и пустяки. Ты видишь предъ собою человѣка желѣзнаго, безсоннаго, болѣе зоркаго, чѣмъ Аргусъ, у котораго все тѣло было въ глазахъ.

Только что я кончилъ, какъ старикъ повелъ меня къ одному дому. Ворота были заперты и онъ впустилъ меня черезъ какую то маленькую калиточку. Потомъ онъ ввелъ меня въ темную комнату съ закрытыми окнами. Тамъ я увидѣлъ знатную даму, всю въ слезахъ, одѣтую въ траурное платье.

— Вотъ,—сказалъ старикъ, подходя къ ней,—этотъ человѣкъ нанялся сторожить тѣло твоего мужа.

Она раздвинула волосы, которые съ обѣихъ сторонъ падали надъ ея глазами, и показала свое, даже въ скорби прекрасное лицо.

— Смотри же,—сказала она, глядя на меня,—какъ можно лучше исполни то дѣло, за которое ты берешься.

— Будь спокойна, госпожа,—отвѣтилъ я,—не поскупись только что нибудь прикинуть.

Она согласилась на это, быстро встала съ своего мѣста и повела меня въ другую комнату. Туда же вошло семь человѣкъ свидѣтелей. Хозяйка своею рукою подняла блестящія бѣлыя одежды, которыя покрывали трупъ ея мужа. Долго она плакала, потомъ, заклиная присутствующихъ показать впослѣдствіи только правду, указывала имъ на различные органы покойника, а писецъ записывалъ за нею ея показанія.

— Вотъ смотрите,—говорила она,—носъ безъ малѣйшаго изъяна, глаза безъ недочетовъ, уши на своемъ мѣстѣ, губы, какъ слѣдуетъ быть, подбородокъ толстый. *Будьте свидѣтелями этому, добрые квириты*!

Сказавъ это и приложивъ къ описи печать, она хотѣла уйти,

— Прикажи, госпожа,—остановилъ я ее,—подать сюда все, что нужно для моего дѣла.

— Что же тебѣ нужно?

— Вели мнѣ дать большой фонарь, въ достаточномъ количествѣ масла, кувшинъ вина, стаканъ и столикъ съ остатками отъ твоего ужина.

— Замолчи, дуракъ,—сказала она, покачавъ головою.—Въ домѣ печали ты спрашиваешь объ ужинѣ и остаткахъ? Сколько уже дней мы не видали здѣсь дыма. Или ты думаешь, что тебя пригласили на пиръ? Грусть и слезы гораздо приличнѣе этому мѣсту.

— Миррена,—сказала она, обращаясь къ служанкѣ.—Принеси ему поскорѣе фонарь и масла.

И она ушла, замкнувъ меня въ комнатѣ на ключъ.

Безутѣшный ради утѣхи трупа, я протеръ глаза и навострилъ ихъ для бодрствованія. Для смѣлости я началъ пѣть. Прошла заря, стемнѣло, началась ночь, стало еще темнѣе и вотъ настала полночь. На меня напалъ необыкновенный ужасъ; въ комнату вдругъ вбѣжалъ горностай и уставился на меня своими удивительно проницательными глазками. Меня испугала необыкновенная самоувѣренноеть этой звѣрюшки.

— Прочь, прочь,—закричалъ я на него.—Уходи къ подобнымъ тебѣ мышатамъ, пока тебѣ не попало. Уходи. Чего стоишь?

Горностай тотчасъ же повернулся ко мнѣ спиной и быстро скрылся изъ комнаты.—

Прошло немного времени и вдругъ глубокій сонъ погрузилъ меня, казалось, на самое дно ада. Самъ дельфійскій Богъ затруднился бы сказать, кто изъ двухъ лежащихъ въ этой комнатѣ

былъ мертвѣе. Такъ, бездыханный, самъ нуждаясь въ сторожѣ, я и былъ, и не былъ въ этой комнатѣ.—

Хохлатая команда пѣтуховъ возвѣстила окончаніе ночи. Въ необыкновенномъ испугѣ я вскочилъ и подбѣжалъ къ трупу. Я открылъ у него лицо и сталъ его осматривать. Все было цѣло и на своемъ мѣстѣ.

Тотчасъ же вбѣжала туда и вдова,—печальная, заплаканная,—со вчерашними свидѣтелями. Она упала на трупъ и долго его цѣловала. Потомъ со свѣчею въ рукахъ принялась его осматривать. Убѣдившись, что все цѣло, позвала своего домоправителя и приказала ему немедленно дать награду вѣрному сторожу. Деньги мнѣ принесли сразу.

— Глубоко благодарна тебѣ, молодой человѣкъ,—сказала вдова, обращаясь ко мнѣ,—за твою вѣрную службу. Съ этого времени я зачисляю тебя въ число своихъ приближенныхъ слугъ.

Но я слишкомъ уже обрадовался неожиданной прибыли, слишкомъ былъ ослѣпленъ блескомъ золотыхъ монетъ, которыя съ восторгомъ подбрасывалъ на рукѣ.

— Считай меня однимъ изъ твоихъ рабовъ, госпожа,—сказалъ я ей.—Посылай прямо за мною, если тебѣ еще разъ понадобится такая же служба.

Не успѣлъ я договорить этихъ словъ, какъ на меня набросились всѣ слуги. Проклиная меня за дерзость, они схватили кому что попало и накинулись на меня со всѣхъ сторонъ. Одинъ бьетъ меня по щекамъ, другой тычетъ кулакомъ въ затылокъ, третій изо всей силы поддаетъ въ бока, этотъ пихаетъ сзади колѣнями и ногами, тотъ таскаетъ за волосы и рветъ на мнѣ одежду. Я былъ избитъ и истерзанъ, какъ когда то были избиты Адонисъ и сладкогласный Орфей. Послѣ этой экзекуціи меня вытолкали на улицу.

Только на ближайшей площади мнѣ удалось перевести духъ. Тутъ только я вспомнилъ о своемъ несчастномъ и нелѣпомъ экспромтѣ и долженъ былъ сознаться, что заслуживалъ даже худшихъ побоевъ.

А между тѣмъ покойника оплакали въ послѣднiй разъ и вынесли изъ дому. Торжественная похоронная процессiя, по старинному обычаю, шла черезъ форумъ, такъ какъ покойный былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ гражданъ въ городѣ. Вдругъ изъ толпы къ гробу подбѣжалъ какой то старикъ. Печальный, весь въ слезахъ, онъ рвалъ на своей головѣ сѣдые волосы. Ухватившись за гробъ обѣими руками, онъ заговорилъ внятнымъ, хотя и прерывающимся отъ рыданiй голосомъ.

— Квириты, взываю къ вашей честности, разсчитываю на вашу справедливость. Пожалѣйте убитаго согражданина, сурово покарайте гнусное злодѣянiе нечестивой и преступной женщины. Не кто другой, а именно она отравила бѣднаго молодого человѣка, сына моей сестры,—отравила въ угоду своему любовнику, чтобы овладѣть наслѣдствомъ моего племянника.

Съ такими жалобными просьбами обращался къ толпѣ печальный старикъ.

Толпа начинала волноваться. Дѣло казалось правдоподобнымъ, а преступленiе вѣроятнымъ. Заговорили о кострѣ, стали хватать камни и подговаривать слугъ на убiйство госпожи.

А она, обливаясь притворными слезами, заклиная толпу всѣми богами, отрицала свою виновность и, какъ только умѣла, старалась тронуть всѣхъ своей рѣчью.

— Доказательство истины мы предоставимъ божественному усмотрѣнiю,—сказалъ тогда старикъ.—Здѣсь Захласъ изъ Египта, лучшiй изъ прорицателей. Я за большое вознагражденiе уговорилъ его вызвать ненадолго изъ царства тѣней духъ покойника и послѣ смерти оживить его бездыханное тѣло.

Съ этими словами онъ вывелъ изъ толпы какого то молодого человѣка въ полотняномъ плащѣ, съ пальмовыми сандалiями на ногахъ, съ бритою головою. Старикъ долго цѣловалъ у него руки и обнималъ колѣни.

— Пожалѣй насъ, жрецъ. Пожалѣй ради небесныхъ созвѣздiй, ради подземныхъ божествъ, ради стихiй природы, ради ночного молчанiя, ради коптскаго святилища, ради разлитiя Нила, ради систровъ Фароса. Зажги слабый свѣтъ въ глазахъ, закрытыхъ на вѣки; покажи имъ ненадолго солнце. Мы не хотимъ противиться року, не хотимъ отнимать отъ земли того, что принадлежитъ ей. Мы просимъ только дать мертвецу нѣсколько мгновенiй жизни ради справедливаго отмщенiя.

На пророка подѣйствовали эти просьбы. Онъ трижды клалъ одну какую то травинку на губы покойника, а другую на грудь. Потомъ, поворотясь къ востоку, онъ безъ словъ молился живительному солнцу. Эта торжественная сцена сильно подѣйствовала на предстоящихъ. Въ страхѣ всѣ ожидали необыкновеннаго чуда.

Замѣшавшись въ толпу, я влѣзъ на большой камень позади погребальныхъ носилокъ и любопытными глазами смотрѣлъ на это зрѣлище.

Вижу, грудь покойника начинаетъ подниматься; какъ у здороваго, бьются жилы, духъ оживляетъ тѣло, трупъ встаетъ и юноша-покойникъ начинаетъ говорить.

— Зачѣмъ отъ водъ Леты, когда я переплывалъ уже стигiйскiя болота, ты снова зовешь меня къ дѣламъ мгновенной жизни?— Отпусти меня назадъ. Заклинаю тебя, отпусти!

Такiе звуки выходили изъ тѣла. Но египтянинъ заговорилъ съ большимъ жаромъ.

— Отчего ты не скажешь народу всего? Отчего ты не объяснишь тайны твоей смерти? Или ты думаешь, что своими заклинанiями я не могу вызвать Эриннiй? Не могу мучить твои бездыханные члены?

Покойникъ поднялся на своихъ носилкахъ и заговорилъ, обращаясь къ народу.

— Меня погубило злое коварство моей послѣдней жены! Я выпилъ отравленное вино и освободилъ свое ложе для ея любовника.

Но и это не сломило упорства дерзкой вдовы; въ своемъ нечестiи она рѣшилась оспаривать даже показанiя своего покойнаго мужа.

Народъ при[redacted] въ ярость. Мнѣнія раздѣляются. Одни говорятъ, что [redacted] женщину слѣдуетъ похоронить вмѣстѣ съ ея покойнымъ мужемъ; другіе утверждаютъ, что не слѣдуетъ довѣрять лживому свидѣтельству трупа. Споръ рѣшается слѣдующимъ показаніемъ молодаго покойника.

— Я дамъ вамъ,—сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,—очевидныя доказательства истины. Я скажу вамъ то, чего никто, кромѣ меня, не знаетъ.—Вотъ (и при этихъ словахъ онъ указалъ на меня пальцемъ) тотъ бдительный сторожъ при моемъ тѣлѣ, который такъ удачно охранялъ мой трупъ. Напрасно вѣщія старухи, покушаясь на мои останки, нѣсколько разъ превращались въ различныя формы,—онѣ не могли усыпить его зоркости. Тогда онѣ навели на него туманъ сновидѣній и погрузили его въ глубокій сонъ, потомъ стали звать меня по имени и не переставали дѣлать это до тѣхъ поръ, пока мои безжизненные члены и холодные органы не стали поддаваться ихъ заклинаніямъ и не начали медленно двигаться. А онъ, совсѣмъ живой, только до смерти сонный, ничего не зная и слыша свое имя (оказалось, что мы носимъ одинаковыя имена), всталъ на этотъ голосъ и, подобно бездыханной тѣни, пошелъ впередъ. Двери въ комнату были крѣпко закрыты, но онъ нашелъ въ нихъ какое то отверстіе и просунулъ туда сперва свой носъ, а потомъ уши. Такимъ образомъ увѣчье, которое грозило собственно мнѣ, пало на его долю. Когда же вѣдьмы убѣдились въ своей ошибкѣ, онѣ прикрѣпили къ его вискамъ восковыя, очень искусно сдѣланныя уши и наклеили носъ, совсѣмъ похожій на его прежній носъ. Вышло такъ, что этотъ бѣднякъ получилъ плату не за свое усердіе, а за свое уродство.

Испуганный этими словами, я сталъ щупать свое лицо. Схватилъ себя за носъ,—носъ отвалился; взялъ себя за уши, отвалились и уши. Всѣ присутствующіе показывали на меня пальцами. Кругомъ стоялъ хохотъ. А я, обливаясь холоднымъ потомъ, старался скрыться между ногами зрителей.—Послѣ этого, смѣшной калѣка, я не могъ вернуться на родину. Тепе[redacted] по вискамъ свои волоса, я скрываю отсутствіе уше[redacted] носа я ловко прикрываю вотъ этой тряпочкой, крѣпко приклеивая ее куда надо.

Когда Телефронъ окончилъ свой разсказъ, гости, разгоряченные виномъ, снова стали хохотать и снова требовали вина,—а ко мнѣ подошла Биррена.

— Завтра у насъ торжественный день, который мы празднуемъ съ самаго основанія этого города. Мы одни на свѣтѣ веселыми и радостными обрядами чтимъ въ этотъ день святѣйшее божество Смѣха. Твое присутствіе украситъ нашъ праздникъ. Было бы хорошо, если бы и ты придумалъ какую нибудь веселую и забавную шутку, чтобы почтить нашего бога; тогда нашъ праздникъ былъ бы полнѣе и веселѣе.

— Согласенъ,—отвѣчалъ я;—пусть будетъ, какъ ты хочешь. Хотѣлось бы мнѣ, клянусь Геркулесомъ, придумать что нибудь такое, что бы подошло къ этому случаю.

А мой слуга давно уже напоминалъ мнѣ, что на улицѣ ночь. Я съ большимъ угаромъ въ головѣ всталъ, наскоро простился съ Бирреной и пошатываясь отправился до дому.

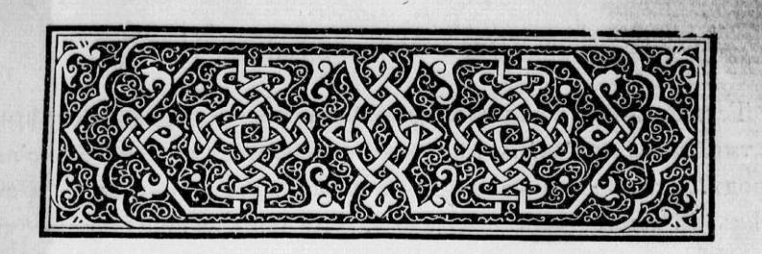
Какъ будто на зло намъ, на первой же улицѣ вѣтеръ погасилъ фонарь, который освѣщалъ намъ путь. Намъ пришлось пробираться до дому въ полной темнотѣ, спотыкаться о камни и съ большимъ трудомъ угадывать дорогу.

Только что мы подошли къ дому Милона, какъ я увидалъ, что трое рослыхъ и дюжихъ мужчинъ изо всѣхъ силъ ломятся въ наши ворота. Наше приближеніе ихъ нисколько не испугало. Напротивъ, они съ большею дерзостью продолжали ломиться къ намъ. Для насъ, а особенно для меня, стало несомнѣннымъ, что это разбойники и при томъ необыкновенно дерзкіе. Я тотчасъ же выхватилъ изъ подъ полы мечъ, который именно про такіе случаи всегда ношу подъ своей одеждой, и бросился на разбойниковъ. Одного за другимъ, гдѣ кого настигну, я глубоко пронзалъ ме-

чомъ, пока наконецъ всѣ они, пораженные частыми и сильными ударами, не испустили духъ у моихъ ногъ.

Пока я сражался, на шумъ, запыхавшись, выбѣжала Фотида и отперла дверь, куда я тотчасъ же и скрылся. Утомившись отъ борьбы съ этими разбойниками такъ, какъ будто я бился съ Геріономъ [1]), я бросился на постель и сразу заснулъ.

[1]) Геркулесъ побѣдилъ Геріона, царя Майорки, Минорки и Ифики; про него поэты говорили, что онъ имѣлъ три тѣла.



КНИГА ТРЕТЬЯ.

Аврора въ своихъ блестящихъ доспѣхахъ, поднявъ розовыя ручки, выѣхала на небесную дорогу; ночь уступала свое мѣсто дню и я—проснулся. Проснувшись, я вспоминалъ о своемъ вчерашнемъ преступленіи и меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Я положилъ одну ногу на другую, охватилъ колѣно руками, просунувъ пальцы одной между пальцами другой,—и горько плакалъ. Мнѣ казалось, что я уже вижу форумъ и судопроизводство; а тамъ—обвинительный вердиктъ, потомъ—палачъ...

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ я найду такого добраго и снисходительнаго судью, который рѣшится оправдать меня, повиннаго въ тройномъ убійствѣ, обагреннаго кровью столькихъ гражданъ? Такое ли славное путешествіе такъ увѣренно предсказывалъ мнѣ халдей Діофанъ?—Сколько я не раздумывалъ надъ этимъ происшествіемъ, мнѣ оставалось только оплакивать свою несчастную судьбу.

А въ дверь уже начинали стучаться. Передъ нашими воротами раздается громкій крикъ многочисленной толпы. Подъ сильнымъ натискомъ двери отворяются, домъ наполняется гражданскими чиновниками, ихъ подчиненными и людьми всякаго званія. Два ликтора, по приказанію властей, возлагаютъ на меня руки и велятъ слѣдовать за собою. Я, конечно, и не думаю сопротивляться.

Только что мы вошли въ ближайшій переулокъ, насъ встрѣтили густыя толпы народа. Здѣсь, кажется, собрался положительно весь городъ. Всѣ шли за нами. Я печально опустилъ голову и смотрѣлъ въ землю; мнѣ показалось, что подъ моими ногами уже открывается адъ.

Но, искоса поглядывая на народъ, я замѣчаю нѣчто, достойное величайшаго удивленія. Вокругъ меня толпилось много тысячъ людей, но среди нихъ не было ни одного, кто бы не надрывался отъ хохота.—Меня водили по всѣмъ улицамъ города,—какъ умилостивительную жертву богамъ, обреченную на закланіе, чтобы отвратить гнѣвъ боговъ, предсказанный грозными предзнаменованіями,—наконецъ привели на форумъ и поставили передъ судилищемъ.

Судьи заняли уже свои мѣста на высокой трибунѣ и судебный приставъ приглашалъ всѣхъ къ молчанію, когда изъ толпы послышались настойчивыя требованія, чтобы разборъ моего дѣла происходилъ въ театрѣ; народу скопилось столько, что неизбѣжная при этомъ давка могла представить серьезную опасность.

Скоро толпы зрителей по всѣмъ направленіямъ бросились къ театру.—Скамьи наполняются съ удивительною быстротою; всѣ свободныя мѣста при входѣ и даже на крышѣ набиваются вплотную; одни взбираются на колонны, другіе цѣпляются за статуи; головы и лица зрителей видны сквозь окна и сквозь отверстія на потолкѣ. Жадное любопытство заставляетъ всѣхъ забыть объ опасности.

Блюстители общественнаго порядка вводятъ меня, какъ какую то жертву, на аванъ-сцену и ставятъ посрединѣ оркестра.—Глашатай громко вызываетъ обвинителей и на этотъ вызовъ поднимается какой то старикъ. Чтобы опредѣлить срокъ рѣчи, онъ ставитъ около себя маленькій сосудъ, похожій на воронку съ очень узенькимъ отверстіемъ, сквозь которое по каплѣ выливается вода [1]. Послѣ этого онъ обращается къ народу съ такими словами.

[1] Это водяные часы, такъ называемая *клепсидра*, которая дѣйствительно имѣла мѣсто въ юридическихъ процессахъ.

— Досточтимые квириты! Дѣло, которое предлежитъ сегодня суду, очень серьезное дѣло. Оно имѣетъ большое значеніе для спокойствія всего города и въ будущемъ можетъ оказаться серьезнымъ прецедентомъ въ процессахъ этого рода. Посему всѣмъ намъ вмѣстѣ и каждому порознь надлежитъ крѣпко стать на защиту общественнаго достоинства и позаботиться о томъ, чтобы этотъ неистовый убійца понесъ должное наказаніе за кровавое дѣло, которое онъ совершилъ такъ дерзко и такъ свирѣпо. Не подумайте, что въ этомъ дѣлѣ мною руководятъ какіе либо корыстные интересы или личная ненависть. Я начальникъ ночныхъ карауловъ и не думаю, чтобы до сихъ поръ кто нибудь могъ упрекнуть меня въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. И теперь я по чести и совѣсти разскажу вамъ все, что произошло сегодня ночью.—Шла уже третья стража, когда я съ величайшею бдительностью обходилъ городъ, зорко осматривая все и останавливаясь почти у каждыхъ воротъ. И вдругъ я вижу, что вотъ этотъ именно свирѣпый молодой человѣкъ съ обнаженнымъ мечемъ бросается на какихъ то людей. Три жертвы его ярости уже издыхали у его ногъ, захлебываясь кровью. Увидѣвъ меня и сознавая за собою преступленіе, онъ страшно перепугался и скрылся отъ меня бѣгствомъ. Въ темнотѣ ему удалось спрятаться въ какомъ то домѣ, гдѣ онъ и провелъ всю эту ночь. Но по волѣ боговъ, которые не оставляютъ злодѣйства безъ наказанія, ему не удалось потихоньку скрыться изъ города. Утромъ я его подстерегъ и теперь привожу къ вамъ на судъ, надѣясь на ваше справедливое рѣшеніе. Итакъ, передъ вами преступникъ, повинный въ смерти трехъ нашихъ гражданъ,—преступникъ, захваченный почти на мѣстѣ преступленія,—преступникъ иностранецъ. За это преступленіе вы сурово покарали бы и своего гражданина; поэтому я увѣренъ, что чужеземцу вы, конечно, вынесете обвинительный приговоръ.

Такъ говорилъ мой безжалостный обвинитель и такъ онъ закончилъ свою убійственную рѣчь.

Глашатай обратился ко мнѣ и предложилъ мнѣ говорить, если

я хочу отвѣчать на это обвиненіе. Но я могъ только плакать. Клянусь Геркулесомъ, меня тревожило не столько это ужасное обвиненіе, сколько собственная нечистая совѣсть. И вдругъ, точно съ неба, на меня снизошло вдохновеніе и я заговорилъ такъ.

— И самъ я знаю, досточтимые квириты, какъ трудно человѣку, который обвиняется въ убійствѣ и самъ признаетъ фактъ преступленія, убѣдить въ своей невинности такое огромное количество народа,—хотя бы онъ говорилъ одну только правду,—если ему станутъ предъявлять сряду по три трупа. Но если вы милостиво соблаговолите хоть немного выслушать меня, я безъ труда докажу вамъ, что подвергаюсь уголовной отвѣтственности совершенно напрасно. Это случайный результатъ вполнѣ разумнаго негодованія и я безъ всякой вины съ своей стороны долженъ теперь отвѣчать на ужасное обвиненіе въ такомъ преступленіи.— Вчера, когда я, довольно уже поздно, возвращался съ ужина и былъ,—дѣйствительной вины я отрицать не стану, — порядкомъ пьянъ, я долго разглядывалъ въ темнотѣ домъ вашего почтеннаго согражданина Милона; и вдругъ, у самыхъ его воротъ, я увидѣлъ нѣсколько необыкновенно свирѣпыхъ разбойниковъ; они шли приступомъ на его жилище, сорвали съ крюковъ дверь и хотѣли уже ворваться въ самый домъ. Они поломали всѣ заборы, которые были заперты самымъ тщательнымъ образомъ, и уговаривались, какъ имъ начинать въ этомъ домѣ кровопролитіе. Одинъ изъ нихъ, самый толстый и дерзкій, такими словами подбивалъ остальныхъ на гнусное злодѣйство. «Смѣло и мужественно ударимъ на спящихъ! Вонъ изъ сердца колебаніе и трусость! Пусть убійство съ обнаженнымъ мечемъ пройдетъ по всему дому! Кто будетъ сопротивляться, убивайте,—кто спитъ, не давайте пощады! Мы будемъ спасены, если никто отъ насъ не спасется!» — Признаюсь, квириты, что, принимая во вниманіе дерзость разбойниковъ и обязанность всякаго порядочнаго человѣка крѣпко стоять за своихъ радушныхъ хозяевъ и за самого себя, я вооружился маленькимъ мечемъ, который всегда ношу съ собой про такой

случай, и бросился впередъ, — только чтобы напугать грабителей и обратить ихъ въ бѣгство. Но эти лютые злодѣи и сущіе варвары даже и не подумали обращаться въ бѣгство. Напротивъ, они, хотя ясно видѣли, что въ рукахъ у меня мечъ, стали отчаянно сопротивляться. Завязался настоящій бой. Наконецъ, ихъ предводитель и знаменщикъ устремился на меня изо всѣхъ своихъ силъ, обѣими сразу руками схватилъ меня за волоса, повалилъ на спину и хотѣлъ убить меня камнемъ. Но, пока онъ просилъ, чтобы ему для этого поскорѣе подали камень, мнѣ удалось вѣрнымъ ударомъ меча положить его на мѣстѣ. Скоро я покончилъ съ другимъ разбойникомъ, который, наклонившись, сидѣлъ у меня на ногахъ и грызъ ихъ; я ловко угодилъ ему какъ разъ между лопатокъ. Наконецъ, я убилъ и третьяго вора, который неосторожно бѣгалъ вокругъ меня съ открытою грудью. Возстановивъ спокойствіе и общественную тишину, отклонивъ опасность отъ дома своего радушнаго хозяина и вашего согражданина, я отнюдь не считалъ себя виновнымъ. Я думалъ даже, что я,—а я еще никогда не подвергался никакимъ обвиненіямъ въ своемъ городѣ и до сихъ поръ считаюсь вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, такъ какъ всегда невинность предпочиталъ всѣмъ и всякимъ выгодамъ,—что я достоинъ за это величайшей похвалы. И не могу понять, почему за то наказаніе, которому я подвергъ гнусныхъ злодѣевъ, я самъ подвергаюсь теперь уголовной отвѣтственности? Вѣдь никто не можетъ доказать, чтобы между нами была какая либо личная вражда? До сихъ поръ я совсѣмъ не былъ знакомъ съ этими разбойниками. И никто не укажетъ какой либо выгоды, ради которой я могъ бы пойти на такое дерзкое преступленіе.

Окончивъ рѣчь, я снова залился слезами, съ мольбою простиралъ къ зрителямъ руки и заклиналъ ихъ, во имя милосердія и малыхъ дѣтей, признать мою невинность.

Думалось мнѣ, что мнѣ удалось достаточно расшевелить сердца зрителей и слезами вызвать въ нихъ состраданіе, и я окончилъ

рѣчь, призвавъ въ свидѣтели очи солнца и правосудія и вручивъ свою судьбу божественному провидѣнію. Потомъ я поднялъ отъ земли свои глаза и увидѣлъ, что положительно весь театръ заливается неудержимымъ хохотомъ; я увидѣлъ, что и мой другъ, мой хозяинъ Милонъ не отстаетъ отъ другихъ и хохочетъ во всю глотку.

— Вотъ,—подумалъ я про себя,—вотъ дружба и честность этого человѣка! Ради его спасенія я сталъ убійцею и подвергаюсь уголовной отвѣтственности, а онъ не только не помогаетъ мнѣ оправдаться передъ судомъ, но самъ хохочетъ надъ моею погибелью...

Въ это время по сценѣ съ ребенкомъ на рукахъ, вся въ траурѣ, прошла какая то печальная и заплаканная женщина. За нею шла и такъ же плакала одна скорбная старушка въ ужасныхъ лохмотьяхъ. Обѣ онѣ держали въ рукахъ оливковыя вѣтви. Подойдя къ маленькому помосту, на которомъ лежали подъ покрываломъ трупы убитыхъ, онѣ въ сильной печали подняли плачъ и сквозь слезы обращались къ зрителямъ съ просьбами о помощи.

— Ради общественной справедливости, по праву на сострадание къ несчастью, заклинаю васъ, квириты, пожалѣйте невинно убитыхъ молодыхъ людей, пожалѣйте насъ въ нашемъ вдовствѣ и должнымъ возмездіемъ за преступленіе дайте намъ послѣднее утѣшеніе въ нашемъ одиночествѣ! Имѣйте состраданіе хоть къ этому ребенку, который осиротѣлъ такъ рано! Произнесите свой приговоръ надъ этимъ убійцей по вашимъ законамъ и установленіямъ!

Тогда поднялся съ своего мѣста старшій изъ судей и заговорилъ, обращаясь къ народу.

— Фактъ преступленія, достойнаго самой суровой кары, не отрицаетъ и тотъ, кто его совершилъ. Намъ поэтому остается только найти сообщниковъ этого ужаснаго злодѣянія, такъ какъ нельзя допустить, чтобы одинъ человѣкъ могъ справиться съ тремя сильными молодыми людьми. Мальчикъ, который его сопровождалъ, куда то скрылся. Правду можно узнать отъ него только посредствомъ пытки. Мы должны употребить всѣ средства, чтобы заставить преступника открыть своихъ соучастниковъ. Только тогда мы уничтожимъ всѣ корни этого гнуснаго дѣла.

Тотчасъ же, по обычаю грековъ, приносятъ огонь, колесо и другія орудія пытки. Мой ужасъ растетъ и печаль усугубляется, когда я вижу, что мнѣ нельзя и умереть цѣлымъ и невредимымъ.

— Добрые люди,—заговорила старуха, которая своими слезами растрогала всѣхъ.—Добрые люди, прежде чѣмъ пытать этого злодѣя, убійцу моихъ бѣдныхъ дѣтей, взгляните на тѣла убитыхъ. Вы увидите, что они были молоды и прекрасны. Это удвоитъ ваше честное негодованіе и вы по всей справедливости будете возмущены звѣрскимъ убійствомъ.

Эти слова старухи вызываютъ рукоплесканія. Предсѣдатель суда приказываетъ мнѣ своими руками поднять покрывало съ труповъ. Я всячески отнѣкиваюсь изъ опасенія новымъ впечатлѣніемъ убійства еще больше ожесточить присутствующихъ. А ликторы, по приказанію суда, не отстаютъ отъ меня ни на шагъ и тянутъ къ трупамъ. Наконецъ, имъ удалось отвести мою руку отъ бока и положить ее на тѣла моихъ жертвъ. Уступая необходимости, я покоряюсь и, пересиливая себя, снимаю покрывало.

И что же я вижу, всемогущіе боги?! Что за чудо?! Какой странный оборотъ неожиданно принимаетъ мое дѣло?!

Я считалъ себя собственностью Прозерпины и добычею Орка и вдругъ—къ крайнему моему удивленію—оказался совсѣмъ не въ той сторонѣ!

Не могу даже найти подходящихъ словъ, чтобы разсказать, что тутъ собственно вышло.

Это были вовсе не трупы людей. Это были надутые воздухомъ козьи мѣха, пробитые въ разныхъ мѣстахъ мечемъ. Дыры зіяли именно тамъ, куда я,—насколько я вспоминаю вчерашнее побоище,—наносилъ раны мнимымъ разбойникамъ.

По всему театру громко прокатился хохотъ, который до сихъ поръ

сдерживали нѣкоторые изъ зрителей. Одни въ восторгѣ поздравляли меня съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла; другіе, дохохотавшись до боли въ желудкѣ, обѣими руками держались за животъ: всѣ уходили изъ театра довольные до-нельзя и постоянно оглядывались на меня.

А я, какъ сдернулъ покрывало съ мѣховъ, такъ и застылъ на мѣстѣ, ничѣмъ не отличаясь отъ камней, колоннъ и статуй театра. И только тогда я опомнился отъ этого адскаго сна, когда ко мнѣ подошелъ Милонъ. Онъ ласково взялъ меня подъ руку и съ легкимъ насиліемъ повлекъ за собою, хотя я сопротивлялся и всхлипывалъ, хотя слезы снова и снова подступали къ моимъ глазамъ. Избѣгая людныхъ улицъ, онъ велъ меня по какимъ то глухимъ переулкамъ и всячески старался меня утѣшить. Но я дрожалъ и никакъ не могъ подавить своего негодованія по поводу обиды, которая такъ глубоко поразила мое сердце.

Скоро въ нашъ домъ явились сановники города со всѣми знаками своего достоинства; они хотѣли утѣшить и успокоить меня.

— Мы знаемъ, почтенный Люцій,—говорили они,—изъ какого ты знатнаго рода, знаемъ и твои личныя достоинства. Вся провинція полна славою вашей благородной фамиліи. И то, что теперь тебя такъ сильно огорчаетъ, сдѣлано вовсе не ради насмѣшки. Прогони-же изъ своего сердца ту тоску, которая туда забралась, и перестань думать объ этомъ. Чтобы лучше почтить праздникъ Смѣха, этого благостнѣйшаго божества, мы каждый годъ придумываемъ что-нибудь новое. И это божество особенно благопріятствуетъ тѣмъ, которые бываютъ дѣйствующими лицами на его праздникѣ. Оно не допуститъ, чтобы ты мучился и тосковалъ; оно развеселитъ твое чело, пошлетъ тебѣ довольство и радость. А городъ за твое участіе въ нашемъ праздникѣ единогласно присуждаетъ тебѣ высшія почести. Онъ избралъ тебя своимъ патрономъ (въ Римѣ) [1]) и постановилъ сдѣлать изъ мѣди твое изображеніе.

[1]) Покоренныя провинціи и города часто имѣли своихъ патроновъ въ Римѣ

На эти слова городскихъ властей я отвѣчалъ такъ.

— Сердечно благодарю за честь и тебя, самый блестящій изъ городовъ Ѳессаліи! Думаю только, что твои статуи и бюсты достойны людей болѣе извѣстныхъ и заслуженныхъ, чѣмъ я.

Я сказалъ это очень скромно, стараясь улыбаться и казаться веселымъ и довольнымъ, потомъ вѣжливо проводилъ уходившихъ представителей города.

Не успѣлъ еще я проводить ихъ, какъ ко мнѣ подошелъ какой то слуга.

— Тебя зоветъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—твоя родственница Биррена. Она проситъ тебя не забыть, что наступаетъ часъ пира, на которомъ вчера ты далъ обѣщаніе быть.

Но я безъ ужаса не могъ думать даже о домѣ Биррены.

— Очень, очень хотѣлось бы мнѣ воспользоваться приглашеніемъ твоей госпожи,—сказалъ я слугѣ,—но я уже связанъ словомъ. Милонъ заклиналъ меня великимъ божествомъ сегодняшняго праздника, чтобы сегодня я остался обѣдать у него. Я знаю, что онъ и самъ никуда сегодня не пойдетъ, и меня никуда не отпуститъ. Поэтому прошу Биррену отложить нашъ пиръ до другого времени.

Когда я далъ слугѣ такой отвѣтъ, Милонъ взялъ меня подъ руку, приказалъ нести за нами все, что надо для мытья, и повелъ меня въ ближайшія бани. На улицѣ я старался прятаться за спиною Милона, чтобы не попадаться на глаза встрѣчнымъ и не возбуждать хохота, въ которомъ, впрочемъ, я былъ самъ виноватъ. Отъ стыда я уже и не помнилъ, какъ я мылся, какъ натирался и какъ возвращался домой. У меня отшибло память, потому что всѣ указывали на меня глазами и пальцами и подмигивали другъ другу.

Наскоро покончивъ съ скуднымъ ужиномъ Милона, я попро-

изъ лучшихъ и вліятельнѣйшихъ фамилій; для патрона такое избраніе считалось очень почетнымъ.

силъ позволенія встать изъ-за стола, ссылаясь на то, что отъ постоянныхъ слезъ у меня разболѣлась голова. Позволеніе было охотно дано и я ушелъ въ свою комнату.

Бросившись на кровать, я съ грустью припоминалъ по порядку все, что случилось за этотъ день, пока ко мнѣ не пришла, приготовивъ постель для своей госпожи, сама не своя Фотида. Не съ веселымъ лицомъ, не съ забавною шуткой, а съ глубокими морщинами на печальномъ челѣ робко и тихо она заговорила со мною.

— Сама сознаюсь,—сказала она,—что я одна виновата въ твоей печали.

И съ этими словами она вынула изъ-за пазухи ремень и подала его мнѣ.

— Прошу тебя, возьми его и накажи вѣроломную женщину. Бей меня, какъ тебѣ будетъ угодно, только не думай, не думай, чтобы я умышленно причинила тебѣ это горе. Клянусь всѣми богами, что я не хотѣла доставить тебѣ даже самаго легкаго безпокойства. Если бы твоей головѣ грозило какое нибудь несчастіе, я пожертвовала бы жизнью, чтобы только спасти тебя. Но, на мою бѣду, то, что мнѣ было приказано сдѣлать для другого, случайно обрушилось на твою голову.

Это подстрекнуло мое любопытство и мнѣ захотѣлось узнать затаенныя пружины этого дѣла.

— Я скорѣе разорву на части этотъ гадкій и дерзкій ремень, который ты принесла мнѣ, чѣмъ позволю ему коснуться твоей бѣлой, какъ молоко, и мягкой, какъ пухъ, кожи. Но разскажи мнѣ по чистой совѣсти, какъ этотъ ужасный замыселъ по твоей винѣ чуть было не погубилъ меня. Клянусь твоей милой головкой, что никому, даже самой тебѣ, сколько бы въ этомъ ты меня ни увѣряла, я не повѣрю, чтобы ты могла умышленно причинить мнѣ зло. Да вѣдь и нельзя ставить въ вину, если замыселъ, самъ по себѣ невинный, окончился не такъ, какъ разсчитывали, или даже совсѣмъ плохо...

И я сталъ жадно цѣловать влажные полуотрытые глазки Фотиды, которые то загорались, то гасли отъ вспыхнувшей страсти,—сталъ ловить и всасывать ея поцѣлуи. Это вернуло ей обычную веселость и она уже по другому заговорила со мною.

— Погоди минутку,—сказала она.—Я только запру хорошенько дверь въ ту комнату. А то случайно сорвавшееся смѣлое слово можетъ окончательно погубить насъ.

Она заперла дверь на задвижку, опустила крюкъ, вернулась ко мнѣ на постель, обѣими руками обняла меня за шею и стала тихо шептать мнѣ на ухо:

— Боюсь, сильно боюсь открыть тебѣ тайны этого дома и секреты моей госпожи. Но я надѣюсь на тебя и на твое благоразуміе. При знатности своего рода и при своемъ высокомъ умѣ, ты посвященъ во многія мистеріи [1]) и поэтому долженъ знать великое значеніе тайны и молчанія. Прошу тебя,—крѣпко, подъ замкомъ храни въ тайникахъ своего вѣрнаго сердца все, что я буду говорить тебѣ сегодня. Я скажу тебѣ все прямо и откровенно, а ты за это никому не выдашь моей тайны. Одна пылкая любовь заставляетъ меня открыть тебѣ то, что знаю только я. Ты узнаешь все, что дѣлается въ этомъ домѣ, узнаешь всѣ секреты моей госпожи,—а ей повинуются тѣни умершихъ, ей покорны созвѣздія, ей служатъ духи и стихіи. Но только тогда она пускаетъ въ ходъ всѣ могущественныя чары своего искусства, когда распаляется похотью къ какому нибудь красивому молодому человѣку, что, впрочемъ, случается съ нею очень часто. Теперь она сходитъ съ ума по одному красивому юношѣ изъ Беотіи и поэтому всѣ средства и заклинанія колдовства въ полномъ ходу. Вчера я своими собственными ушами слышала, какъ она угрожала покрыть густымъ туманомъ и вѣчнымъ мракомъ солнце, если оно не поторопится уйти съ неба и не поспѣшитъ дать мѣсто ночи, необходимой для ея колдовства и волшебныхъ закли-

[1]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ Апулей былъ жрецомъ.

наній. Вчера, возвращаясь изъ бани, она случайно увидала этого беотійца, когда онъ стригся въ цирульнѣ и велѣла мнѣ потихоньку подобрать съ полу обрѣзки его волосъ и принести ей. Когда я крадучись дѣлала это, меня какъ то замѣтилъ цирульникъ. А про насъ и безъ того уже повсюду ходятъ позорные слухи; всѣ говорятъ, что мы злыя колдуньи. Поэтому цирульникъ схватилъ меня за волосы и сталъ немилосердно трепать.

— Когда же наконецъ ты перестанешь красть у меня обрѣзки волосъ молодыхъ людей? Я непремѣнно отправлю тебя куда слѣдуетъ, если ты тотчасъ же не уберешься отсюда и не отдашь мнѣ своей добычи.

— За словомъ послѣдовало и дѣло. Онъ запустилъ свою руку мнѣ за пазуху, свирѣпо обшарилъ тамъ все и съ гнѣвомъ вырвалъ изъ подъ моихъ грудей спрятанные тамъ волосы. Огорченная этимъ, зная хорошо характеръ своей хозяйки, которая больше всего сердится на неудачу именно въ такихъ дѣлахъ и за такіе промахи бьетъ меня особенно свирѣпо; я уже думала спасаться отъ нея бѣгствомъ. Но, вспомнивъ о тебѣ, я тотчасъ же отбросила эту мысль. Печально я возвращалась домой и вдругъ увидала одного человѣка, который большими ножницами стригъ козьи мѣха. Кончивъ дѣло, онъ крѣпко зашилъ ихъ, надулъ и повѣсилъ. Чтобы не возвращаться домой съ пустыми руками, я подобрала съ земли порядочное количество рыжеватой шерсти, которая по цвѣту нѣсколько напоминала волоса юноши изъ Беотіи, и понесла домой. Я отдала эту шерсть своей хозяйкѣ, не сказавъ ей, конечно, какъ собственно было дѣло. Настала ночь. Ты еще не возвращался. Памфила, сама не своя отъ похоти, поднялась на чердакъ, который устроенъ такъ, что туда проходятъ всѣ четыре вѣтра. Оттуда есть видъ и на востокъ и на всѣ другія стороны свѣта. Памфила находитъ его особенно удобнымъ для своего колдовскаго дѣла. Прежде всего она убрала свою адскую мастерскую по всѣмъ правиламъ искусства. Тамъ были мѣдныя дощечки съ буквами на неизвѣстномъ языкѣ, плѣши несчастныхъ,

давно оплаканныхъ покойниковъ, и нѣкоторые члены уже зарытыхъ въ землю труповъ; тамъ были ноздри и пальцы, крючья съ висѣлицы съ клочьями мяса, кровь обезглавленныхъ преступниковъ, подобранная на мѣстѣ казни, обезображенные черепа, вырванные изъ пасти дикихъ звѣрей. Послѣ заклинаній надъ содрагавшимися внутренностями животныхъ, она льетъ на волоса то ключевую воду, то горный медъ, то коровье молоко, то медъ винный. Потомъ она заплетаетъ и завиваетъ эти волоса въ разные сложные и хитрые узлы, кропитъ ихъ различными ароматами и бросаетъ на горящіе уголья. Только что волоса стали трещать и дымиться на угляхъ, тѣ козьи мѣхи, съ которыхъ эти волоса были сняты,—подъ неотразимыми чарами могущественнаго волхвованія, покорные слѣпой силѣ заклятыхъ и порабощенныхъ Памфилою божествъ,— временно наполняются человѣческимъ духомъ, начинаютъ чувствовать, слышать и двигаться; они, вмѣсто беотійскаго юноши, стараются проникнуть въ нашъ домъ и ломятся въ ворота. А въ это время идешь ты съ доброй попойки и обнажаешь мечъ. Обманутый мракомъ темной ночи, ты ополчаешься,—не какъ безумный Аяксъ, который ополчился на живой скотъ и поразилъ цѣлое стадо, но обнаруживаешь еще больше доблести, заставивъ испустить духъ три надутыхъ воздухомъ козьихъ мѣха. А такъ какъ ты поразилъ своихъ враговъ безъ малѣйшаго пролитія крови, то я смѣло могу обнимать тебя, не человѣко-убійцу, а только мѣхо-убійцу.

Такъ остроумно и забавно шутила надъ моимъ приключеніемъ Фотида.

— Значитъ,—отвѣчалъ я,—это моя первая награда за храбрость и я могу уже сравнивать себя съ Геркулесомъ; я могу сказать, что я началъ свои двѣнадцать подвиговъ, потому что три загубленныхъ мною мѣха отчасти напоминаютъ тройное тѣло Геріона или трехъголоваго Цербера. Но если, Фотида, ты хочешь совсѣмъ загладить свою вину, которая причинила мнѣ столько горя, исполни то, о чемъ я буду неотступно просить тебя,—по-

кажи мнѣ свою хозяйку, когда она будетъ дѣлать что нибудь въ этомъ родѣ и призывать духовъ. Мнѣ бы хотѣлось увидать ее оборотнемъ. Я вѣдь большой охотникъ до секретовъ колдовства и магiи. Думается мнѣ, что и ты не вовсе невѣжда по этой части; кажется, и ты въ этомъ дѣлѣ дока. Я это и знаю, и чувствую. Прежде я былъ большимъ ненавистникомъ женскихъ объятiй, а теперь твои сверкающiе глазенки, розовыя щечки, лоснящiеся волосы, вкусные поцѣлуи и тепленькiя груди сдѣлали меня твоимъ крѣпостнымъ,—рабомъ, добровольно отдавшимся въ рабство. Теперь меня уже не тянетъ домой. Я забылъ, что мнѣ надо собираться во свояси и не знаю ничего лучше такихъ ночей.

— Какъ бы охотно,—отвѣчала она,—я показала тебѣ то, чего тебѣ такъ хочется. Но вѣдь намъ всегда завидуютъ и поэтому такiя дѣла мы обыкновенно дѣлаемъ въ полномъ одиночествѣ, удаляемся отъ всѣхъ постороннихъ глазъ. Впрочемъ, твое желанiе для меня дороже моей безопасности. Погоди немного и я, улучивъ удобную минуту, сдѣлаю для тебя все. Только, какъ я тебѣ и прежде говорила, надо строго соблюдать молчанiе и тайну.

Во время этихъ разговоровъ желанiе подняло у меня все. Скинувъ съ себя всѣ покровы, мы въ упоенiи бросились въ битву Венеры. А когда я совсѣмъ усталъ и изнемогъ, Фотида взяла на себя не свою роль и сама помогала мнѣ, какъ умѣла. И только тогда сонъ закрылъ мои глаза, усталые отъ бодрствованiя, и не открывалъ уже ихъ до слѣдующаго дня.—

Время шло скоро среди такихъ удовольствiй. Однажды, возбужденная и даже слегка встревоженная, вбѣгаетъ ко мнѣ Фотида. По ея словамъ, Памфила ничего не могла сдѣлать для удовлетворенiя своей похоти другими средствами и въ эту ночь рѣшила обернуться птицей, чтобы въ такомъ видѣ летѣть къ своему возлюбленному. Фотида велѣла мнѣ осторожно приготовиться къ тому, чтобы быть свидѣтелемъ этого зрѣлища.

Около первой стражи ночи она тихимъ и безвучнымъ шагомъ

повела меня къ чердаку и велѣла мнѣ смотрѣть сквозь какое то отверстiе въ двери.

А на чердакѣ происходило вотъ что.

Памфила сняла съ себя положительно все, открыла сундукъ, вынула нѣсколько баночекъ, подняла съ одной изъ нихъ крышку и зацѣпила оттуда какой то мази. Этою мазью она долго натиралась и вымазала себя всю отъ ногтей на ногахъ до макушки на головѣ, что то долго и таинственно говорила съ своимъ ночникомъ и стала двигать своими вздрагивающими руками. Отъ этого движенiя на ней сталъ появляться легкiй пухъ; показались болѣе твердыя перья, загнулся твердый и кривой носъ, вытянулись кривые когти и Памфила вдругъ стала совою. Раздался жалобный крикъ, она слегка подпрыгнула, какъ бы пробуя силы, и вдругъ, поднявшись на воздухъ, во всю силу крыльевъ умчалась вонъ.

Меня никто не заклиналъ, но при видѣ этого превращенiя я былъ удивленъ до такой степени, что готовъ былъ считать себя чѣмъ угодно, только не Люцiемъ. Самъ не свой, удивленный до помѣшательства, я грезилъ на яву и долго теръ глаза, чтобы убѣдиться, что это не сонъ. Когда же наконецъ у меня явилось сознанiе дѣйствительности, я взялъ руку Фотиды и положилъ ее себѣ на глаза.

— Пожалуйста,—сказалъ я ей,—пожалуйста дай мнѣ лучшее и послѣднее доказательство твоего расположенiя ко мнѣ, какъ только къ этому представится случай. Заклинаю тебя твоею грудью, моимъ медомъ, достань мнѣ этой мази. За это неоплатное благодѣянiе я всегда буду твоимъ неизмѣннымъ рабомъ и буду летать вокругъ тебя, моей Венеры, какъ оперенный Купидонъ.

— О,—сказала она,—ты хитеръ, какъ лисица. Ты хочешь, чтобы я добровольно стала рубить топоромъ по своимъ же колѣнямъ? Развѣ я берегла тебя для ѳессалiйскихъ дѣвокъ? Гдѣ я найду тебя, если у тебя будутъ крылья? И когда я тебя увижу?

— Да спасутъ меня боги отъ такого преступленiя,—отвѣчалъ

я.—Если бы я могъ въ могучемъ орлиномъ полетѣ обогнуть все небо, если бы я былъ вѣстникомъ и оруженосцемъ самаго Юпитера, то и при этой мощи крыльевъ я все таки не отлетѣлъ бы отъ своего гнѣздышка. Клянусь милымъ узелкомъ твоихъ волосъ, которымъ завязано мое сердце, что, кромѣ моей Фотиды, мнѣ никого не надо. Да вѣдь надо подумать еще и вотъ объ чемъ. Когда я, намазавшись, обернусь въ такую птицу, мнѣ придется подальше держаться отъ всякаго дома. Скажи пожалуйста, что за любовникъ для приличной дамы—сова! Да развѣ ты забыла, что когда ночныя птицы залетаютъ въ какой нибудь домъ, ихъ во что бы то ни стало стараются поймать и прибиваютъ гвоздемъ къ воротамъ. Такою смертью онѣ искупаютъ то неблагопріятное предзнаменованіе, которое онѣ приносятъ съ собою въ домъ. Но я чуть не забылъ у тебя спросить, какъ и чѣмъ я могу скинуть съ себя эти перья и снова стать своимъ собственнымъ Люціемъ?

— Объ этомъ не безпокойся,—сказала она.—Хозяйка показала мнѣ все, что можетъ вернуть такимъ оборотнямъ прежній человѣческій образъ. И сдѣлала это вовсе не изъ дружбы ко мнѣ, а только для того, чтобы я могла приготовить для нея необходимыя средства, когда она возвращается домой. Если бы ты только зналъ, какіе пустяки, какія ничтожныя травки нужны для этого превращенія! Немного аниса распускается съ листьями лавра въ водѣ—и готово питье и омовеніе для этого.

Увѣривъ меня въ этомъ, она съ большимъ страхомъ побѣжала на чердакъ и принесла мнѣ оттуда какую то баночку. Я сперва обнялъ и поцѣловалъ эту баночку,—просилъ, чтобы она принесла мнѣ благополучное путешествіе по воздуху, потомъ, быстро скинувъ съ себя всѣ одежды, жадно запустилъ въ нее обѣ руки. Зацѣпивъ оттуда порядочное количество мази, я сталъ натирать ею все мое тѣло. Потомъ, растопыривъ руки, я сталъ помахивать ими, подражая птицамъ. Но, увы, нѣтъ на мнѣ ни пуха, ни перьевъ. Зато мои волоса становятся грубѣе и превращаются въ шерсть, мягкая

кожа превращается въ шкуру, пальцы на концахъ рукъ сливаются вмѣстѣ и превращаются въ сплошное копыто, изъ конца спины вылѣзаетъ большой хвостъ, лицо становится длиннымъ, широко растягивается ротъ, ноздри расширяются, губы отвисаютъ, уши, къ моему ужасу, непомѣрно растутъ. Я превращенъ. Я лишенъ возможности обнять свою Фотиду. Единственнымъ утѣшеніемъ въ моемъ превращеніи является то, что у меня все, все стало больше. Очевидно, спасенья мнѣ нѣтъ. Съ ужасомъ я осматриваю свое тѣло и вижу, что я вовсе не птица, а оселъ. Возмущенный лукавствомъ Фотиды, но лишенный человѣческаго жеста и слова, я дѣлаю все, что могу,—отвѣсивъ нижнюю губу, влажными глазами я искоса поглядываю на нее и молча прошу о помощи.

Какъ только Фотида увидѣла меня въ такомъ видѣ, она въ ужасѣ всплеснула руками.

— Я погибла,—закричала она.—Меня обмануло сходство баночекъ. Я ошиблась въ темнотѣ, потому что слишкомъ торопилась. Но это ничего. Для обратнаго превращенія есть простое и легкое средство. Какъ только ты пожуешь свѣжихъ розъ, ты сразу же вылѣзешь изъ шкуры осла и снова, съ полнымъ правомъ на это, станешь моимъ Люціемъ. О, если бы, какъ всегда, я и сегодня принесла нѣсколько бутоновъ! Но тебѣ не придется ждать больше одной ночи. Съ первыми лучами солнца я принесу тебѣ нужное средство.

Такъ убивалась надо мною она.

А я, настоящій оселъ и скотъ вмѣсто Люція, все еще сохранялъ человѣческія чувства.

Долго и всесторонне я размышлялъ про себя, не броситься ли мнѣ на эту негоднѣйшую и преступнѣйшую женщину, не повалить ли ее частыми ударами своихъ копытъ и не загрызть ли ее зубами до смерти? Но одна мысль удержала меня отъ такого безразсуднаго поступка. Если я убью Фотиду, я лишусь послѣдняго средства для своего спасенія. Я махалъ мордою, отгоняя отъ себя эту мысль, и, перенося свой временный позоръ, поневолѣ

покоряясь своей жестокой судьбѣ, пошелъ на конюшню къ своему коню, своему честному спутнику. Тамъ, на кормежкѣ я встрѣтился еще съ однимъ осломъ, который принадлежалъ моему хозяину Милону.

Я былъ убѣжденъ, что мой конь, если только у безсловесныхъ животныхъ есть какое нибудь молчаливое прозрѣніе сущности вещей, встрѣтитъ меня любезно, почтительно уступитъ мнѣ мѣсто и подѣлится кормомъ. Но, — внемли мнѣ ты, Юпитеръ, покровитель гостепріимства, и вы, великія божества дружбы!— мой вѣрный спутникъ, придвинувъ свою морду къ мордѣ осла, потихоньку составилъ заговоръ на мою погибель. Они, конечно, боялись за свой кормъ. Когда они увидѣли, что я подхожу къ ихъ колодѣ, они сердито подняли уши и встрѣтили меня ударами жесткихъ копытъ. Да, они далеко отогнали меня отъ овса, который я собственными руками засыпалъ вчера своему вѣрному товарищу по путешествію...

Непринятый въ ихъ компанію, я печально и тихо отошелъ въ уголокъ конюшни и сталъ думать о томъ, какъ спѣсивы мои новые товарищи и какъ я завтра, раздобывшись розами, снова стану Люціемъ и жестоко отомщу неблагодарной скотинѣ за ея вѣроломство.

И вдругъ на среднемъ столбѣ, который поддерживалъ перегородки конюшни, я увидѣлъ изображеніе богини Эпоны [1]), покровительницы этого стойла. И это изображеніе было обвито маленькими вѣнками изъ свѣжихъ розъ! Я спасенъ! Полный надежды, я изо всѣхъ силъ сталъ тянуться къ розамъ, поднялъ переднія ноги и уперся ими въ столбъ. Я во всю мочь вытягивалъ и шею, и губы, но, на мою бѣду, меня замѣтилъ мой слуга, которому было поручено смотрѣть за конемъ. Онъ сердито поднялся съ своего мѣста.

[1]) Эпона, покровительница лошадей, ословъ и муловъ, пользовалась особеннымъ почетомъ у погонщиковъ, кучеровъ и конюховъ. Ея изображеніе всегда бывало въ конюшняхъ и стойлахъ.

— Долго ли,—закричалъ онъ,—мнѣ терпѣть продѣлки этого осла? Недавно онъ посягалъ на кормъ скота, а теперь посягаетъ уже и на изображеніе богини. Задамъ же я ходу этому святотатцу! Ужо какъ обломаю ему бока и обобью ноги!

Добрый слуга, не находя другого орудія для наказанія, остановилъ свое вниманіе на вязанкѣ дровъ. Выбравъ оттуда полѣно подлиннѣе и посучковатѣе, онъ со всего маху началъ меня, бѣднаго, бить и не прекращалъ своего занятія до тѣхъ поръ, пока ему самому въ большомъ испугѣ не пришлось убѣжать изъ конюшни. Дѣло въ томъ, что у воротъ послышался страшный шумъ и стукъ, какіе то люди старались ворваться въ домъ, ворота начинали трещать, а по сосѣдству раздавались испуганные крики: «разбойники, разбойники».

Скоро ворота были разбиты. Вооруженная шайка ворвалась на дворъ и стала занимать строенія. Сосѣди, которые бѣжали на помощь, встрѣчаютъ вооруженное сопротивленіе. Мечи и факелы разбойниковъ блещутъ въ ночной темнотѣ. Огонь и сталь сверкаютъ подобно восходящему солнцу. Тяжелыми топорами разбойники сбиваютъ замки и засовы съ дверей амбара, который стоялъ посреди двора и въ которомъ хранились сокровища Милона. Сарай открытъ, богатства расхищены, разбойники увязываютъ мѣшки и одинъ за другимъ уходятъ со двора. Но эти мѣшки оказываются не подъ силу носильщикамъ. И тогда они рѣшаются прибѣгнуть къ самому крайнему средству,—именно, выводятъ изъ конюшни насъ, двухъ ословъ, и моего коня, немилосердно нагружаютъ тяжелѣйшими мѣшками и палками гонятъ насъ изъ пустаго теперь двора.

Оставивъ одного изъ своихъ товарищей въ городѣ, чтобы онъ могъ предупредить ихъ на случай погони, разбойники, не жалѣя палокъ, погнали насъ по какимъ то непроходимымъ горамъ. Подъ тяжестью огромнаго вьюка, измученный крутизною горъ и продолжительною дорогою, я почти ничѣмъ не отличался отъ мертваго.

Но во мнѣ, хотя и поздно, гвоздемъ засѣла мысль—при первомъ же удобномъ случаѣ обратиться къ содѣйствію подлежащихъ властей и, назвавъ имя державнаго цезаря, освободиться наконецъ отъ всѣхъ этихъ непріятностей. Солнце стояло высоко, когда мы въ базарный день проходили по какой то людной деревнѣ среди густой толпы грековъ. Я попробовалъ на своемъ собственномъ языкѣ произнести августѣйшее имя цезаря. Звукъ «Е» я прокричалъ довольно внятно и громко, но остальныхъ буквъ въ этомъ словѣ выговорить никакъ не могъ. Разбойники, выведенные изъ себя моимъ дикимъ ревомъ, начали палками бить меня куда ни попало, такъ что моя бѣдная шкура перестала годиться даже на рѣшето.

И вдругъ самъ Юпитеръ послалъ мнѣ неожиданное спасеніе. Мы миновали уже много деревень и отдѣльныхъ домовъ, когда я увидѣлъ въ сторонѣ хорошенькій садикъ. Въ немъ, среди другихъ яркихъ цвѣтовъ, распустились и дѣвственныя розы, еще покрытыя утреннею росою. Я, жадно разинувъ ротъ, бросился впередъ, окрыленный надеждою на спасеніе. Влажными губами я уже касался этихъ розъ, какъ вдругъ меня осѣнила очень дѣльная мысль. Если, подумалось мнѣ, я теперь стану Люціемъ, я погибъ, такъ какъ кругомъ меня—разбойники. Они подумаютъ, что я или колдунъ или будущій доносчикъ и свидѣтель противъ нихъ на судѣ.

Такъ я, по здравомъ разсужденіи, отошелъ отъ розъ и, какъ настоящій оселъ, сталъ жевать сѣно.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Солнце стояло высоко, когда мы пришли въ одну деревню къ какимъ то старичкамъ. Это были, очевидно, друзья разбойниковъ. Я, хотя и оселъ, сразу понялъ это по тому, какъ они встрѣтились, какъ обмѣнивались поцѣлуями и какъ откровенно говорили о своихъ дѣлахъ. Разбойники взяли съ моей спины кое какія вещи и дарили ихъ нашимъ хозяевамъ; какъ мнѣ показалось, жестами они давали имъ понять, что это добыто грабежемъ.

Съ насъ сняли мѣшки и пустили на ближайшій лугъ пастись на свободѣ. Но мнѣ вовсе не нравилась застольная компанія съ лошадью и осломъ,—особенно было не по душѣ обѣдать сѣномъ, къ которому я совсѣмъ не привыкъ. Почти сряду за конюшней я замѣтилъ маленькій огородъ и направился прямо туда; тамъ мнѣ удалось довольно туго набить свой животъ овощами, хотя и въ сыромъ видѣ.

Я молилъ всѣхъ боговъ, чтобы они не оставляли меня безъ помощи, и внимательно осматривалъ окрестность, въ надеждѣ гдѣ нибудь увидѣть питомникъ розъ.

Уже потому, что я былъ одинъ, я могъ дѣйствовать значительно смѣлѣе. Здѣсь, вдали отъ людей, въ укромномъ и потаенномъ мѣстечкѣ, я могъ воспользоваться извѣстнымъ мнѣ сред-

ствомъ, потихоньку изъ четвероногой скотины снова стать человѣкомъ и попрежнему подняться на ноги. Я съ головою ушелъ въ это море размышленій и потомъ вдругъ, нѣсколько подальше, въ тѣнистой долинѣ увидѣлъ густую рощу. Тамъ, среди очаровательной зелени и различныхъ травъ, въ чудномъ блескѣ виднѣлись цвѣтущія розы. Въ моемъ, еще не совсѣмъ ослиномъ, умѣ, являлась мысль, что это роща Венеры и Грацій,—что тамъ, подъ таинственной тѣнью, въ царственной красотѣ теперь распускается свадебный цвѣтокъ. Молитвенно призвавъ себѣ на помощь веселый и счастливый Успѣхъ [1]), я бросился впередъ—такимъ скорымъ маршемъ, что, клянусь Геркулесомъ, чувствовалъ себя не осломъ, а скаковою лошадью, которая славится своимъ бѣгомъ. Но меня и здѣсь преслѣдовала судьба. Мой смѣлый и благородный порывъ опять пропалъ даромъ.

Когда я приблизился къ этой рощѣ, я увидѣлъ, что это не розы,—чудныя, нѣжныя розы, еще покрытыя утреннею росою и усѣянныя милыми для меня шипами; я увидѣлъ, что это и не долина, а берегъ рѣки, густо заросшій деревьями. На этихъ деревьяхъ, которыя своею густою листвою напоминаютъ лавръ, растутъ на подобіе цвѣтовъ длинныя чашечки слегка розоватой окраски; онѣ не имѣютъ никакого запаха; простой народъ на своемъ деревенскомъ нарѣчіи называетъ ихъ лавровыми розами. Эти розы—ядовиты; животныя отъ нихъ околѣваютъ.

Преслѣдуемый злымъ рокомъ, я потерялъ послѣднюю надежду на спасеніе и уже почти былъ готовъ разъ навсегда покончить съ собою ядомъ этихъ цвѣтовъ. Но, когда я медленно подходилъ къ этимъ деревьямъ, какой то молодой человѣкъ неистово бросился на меня съ огромной дубиной. Надо полагать, это былъ огородникъ, гряды котораго я опустошилъ порядкомъ. Онъ, очевидно, узналъ о потравѣ, накинулся на меня и, конечно, заколо-

[1]) Eventus—божество, которому молились объ успѣхѣ задуманнаго предпріятія.

тилъ бы на смерть, если бы я не нашелъ остроумнаго средства избавиться отъ бѣды. Я подкинулъ свои бедра на воздухъ и копытами заднихъ ногъ жестоко отомстилъ огороднику,—сбилъ его съ ногъ, оставилъ на склонѣ горы, а самъ спасся бѣгствомъ.

Но, на мою бѣду, какая то женщина,—должно быть, жена огородника,—увидала съ горы, что ея мужъ сбитъ съ ногъ и избитъ до полусмерти. Она тотчасъ же бросилась къ нему, громко сзывая сосѣдей на помощь и убѣждая ихъ,—видно, изъ сostраданія къ ней,—поскорѣй меня порѣшить. Ея слезы растрогали этихъ мужиковъ. Они кликнули собакъ и со всѣхъ сторонъ стали ихъ науськивать на меня. Собаки готовы были яростно броситься и разорвать меня въ клочки. Тогда, несомнѣнно, я былъ на самомъ порогѣ смерти. Собаки были огромныя, способныя сладить на охотѣ съ львомъ или медвѣдемъ; ихъ было очень много; науськиваньемъ ихъ довели до бѣшенства. Обдумавъ свое положеніе, я принялъ рѣшеніе, вполнѣ соотвѣтствующее обстоятельствамъ дѣла.

Я отказался отъ мысли спасаться бѣгствомъ, повернулъ домой и скорымъ шагомъ скрылся въ конюшню того дома, гдѣ мы остановились. Собакъ съ трудомъ увели, а меня схватили и крѣпкимъ ремнемъ привязали къ какому то кольцу. И эти люди своими побоями довели бы меня до смерти, если бы мой животъ, плотно набитый сырою зеленью, отъ боли не засвистѣлъ, какъ свирѣль, и не разрѣшился жидкою струею; мнѣ удалось отогнать отъ своихъ, достаточно уже избитыхъ, лопатокъ—однихъ брызгами жидкой влаги, другихъ гнилымъ запахомъ жирнаго пара.

Прошло еще немного времени. Солнце уже сходило съ полудня. Разбойники вывели насъ изъ конюшни, нагрузили всѣхъ, а особенно меня, еще тяжелѣе прежняго. Мы сдѣлали добрый конецъ пути. Дорога меня утомила, тяжелый вьюкъ совсѣмъ измучилъ; мнѣ успѣли надоѣсть постоянные побои; я стеръ копыта, заковылялъ и сталъ хромать. Въ виду этого, я принялъ твердое рѣшеніе—ловко пригнуть колѣни и растянуться на землѣ совсѣмъ. Когда мы остановились у какого то извилистаго ручейка, я увидѣлъ въ

этомъ счастливый случай осуществить свой планъ. Я рѣшилъ лежать и ни за что не подниматься съ земли, сколько бы меня ни колотили палками и сколько бы ни кололи остріемъ мечей. Я полагалъ, что, слабый и полуживой, я имѣю наконецъ право на отставку. Конечно, разбойники изъ за меня останавливаться не станутъ: имъ необходимо поскорѣе спасаться бѣгствомъ. Вмѣсто всякаго другого наказанія, они просто бросятъ меня на добычу волкамъ и коршунамъ.

Но неумолимая судьба разрушила и этотъ превосходный планъ. Другой нашъ оселъ будто угадалъ мои мысли и предупредилъ меня. Онъ притворился смертельно усталымъ, со всею поклажею упалъ на землю и лежалъ, какъ мертвый. Его били то палками, то плетью, со всѣхъ сторонъ тянули къ верху за ноги, за уши и за хвостъ,—но онъ не поднимался. Наконецъ усталые разбойники потеряли всякую надежду заставить его идти и стали думать, что имъ дѣлать. Чтобы не останавливаться на пути, они сняли съ этого, уже не мертваго, а прямо какого то каменнаго, осла его вьюкъ и раздѣлили его между нами, т. е. между мною и лошадью. Потомъ они перерубили ему мечемъ сухожилья ногъ, немного оттащили отъ дороги и сбросили еще живымъ съ крутаго обрыва въ глубокую долину.

Я долго думалъ о судьбѣ своего несчастнаго товарища и рѣшилъ на будущее время отказаться отъ всякой хитрости и лукавства,—рѣшилъ служить своимъ господамъ вѣрой и правдой, какъ слѣдуетъ дѣльному и добропорядочному ослу. Кромѣ того, изъ ихъ разговоровъ я узналъ, что послѣ этого путешествія насъ скоро ждетъ спокойный отдыхъ. Мы подходили къ тому мѣсту, гдѣ была ихъ квартира.

Дѣйствительно, переваливъ черезъ небольшой пригорокъ, мы пришли къ назначенному мѣсту. Меня развьючили, мѣшки спрятали и я сталъ разгонять свою усталость,—уже не баней, какъ прежде, а катаньемъ по песку.

Теперь по ходу разсказа мнѣ надо сдѣлать описаніе этой мѣстности и той пещеры, въ которой жили разбойники. Это кстати дастъ вамъ образчикъ моего мышленія. Я сдѣлаю это такъ, что вы сами увидите, былъ ли я тогда осломъ по уму и по чувству.

Страшно высокая, мрачная гора, покрытая густымъ и темнымъ лѣсомъ. По ея отлогимъ скатамъ, гдѣ она не опоясывается крутыми и недоступными утесами, идутъ кругомъ, (представляя естественную защиту для этой крѣпости), глубокія долины и ущелья, заросшія терніями и всякой травой. Источникъ, срываясь съ вершины горы, пѣнится, пускаетъ огромные пузыри и выбрасываетъ серебряныя волны, которыя скатываются внизъ по косогору. Потомъ, раздѣлившись на множество ручейковъ, онъ, въ видѣ болотистыхъ рѣчекъ, орошаетъ долины и внизу окаймляетъ все, какъ какое то море или широкое озеро.

На самомъ краю горы въ скалѣ находилась широкая и просторная пещера, въ которой жили разбойники. Она была обнесена плотною изгородью и могла годиться для стоянки овецъ. Отъ воротъ во всѣ стороны тянулись маленькія дорожки. Всякій могъ бы сказать,—на мой, конечно, и довольно значительный рискъ,—что это атріумъ разбойниковъ.

Вблизи не было ничего, кромѣ маленькой избушки, плохо покрытой камышемъ. Тамъ, какъ я узналъ потомъ, по ночамъ держали караулъ тѣ изъ разбойниковъ, на которыхъ падалъ жребій.

Туда то, скорчившись и скрючившись, они пролѣзли одинъ за другимъ, а насъ привязали на крѣпкій ремень у самыхъ дверей. Громко и шумно разбойники стали кричать на сгорбленную и дряхлую старушонку, которая одна смотрѣла за хозяйствомъ этого огромнаго количества молодыхъ людей.

— Что же ты, смѣешься что ли надъ нами,—кричали они,—позоръ жизни, худшій изъ труповъ на всемъ кладбищѣ, постыдная добыча Орка? [1]) Послѣ такихъ опасностей и трудовъ намъ даже нечѣмъ дома подкрѣпиться? У тебя и ночью и днемъ одно только дѣло—безъ передышки лить вино въ свое бездонное брюхо!

[1]) Одна изъ адскихъ рѣкъ.

— Для васъ, мои храбрые и вѣрные кормильцы,—дребезжащимъ голосомъ отозвалась перепуганная старуха, дрожа всѣмъ тѣломъ,— у меня довольно припасено вкусной похлебки. Хлѣба сколько хочешь, вина много, чаши чисто на чисто вытерты и вымыты и, какъ всегда, подогрѣта вода для вашего умыванья на скорую руку.

При этихъ словахъ всѣ разбойники тотчасъ же стали раздѣваться. Голые, они потѣли передъ яркимъ огнемъ очага, потомъ обливались холодной водой и садились за столъ, уставленный кушаньями.

Только что они усѣлись, подошла новая партія молодыхъ людей, многочисленнѣе первой. Сразу было видно, что и это разбойники. И они привезли свою добычу, много золотыхъ и серебряныхъ монетъ, шелковыхъ и шитыхъ золотомъ тканей. Они вымылись такъ же, какъ и ихъ товарищи, и усѣлись съ ними за столъ. Нѣкоторые по жребію прислуживали за столомъ. Пошелъ пиръ и попойка. Похлебки истребляютъ цѣлыя ведра, хлѣба груды, вина кувшины. Вмѣсто шутки—крикъ, вмѣсто пѣсни — хриплый вой, вмѣсто остроты — ругательство; словомъ, все за ихъ столомъ напоминало полу-людей центавровъ и дикихъ Лапитовъ [1]).

— Мы доблестно овладѣли домомъ Милона изъ Гипатіи,—заговорилъ одинъ, который всѣхъ превосходилъ силою. — Своею храбростью мы добыли богатую добычу, никого не потеряли и кромѣ того,—а и это не пустяки,—пришли домой на восьми лишнихъ ногахъ. А вамъ захотѣлось попытать счастья въ Беотіи! И съ какимъ-же вы вернулись урономъ! Вы потеряли своего храбраго предводителя Ламаха, а его жизнь, во всякомъ случаѣ, дороже всѣхъ мѣшковъ, которые вы притащили съ собою! Конечно, этого человѣка погубила его излишняя храбрость. Слава объ этомъ воинѣ пройдетъ среди царей и полководцевъ.—Не лучше ли вамъ, доблестные разбойники, начать потихоньку воровать, да тащить что

[1]) Центавры—полулюди, полулошади—на брачномъ пиру Пиривоя затѣяли кровавое побоище съ грубымъ ѳессалійскимъ племенемъ Лапитовъ.

попадется подъ руку въ баняхъ и жалкихъ избенкахъ, гдѣ живутъ однѣ старухи!

— Должно быть, ты одинъ не знаешь,—заговорилъ кто то изъ второй партіи,—что въ большихъ домахъ гораздо легче грабить и разбойничать. Правда, въ большомъ домѣ всегда много челяди, но за то тамъ каждый больше думаетъ о себѣ, чѣмъ объ имуществѣ своего хозяина. А бережливые и осторожные люди крѣпко стоятъ за свое маленькое (а иногда и большое) добро и готовы защищать его даже съ опасностью для жизни. Впрочемъ, сами обстоятельства дѣла вполнѣ подтвердятъ мои слова.

— Только что мы пришли въ Семивратныя Ѳивы, мы занялись,—а это, конечно, въ нашемъ ремеслѣ первое дѣло,—розысками, есть ли тамъ богатые люди. Намъ, наконецъ, удалось узнать, что есть тамъ нѣкто Хризеросъ, человѣкъ запасливый и даже съ большими деньгами. Не желая тратиться на подарки и на государственную службу по выборамъ, онъ ловко умѣлъ скрывать свое богатство. Жилъ онъ одинъ и одиноко въ маленькомъ, но довольно крѣпкомъ домикѣ. Всегда оборванный и грязный, онъ спалъ на своихъ золотыхъ мѣшкахъ. Было рѣшено, что мы навѣстимъ его прежде всѣхъ. Презирая сопротивленіе одного человѣка, мы надѣялись, что намъ безъ всякихъ хлопотъ, почти даромъ, удастся завладѣть всѣмъ его имуществомъ. Не мѣшкая долго, въ началѣ ночи мы были уже у дверей его дома. Но скоро мы увидѣли, что нельзя ни открыть, ни снять, ни выломать этихъ дверей, не поднимая при этомъ,—на свою, конечно, погибель—на ноги всѣхъ сосѣдей.

Тогда Ламахъ, нашъ смѣлый предводитель, видя, что всѣ полагаются на его изобрѣтательность, осторожно запустилъ руку сквозь замочную скважину и сталъ поднимать засовъ. Но, изволите ли видѣть, этотъ Хризеросъ, негоднѣйшій изъ всѣхъ двуногихъ на свѣтѣ, въ эту ночь не спалъ и слышалъ все. Не говоря ни одного слова, онъ крадучись добрался до двери и со всего размаху огромнымъ гвоздемъ прибилъ руку нашего

вождя къ дверной доскѣ. Оставивъ Ламаха въ такомъ бѣдственномъ положеніи, онъ поднялся на крышу своей жалкой хижины и оттуда сталъ кричать во всю глотку, призывая на помощь сосѣдей. Онъ кричалъ, что надо позаботиться объ общей безопасности, такъ какъ будто бы въ его домѣ пожаръ.

Испуганные близостью мнимаго пожара, всѣ бросились къ хитрому старику на помощь. Мы оказались между двухъ огней. Приходилось или погибнуть, или покинуть въ опасности своего вождя. При такихъ обстоятельствахъ дѣла, съ согласія Ламаха, мы остановились на среднемъ,—правда, героическомъ,—рѣшеніи. Мы начисто отрубили добрый кусокъ нашего вождя, направивъ ударъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ рука входитъ въ суставы плеча. Оставивъ руку висѣть у дверей, мы навертѣли всякихъ тряпокъ на рану, чтобы, въ случаѣ погони, насъ не выдали капли крови, и унесли съ собою остатки Ламаха.

Преслѣдуемые дикимъ крикомъ напуганныхъ жителей, побуждаемые страхомъ неминучей опасности къ поспѣшному бѣгству, мы безъ оглядки удирали изъ города. А бѣдный Ламахъ не могъ ни поспѣвать за нами, ни оставаться безъ большаго риска на мѣстѣ. Мужъ великаго духа и чрезвычайной доблести, онъ сталъ всячески просить и заклинать насъ, говорилъ очень много и убѣждалъ очень краснорѣчиво. Онъ заклиналъ насъ десницею Марса [1]) и святостью дружбы, чтобы мы избавили его отъ ожидающей пытки и плѣна.

— Какъ,—говорилъ онъ,—храброму разбойнику оставаться въ живыхъ, лишившись руки, которая только и давала ему возможность убивать и грабить? Нѣтъ, онъ будетъ счастливъ, если по доброй волѣ умретъ отъ дружеской руки.

Но, какъ онъ ни просилъ насъ, никто не соглашался на такое дѣло. Тогда онъ самъ оставшеюся рукою взялъ свой мечъ, долго его цѣловалъ и потомъ могучимъ ударомъ пробилъ себѣ грудь.

---

[1]) Марсъ—патронъ разбойниковъ.

Почтивъ доблесть своего мужественнаго вождя, мы бережно завернули его останки въ льняныя ткани и ввѣрили его трупъ морскимъ волнамъ [1]). И теперь Ламахъ лежитъ тамъ, подъ саваномъ цѣлой стихіи. Во всякомъ случаѣ, конецъ его жизни былъ вполнѣ достоинъ его доблести.

Не могъ отклонить жестокаго приговора судьбы и Альцимъ. Онъ погибъ со всѣми своими смѣлыми замыслами. Онъ сломалъ дверь у хижины одной старушонки, поднялся къ ней на чердакъ и могъ бы тотчасъ же перехватить ей глотку или задушить ее, но разсудилъ, что это можно сдѣлать потомъ, а сперва черезъ широкое окно надо выбросить къ намъ всѣ ея пожитки, чтобы мы могли успѣть утащить ихъ. Когда все до-чиста было уже за окномъ, онъ захотѣлъ отправить туда же и постель, на которой спала старуха. Скинувъ старуху на полъ, онъ, изволите видѣть, хотѣлъ бросить къ намъ и ея одѣяло. А эта негодная баба, припавъ къ его колѣнямъ, обратилась къ нему съ такими словами.

— Умоляю тебя, сынъ мой, не дари нищенскихъ и грязныхъ лохмотьевъ ничтожной старушонки ея богатымъ сосѣдямъ. Это окно выходитъ на дворъ къ нимъ.

Обманутый хитрою рѣчью, Альцимъ, предполагая, что все это правда, задумался. Онъ не хотѣлъ, чтобы то, что онъ успѣлъ уже выбросить, и то, что онъ только собирался бросать, попало не въ руки его товарищей, а въ руки сосѣдей. Бросать добычу наобумъ на чужой дворъ было, конечно, не съ руки. Въ виду всего этого онъ высунулся изъ окна и сталъ внимательно смотрѣть по сторонамъ. Особенно ему хотѣлоеь убѣдиться въ богатствѣ сосѣдняго дома, о чемъ говорила старуха.

Когда онъ—насколько усердно, настолько же и неосторожно—свѣсился, раскачиваясь, за окно и весь погрузился въ свое со-

---

[1]) Вблизи Ѳивъ моря нѣтъ и поэтому описаніе такихъ похоронъ, очевидно, импровизація разсказчика.

зерцаніе, старая злодѣйка столкнула его внизъ. Толчекъ былъ, конечно, слабъ, но по своей неожиданности онъ погубилъ нашего товарища. Альцимъ кубаремъ полетѣлъ за окно. Свалившись съ такой ужасной высоты, онъ хлопнулся о какой то камень, который случайно валялся по сосѣдству, въ дребезги переломалъ себѣ ребра и, захлебываясь потоками крови, почти скоропостижно умеръ, успѣвъ, однако, разсказать намъ, какъ было дѣло.

И онъ, какъ добрый спутникъ, пошелъ за Ламахомъ, удостоившись такихъ же похоронъ.—

Лишившись двухъ своихъ товарищей, мы рѣшились отказаться отъ своихъ ѳиванскихъ предпріятій и удалились въ сосѣдній городъ Платею.

Тамъ до насъ дошли слухи, что нѣкто Демохаресъ, человѣкъ знаменитый, устраиваетъ для народа гладіаторскія игры. По высокому благородству своего рода, по громадному богатству и необыкновенной щедрости онъ затѣялъ дать городу блестящее развлеченіе, достойное его имени.

Гдѣ найти такой умъ и такое краснорѣчіе, чтобы вѣрно и точно описать всѣ подробности разнообразныхъ приготовленій?! Тамъ и гладіаторы рѣдкаго искусства, и охотники испытанной ловкости, и преступники, приговоренные къ смерти, мясу которыхъ суждено было успокоиться на вѣки въ брюхѣ дикихъ звѣрей. Была устроена особенная машина, на подобіе башни, съ превосходною живописью по стѣнамъ, въ родѣ какого то переноснаго дома или очень приличной клѣтки для будущей охоты. А сколько—и какихъ!—было припасено звѣрей!

Только при усиленныхъ стараніяхъ суда можно было напасти достаточное количество приговоренныхъ къ смерти для этихъ благородныхъ гробницъ!...

Кромѣ всего прочаго, для этого блестящаго праздника было заготовлено такое огромное число медвѣдей, какое только можно было запасти, пользуясь всѣми средствами несмѣтнаго богатства. Ихъ ловили свои охотники, ихъ за большія деньги покупали гдѣ

только было можно, ихъ на перебой присылали Демохаресу въ подарокъ его друзья. И всѣхъ ихъ, не жалѣя денегъ, Демохаресъ кормилъ и содержалъ, какъ можно внимательнѣе и лучше.

Эти дорогія и пышныя приготовленія къ народному празднику должно быть возбудили у другихъ зависть, потому что на медвѣдей, утомленныхъ продолжительнымъ заключеніемъ въ одномъ мѣстѣ, измученныхъ неволею, отощавшихъ отъ лѣтняго зноя, разжирѣвшихъ отъ скучнаго сидѣнья по клѣткамъ, вдругъ напалъ какой то моръ. Изъ многихъ сотенъ почти ничего не осталось. На площадяхъ и улицахъ тамъ и здѣсь валялись полуживые футляры звѣриныхъ тушъ. Простой народъ, по своей необразованности и бѣдности неразборчивый на пищу, въ погонѣ за всякимъ, хотя и грязнымъ, но даровымъ подспорьемъ для своего подведеннаго живота, толпами кидался на эти дохлые обѣды.

Тогда я и вотъ этотъ Бабулъ придумали очень тонкій планъ, вполнѣ сообразный съ обстоятельствами дѣла. Мы унесли къ себѣ, какъ будто для ѣды, одного медвѣдя необыкновенныхъ размѣровъ. Шкуру мы осторожно отдѣлили отъ мяса, бережно сохранили когти, оставили цѣликомъ всю голову звѣря вплоть до конца затылка, самымъ тщательнымъ образомъ выскоблили кожу, чтобы она стала тоньше, и потомъ, осыпавъ ее тонкимъ слоемъ золы, вывѣсили для просушки на солнце. Пока шкура сохла подъ лучами небеснаго свѣтила, мы время отъ времени лакомились медвѣжьимъ мясомъ и между прочимъ для предстоящаго намъ дѣла выработали такой планъ.

Одинъ изъ насъ, первый не столько по физической силѣ, сколько по силѣ духа, самъ по своей охотѣ закутается въ эту шкуру, возьметъ на себя роль медвѣдя и, впущенный въ такомъ видѣ въ домъ Демохареса, ночью, когда все заснетъ и умолкнетъ, откроетъ намъ ворота и пуститъ насъ на дворъ.

Многихъ изъ нашей храброй дружины соблазнялъ этотъ хитрый планъ и многіе хотѣли идти въ домъ богача въ качествѣ

ходячаго подарка. Но жребій быть ходячей машиной, по общему выбору и по желанію всей шайки, палъ на Тразилеона.

Онъ, закутавшись мягкою и гибкою шкурою, весело скрылъ свое лицо подъ звѣриною маскою. Края шкуры мы зашили тонкою бичевкою и закрыли шовъ, конечно, очень тонкій, густою мохнатою шерстью; его голову мы просунули къ самому концу шеи, гдѣ оканчивалась вырѣзка затылка; у глазъ и у ноздрей для дыханія сдѣлали маленькія отверстія и своего храбраго товарища, ставшаго сущимъ звѣремъ, пустили въ клѣтку, которую намъ удалось купить по сходной цѣнѣ. Въ эту клѣтку Тразилеонъ впрыгнулъ самъ—съ удивительною охотою и живостью.

Такъ мы сдѣлали предварительныя приготовленія и повели свою хитрую выдумку дальше.

Намъ какъ то удалось узнать, что нѣкто Никаноръ, по происхожденію ѳракіецъ, особенно друженъ съ этимъ Демохаресомъ. Мы сочинили отъ его имени письмо, гдѣ писали, что старый пріятель считаетъ за честь послать своему другу въ подарокъ первые трофеи своей охоты. Когда наступилъ вечеръ, мы, подъ покровомъ ночной темноты, при любезномъ письмѣ понесли Демохаресу клѣтку съ Тразилеономъ.

Звѣрь поражалъ своими огромными размѣрами. Подарокъ щедраго пріятеля былъ какъ нельзя болѣе кстати—и Демохаресъ отъ восторга приказалъ отсчитать десять золотыхъ намъ, доставившимъ ему столько удовольствія.—

Люди всегда торопятся посмотрѣть на всякую новинку и поэтому много народа сбѣжалось подивиться на нашего звѣря. Нашъ Тразилеонъ время отъ времени сдерживалъ это довольно назойливое любопытство грознымъ ревомъ. Кругомъ только и говорили, что о новой удачѣ Демохареса. Только что онъ потерялъ множество припасенныхъ для зрѣлища медвѣдей, какъ случай даритъ его новымъ подаркомъ и даетъ ему возможность еще разъ поспорить съ судьбой.—

Новый хозяинъ не замедлилъ распорядиться, чтобы медвѣдя

отвели къ нему въ деревню и смотрѣли за нимъ во всѣ глаза. Тогда пришлось вмѣшаться въ дѣло мнѣ.

— Такъ, господинъ, будетъ неладно, — заговорилъ я.—Медвѣдь утомленъ и дневнымъ зноемъ, и долгимъ путемъ; его опасно оставлять среди другихъ, — какъ я слышалъ, не совсѣмъ здоровыхъ,—животныхъ. Развѣ у тебя дома не найдется какого нибудь открытаго мѣста, гдѣ есть вѣтеръ,—и лучше всего по сосѣдству съ озеромъ? Или ты не знаешь, что эти звѣри охотнѣе всего скрываются въ густыхъ рощахъ и темныхъ пещерахъ, любятъ прохладные холмы и высокія горы?

Мои слова подѣйствовали на Демохареса. Онъ не забылъ, сколько животныхъ ему пришлось уже потерять. Согласившись со мною, онъ охотно позволилъ намъ поставить клѣтку, гдѣ мы найдемъ лучше.

Мы предложили было провести всю ночь у медвѣжьей клѣтки, такъ какъ мы умѣемъ обходиться съ этими животными, во время дадимъ утомленному зноемъ и тревогами дня медвѣдю кормъ и питье,—но въ этомъ намъ было отказано.

— Нѣтъ, въ вашихъ услугахъ мы не нуждаемся. Медвѣдей было у насъ не мало и почти всѣ въ домѣ умѣютъ за ними ходить.—

Оставалось проститься и уйти. За воротами города, довольно далеко отъ дороги, въ тихомъ и укромномъ мѣстечкѣ мы увидѣли какой то надгробный памятникъ. Тамъ-то, въ старыхъ, ветхихъ и полуразвалившихся столбахъ памятника, гдѣ обитали только истлѣвшіе покойники, мы рѣшили устроить складочное мѣсто для своей будущей добычи.

Вѣрные привычкамъ своей шайки, мы стали дожидаться безлунной ночи,—самой удобной для насъ минуты, потому что первый сонъ крѣпче всего связываетъ чувства и члены смертныхъ. Приготовившись къ дѣлу, мы вооружились мечами и построили свою когорту у самыхъ воротъ дома Демохареса. Этой же минуты ждалъ для ночнаго убійства съ своей стороны и Тразилеонъ. Онъ

тотчасъ же вырвался на волю, поразилъ мечемъ всѣхъ до одного сторожей, которые спали около его клѣтки, точно также покончилъ съ привратникомъ, поднялъ засовы и отворилъ намъ ворота.

Мы ворвались во дворъ, гдѣ Тразилеонъ указалъ намъ одинъ амбаръ, куда, какъ это ему удалось подсмотрѣть, вчера вечеромъ прятали много серебра. Общими усиліями мы этотъ амбаръ взломали. Я распорядился, чтобы всѣ забирали съ собою столько золота и серебра, кто сколько можетъ, тащили его въ жилище нашихъ честныхъ покойниковъ и потомъ снова, какъ можно скорѣе, возвращались назадъ, чтобы еще разъ наполнить добычей свои мѣшки. Я же, какъ это у насъ и принято, рѣшилъ оставаться у порога дома одинъ и зорко слѣдить за всѣми, пока товарищи снова не вернутся назадъ. Мнѣ казалось, что одинъ видъ медвѣдя, свободно разгуливающаго по двору, достаточно напугаетъ всякаго, кто случайно не спитъ и вздумаетъ выглянуть на дворъ.

— Найдется ли,—думалось мнѣ,—такой смѣлый и безстрашный человѣкъ, который, увидѣвъ огромную фигуру дикаго звѣря, и притомъ ночью, не обратится въ бѣгство? Каждый, конечно, перепугавшись на смерть, поспѣшитъ спрятаться въ своей комнатѣ и запереться на крюкъ.

Но, несмотря на всю разумность и обдуманность моихъ распоряженій, насъ подстерегъ и погубилъ безжалостный случай.—

Я спокойно ждалъ возвращенія своихъ товарищей, когда на дворъ,—надо полагать, по внушенію свыше (а можетъ быть, и на нашъ шумъ),—тихо выглянулъ кто то изъ прислуги. Бездѣльникъ, замѣтивъ медвѣдя на полной свободѣ, не издалъ никакого звука, а потихоньку снова прокрался въ домъ и разсказалъ всѣмъ и каждому, что видѣлъ. Скоро были на ногахъ всѣ многочисленные обитатели этого просторнаго дома.

Мракъ озаряется факелами, ночниками, свѣчами и лампами. Каждый въ этой огромной толпѣ вооруженъ—кто палкой, кто копьемъ; у нѣкоторыхъ въ рукахъ обнаженные мечи. Выходъ со

двора занятъ. На медвѣдя науськиваютъ огромныхъ охотничьихъ собакъ съ оттопыренными ушами и всклокоченною шерстью.—

Вся эта суматоха была въ полномъ разгарѣ, когда мнѣ удалось потихоньку улизнуть со двора. Я притаился за воротами, а самъ, конечно, смотрѣлъ на Тразилеона, который удивительно ловко отбивался отъ собакъ. Онъ, очевидно, готовъ былъ перешагнуть послѣдній порогъ жизни, но и въ эту минуту не измѣнилъ ни своей, ни нашей прежней доблести и скалилъ на собакъ свои зубы, достойные Цербера. Онъ ловко продолжалъ играть роль, которую принялъ на себя добровольно,—то бѣжалъ отъ собакъ, то останавливался и снова бросался на нихъ; наконецъ, посредствомъ различныхъ поворотовъ и изворотовъ ему удалось, выбѣжать за ворота. На улицѣ онъ, конечно, почувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе, но ему не суждено было спастись бѣгствомъ. Съ ближайшаго переулка бросились на него всѣ собаки, смѣшались съ охотничьими собаками Демохареса, которыя тоже не отставали отъ своей дичи, и цѣлыми сворами насѣли на Тразилеона.

Поистинѣ это было печальное зрѣлище! Стаи разсвирѣпѣвшихъ собакъ со всѣхъ сторонъ окружили нашего товарища, кидались на него, трепали и волочили его своими зубами.

Я не могъ больше выносить этого и смѣшался съ толпою сбѣжавшагося народа. Я рѣшился изподтишка оказать посильную помощь своему вѣрному другу и началъ переговоры съ руководителями облавы.

— Какое, — говорилъ я, — страшное и преступное это дѣло! Вѣдь такъ мы потеряемъ громаднаго и по истинѣ драгоцѣннаго звѣря!

Однако, моя хитрая рѣчь не принесла никакой пользы несчастному юношѣ. Изъ дома выбѣжалъ какой то проворный и сильный человѣкъ и вонзилъ свое копье въ самыя внутренности звѣря. За нимъ такой же ударъ нанесъ и другой. Тогда и многіе стали смѣлѣе, стали подходить къ животному и добивать его мечами.

Тразилеонъ, краса и гордость нашей шайки, испустилъ свой духъ, достойный безсмертія. Но онъ до послѣдней минуты ни крикомъ, ни улюлюканьемъ не выдалъ нашей тайны. Его кусали собаки, его кололи копья и мечи, а онъ только рявкалъ, да по медвѣжьи рычалъ, съ благородною гордостью перенося свои несчастія и бѣды.

И онъ отдалъ жизнь судьбѣ, себѣ сохранивъ только славу.—

Но онъ такъ всѣхъ напугалъ, что до свѣта,—кажется даже, до бѣлаго дня,—никто не смѣлъ и пальцемъ коснуться до этого, теперь уже мертваго, звѣря. Только одинъ мясникъ,—нѣсколько посмѣлѣе другихъ,—медленно и робко распоролъ брюхо медвѣдя и вытащилъ оттуда благороднаго разбойника. Такъ Тразилеонъ погибъ для насъ, но не погибъ для славы.—

Мы поскорѣе увязали мѣшки, которые были подъ присмотромъ нашихъ честнѣйшихъ покойниковъ и скорымъ шагомъ двинулись въ предѣлы Платеи.—По дорогѣ у меня много разъ являлась мысль, что честности поистинѣ въ нашей жизни нѣтъ, и что она, въ гнѣвѣ на наше вѣроломство, удалилась къ покойникамъ, въ царство мертвыхъ. Насъ утомила тяжесть добычи и долгая дорога, но за то мы принесли вамъ ту добычу, которую вы видите.—

Разсказъ былъ оконченъ. Изъ золотыхъ сосудовъ чистымъ виномъ разбойники сдѣлали возліяніе въ память погибшихъ товарищей, спѣли нѣсколько нестройныхъ гимновъ въ честь своего покровителя Марса и одинъ за другимъ улеглись спать. Не забыли и насъ. Старуха безъ всякой мѣры насыпала намъ кучу свѣжаго овса. Мой конь, которому одному досталась вся эта порція, вѣроятно, думалъ, что онъ попалъ на пиръ салійскихъ жрецовъ [1]). А я, хотя и очень люблю овесъ, когда его хорошенько протереть и сварить въ видѣ похлебки, постарался все таки по-

[1]) Жрецы Марса, которые послѣ жертвъ изъ добровольныхъ приношеній граждань устраивали пиры и праздники.

искать себѣ другой пищи. Я обшарилъ всѣ углы и напалъ на мѣсто, гдѣ хранились остатки отъ ужина всей шайки разбойниковъ. Отъ продолжительной голодовки моя глотка стала уже запекаться и покрываться паутиной. За то теперь я задалъ ей довольно работы.

На разсвѣтѣ разбойники проснулись и отправились въ новый походъ,—въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ; одни были вооружены мечами, другіе перерядились какими то привидѣніями.—Двинулись въ путь они очень быстро. А я все жевалъ—настойчиво и упорно; даже сонъ не помѣшалъ моему аппетиту. Странное дѣло! Прежде, когда я былъ еще Люціемъ, мнѣ было за глаза довольно одного хлѣба; два—это уже самое большее; а теперь я опорожнивалъ третью корзину, стараясь угодить своему глубокому животу. За этою работою засталъ меня ясный день. И только тогда, хотя и не безъ сожалѣнія, я по ослиной вѣжливости отошелъ отъ хлѣбовъ и отправился къ ближайшему ручейку, чтобы утолить жажду.

Черезъ нѣсколько времени прибѣгаютъ домой разбойники, чѣмъ то испуганные и взволнованные. Добычи—ни одного мѣшка. Нѣтъ даже лоскутка самой дешевой ткани. Многочисленный отрядъ разбойниковъ, вооруженныхъ мечами, гдѣ были соединены всѣ силы многолюдной шайки, велъ съ собою одну только единственную дѣвушку, съ широкою повязкою на головѣ (а это показывало, что уже она замужемъ),—лучшую дѣвушку въ той странѣ, заплаканную, смущенную, терзающую свои волоса и одежду,—дѣвушку, которая, клянусь Геркулесомъ, будила желанія даже въ такомъ ослѣ, какъ я. Разбойники увели ее въ пещеру и старались ей доказать, что бѣда не такъ велика, какъ ей кажется.

— Чего ты боишься?—говорили они ей.—Ни тебѣ, ни твоей стыдливости опасность не угрожаетъ. Потерпи немного и это принесетъ деньги намъ, которыхъ къ такому ремеслу принуждаетъ бѣдность. Твои родители, хотя они и скупы, такъ богаты, что не

замедлятъ, конечно, предложить намъ приличный выкупъ за свою дочь.

Но что они ни пробовали говорить, они не могли успокоить этой дѣвушки. Она опустила на колѣни свою головку и неудержимо плакала. Тогда разбойники крикнули старуху, велѣли ей сѣсть около плѣнницы и утѣшать ее ласковыми словами, а сами снова ушли на добычу. Но и старушонка ничего не могла подѣлать, какъ она ни старалась развеселить печальную дѣвушку. Плѣнница рыдала еще громче, такъ что отъ всхлипыванья вся содрагалась и своими жалобами довела до слезъ даже меня.

— Какъ мнѣ не плакать,—говорила она,—когда меня, бѣдную, увели изъ роднаго дома, отъ милой семьи, отъ ласковыхъ прислужницъ и добрыхъ родственниковъ,—когда я стала добычей и рабой разбойниковъ, крѣпко заперта въ этой каменной темницѣ, лишена всѣхъ развлеченій, среди которыхъ я родилась и выросла,—когда я, находясь въ этомъ вертепѣ, должна бояться даже за свою жизнь?—Мнѣ остановить свои слезы—все равно, что перестать жить.

Такъ она жаловалась на свою судьбу, измученная печалью, усталая отъ рыданій, пока сонъ не закрылъ ея печальные глазки. Она дремала довольно уже долго, какъ вдругъ, въ какомъ то почти безумномъ порывѣ, поднялась, заплакала еще сильнѣе, стала бить себя въ грудь и царапать свое милое личико. Старуха принялась настойчиво разспрашивать ее о причинѣ новыхъ слезъ; въ отвѣтъ ей дѣвушка съ глубокимъ вздохомъ заговорила такъ.

— Ахъ, теперь я навѣрно погибла, погибла совсѣмъ, погибла навсегда. Теперь у меня не остается никакой надежды. Мнѣ остается только или повѣситься, или броситься въ какую нибудь пропасть.

Это страшно разсердило старуху. Съ злымъ лицомъ она приказала дѣвушкѣ говорить, какая постигла ее новая бѣда и отчего послѣ успокоительнаго сна она снова принялась за свои глупыя слезы.

— Вижу, — говорила она, — что ты задумала лишить моихъ молодчиковъ ихъ добычи, выкупа за тебя. Лучше перестань, а то я сдѣлаю такъ, что разбойники не посмотрятъ на твои слезы, — слезы для нихъ пустяки, — и сожгутъ тебя живою.

— Пожалѣй меня, бабушка,—отвѣчала милая дѣвушка, испуганная этими словами, покрывая поцѣлуями руки старухи.—Будь ко мнѣ поласковѣе, не забывай, какое со мною приключилось горе. Я не хочу думать, чтобы за твой долгій вѣкъ въ тебѣ совсѣмъ изсохло состраданіе, когда твою голову покрыли эти почтенныя сѣдины. Выслушай меня и ты узнаешь, съ чего я такъ плачу. Красивый юноша,—лучше всѣхъ въ нашей мѣстности, какого охотно усыновилъ бы любой городъ,—мой дальній родственникъ, съ раннихъ лѣтъ росъ и воспитывался вмѣстѣ со мною. Онъ давно уже далъ мнѣ обѣтъ вѣчной и нѣжной любви, обѣтъ дѣлить со мною все—и жизнь, и домъ, и ложе. Мы давно уже обмѣнялись съ нимъ брачными обѣтами и договоръ былъ заключенъ. Съ согласія родителей онъ былъ объявленъ моимъ женихомъ. Въ сопровожденіи густой толпы родныхъ и близкихъ онъ готовился къ совершенію свадебныхъ обрядовъ, приносилъ жертвы богамъ въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ. Въ домѣ, убранномъ вѣтками и гирляндами лавра, ярко освѣщенномъ вѣнчальными факелами, весело звучали гимны въ честь Гименея. Моя несчастная мать, крѣпко цѣлуя и обнимая меня, надѣвала на меня красивые подвѣнечные уборы. Она заранѣе тревожилась и чего то пугалась при мысли о своихъ внукахъ и внучкахъ, о моемъ будущемъ потомствѣ. И вдругъ въ нашъ домъ врывается шайка разбойниковъ. Грозно сверкаютъ ихъ обнаженные мечи. Они свирѣпы, какъ солдаты въ разгарѣ войны, но не поднимаютъ своихъ рукъ ни для грабежа, ни для убійства. Сомкнувъ ряды, они устремляются прямо на нашъ брачный покой. Никто изъ домашнихъ не осмѣливается отразить ихъ. Они вырываютъ меня бѣдную, полумертвую отъ ужаса, изъ крѣпкихъ объятій испуганной матери. Какъ

бракъ Гипподаміи и Пиривоя [1]), былъ расторгнутъ и нашъ бракъ. Но и этимъ не оканчиваются мои бѣдствія. Я видѣла во снѣ, какъ меня насильно тащили со двора, изъ дома, изъ спальни и даже съ самаго ложа, — тащили по непроходимымъ пустынямъ, а я всю дорогу звала на помощь своего несчастнаго мужа. Я видѣла, какъ онъ, прямо изъ моихъ объятій, еще влажный отъ притираній, съ свѣжими вѣнками на головѣ, гнался за нами по слѣдамъ, а я убѣгала отъ него на чужихъ ногахъ. Онъ кричитъ, громко жалуется на похищеніе красивой жены и сзываетъ народъ на помощь. Тогда одинъ изъ разбойниковъ, разсердившись на это неотступное преслѣдованіе, бросаетъ ему подъ ноги камень. Новый ударъ въ голову губитъ моего несчастнаго молодаго мужа. Это меня страшно напугало и я тотчасъ же проснулась отъ этого мрачнаго сна.

— Успокойся, моя госпожа,—со вздохомъ отвѣчала на эти жалобы старуха.—Не вѣрь пустымъ призракамъ сна. Извѣстно, что тѣ сны, которые мы видимъ днемъ, лживы, а ночные сны надо понимать въ обратномъ смыслѣ. Видѣть во снѣ слезы, побои и даже убійство—хорошо. Это предвѣщаетъ какую нибудь выгоду или удачу. А видѣть во снѣ, что ты смѣешься, или лакомствами наполняешь свой желудокъ, или предаешься наслажденіямъ Венеры—предвѣщаетъ сердечную тоску, тѣлесные недуги или другія непріятности. Но я постараюсь разогнать твою тоску забавными разсказами и бабьими сказками.

И старуха начала такъ.

Жили были въ нѣкоторомъ царствѣ царь и царица. У нихъ были три дочери—замѣчательной красоты. Но прелести двухъ старшихъ сестеръ,—хотя и онѣ были очень красивы,—все таки можно было по достоинству оцѣнить человѣческою рѣчью. А чудная и поразительная красота младшей дочери была такъ необыкновенна, что людской языкъ казался слишкомъ бѣднымъ, чтобы какъ слѣдуетъ описать и прославить ее.

[1]) Свадьба лапита Пиривоя и Гипподаміи была прервана кровавой битвой между лапитами и приглашенными на брачный пиръ центаврами.

Слухъ объ этой неземной красотѣ привлекалъ въ этотъ городъ густыя толпы гражданъ и иностранцевъ. Положивъ на губы правую руку, всѣ останавливались передъ недоступною красавицею въ нѣмомъ восторгѣ и поклонялись ей съ такимъ же набожнымъ благоговѣніемъ, какъ самой богинѣ Венерѣ.

По ближнимъ и дальнимъ городамъ и царствамъ прошла молва, будто богиня, которую породили глубокія нѣдра голубаго моря, которую вскормила пѣна волнъ и источниковъ, во плоти явилась среди многочисленной толпы смертныхъ, снизойдя съ своей божественной высоты. Говорили и такъ, что, по волѣ небесныхъ созвѣздій, не въ морѣ, а на землѣ родилась другая Венера—въ полномъ разцвѣтѣ дѣвственной красоты.

Молва расходилась все дальше и дальше, отъ города къ городу, отъ страны къ странѣ, отъ провинціи къ провинціи, съ каждымъ шагомъ принимая все большіе и большіе размѣры. Уже многіе изъ смертныхъ изъ далекихъ странъ по водѣ и по сушѣ шли въ этотъ городъ, какъ на богомолье, чтобы видѣть тамъ славу и гордость своего вѣка.

Никто не поднимался на корабль, чтобы ѣхать въ Паѳосъ, Книдъ или предѣлы Цитереи для поклоненія Венерѣ. Святыни богини покинуты, храмы обветшали и опустѣли, священныя подушки [1]) валяются на полу, церемоніи не исполняются, статуи остаются безъ вѣнковъ и холодный пепелъ оскверняетъ покинутые жертвенники.

Смертной дѣвушкѣ поклоняются, какъ богинѣ. Въ лицѣ царевны жертвами и пирами чтутъ великое божество Венеры. Когда утромъ она идетъ по улицамъ города, предъ нею набожно склоняются густыя толпы народа, усыпая ея путь цвѣтами.

[1]) На такихъ подушкахъ ставили изображенія боговъ, а передъ ними столы съ винами и кушаньями.

Это поклоненіе простой дѣвушкѣ зажгло гнѣвъ въ сердцѣ Венеры. Полная негодованія, въ нетерпѣливомъ порывѣ, она гнѣвно потрясала своею божественною головою и говорила про себя такъ.

— Простой дѣвушкѣ воздаются такія же почести, какъ и мнѣ, праматери всего живого, мнѣ, отъ которой родились стихіи, матери и кормилицѣ міра,—мнѣ, Венерѣ!... Мое имя, священное на небесахъ, запачкано земною грязью! Одинаково чтутъ и ее, и меня! Допущу ли я, чтобы возникли сомнѣнія, кому изъ насъ слѣдуетъ приносить жертвы? Позволю ли я, чтобы мое имя носила на землѣ дѣвушка, доступная смерти? Развѣ напрасно пастухъ, справедливый судъ котораго одобрилъ самъ Юпитеръ [1]), отдалъ за необыкновенную красоту предпочтеніе мнѣ предъ величайшими богинями Олимпа?—Кто бы она ни была, ей недолго наслаждаться этимъ поклоненіемъ! Я сдѣлаю такъ, что она сама будетъ проклинать свою роковую красоту!

И гнѣвная богиня тотчасъ же позвала къ себѣ своего сына,—крылатаго и безразсуднаго мальчика, который по своей злобѣ презираетъ всѣ правила общественнаго благоустройства, который съ факеломъ и стрѣлами бѣгаетъ по чужимъ домамъ, вездѣ расторгаетъ брачныя узы, безнаказанно совершаетъ неслыханныя преступленія и, если говорить правду, не дѣлаетъ ничего путнаго. И этого то, отъ природы своевольнаго и дерзкаго, мальчика богиня еще больше разжигаетъ своими рѣчами. Она идетъ съ нимъ въ городъ, гдѣ жила прекрасная царевна, и показываетъ ему Психею (такъ называлась эта чудная дѣвушка). Она разсказываетъ сыну всю исторію этого страннаго состязанія красоты,—съ горемъ и негодованіемъ требуетъ отъ него помощи.

— Умоляю тебя во имя материнской любви, заклинаю сладкими ранами отъ твоихъ стрѣлъ, чуднымъ пламенемъ съ твоего факела,—отомсти, отомсти до конца за свою мать! Сурово накажи эту смертную дѣвушку за ея дерзкую красоту. Больше

[1]) Извѣстный судъ Париса.

всего буду просить тебя объ одномъ. Пусть она загорится пламенною любовью къ самому послѣднему изъ людей,—какому нибудь несчастному калѣкѣ, котораго судьба лишила всего — и отцовскаго наслѣдства, и личныхъ достоинствъ. Пусть этотъ человѣкъ будетъ такъ ничтоженъ, что во всемъ мірѣ не будетъ никого хуже его.

Такъ говорила богиня, осыпая своего сына самыми сладкими, самыми пламенными поцѣлуями. А потомъ она быстро скрылась на ближайшій морской берегъ и розовыми ножками слегка коснулась бѣлой пѣны поднявшихся волнъ. До самаго дна открылось глубокое море. Все было готово къ ея пріему, какъ будто еще раньше были сдѣланы необходимыя для этого распоряженія. Всѣ морскія божества готовы къ ея услугамъ,—готовы помогать ей въ ея замыслахъ. Плывутъ къ ней съ хоровою пѣсней нереиды; вотъ Портунусъ [1]), съ всклокоченною голубою бородою; вотъ Саляція [2]), широкая пазуха которой наполнена рыбой; вотъ маленькій кучеръ дельфина—Палемонъ [3]); тамъ и здѣсь прыгаютъ по волнамъ стаи тритоновъ; одни нѣжно трубятъ въ звонкія раковины, другіе развертываютъ надъ богиней, въ защиту отъ дневнаго зноя, шелковыя ткани; третій держитъ передъ нею зеркало; всѣ помогаютъ движенію ея двойной колесницы.—Такая свита сопровождала Венеру, когда она шла къ Океану.

А между тѣмъ для Психеи, какъ ни была она прелестна, даромъ пропадала вся ея необыкновенная красота. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на ея чудное лицо, но никто—ни царь, ни царскій сынъ, ни простой смертный,—не осмѣливался искать ея руки. Всѣ любуются прекрасной царевной, но любуются только какъ чудно изваянной статуей. Двѣ старшихъ сестры, красота которыхъ не прославлялась такъ громко по дальнимъ и близкимъ пре-

[1]) Римскій богъ гаваней и пристаней.

[2]) Богиня соленой волны, глубокаго моря, мать Тритона.

[3]) Сынъ Атаманта и Ино, превращенный въ морское божество.

дѣламъ, давно уже нашли себѣ жениховъ изъ царскаго рода и справили веселыя свадьбы. А Психея все еще вдовствуетъ въ дѣвичествѣ,—все еще сидитъ въ домѣ отца и, больная, въ глубокой тоскѣ оплакиваетъ свое печальное одиночество. Она уже ненавидитъ ту красоту, которой дивились народы.

Несчастный отецъ бѣдной дѣвушки увидѣлъ въ этомъ ненависть кого то изъ небожителей. Опасаясь гнѣва боговъ, онъ обращается въ Милетъ, къ знаменитому оракулу Аполлона. Онъ молится, приноситъ жертвы, проситъ великаго бога о мужѣ для своей горемычной дочери.

Аполлонъ,—хотя онъ и грекъ, даже іоніецъ,—ради основателя города Милета, даетъ ему отвѣтъ латинскимъ стихомъ.

Одѣвай невѣсту тканью погребальной,
И для скорбной свадьбы въ горы уводи!
Жениха на свадьбу къ дочери печальной
Страшнаго и злаго надъ скалою жди!
Знай, когда онъ вольно по ѳѳиру рѣетъ
И въ колчанѣ стрѣлы у него звенятъ,
На Олимпѣ свѣтломъ сонмъ боговъ блѣднѣетъ,
И дрожитъ Юпитеръ, и трепещетъ адъ.

Царь, когда то счастливый, получивъ отъ оракула такой отвѣтъ, медленно и печально возвращался домой. Онъ разсказалъ своей женѣ, какое дано ему предсказаніе. Много дней они тосковали и плакали вмѣстѣ.

Но приближался день, когда надо было исполнить велѣніе суровой судьбы. Собирается на свадьбу несчастной дѣвушки похоронный хоръ. Пламя черной свѣчи зажигаетъ пепелъ брачнаго факела. Звукъ зигійской трубы [1]) переходитъ въ жалобный лидійскій напѣвъ. Гимны Гименея прерываются скорбными рыданіями. Концами подвѣнечнаго покрывала отираетъ невѣста свои слезы.

Весь городъ оплакивалъ печальную участь скорбнаго дома. По

[1]) Зигія (брачная)—одинъ изъ эпитетовъ Юноны.

общему мнѣнію слѣдовало отложить исполненіе роковой церемоніи. Но, по необходимости повинуясь волѣ небесъ, несчастную Психею готовятъ къ назначенному для нея наказанію.

Торжественно справлены обряды невеселой свадьбы. Съ величайшею скорбью, въ присутствіи всего города, совершаются эти похороны заживо. Всѣ провожаютъ рыдающую Психею—не къ брачному алтарю, а къ могилѣ. Родители, съ тоскою въ душѣ, убитые горемъ, медлятъ приступить къ этому злому дѣлу. Но сама дочь ихъ торопитъ.

— Зачѣмъ вы плачете? Зачѣмъ слезами тревожите свою старость? Зачѣмъ рыданіями томите свою душу, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ? Зачѣмъ эти слѣды безполезныхъ слезъ на вашихъ дорогихъ лицахъ? Мнѣ больно видѣть, что вы терзаете свое лицо. Зачѣмъ вы рвете свои сѣдые волосы? Зачѣмъ эти удары въ грудь, которая меня кормила?—Вотъ вамъ достойная награда за мою необыкновенную красоту. Теперь, когда неожиданно васъ поразилъ ударъ злой зависти, вы это чувствуете. Но поздно. Вамъ слѣдовало скорбѣть, тосковать и оплакивать меня, какъ обреченную на гибель, когда племена и народы воздавали мнѣ божескія почести, когда всѣ въ одинъ голосъ называли меня новой Венерой. Я вижу, я чувствую, что меня губитъ уже одно это имя Венеры. Ведите же меня къ скалѣ, которую мнѣ указала судьба. Я тороплюсь скорѣе окончить свою счастливую свадьбу. Я спѣшу увидѣть его, моего благороднаго мужа. Чего мнѣ медлить? Зачѣмъ мнѣ не идти на встрѣчу тому, кто рожденъ на гибель всему міру?

Такъ говорила печальная невѣста. Смѣшавшись съ толпою сопровождавшаго ее народа, она быстро и смѣло пошла къ указанной ей скалѣ на высокой горѣ. Тамъ она остановилась на самой вершинѣ. Всѣ уходили, бросивъ на горѣ брачные факелы, освѣщавшіе имъ дорогу, и загасивъ ихъ огонь своими слезами. Хоръ окончилъ свой гимнъ. Поникнувъ челомъ, всѣ присутствующіе тронулись въ обратный путь.

Несчастные родители, постигнутые такимъ горемъ, скрылись

во мракѣ закрытаго дома и проводили дни среди постоянной ночи.

А Психея на вершинѣ скалы плакала и дрожала отъ страха. Вдругъ мягкая волна ласковаго и легкаго Зефира, развѣвая складки ея одежды, подняла ее на воздухъ. На легкихъ крыльяхъ вѣтерка она тихо и плавно опустилась на склонѣ горы, въ чудной долинѣ, покрытой цвѣтущимъ зеленымъ ковромъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

На мягкомъ ложѣ зеленой травы, на коврѣ изъ цвѣтовъ, успокоивъ тревожное сердце, тихо заснула Психея. Сонъ далъ ей новыя силы. Она проснулась безъ прежней скорби.

Передъ ней въ зеленой рощѣ чудныя высокія деревья. Тихо льются хрустальныя воды потока. А въ рощѣ на зеленомъ берегу стоятъ великолѣпные чертоги. Казалось ихъ строилъ не человѣкъ, а какой то богъ. Одинъ входъ въ этотъ дворецъ говорилъ, что здѣсь въ роскоши и довольствѣ обитаетъ кто то изъ небожителей. Золотыя колонны поддерживаютъ балки изъ великолѣпнаго дерева и слоновой кости. Стѣны покрыты рѣзнымъ серебромъ. Дикіе звѣри и домашнія животныя, кажется, бѣгутъ на встрѣчу тому, кто переступаетъ порогъ дома. Только знаменитый художникъ, только полубогъ, или даже одинъ изъ верховныхъ боговъ могъ съ удивительнымъ искусствомъ превратить въ животныхъ такую громадную кучу серебра! На каменномъ полу изъ самой тонкой мозаики сдѣланы различныя фигуры. О, какъ счастливы, какъ на рѣдкость счастливы, какъ несказанно блаженны тѣ люди, ноги которыхъ попираютъ ожерелья и драгоцѣнные камни! Не оцѣнить драгоцѣнныхъ украшеній другихъ частей дома! Стѣны подъ массивной бронею литого золота сіяютъ своимъ собственнымъ бле-

скомъ. Домъ не нуждается въ солнцѣ, чтобы всегда имѣть въ своихъ стѣнахъ день. Ярко блещутъ и зало, и портикъ, и даже самыя створки дверей.

Все строго соотвѣтствуетъ удивительному великолѣпію чуднаго дома. Всякій могъ бы подумать, что этотъ царственный дворецъ построенъ для земной жизни великаго Юпитера.

Залюбовавшись великолѣпнымъ зданіемъ, Психея подходитъ къ нему ближе. Собравшись съ духомъ, она переступаетъ порогъ. Передъ нею новые и новые соблазны. Она любуется всѣмъ, дивится всему, что видитъ.—За дворцомъ она видитъ огромные амбары, до верху наполненные рѣдкими сокровищами. Словомъ, нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чего бы тамъ не было. Но,—что всего удивительнѣе среди всѣхъ удивительныхъ рѣдкостей и диковинокъ этого дворца,—во всемъ домѣ нѣтъ нигдѣ ни сторожа, ни ремня, ни засова, чтобы охранять эти несмѣтныя богатства.

Психея съ восторгомъ разсматривала устройство этихъ чертоговъ. И вдругъ надъ нею раздался какой то голосъ, хотя нигдѣ не было видно существа, которому этотъ голосъ могъ бы принадлежать.

— Не удивляйся, госпожа,—говорилъ онъ,—этому богатству. Все это—твое. Если хочешь, иди въ свою комнату, усни на своемъ ложѣ и, отдохнувъ, прикажи подать тебѣ все, что нужно для умовенія. Ты слышишь голосъ своихъ рабынь и прислужницъ. Мы будемъ служить тебѣ вѣрой и правдой. Не заботься о пищѣ. Для тебя готовъ уже превосходный обѣдъ.

Психея въ восторгѣ отъ этой божественной заботливости. По совѣту безтѣлеснаго звука она идетъ отдохнуть въ свои покои и послѣ сна освѣжаетъ себя купаньемъ. Въ ближайшемъ полукругломъ залѣ она видитъ какое то возвышеніе въ родѣ каѳедры, догадывается, что это обѣденный столъ,—и охотно возлегаетъ за нимъ, чтобы подкрѣпить себя пищею.

Появляется вино,—сладкое, какъ нектаръ. Подаются огромные подносы, уставленные кушаньями—и все это дѣлается какъ то само собою, какъ будто какимъ то незримымъ духомъ, потому что у ея стола нѣтъ никого. Она ничего не видитъ и только слышитъ какіе то голоса, какъ будто къ ея услугамъ приставлены одни звуки.

Послѣ прекраснаго обѣда въ комнату вошелъ какой то невидимка и запѣлъ. Кто то сталъ акомпанировать ему на невидимой цитрѣ. Потомъ раздались мелодичные напѣвы стройнаго хора. По всему было видно, что поетъ цѣлый хоръ, хотя Психеи никого и ничего не видала.

День клонился къ вечеру. Хоры замолкли—и Психея отправилась къ себѣ на ложе. Наступила ночь. Какой то нѣжный звукъ долетаетъ до ея ушей. Одинокая дѣвушка отъ страха дрожитъ. Она боится за свою невинность,—и тѣмъ больше пугается новой опасности, что ея совсѣмъ не знаетъ.

И вошелъ къ ней ея невѣдомый мужъ, поднялся къ ней на ложе, сдѣлалъ ее своею женою и скрылся, прежде чѣмъ наступилъ разсвѣтъ...

Голоса уже ждали молодую жену у порога ея комнаты, чтобы помочь новобрачной, только что потерявшей свою невинность.

Время шло и отъ привычки недавно еще новое удовольствіе стало нравиться молодой женщинѣ все больше и больше. Любо ей было слышать голосъ невѣдомаго мужа!..

Между тѣмъ родители Психеи одряхлѣли отъ слезъ и неутѣшнаго горя. Молва объ этомъ разошлась повсюду и дошла до ея сестеръ. Съ тоской и печалью онѣ оставили свои дома и поспѣшили навѣстить родителей, чтобы досыта наговориться съ ними.

А въ эту ночь вотъ что говорилъ своей женѣ супругъ Психеи (не надо было ни рукъ, ни глазъ, ни ушей, чтобы его понимать и чувствовать).

— Милая Психея, моя дорогая жена! Будь осторожна,—особенно будь осторожна теперь, когда злая Фортуна грозитъ тебѣ гибелью. Твои сестры, встревоженныя вѣстью о твоей смерти, будутъ искать тебя здѣсь и скоро придутъ на эту скалу. Если слу-

чайно ты услышишь ихъ жалобы и стоны,—не отвѣчай имъ ни слова. Для тебя будетъ лучше, если ты совсѣмъ не будешь на нихъ смотрѣть; а не то мнѣ ты причинишь тяжелую скорбь, а сама погибнешь.

Психея обѣщала исполнить волю своего мужа. Но, когда передъ разсвѣтомъ онъ исчезъ, бѣдная женщина начала плакать и въ слезахъ провела весь день. Она постоянно твердила, что на свѣтѣ нѣтъ никого несчастнѣе ея, что ее навѣки заперли въ этой чудной темницѣ, что ей не съ кѣмъ почеловѣчески перекинуться словомъ, что она не только не можетъ помочь своимъ сестрамъ, которыя такъ убиваются о ней, но даже не смѣетъ ихъ видѣть. Въ этотъ день она не купалась, не ѣла, не слушала музыки и съ слезами на лицѣ легла на свое ложе. Скоро явился къ ней мужъ. Онъ обнялъ свою заплаканную жену и заговорилъ съ нею такъ.

— Это ли мнѣ обѣщала моя Психея? Чего же могу ждать отъ тебя я, твой мужъ? На что мнѣ надѣяться? И днемъ, и ночью, и даже теперь въ моихъ объятіяхъ ты не перестаешь тосковать! Дѣлай, какъ знаешь, и, на свою бѣду, повинуйся капризамъ своего сердца. Ты вспомнишь потомъ, что я предостерегалъ тебя, будешь каяться, но бѣды не поправишь...

Психея добилась таки того, что мужъ согласился исполнить ея просьбу. Она увѣряла его, что она умретъ, если онъ не позволитъ ей повидаться съ сестрами, поговорить съ ними и утѣшить ихъ въ ихъ печали. Тронутый этимъ, мужъ согласился исполнить желаніе своей молодой жены и позволилъ ей дать сестрамъ въ подарокъ столько золота и драгоцѣнныхъ камней, сколько она захочетъ. Но онъ много разъ и настойчиво предостерегалъ ее не слушаться пагубныхъ совѣтовъ сестеръ, никогда не стараться увидѣть своего мужа. Нечестивое любопытство можетъ погубить ея счастье и навсегда лишить ее супружескихъ объятій.

Жена горячо благодарила своего мужа за согласіе и заговорила гораздо веселѣе.

— Я скорѣе сто разъ умру, чѣмъ откажусь отъ твоихъ сладкихъ ласкъ. Я люблю тебя, до смерти люблю, кто бы ты ни былъ, люблю, какъ свою душу, и не промѣняю даже на самого Купидона. Но только, прошу тебя, не откажись исполнить мою просьбу,—скажи своему рабу Зефиру, чтобы онъ принесъ сюда моихъ сестеръ такъ же, какъ несъ сюда и меня.

Она давала ему самые сладкіе поцѣлуи, называла его самыми ласковыми именами, обвивала его шею руками, плотно, плотно къ нему прижималась, шептала ему: «медовый мой мужъ, милая душа Психеи» и добилась таки своего. Покоряясь чарамъ и власти Венеры, мужъ согласился, обѣщалъ исполнить ея просьбу и передъ разсвѣтомъ исчезъ изъ ея объятій.

Сестры узнали дорогу къ той скалѣ, на которой была покинута Психея, и поспѣшно отправились въ путь. Изъ глазъ у нихъ льются слезы. Онѣ бьютъ себя въ грудь, кричатъ и стонутъ такъ, что скалы и горы вторятъ имъ отвѣтнымъ гуломъ. Онѣ долго, долго зовутъ къ себѣ свою сестру. Наконецъ, ихъ стоны и рѣзкіе крики донеслись внизъ, до дома Психеи, и вызвали безразсудную женщину изъ ея жилища.

— Не мучьте,—говорила она,—не мучьте себя, мои сестры, слезами и стонами. Я, о которой вы такъ тоскуете, здѣсь. Перестаньте же плакать, осушите щеки, мокрыя отъ неутѣшныхъ слезъ, и обнимите поскорѣе ту, о которой вы плачете!

Позвавъ Зефира, Психея напоминаетъ ему о приказаніи своего мужа. Повинуясь ей, Зефиръ мягко и нѣжно принесъ сестеръ внизъ безъ всякой опасности и вреда для нихъ. Вдосталь уже наобнимались и нацѣловались сестры. Слезы, которыя прежде лились отъ скорби, теперь снова полились отъ радости.

— Войдите,—весело зоветъ она ихъ,—войдите подъ нашу кровлю и разгоните съ вашею Психеею свою скорбь.

И она показала имъ лучшія богатства своего золотого дома, заставила пѣть звонкую семью покорныхъ ей голосовъ, велѣла приготовить баню и роскошное угощеніе.

А въ сердцѣ у нихъ уже просыпается зависть. Ихъ дразнитъ и тревожитъ богатство и приволье божественныхъ чертоговъ.

Одна изъ нихъ не могла удержаться. Съ большимъ любопытствомъ она настойчиво стала выспрашивать, кто же хозяинъ этого чуднаго дома, кто ея мужъ и каковъ онъ собою?

Но Психея помнитъ совѣты своего мужа, ни за что не хочетъ выдать своей тайны и разсказываетъ имъ небывалыя вещи, чтобы только отдѣлаться отъ ихъ любопытства. Она говоритъ, что ея мужъ—очень красивый молодой человѣкъ; у него только что пробивается на щекахъ первый пушокъ; почти все время онъ проводитъ въ охотѣ на горахъ и лугахъ. Чтобы не выдать своего секрета и случайно не проболтаться, она даетъ имъ поскорѣе золото, ожерелья изъ драгоцѣнныхъ камней, зоветъ Зефира и велитъ ему унести сестеръ на скалу.

Съ подарками въ рукахъ милыя сестры возвращаются домой. Зависть поднимаетъ у нихъ всю желчь. Дорогой онѣ шумно и много говорятъ о Психеѣ.

— О, какъ зла и несправедлива Фортуна!—говоритъ одна изъ нихъ.—Отчего такой неодинаковый жребій выпалъ на долю нашей семьи? Вѣдь всѣ мы родились отъ однихъ и тѣхъ же родителей. Мы по годамъ даже старше ея.. Но мы, какъ рабыни, отданы замужъ на чужую сторону,—какъ какія то ссыльныя, какъ изгнанницы, живемъ далеко отъ родины, отъ роднаго дома и милыхъ родителей! А она, младшая въ семьѣ, которую произвели на свѣтъ послѣднія роды нашей матери, имѣетъ къ своимъ услугамъ такое огромное богатство и прелестнаго мужа! И она даже не умѣетъ какъ слѣдуетъ распорядиться этимъ чуднымъ домомъ и достаткомъ! Ты видѣла, сестра, сколько у нихъ дорогихъ ожерелій? Какія тамъ прелестныя ткани! Какъ ярко блещутъ драгоцѣнные камни! Сколько тамъ разсыпано золота! И, если дѣйствительно у нея такой красивый мужъ, какъ она говоритъ,—на всемъ свѣтѣ нѣтъ никого счастливѣе ея!.. Можетъ статься, что ея божественный мужъ, когда привычка къ ней усилитъ его любовь и привязанность, со временемъ сдѣлаетъ изъ нея богиню... Да, клянусь Геркулесомъ, къ этому и идетъ дѣло! Она и теперь держитъ себя именно такъ... Ты видѣла, какъ она уже задираетъ носъ кверху. И правда, женщина, которой прислуживаютъ голоса, которая распоряжается вѣтрами, уже похожа на богиню. А я то, горькая, выдана за мужъ за человѣка, который много старше меня!.. Онъ плѣшивъ, какъ тыква, малъ, какъ карликъ. И какъ ревниво сторожитъ домъ! Нашъ домъ всегда запертъ на засовы и цѣпи...

— А я,—отвѣчаетъ другая,—должна жить съ мужемъ, у котораго ломъ во всѣхъ суставахъ. Весь онъ скорченъ и скрюченъ и поэтому рѣдко воздаетъ должное моей Венерѣ. Мнѣ постоянно приходится растирать его кривые и твердые, какъ камень, пальцы, готовить ему бинты и компрессы, намазывать его жирными и вонючими тряпками, а отъ этого мои нѣжныя и холеныя ручки портятся и грубѣютъ. Я у него не столько любимая жена, сколько трудолюбивая сидѣлка.—И думается мнѣ, сестра, ты смотришь на все это слишкомъ уже спокойно,—даже (скажу откровенно, что думаю) слишкомъ по рабски относишься къ тому удивительному счастью, которымъ такъ незаслуженно пользуется Психея. Что же касается меня, то я больше не стану терпѣть этого. Вспомни, какъ надменно и гордо она вела себя съ нами! Своимъ неумѣреннымъ хвастовствомъ она уже показала намъ, какъ она зазналась и зачванилась. Швырнувъ намъ какіе то пустяки изъ своего огромнаго богатства, она, тяготясь нашимъ присутствіемъ, тотчасъ же велѣла своему вѣтру выдуть насъ вонъ. Со свистомъ и шипѣньемъ вѣтеръ утащилъ насъ изъ ея дома. Да пусть я сдохну, пусть не буду женщиной, если не собью съ нея спѣси! Если и тебѣ тяжела эта обида,—а мы обижены одинаково,—давай придумаемъ вмѣстѣ что нибудь такое, чтобы какъ слѣдуетъ отомстить ей. Прежде всего, мы никому не покажемъ—ни чужимъ, ни своимъ—ея подарковъ. Сдѣлаемъ видъ, что мы ничего о ней не знаемъ. Довольно и того, что мы сами видѣли то, чего лучше

было бы намъ не видѣть. Было бы уже слишкомъ, если бы мы стали разносить вѣсти объ ея счастьи по роднымъ и знакомымъ. Тотъ не богатъ, чье богатство никому неизвѣстно. Пусть она знаетъ, что мы ей не служанки, а старшія сестры. Пока же вернемся къ своимъ мужьямъ, къ нашимъ скромнымъ и бѣднымъ пенатамъ. Обдумаемъ все хорошенько и потомъ рѣшительно приступимъ къ наказанію надменной Психеи.

Злой замыселъ пришелся по душѣ злымъ женщинамъ. Онѣ спрятали драгоцѣнные дары, распустили по плечамъ свои волосы, сдѣлали видъ, что совсѣмъ убиты горемъ, били кулаками себя въ грудь и снова принимались за притворныя слезы. Растравивъ еще больше рану своихъ родителей, онѣ потихоньку покидаютъ ихъ домъ и, полныя безумной злобы, создаютъ коварные планы, замышляютъ убійство своей невинной сестры.

А невѣдомый мужъ Психеи говоритъ ей такія рѣчи.

— Видишь ли ты какую страшную опасность готовитъ тебѣ Фортуна? Опасность еще далека, но если ты не будешь впередъ остерегаться, она подойдетъ къ тебѣ близко. Эти вѣроломныя волчицы съ холодной дорзостью обдумываютъ планъ, какъ бы тебя погубить. Худшій ихъ замыселъ тотъ, что онѣ хотятъ заставить тебя разузнать, кто я такой. А я уже много разъ говорилъ тебѣ, что ты меня уже никогда не увидишь, если только разъ на меня посмотришь. Поэтому, когда эти скверныя вѣдьмы, полныя гибельной злобы, придутъ сюда еще разъ,—а что онѣ придутъ, я знаю,—ты или совсѣмъ не говори съ ними, или (если ты, по своей наивной простотѣ и нѣжности сердца, этого сдѣлать не можешь) не слушай ихъ рѣчей и не отвѣчай имъ, когда онѣ заведутъ рѣчь о твоемъ мужѣ. Узнай, что скоро у насъ будутъ дѣти. Твое, до сихъ поръ непорочное, чрево скоро принесетъ намъ ребенка,—безсмертнаго, если ты будешь молчать и не выдашь нашихъ секретовъ, и смертнаго, если ты проговоришься и оскорбишь святость тайны.

Психея, въ восторгѣ отъ этой новости, вся расцвѣла. Она готова была плясать и пѣть, гордилась своимъ будущимъ плодомъ,

своимъ божественнымъ потомствомъ, великимъ именемъ матери, считала мѣсяцы и дни и по своей наивности дивилась, съ чего это у нея такъ ростетъ животъ и какимъ образомъ отъ маленькаго укола можетъ такъ раздуваться чрево.—

Злыя и гнусныя фуріи, дыша змѣинымъ ядомъ, снова пускаются въ путь. Съ злобною поспѣшностью онѣ садятся уже на корабль. А невѣдомый мужъ снова и снова предостерегаетъ свою Психею.

— Гибель и опасность, недругъ и врагъ уже подняли противъ тебя свое оружіе, построились въ боевой порядокъ и двинулись въ путь! Трубы уже прозвучали. Обнаживъ мечи, твои злыя сестры посягаютъ на твою жизнь. Какое страшное горе грозитъ тебѣ, бѣдная, милая Психея! Пожалѣй и себя, и меня! Если ты съумѣешь остеречься, ты спасешь домъ, мужа, себя и нашего маленькаго ребенка, котораго пока еще нѣтъ. Не слушай того, что будутъ говорить тебѣ эти преступныя женщины. Тебѣ не годится даже называть ихъ сестрами, такъ какъ онѣ тебя ненавидятъ и готовы оскорбить всѣ права крови. Не слушай ихъ, когда онѣ, какъ сирены, поднимутся надъ этою скалою и утесы будутъ вторить звукамъ ихъ рѣзкаго голоса.

— Ты уже могъ,—отвѣчала ему Психея, рыданіями прерывая свою рѣчь,—ты могъ видѣть доказательство того, что я умѣю молчать и хранить тайну. И теперь ты опять увидишь, что у меня твердое сердце. Скажи только Зефиру, чтобы онъ и на этотъ разъ мнѣ повиновался. Если мнѣ нельзя видѣть твоего священнѣйшаго лица, позволь мнѣ по крайней мѣрѣ посмотрѣть хоть на своихъ сестеръ. Заклинаю тебя твоими волосами, благоуханными, какъ киннамонъ, развѣвающимися по твоимъ плечамъ,—заклинаю твоими нѣжными и мягкими щечками, которыя совсѣмъ похожи на мои,—твоею грудью, которая пылаетъ какимъ то чуднымъ зноемъ! О, по крайней мѣрѣ, въ своемъ ребенкѣ я узнаю, наконецъ, твое лицо! Снизойди же къ неотступной просьбѣ своей жены! Позволь мнѣ досыта наглядѣться на своихъ сестеръ, дай отвести душу своей вѣрной и преданной Психеѣ. Я никогда и ничего не буду спра-

шивать о твоемъ лицѣ. Мнѣ не мѣшаетъ теперь даже мракъ ночи. Мой свѣтъ—ты!

Тронутый этими словами и крѣпкими объятіями жены, добрый мужъ даетъ обѣщаніе исполнить ея просьбу, осторожно стираетъ съ своихъ волосъ ея слезы и, предупреждая восходъ солнца, удаляется съ ложа.

А сестры, питая въ душѣ преступные замыслы, не заходя даже къ родителямъ, прямо съ кораблей бѣгутъ къ знакомой скалѣ. Онѣ не ждутъ переносившаго ихъ вѣтра и съ безразсудною дерзостью прыгаютъ внизъ. Но Зефиръ, соблюдая волю своего божественнаго повелителя, зорко сторожилъ ихъ прыжокъ, подхватилъ ихъ волною легкаго вѣтерка и осторожно поставилъ на землю.

А тѣ не медлятъ, быстро идутъ въ чудный домъ и обнимаютъ свою добычу. Сестры, недостойныя этого имени, подъ личиной радости скрываютъ низость злобнаго обмана и изливаются передъ Психеей въ льстивыхъ рѣчахъ.

— О, ты уже не прежняя дѣвочка, Психея! Скоро ты станешь матерью! Сколько счастья для насъ заключено въ твоемъ чревѣ! Какъ это обрадуетъ весь нашъ домъ! Какъ любо намъ будетъ баюкать твоего милаго ребенка! Если по красотѣ онъ будетъ напоминать своихъ родителей, онъ будетъ у тебя настоящій Купидонъ!

Этой притворною нѣжностью злыя сестры овладѣли сердцемъ Психеи. Она предлагаетъ имъ мягкія кресла, велитъ приготовить теплую воду для купанья, поставить драгоцѣнный триклиній, подать на столъ лучшія кушанья и превосходныя вина. Она даетъ приказаніе, чтобы зазвучали звонкія струны цитры,—и струны звучатъ. Она приказываетъ начать игру на трубахъ—и трубы наполняютъ звуками воздухъ. Зоветъ хоръ—и раздается хоровое пѣніе. Никого не видно, только стройные звуки ласкаютъ чудными напѣвами слухъ. Но и это чудное пѣніе не могло погасить злобы въ сердцѣ преступныхъ женщинъ.

Разставляя силки для своей бѣдной жертвы, онѣ снова сводятъ разговоръ на ея мужа,—снова спрашиваютъ, каковъ онъ собою и какая благородная кровь льется въ его жилахъ.

Психея, по простотѣ души, уже забыла, что она говорила прежде, и придумываетъ новый отвѣтъ. Она говоритъ, что ея мужъ очень богатый купецъ изъ сосѣдняго города, что онъ въ лѣтахъ, что въ его волосахъ серебрится уже сѣдина. Чтобы замять поскорѣе этотъ разговоръ, она опять даетъ имъ драгоцѣнные подарки и зоветъ для нихъ прежнюю воздушную колесницу.

Большіе разговоры пошли между сестрами, когда легкая струя Зефира подняла ихъ на скалу и онѣ пустились въ обратный путь.

— Что теперь ты скажешь, сестра, о безстыдной лжи этой дурочки? То у ней мужъ молодой человѣкъ съ первымъ пухомъ волосъ на щекахъ и на подбородкѣ, то человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ съ сѣдиной въ волосахъ. Что же это за человѣкъ, котораго такъ скоро застигла внезапная старость? Я думаю, сестра, здѣсь что нибудь изъ двухъ,—или гадкая Психея хочетъ насъ просто морочить, или она сама не видала въ лицо своего мужа. Но, какъ бы тамъ ни было, намъ надо ее погубить. Если она не видала лица своего мужа, значитъ ея мужъ дѣйствительно богъ и она разрѣшится отъ бремени тоже богомъ. А если,—чего не дай Богъ,—она станетъ матерью божественнаго младенца, я повѣшусь на первой веревкѣ, которая мнѣ попадется подъ руку.—Пока пойдемъ къ нашимъ родителямъ и придумаемъ что нибудь похитрѣе и поправдоподобнѣе, чтобы завести объ этомъ разговоръ съ Психеей.

Занятыя своими думами, онѣ почти не говорятъ съ своими родителями и рано утромъ, почти ночью, тревожа ночные караулы, во всю мочь мчатся къ скалѣ.—Вѣтеръ, какъ прежде, спускаетъ ихъ внизъ. Онѣ трутъ себѣ вѣки, чтобы вызвать на глаза притворныя слезы, и обращаются къ сестрѣ съ коварною рѣчью.

— Ты спокойно и беззаботно сидишь себѣ здѣсь, не зная,

какая грозитъ тебѣ бѣда, а насъ страшно мучитъ то, что мы о тебѣ узнали. Мы слишкомъ близко принимаемъ къ сердцу все, что тебя касается. Мы узнали и, какъ твои сестры по крови и по скорби, не можемъ не сказать тебѣ, кто спитъ съ тобою по ночамъ. Это огромный змѣй. Онъ вьется длинными узловатыми кольцами и въ его широкомъ зіяющемъ зобѣ, раздувая пухлую кровавую шею, таится ужасный ядъ. Вспомни предсказаніе оракула, который говорилъ, что тебѣ предстоитъ свадьба съ какимъ то ужаснымъ чудовищемъ. Многіе изъ крестьянъ и вашихъ сосѣдей, которые ходятъ на охоту по вашимъ окрестностямъ, много разъ видѣли, какъ онъ по вечерамъ возвращается съ одного луга, въ бродъ переправляясь черезъ ближайшую рѣчку. Всѣ говорятъ, что не долго уже онъ будетъ окружать тебя своею заботливостью, не долго будетъ ласково съ тобою обращаться. Онъ ждетъ, чтобы ты еще потолстѣла. Когда плодъ совсѣмъ созрѣетъ въ твоемъ животѣ, змѣй тебя съѣстъ. Теперь рѣшай сама, что тебѣ дѣлать. Или довѣрься сестрамъ, которыя думаютъ только о твоемъ драгоцѣнномъ здоровьи, хотятъ спасти тебя отъ смерти, и тогда ты заживешь вмѣстѣ съ нами въ полной безопасности,—или жди себѣ могилы въ брюхѣ свирѣпаго чудовища. Если же тебя прельщаетъ красота этой уединенной долины съ ея услужливыми голосами, если тебѣ дороги жирныя и опасныя радости тайной Венеры въ объятіяхъ ядовитаго змѣя,—помни одно, что мы, какъ добрыя сестры, тебя предупредили и сдѣлали съ своей стороны все.

Бѣдненькая Психея, по своей простотѣ и наивности, приходитъ въ ужасъ отъ этихъ страшныхъ рѣчей. Все это совсѣмъ сбиваетъ ее съ толку; изъ памяти безслѣдно исчезаютъ совѣты мужа; она забываетъ, что она ему сама обѣщала, и, очертя голову, бросается въ пучину бѣдствія. Она дрожитъ; вся кровь отливаетъ отъ ея поблѣднѣвшаго личика. Замирающимъ голосомъ она пробуетъ говорить, часто обрывая рѣчь на полусловѣ.

— Дорогія сестры! Вы,—въ чемъ нельзя было и сомнѣваться,—дали мнѣ новое доказательство вашей заботливости и родственной любви. Правду сказать, дѣйствительно не лгутъ тѣ люди, которые говорятъ, что я совсѣмъ не знаю своего мужа и никогда не видала его въ лицо. Ночью я слышу только его голосъ. Я ласкаю,—а кого, не знаю сама. Онъ почему то боится дневного свѣта и каждый разъ скрывается отъ меня въ темнотѣ. Мнѣ кажется, что вы говорите правду. Я готова допустить, что это какое то животное. Онъ запрещаетъ мнѣ смотрѣть на него и угрожаетъ большимъ несчастіемъ за любопытство. Помогите же мнѣ, если вы знаете какое нибудь средство, помогите вашей сестрѣ, которой грозитъ такая опасность! Вѣдь одна оплошность въ дѣлѣ можетъ испортить всѣ плоды прежней осторожности.

Преступныя женщины видятъ, что ворота къ сердцу наивной Психеи теперь настежь открыты, что вся ея душа обнажена передъ ними. Онѣ сбрасываютъ маску, которая скрывала ихъ коварство, обнажаютъ мечи обмана и устремляются на испуганныя мысли простенькой женщины.

— Узы кровнаго родства заставляютъ насъ ради твоей безопасности указать тебѣ единственную дорогу спасенія. Мы долго думали объ этомъ и теперь знаемъ, что выходъ для тебя—одинъ. Спрячь потихоньку съ той стороны кровати, на которой ты обыкновенно спишь, острый ножъ,—опасный даже въ слабой и ласкающей ручкѣ. Возьми яркій свѣтильникъ, хорошенько заправь его масломъ и сверху покрой огонь какимъ нибудь большимъ сосудомъ. Весь этотъ снарядъ какъ можно осторожнѣе спрячь въ своей спальнѣ. Когда твой мужъ, влача свои кольца, поднимется, какъ всегда, на твое ложе, когда послѣ первой дремоты онъ заснетъ глубокимъ и крѣпкимъ сномъ,—сойди съ кровати, иди по полу голыми ногами, опираясь слегка на пальцы, подними надъ свѣтильникомъ сосудъ, выжди для своего геройскаго дѣла удобный моментъ, смѣло и высоко подними правую руку и съ размаху, сильнымъ ударомъ обоюдуостраго кинжала, порази ядовитаго змѣя въ то мѣсто, гдѣ затылокъ опирается на шею. Въ остальномъ смѣло разсчитывай на нашу помощь. Какъ только

со смертью мужа ты освободишься отъ опасности, мы не замедлимъ придти къ тебѣ и поможемъ тебѣ перенести отсюда всѣ богатства. Потомъ мы постараемся устроить для тебя настоящую человѣческую свадьбу съ настоящимъ человѣкомъ.

Раздувъ гибельный пожаръ въ сердцѣ Психеи, сестры торопятся поскорѣе уйти, чтобы не быть здѣсь въ минуту исполненія задуманнаго имъ злодѣйскаго дѣла. Какъ прежде, легкая волна зефира поднимаетъ ихъ на скалу. Быстро идутъ онѣ къ берегу, торопливо садятся на корабль и скрываются изъ этой мѣстности.

А Психея осталась дома,—но не одна. Она была бы одна, если бы ея сердце не терзали неистовыя фуріи. Въ тяжелой скорби ея мысли волнуются, какъ море. То она принимаетъ твердое рѣшеніе, собирается съ духомъ и готовитъ свои руки къ преступному дѣлу,—то не вѣритъ въ свои силы, колеблется, подъ наплывомъ разнородныхъ чувствъ останавливается то на томъ, то на этомъ. Она торопится и медлитъ, принимаетъ рѣшеніе и снова отступаетъ, сердится и боится за себя и,—что хуже всего,—въ одномъ и томъ же существѣ проклинаетъ [redacted]ное и любитъ мужа. Когда пришелъ вечеръ и приближалась ночь, она проворно и быстро приготовила для злодѣйскаго покушенія все.

Настала ночь. Какъ и прежде, на ложѣ явился мужъ и, утомленный послѣ первыхъ стычекъ Венеры, погрузился въ глубокій сонъ. Психея, съ слабостью во всемъ тѣлѣ и съ сомнѣніемъ въ сердцѣ, по волѣ суровой судьбы приступаетъ къ дѣлу. Свѣтильникъ открытъ, ножъ вынутъ. Смѣлость перерождаетъ женское сердце. Яркое пламя озаряетъ тайну ея мужа.

А на ложѣ покоилось самое милое и самое кроткое созданіе изъ всего живаго міра. Психея увидѣла предъ собою прекраснаго бога, самаго Купидона, который тихо спалъ.

Предъ ложемъ уснувшаго бога ярче и веселѣе вспыхнулъ свѣтильникъ. Ножу стало стыдно, что у него есть такое дерзкое остріе. Психея, пораженная этимъ зрѣлищемъ, внѣ себя отъ смущенія, покрывается смертельною блѣдностью. Ея ноги дрожатъ,

колѣни подгибаются сами собою и ~~она хочетъ~~ ей нужно вонзить дерзкій ножъ—въ свою грудь. И она, конечно, сдѣлала бы это, еслибы ножъ, въ ужасѣ предъ такимъ преступленіемъ, не выскользнулъ изъ ея безразсудныхъ рукъ и не упалъ на полъ.

Измученная, почти доведенная до отчаянія, молодая женщина невольно любуется красотою божественнаго лица и это даетъ ей новыя силы. Чудные кудри, обрызганныя амброзіей, вьются по золотой головѣ. Пряди волосъ то красиво спускаются въ чудныхъ изломахъ по плечамъ, то свѣшиваются на лобъ и лицо. Сквозь нихъ свѣтятся пурпуровыя щеки и бѣлый, какъ молоко, затылокъ. Изгибы волосъ искрятся необыкновеннымъ свѣтомъ, передъ которымъ пламя свѣтильника колеблется и блѣднѣетъ. А за плечами опереннаго бога, какъ какіе то чудные цвѣты, бѣлѣютъ крылышки, еще обрызганныя росою. Спятъ съ нимъ и крылья, но отдѣльныя перышки, нѣжныя и тонкія, шаловливо дрожатъ, то поднимаясь, то опускаясь снова. И все это голенькое и пухлое тѣло было такъ чудно прекрасно, что дѣйствительно его не стыдно было родить [redacted]

У ножекъ кровати лежатъ лукъ, колчанъ и стрѣлы,—грозное оружіе великаго бога. Психея смотритъ на все съ ненасытимымъ любопытствомъ, вся уходитъ въ глаза и дивится доспѣхамъ своего мужа. Ей хочется попробовать и потрогать рукою это оружіе. Она вынимаетъ изъ колчана одну стрѣлу и дотрогивается пальчикомъ до ея острія. Вдругъ по ея неосторожности дрогнувшій пальчикъ своимъ изгибомъ сильнѣе налегъ на тонкій и острый наконечникъ. На кожѣ появляется маленькая капля крови. Такъ безъ умысла, но по своей винѣ Психея влюбила себя въ воплощенную любовь, въ самаго Амура.

Сильнѣе загорается въ ней любовь къ Купидону. Наклонившись надъ нимъ, она не можетъ отвести отъ него глазъ, потихоньку осыпаетъ его торопливыми поцѣлуями и боится его разбудить.

Полная счастья и скорби, она любуется и тоскуетъ. А гадкій

свѣтильникъ—или по гнусному вѣроломству, или изъ злобной зависти, или изъ желанія и самому прикоснуться до этого божественнаго тѣла и поцѣловать его,—брызнулъ на правое плечо бога жгучей каплей горячаго масла.

О, дерзкій и безсмысленный свѣтильникъ! Ты, жалкое орудіе любви, хочешь сжечь Бога всякаго огня! Тебя, конечно, выдумалъ влюбленный, который хотѣлъ даже ночью любоваться любимымъ личикомъ.

Отъ боли Амуръ проснулся. Онъ видитъ всѣ доказательства вѣроломства и молча готовится уйти изъ рукъ жены, хочетъ скрыться отъ глазъ своей несчастной супруги. Психея крѣпко, обѣими руками ухватилась за его правое колѣно и поднялась вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ. Она не отпускаетъ своего супруга въ его высокомъ полетѣ по небесному простору до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, выбившись изъ силъ, не падаетъ на землю. Влюбленный богъ не хочетъ такъ холодно разстаться съ своею безразсудною женою. Онъ поднимается на ближайшій кипарисъ и съ его высокой вершины, глубоко взволнованный, говоритъ ей такъ.

— Для тебя, легкомысленная Психея, я нарушилъ волю своей матери Венеры, которая приказала мнѣ зажечь въ тебѣ пылкую любовь къ самому ничтожному изъ людей и соединить васъ брачными узами. Вмѣсто того теперь я самъ сталъ твоимъ любовникомъ. Я вижу, какъ это было опрометчиво съ моей стороны. Лучшій стрѣлокъ, я ранилъ себя своею стрѣлою. Я сдѣлалъ тебя своею женою. И для чего?.. Для того ли, чтобы ты считала меня какимъ то животнымъ? И это за то, что мои глаза плѣнились тобою? А какъ я тебя предостерегалъ, какъ настойчиво тебя уговаривалъ, какъ много давалъ тебѣ совѣтовъ!... Твоихъ сестеръ, твоихъ вѣрныхъ совѣтницъ, за ихъ злыя рѣчи, я скоро подвергну достойному наказанію. Тебѣ же наказаніемъ будетъ то, что ты меня никогда больше не увидишь.

Онъ кончилъ рѣчь и на быстрыхъ крыльяхъ поднялся на воз-

духъ. Лежа на землѣ, Психея напрягала всю силу своего зрѣнія, слѣдя за высокимъ полетомъ своего крылатаго супруга, и надрывала себѣ сердце печальными думами. Но вольныя крылья уносили ея мужа все дальше и дальше и скоро онъ совсѣмъ скрылся у ней изъ глазъ. Быстро встала съ земли Психея, быстро побѣжала она къ берегу и бросилась въ волны потока.

Но тихій потокъ,—конечно, изъ уваженія къ богу, который умѣетъ зажигать своимъ огнемъ даже воды,—легкой волной вынесъ бѣдную женщину на противоположный берегъ, покрытый нѣжною зеленью.

Въ ту пору у верховья рѣки случайно сидѣлъ сельскій богъ, Панъ, влюбленный въ нимфу Сиринксъ, въ честь которой онъ слагалъ свои звучныя пѣсни [1]). Вдоль берега на полной свободѣ паслись и рѣзвились козы, покрытыя волнистою шерстью. Покровитель козъ ласково подозвалъ къ себѣ усталую и печальную Психею. Онъ зналъ все, что съ нею приключилось. Кротко и нѣжно онъ старался ее утѣшить.

— Милая дѣвушка,—говорилъ онъ ей,—конечно, я простолюдинъ и пастухъ, но я дожилъ до глубокой старости и жизнь меня многому научила. Если я сужу вѣрно,—или, какъ говорятъ нѣкоторые разсудительные люди, прозорливо,—то твоя невѣрная и нетвердая походка, необыкновенная блѣдность лица, постоянные вздохи и печальные глаза—ясные признаки того, что ты безумно влюблена. Если такъ, послушайся меня. Никогда не пробуй топиться, не ищи себѣ добровольной смерти. Останови свои слезы, перестань тосковать. Больше молись величайшему изъ боговъ Купидону, чтобы кротостью и послушаніемъ заслужить себѣ добраго и красиваго мужа.

Такъ говорилъ богъ-пастырь. Психея поклонилась доброму богу, ничего не сказала ему въ отвѣтъ, и пошла дальше. Шла она долго, шла по какимъ то невѣдомымъ тропинкамъ, сильно уто-

---

[1]) Панъ преслѣдовалъ нимфу Сиринксъ до рѣки Ладона въ Аркадіи, гдѣ она превратилась въ тростникъ, изъ котораго Панъ сдѣлалъ себѣ свирѣль.

милась отъ дороги—и вдругъ, спустившись какъ то внизъ, оказалась въ томъ самомъ царствѣ, которымъ правилъ мужъ одной изъ ея сестеръ.

Психея пожелала, чтобы ея сестру извѣстили объ ея прибытіи. Желаніе ея было исполнено. Сестры встрѣтились. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и поцѣлуевъ, пошла рѣчь о томъ, что привело Психею въ этотъ городъ.

— Вспомни вашъ совѣтъ,—говорила Психея,—вспомни, какъ вы совѣтовали мнѣ острымъ мечемъ убить то животное, съ которымъ я жила,—убить прежде, чѣмъ оно похоронитъ меня въ своей прожорливой пасти. Когда я зажгла огонь, передо мною открылось чудное, истинно божественное зрѣлище. На моемъ ложѣ тихо спалъ—Купидонъ, сынъ Венеры. Въ восхищеніи отъ его божественной красоты, въ приливѣ неудовлетвореннаго желанія, охваченная страстью, я не сводила съ него очей. Вдругъ, по несчастной случайности, на его плечо брызнула со свѣтильника капля горячаго масла. Богъ тотчасъ же проснулся отъ боли. Онъ увидѣлъ, что я вооружена огнемъ и мечемъ. «За твое злодѣйское покушеніе,—сказалъ онъ,—я навсегда удаляю тебя отъ своего ложа. Уходи прочь, мы никогда больше не увидимся. Отнынѣ свою любовь и ложе я отдамъ твоей сестрѣ». При этомъ онъ назвалъ твое имя и приказалъ Зефиру немедленно удалить меня изъ своего дома.

Не успѣла Психея окончить своего разсказа, какъ ея сестра, совсѣмъ безумная женщина, охваченная неистовою похотью и снѣдаемая злобною завистью, заторопилась въ дорогу. Она обманула своего мужа первою выдумкою, какая только ей пришла въ голову,—сказала ему, что, по слухамъ, ея родители умерли,—спѣшно взошла на корабль и немедленно направилась къ скалѣ, поднимавшейся надъ чертогами бога. Въ ту пору дулъ не Зефиръ, а совсѣмъ другой вѣтеръ. Но она не обратила на это никакого вниманія и съ дерзкой увѣренностью со всего размаху бросилась со скалы.

— Прими, Купидонъ,—говорила она,—достойную тебя супругу, а ты, Зефиръ, перенеси бережно внизъ свою госпожу.

Но до дна ей не удалось долетѣть—даже въ видѣ трупа. Разрывая въ клочья свое тѣло и дробя кости о выступы острыхъ скалъ, изорвавъ о камни свои внутренности,—какъ этого она и заслуживала,—она падала внизъ и несла звѣрямъ и птицамъ готовый кормъ.

Скоро точно такая же участь постигла и другую сестру. Психея, блуждая по свѣту, случайно попала въ царство ея мужа. И та пошла на такую же приманку, и та помчалась на кровавую свадьбу, такъ же бросилась со скалы и такъ же изорвала свое тѣло о скалы.—

Пока Психея ходила изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, вездѣ отыскивая своего милаго Купидона, — ея мужъ, страдая отъ недавней раны, больной лежалъ въ спальнѣ своей матери.

Гавія [1]), снѣжно бѣлая птичка, которая на быстрыхъ крыльяхъ скользитъ надъ морскими волнами, быстро погрузилась въ глубокое лоно океана и подошла къ Венерѣ. Она сказала богинѣ, что ея сынъ страдаетъ отъ обжога, что болѣзнь серьезна, а выздоровленіе сомнительно, что по устамъ народовъ пошли уже сплетни и толки, что вездѣ неладно заговорили о всемъ семействѣ Венеры. Вездѣ говорятъ, что сынъ скрывается съ любовницею въ горахъ а его мать плаваетъ себѣ въ морѣ. Пропало на землѣ веселье. Не слышно шутокъ и смѣха. Все стало грубо и дико. Свадебъ нѣтъ, нѣтъ браковъ, нѣтъ тѣсной дружбы и любви къ дѣтямъ. Вездѣ грязь и мерзость какихъ то нечистыхъ и гнусныхъ союзовъ.

Такъ болтала неугомонная птица, эта всесвѣтная кумушка, терзая сердце великой богини разсказами объ ея сынѣ.

— Итакъ, мой милый сынокъ,—въ неудержимомъ гнѣвѣ вос-

[1]) Дочь Нерея и Дориды.

кликнула Венера,—обзавелся уже любовницей! Пожалуйста, будь такъ добра,—я вѣдь знаю, что только ты одна меня не обманываешь,—скажи мнѣ поскорѣе, какъ зовутъ ту, что обольстила моего невиннаго и совсѣмъ еще голенькаго мальчишку? Какая нибудь нимфа? Которая нибудь изъ Горъ? Изъ хора музъ? Можетъ быть, изъ числа моихъ Грацій?

Нашелся отвѣтъ у болтливой птицы и на этотъ вопросъ.

— Хорошенько, госпожа, не знаю. Впрочемъ, мнѣ кажется, если только память мнѣ не измѣняетъ, что дѣвушку, въ которую онъ влюбленъ, зовутъ Психеей.

— Психеей!.. въ негодованіи закричала Венера.—Онъ влюбился въ мою соперницу, которая украла у меня мое имя?.. И хуже всего то, что онъ, вѣроятно, считаетъ меня сводней. Вѣдь я сама познакомила его съ этой дѣвчонкой!..

Въ гнѣвѣ выплыла богиня изъ моря. Она слишкомъ спѣшила въ свои чудные покои. И своими глазами она увидала, что ея мальчикъ дѣйствительно боленъ. Почти съ порога она повела свои гнѣвныя рѣчи.

— Что ты надѣлалъ? Честно ли это? Развѣ это достойно моего сына? Гдѣ же твоя добросовѣстность? Ты не исполнилъ приказанія своей матери и госпожи. Ты запачкалъ себя нечистою любовью къ моей соперницѣ. Ты, совсѣмъ еще незрѣлый мальчишка, искалъ незаконныхъ объятій и наслажденій... Мнѣ взять въ домъ ненавистную невѣстку? Развѣ ты, глупый болтунъ, развѣ ты, лукавый соблазнитель, думаешь, что ты у меня одинъ навсегда? Или я такъ стара, что не могу имѣть другаго сына? Знай же, что ты ошибаешься. Я принесу другого ребенка и тотъ будетъ гораздо лучше тебя. Можетъ быть,—чтобы оскорбить и опозорить тебя еще сильнѣе,—я усыновлю кого нибудь изъ своихъ рабовъ, отдамъ ему и эти крылья, и лукъ, и факелъ, и всѣ твои доспѣхи, которые я дала тебѣ вовсе не для того, чтобы ты такъ грубо злоупотреблялъ ими. Помни, что на твое вооруженіе не потрачено ни одной копѣйки изъ имущества твоего отца. Все здѣсь — мое. Впрочемъ, я еще въ дѣтствѣ замѣчала у тебя дурныя наклонности. Твои руки слишкомъ проворны. Ты всегда былъ непочтителенъ къ старшимъ и часто пускалъ въ нихъ свои стрѣлы. Даже свою мать,—слышишь ли ты?—даже меня, ты почти ежедневно заставляешь раздѣваться. Ты не упускаешь случая ранить меня, хотя, какъ кажется, относишься ко мнѣ даже нѣсколько свысока, видишь во мнѣ какую-то беззащитную вдову. Ты не щадишь даже своего отчима [1]), величайшаго и храбрѣйшаго воина на свѣтѣ. Да что я говорю? Именно его, на мою бѣду, ты чаще всѣхъ сбиваешь съ толку и путаешь со всякими дѣвчонками. Но, погоди ты у меня! Скоро ты будешь каяться въ своихъ плутняхъ! Будешь ты помнить эту гнусную и скверную связь! — Что я теперь заведу дѣлать? Всѣ меня поднимутъ на смѣхъ. У кого мнѣ искать помощи? Какъ мнѣ расправиться съ этимъ ослушникомъ моей воли?—Не прикажешь ли мнѣ идти къ злѣйшей изъ моихъ противницъ, Трезвости, которую я—и все ради твоихъ распутныхъ затѣй—такъ часто оскорбляла? Не войти ли мнѣ въ переговоры съ этою грубою и грязною деревенскою бабою? Это, конечно, ужасно! Впрочемъ, ради мести, я готова пойти и на это. Да, да,—мнѣ лучше вести дѣло съ ней, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ. Она лучше другихъ проучитъ этого болтунишку, разграбитъ его колчанъ, сломаетъ стрѣлы, ослабитъ лукъ, погаситъ факелъ, изнуритъ его тѣло постомъ и воздержаніемъ. Если бы я могла остричь эти волосы, которые сама покрывала золотистымъ блескомъ, подрѣзать эти крылья, которыя напоила изъ моего лона божественнымъ нектаромъ, — я почувствовала бы себя отомщенною.

Съ этими словами въ досадѣ и гнѣвѣ Венера удалилась изъ своего дома.

Почти у дверей ей попались на встрѣчу Церера и Юнона. Богини видѣли, что съ Венерой что то неладно.

---

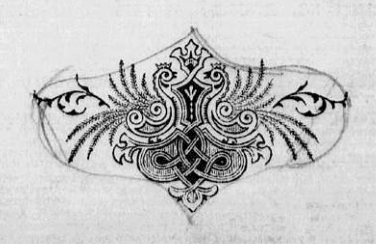
[1]) Марса.

— Съ чего это,—спросили онѣ,—ты такъ мрачно хмуришь брови и закрываешь ими чудный блескъ твоихъ прекрасныхъ глазъ?

— Вы пришли очень кстати,—отвѣчала Венера.—Конечно, вамъ любо смотрѣть на мое горе и раздувать негодованіе въ моей груди. И все таки я обращаюсь къ вамъ съ просьбой. Помогите мнѣ найти бѣглянку, эту быстроногую Психею. Для васъ, конечно, не тайна, что стряслось надъ моимъ домомъ и что натворилъ мой знаменитый сынокъ.

— Въ чемъ же богиня, провинился твой сынъ? Зачѣмъ такъ сурово ты хочешь наказывать его за шалость и увлеченіе? Зачѣмъ тебѣ губить ту дѣвушку, которая ему приглянулась? Зачѣмъ ставить ему въ вину то, что онъ увлекся хорошенькимъ личикомъ? Или ты забыла сколько ему лѣтъ, забыла, что онъ уже молодой человѣкъ? Конечно, для своихъ лѣтъ онъ еще очень моложавъ. Но развѣ ты вѣчно будешь считать его мальчикомъ? Вѣдь ты мать и женщина съ сердцемъ. Зачѣмъ же такъ ревниво слѣдить за его шалостями? Зачѣмъ видѣть въ его увлеченіи распутство? Зачѣмъ въ своемъ красавцѣ сынѣ ты унижаешь свое собственное искусство и свои любимыя забавы? Кто изъ боговъ и кто изъ смертныхъ допуститъ, чтобы ты, зажигая сердца и желанія по всему свѣту, стала гнать любовь изъ своего собственнаго дома и совсѣмъ закрыла мастерскую женскихъ грѣховъ?

Такъ льстили Венерѣ богини, боясь стрѣлъ и доспѣховъ Купидона. Но Венера, обиженная слишкомъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ своей обидѣ, гнѣвно поднялась на воздухъ и быстро полетѣла къ морю.



КНИГА ШЕСТАЯ.

А Психея, не зная отдыха, ходитъ изъ страны въ страну, днемъ и ночью ищетъ по всему свѣту своего милаго мужа. Она хочетъ смягчить сердце своего разгнѣваннаго мужа, если не ласками жены, то покорностью рабыни.—Однажды на вершинѣ какой то горы она увидѣла храмъ.

— Не здѣсь ли,—сказала она,—не здѣсь ли живетъ мой господинъ и повелитель?

И спѣшно она идетъ къ этому храму. Она совсѣмъ измучена безплодными поисками, но любовь и желаніе даютъ ей новыя силы. Ее не останавливаютъ крутыя, утесистыя горы. Она входитъ въ святилище и видитъ тамъ колосья овса и пшеницы,—одни въ снопахъ, другіе завиты вѣнками, видитъ тамъ серпы и всѣ принадлежности жатвы. Но все это раскидано въ полномъ безпорядкѣ,—брошено безпечно и небрежно, какъ это дѣлаютъ обыкновенно жнецы, утомленные полдневнымъ зноемъ. Психея заботливо подобрала все, все разложила въ порядкѣ, какъ этого требуетъ обрядъ и набожность. Она знала, что въ ея положеніи не слѣдуетъ пренебрегать святынею и обрядами какого бы то ни было божества, знала, — что ей слѣдуетъ просить о милости и помощи всѣхъ боговъ. Усердно занялась она своей работой. За работой застала ее и Церера, которая случайно явилась въ свой храмъ.

— Бѣдная, бѣдная Психея,—еще издали заговорила богиня.—Съ бѣшенствомъ въ груди разгнѣванная Венера ищетъ ее по

всему свѣту, чтобы подвергнуть самому суровому наказанію, ищетъ вездѣ и всѣмъ своимъ божественнымъ сердцемъ тоскуетъ объ одной только мести.—А она здѣсь заботится о моемъ храмѣ, не думая о своемъ спасеніи!

Психея упала къ ногамъ богини, стирая съ нихъ пыль своими волосами и слезами орошая ея слѣды; она просила, какъ только могла и умѣла, о помощи.

— Заклинаю тебя твоею щедрою десницею, веселыми церемоніями жатвы, молчаливыми тайнами твоихъ ковчеговъ, крылатою колесницею служебныхъ тебѣ драконовъ, бороздами Сицилійской нивы, твоимъ быстрымъ полетомъ, зиждительною силою земли, свадебнымъ бѣгствомъ Прозерпины и лучезарными огнями при ея возвращеніи,—заклинаю всѣмъ, что въ безмолвной тайнѣ хранятъ святилища Елевзиса и Аттики, помоги Психеѣ, не оставь той, которая прибѣгаетъ къ тебѣ съ молитвой. Позволь мнѣ спрятаться въ этихъ снопахъ и колосьяхъ. Позволь мнѣ переждать здѣсь, пока не смягчится гнѣвъ могущественной богини. Дай мнѣ, утомленной и измученной тревогами и дорогой, отдохнуть въ твоемъ храмѣ и собраться силами.

— Меня трогаютъ,—отвѣчала богиня,—твои слезы и твои мольбы. Я хотѣла бы тебѣ помочь, но не могу идти противъ воли богини, прекрасной женщины и моей родственницы, съ которою притомъ у насъ изстари ведется пріязнь и дружба. Уходи изъ моего храма и будь благодарна за то, что я не задержала тебя здѣсь и не приставила къ тебѣ стражи.

Надежда обманула Психею. Богиня отвергла ея мольбы. Бѣдная дѣвушка, пораженная двойнымъ горемъ, пускается въ обратный путь и видитъ въ глубокой долинѣ прекрасную рощу и храмъ, построенный съ рѣдкимъ искусствомъ. Не отказываясь даже отъ сомнительныхъ средствъ къ достиженію своей цѣли, пытаясь тронуть молитвой каждое божество, Психея подходитъ къ воротамъ и этого святилища. А тамъ всюду драгоцѣнныя приношенія. Тамъ ткани съ буквами, вышитыми золотомъ, прибиты

къ косякамъ дверей и развѣшены на вѣткахъ деревьевъ. На нихъ, съ благодарностью за помощь, вышито имя богини, которой все это приносилось въ даръ. Психея преклонила колѣни, обняла руками еще теплый жертвенникъ, много пролила на него слезъ и вознесла богинѣ такія молитвы.

— Гдѣ бы ты теперь ни была, сестра и супруга великаго Юпитера,—въ старинномъ ли святилищѣ Самоса, который гордится тѣмъ, что слышалъ твой первый дѣтскій лепетъ и вскормилъ тебя отъ колыбели,—въ высокомъ ли Карѳагенѣ, который чтитъ въ тебѣ дѣву, на львѣ поднимающуюся на небо,—въ городскихъ ли стѣнахъ знаменитыхъ аргосцевъ у береговъ Инаха, гдѣ поклоняются тебѣ, какъ женѣ Юпитера и царицѣ богинь, тебѣ, въ которой весь востокъ чтитъ Зигію, а весь западъ Люцину [1],—гдѣ бы ты ни была, милостивая богиня, внемли мнѣ въ моемъ великомъ несчастіи, спаси меня, измученную горемъ и тревогой, отъ угрожающей мнѣ опасности! Знаю, богиня, что именно ты спасаешь отъ опасности беременныхъ женщинъ и рожени цъ!

Психея еще молилась, когда передъ нею, во всемъ величіи своей божественности, предстала Юнона.

— О, Психея,—заговорила она,—какъ бы я хотѣла исполнить твои молитвы! Но мнѣ неловко идти противъ Венеры, моей снохи, которую я всегда любила, какъ родную дочь. Кромѣ того, я не могу нарушить и того закона, который запрещаетъ принимать къ себѣ чужихъ рабовъ, если они ушли отъ своихъ хозяевъ безъ ихъ согласія.

Этотъ новый ударъ судьбы совсѣмъ сразилъ Психею. Она потеряла надежду догнать своего крылатаго мужа и спасти свою жизнь отъ гнѣва Венеры.

— Какія средства,—задумчиво говорила она про себя,—какія средства (да и есть ли они?) могутъ помочь мнѣ въ моемъ бѣдственномъ положеніи, если мнѣ не могутъ помочь—даже при всемъ ихъ желаніи—могущественныя и милостивыя богини? Куда

[1]) Зигію, какъ покровительницу брака, Люцину, какъ богиню роженицъ.

мнѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ бѣдами, направить свой путь? Подъ какой кровлей, въ какой темнотѣ я скроюсь отъ глазъ зоркой Венеры?—Такъ отчего же мнѣ не принять мужественнаго и смѣлаго рѣшенія? Попытка скрыться—не обѣщаетъ успѣха. Не лучше ли мнѣ самой явиться къ Венерѣ и добровольно отдать себя въ ея руки? Можетъ быть, моя, хотя и поздняя, покорность смягчитъ ея сердце. Кто знаетъ, можетъ быть тамъ, въ домѣ матери, я найду и того, кого такъ долго искала?

Такъ думала Психея. Правда, она не особенно вѣрила въ успѣхъ своей покорности и готовилась почти къ неизбѣжной гибели, но заранѣе слагала свои молитвы великой богинѣ.

А Венера на небѣ ищетъ средствъ отыскать бѣглянку, отказавшись отъ мысли найти ихъ на землѣ. Она велитъ заложить ту колесницу, которую съ такимъ чуднымъ искусствомъ сдѣлалъ ей Вулканъ и поднесъ въ качествѣ перваго свадебнаго подарка передъ ея брачнымъ покоемъ. Тонкій напилокъ убавилъ въ ней много золота, но отъ этого она стала только лучше и драгоцѣннѣе. Четыре бѣлыхъ голубка вышли изъ большой стаи, ожидавшей своей очереди близь ложницы богини. Они красиво изгибаютъ свои сизыя шейки, весело и ловко входятъ въ хомутъ, усѣянный драгоцѣнными камнями. Богиня входитъ въ свою колесницу и голуби поднимаютъ ее на воздухъ. Слѣдомъ за колесницей летятъ и шаловливо щебечутъ воробьи. Нѣжными трелями возвѣщаютъ прибытіе богини другія звонкоголосыя птицы. Облака разступаются, открывается небо и небесный эѳиръ радостно принимаетъ въ свое лоно великую богиню. Голосистая свита могущественной Венеры не боится орловъ и хищныхъ коршуновъ, которые встрѣчаютъ ее на пути. Богиня держитъ свой путь прямо къ царственнымъ чертогамъ Юпитера и требуетъ, чтобы Меркурій, вѣстникъ верховнаго бога, немедленно впустилъ ее для бесѣды по неотложному дѣлу. Грозная бровь владыки Олимпа не отвѣтила отказомъ на ея просьбу. Торжествуя побѣду, богиня спускается съ неба, сопровождаемая самимъ Меркуріемъ.

— Братъ мой,—говоритъ ему Венера,—ты, знаешь, конечно, что твоя сестра никогда ничего не дѣлаетъ безъ вѣдома Меркурія. И теперь я не скрою отъ тебя, что я уже давно, но безуспѣшно ищу сбѣжавшую отъ меня рабыню. Мнѣ больше ничего не остается, какъ попросить тебя взять на себя обязанности глашатая и объявить награду за ея поимку. Исполни поскорѣе мою просьбу. А чтобы кто нибудь, провинившись въ незаконномъ укрывательствѣ, не сталъ отговариваться незнаніемъ, вездѣ объяви ея примѣты.

Съ этими словами Венера дала Меркурію опись примѣтамъ Психеи и вернулась въ свои чертоги.

Меркурій немедленно приступаетъ къ исполненію ея порученія. Онъ бѣгаетъ отъ народа къ народу, появляется здѣсь и тамъ и вездѣ читаетъ текстъ публикаціи.

— Кто можетъ задержать бѣглую рабыню Венеры, Психею, царскую дочь, или указать, гдѣ она скрывается, тотъ пусть идетъ къ объявителю сего, Меркурію, за Мурційскія пирамиды [1]), чтобы получить въ награду за свое содѣйствіе отъ самой Венеры семь самыхъ сладкихъ поцѣлуевъ и одинъ особенный, съ ласковымъ прикосновеніемъ ея вкуснаго язычка.

Необыкновенная награда, объявленная Меркуріемъ, подняла на ноги всѣхъ смертныхъ. Всѣ въ запуски пустились на поиски.

Услышала это объявленіе и Психея. Оно заставило ее поскорѣе привести въ исполненіе свой замыселъ. Но не успѣла она подойти къ порогу чертоговъ Венеры, какъ на встрѣчу ей быстро выбѣжала Привычка, одна изъ приближенныхъ служанокъ богини, и набросилась на нее съ неистовымъ крикомъ.

— Наконецъ то ты, гнусная рабыня, поняла, что твоя госпожа—богиня! Не станешь ли ты съ свойственнымъ тебѣ безразсудствомъ утверждать, что ты не знала, сколько времени и труда мы потра-

[1]) Мурційскія пирамиды находились въ римскомъ циркѣ и отмѣчали крайній пунктъ конскаго ристалища съ восточной стороны.

тили на твои поиски? Ладно еще, что ты попала въ мои руки; въ нихъ ты все равно, что въ лапахъ Орка. Тебѣ не долго придется ждать наказанія за свое дерзкое упрямство.

И, запустивъ свои руки въ волоса Психеи, она потащила за собою бѣдную женщину, которая и не думала сопротивляться. Когда ее ввели въ домъ и поставили предъ очами богини, Венера захохотала тѣмъ зловѣщимъ хохотомъ, которымъ смѣются только въ бѣшеномъ гнѣвѣ. Она взмахнула своею головою, прикоснулась рукою до праваго уха и заговорила такъ.

— Наконецъ то ты догадалась почтить посѣщеніемъ и поклономъ свою свекровь! Или ты пришла только повидаться съ своимъ муженькомъ, жизни котораго грозитъ опасность изъ за твоей раны?—Но будь спокойна. Я, конечно, приму тебя, какъ слѣдуетъ принимать добрую невѣстку.

— Гдѣ,—закричала богиня,—Тревога и Печаль, мои рабыни?

Рабыни вошли на этотъ зовъ. Венера отдала имъ Психею на истязаніе. По приказанію своей госпожи, онѣ избили свою жертву бичами, измучили всевозможными пытками и снова привели ее предъ лицо богини.

— Вотъ,—съ прежнимъ хохотомъ заговорила Венера,—она еще хочетъ меня разжалобить, должно быть, своимъ вспухшимъ животомъ, обѣщаніемъ опорожнить его и сдѣлать меня счастливою бабушкою! Конечно, мнѣ придется только благодарить, если мнѣ, въ лучшемъ разцвѣтѣ моей молодости, разведутъ внуковъ! И сынъ жалкой служанки будетъ называться внукомъ Венеры! Но я болтаю вздоръ! Какой тутъ сынъ? Это неравный бракъ. Онъ заключенъ въ деревнѣ, безъ свидѣтелей, безъ согласія заинтересованныхъ сторонъ и уже поэтому бракъ незаконный. У нея не можетъ быть законнаго сына, если только я вообще допущу, чтобы роды состоялись.

Съ этими словами богиня набросилась на Психею, рвала на ней одежду, таскала ее за волоса, била по головѣ и мучила, какъ могла и умѣла. Потомъ она взяла рожь, овесъ, пшеницу, макъ,

горохъ, чечевицу и бобы, все это смѣшала вмѣстѣ, сдѣлала одну кучу и заговорила такъ.

— Мнѣ кажется, что ты такъ безобразна, что можешь привлечь къ себѣ любовь мужа только упорнымъ рабскимъ трудомъ. Я хочу испытать твое усердіе и расторопность. Осторожно разбери эту кучу, зерно къ зерну, разложи по сортамъ все, что здѣсь есть. Кончи къ вечеру и покажи мнѣ.

Кивнувъ головою на огромную кучу, богиня удалилась на брачный пиръ. Психея, пораженная и уничтоженная безчеловѣчностью испытанія, не сдѣлала даже попытки разобраться въ этой страшной грудѣ. Молча и неподвижно она долго стояла надъ нею. Но одинъ маленькій муравей, питомецъ деревенскаго поля, сжалился надъ подругою великаго бога, которой предстоялъ такой непосильный трудъ. Проклиная въ душѣ жестокость ея свекрови, онъ проворно забѣгалъ то туда, то сюда, своими просьбами поднимая на ноги всю свою общину и всѣхъ своихъ сосѣдей.

— Пожалѣйте,—кричалъ онъ по полямъ,—быстроногіе питомцы кормилицы земли, пожалѣйте милую дѣвушку, жену Амура, которой грозитъ теперь страшная бѣда. Скоро, скоро собирайтесь къ ней на помощь.

Одна за другою со всѣхъ сторонъ движутся широкія волны шестиногихъ созданій. На спѣхъ и ловко они по зерну разбираютъ огромную кучу, все раскладываютъ по сортамъ и такъ же скоро пропадаютъ изъ глазъ.

А когда пришла ночь, съ брачнаго пира вернулась Венера— съ глазами, влажными отъ вина, обвѣянная бальзамическими ароматами, въ вѣнкахъ и гирляндахъ изъ свѣжихъ розъ. Ея урокъ исполненъ съ удивительнымъ прилежаніемъ.

— Не твоихъ,—закричала она,—не твоихъ рукъ это дѣло, негодная раба! Это дѣло того, кому ты приглянулась,—на свою или, вѣрнѣе, на его бѣду!

И богиня удалилась въ свою опочивальню, бросивъ дѣвушкѣ кусокъ черстваго хлѣба.

А между тѣмъ Купидонъ подъ стражею одиноко томился во внутреннихъ покояхъ дома. Съ одной стороны онъ опасался, какъ бы шаловливое сладострастіе не ухудшило его болѣзни, а съ другой боялся потерять любимую дѣвушку. Такъ подъ одною кровлею, но не вмѣстѣ двое влюбленныхъ провели эту ночь.

Только что Аврора поднялась на свою колесницу, Венера позвала къ себѣ Психею.

— Видишь ли ты, — сказала она, — рощу, которая тянется вдоль береговъ этой рѣки? Рѣка выливается бурными водоворотами изъ сосѣдняго источника. Тамъ, ни кѣмъ не хранимыя, вольно пасутся овцы, блестящая шерсть которыхъ отливаетъ цвѣтомъ золота. Слушай же мое приказаніе. Во что бы то ни стало достань клокъ этой драгоцѣнной шерсти и немедленно принеси его мнѣ.

Психея охотно пустилась въ путь.—Она вовсе не думала, что ей удастся исполнить это приказаніе, но она надѣялась найти себѣ послѣдній отдыхъ отъ всѣхъ своихъ страданій, бросившись съ берега въ воду. Но изъ рѣки, подъ легкій шелестъ тихаго вѣтерка, по внушенію свыше, заговорилъ съ нею зеленый тростникъ,—звонкій поставщикъ музыки.

— Психея, что бы тебя ни терзало, не оскверняй своею насильственною смертью мои священныя воды. Но не подходи и къ ужаснымъ овцамъ этого берега. Когда жаркое солнце обдаетъ ихъ зноемъ, онѣ въ дикомъ бѣшенствѣ носятся по этому берегу и въ ярости убиваютъ всѣхъ смертныхъ то острымъ рогомъ, то каменнымъ лбомъ, то своими ядовитыми зубами. Но послѣ полудня, когда жара спадетъ, когда прохлада и свѣжесть рѣки успокоитъ ихъ стадо, я постараюсь потихоньку спрятать тебя за огромнымъ платаномъ, который вмѣстѣ со мною пьетъ воду изъ этой рѣки. Тогда смягчится дикая ярость овецъ и ты легко наберешь себѣ въ рощѣ золотаго руна, потому что овцы любятъ тереться о стволы и сучья и часто оставляютъ на нихъ не мало шерсти.

Такъ указывалъ путь къ спасенію для бѣдной Психеи простосердечный тростникъ. Она послушалась его совѣта, спряталась, какъ онъ ее научилъ, и ей не пришлось раскаяваться въ этомъ. Она исполнила свое порученіе. Ей не трудно было набрать золотаго руна, наполнить имъ свою пазуху и принести все это Венерѣ. Но удачнымъ исполненіемъ опаснаго порученія она не заслужила милости своей госпожи. Богиня сдвинула брови и злобно улыбалась.

— Знаю,—сказала она,—кто былъ твоимъ помощникомъ и въ этомъ дѣлѣ. Но я хочу еще разъ испытать тебя,—хочу узнать, дѣйствительно ли ты въ опасности не теряешь присутствія духа и сохраняешь полное благоразуміе. Видишь ты остроконечную вершину неприступной горы, съ крутаго обрыва которой сливаются черныя воды мрачнаго источника? Эти воды напояютъ долины и болота Стикса, разливаются по отмелямъ и бродамъ Коцита[1]. На самой вершинѣ изъ средней и главной струи потока зачерпни мнѣ холодной воды и принеси сюда въ этомъ сосудѣ.

Съ этими словами, не переставая грозить дѣвушкѣ худшими бѣдами, богиня подала ей хрустальный сосудъ.

Быстро поднялась Психея на ближайшій уступъ страшной горы. Тамъ она надѣялась найти конецъ своей печальной жизни. Оттуда она вполнѣ разглядѣла окружающую мѣстность и поняла, что исполнить порученіе богини нѣтъ никакой возможности. Огромныя скалы отличались необыкновенной крутизной и были очень скользки; онѣ изрыгали изъ своей каменной пасти страшныя воды потока. Вырвавшись изъ широкаго отверстія, вода разливалась по впадинамъ горы, скатывалась внизъ по откосу и по узкому ложу небольшаго канала медленно изливалась въ сосѣднюю долину. По выдолбленнымъ водою камнямъ у самаго истока справа и слѣва ползали свирѣпые драконы, выгибая свои длинныя шеи. Они не знаютъ сна, зорко стерегутъ истоки адскихъ рѣкъ, днемъ и ночью струятъ изъ своихъ зрачковъ лучи зеленоватаго свѣта. Страшны

[1] Стиксъ, Оркъ, Лета, Коцитъ—адскія рѣки; часто это синонимы смерти.

и сами звонкія воды,—страшны тѣми звуками, которыя отъ нихъ неумолчно несутся. «Уходи, уходи отсюда. Подумай, что ты дѣлаешь, за что ты берешься. Берегись. Бѣги отсюда,—не то погибнешь».

Убѣдясь въ невозможности исполнить порученіе богини, пораженная горемъ Психея лишилась чувствъ. Измученная страхомъ, предъ лицомъ неминучей опасности она была лишена даже способности плакать, этого послѣдняго утѣшенія въ горѣ.

Но страданія невинной дѣвушки не укрылись отъ зоркихъ очей благаго провидѣнія. Могучій орелъ, вѣстникъ великаго Юпитера, развернулъ свои широкія крылья и полетѣлъ къ испуганной подругѣ Амура. Онъ не забылъ той услуги, которую уже давно оказалъ ему Амуръ, когда ему, по указаніямъ сына Венеры, удалось похитить для Юпитера изъ Фригіи Ганимеда. Онъ воздалъ должное уваженіе богу въ лицѣ его подруги, когда—какъ разъ кстати—поспѣшилъ къ ней на помощь, спустился съ высокой вершины Олимпа и предсталъ передъ нею съ такими словами.

— Какъ ты наивна! Какъ мало ты знаешь то, что видишь теперь предъ собою! Неужели ты думаешь, что можно взять хоть одну каплю воды изъ этого священнаго и страшнаго источника? Даже богамъ, даже самому Зевесу страшны эти стигійскія воды. Или ты не слыхала объ этомъ? Развѣ ты не знаешь, что боги клянутся великимъ именемъ Стикса, какъ вы клянетесь именемъ великихъ боговъ?—Дай мнѣ твой сосудъ.

Психея отдала ему хрустальную чашу. Неровно двигались широкія орлиныя крылья. Закрывая ихъ то справа, то слѣва, спасаясь отъ грозной пасти и судорожныхъ извивовъ страшныхъ драконовъ, орелъ торопливо старался наполнить водою сосудъ. Но воды шли туда неохотно и своимъ вѣчнымъ шумомъ предостерегали орла, совѣтовали отказаться отъ смѣлой попытки, уходить прочь, пока есть еще время. Только увѣреніе, что онъ хочетъ услужить Венерѣ, что онъ исполняетъ ея желаніе, дало ему возможность кончить это дѣло.

Съ благодарностью Психея взяла отъ орла свой сосудъ, полный страшной воды, быстро отнесла его къ Венерѣ, но даже и этимъ не могла смягчить ея непреклоннаго сердца. Съ своею страшною улыбкой, обѣщая новыя бѣды, такъ ей говорила богиня.

— Должно быть ты злая колдунья, если могла точно исполнить мои приказанія. Но, моя милочка, ты должна будешь сдѣлать для меня и еще одно дѣльце. Возьми вотъ эту коробочку и ступай въ Адъ, къ мертвымъ пенатамъ Орка. Отдай этотъ ящичекъ Прозерпинѣ и скажи ей: «Венера проситъ у тебя, если можно, немножко твоей красоты, хоть на одинъ денекъ, потому что она, ухаживая за своимъ больнымъ сыномъ, совсѣмъ извелась и истратилась». Но смотри, возвращайся какъ можно скорѣе. Мнѣ надо успѣть намазаться притираніями изъ этого чуднаго ящичка, чтобы явиться на собраніе боговъ.

Психея поняла, что на этотъ разъ погибель ея неизбѣжна. Судьба сбросила съ себя покрывало и бѣдная женщина ясно увидѣла, что теперь ей спасенья нѣтъ. И, дѣйствительно, развѣ есть худшее горе, чѣмъ идти самой, на своихъ собственныхъ ногахъ, въ темный Тартаръ, къ сонмамъ мертвыхъ тѣней?

Безъ колебаній она поднялась на какую то высокую башню, чтобы броситься оттуда внизъ головою. Такъ, казалось ей, она скорѣе всего дойдетъ до подземнаго царства. Но башня вдругъ заговорила.

— Зачѣмъ, несчастная дѣвушка, ты хочешь погубить себя, бросившись внизъ съ такой высоты? Зачѣмъ ты такъ безразсудно отступаешь передъ послѣдней опасностью и боишься послѣдняго испытанія богини? Стоитъ твоей душѣ одинъ только разъ отдѣлиться отъ тѣла,—и ты, конечно, попадешь на самое дно тартара. Но дѣло то въ томъ, что оттуда никогда уже не выйдешь назадъ. Послушайся лучше меня. Недалеко отсюда, въ Ахайи, есть знаменитое спартанское царство. Тамъ есть мѣстность Тенаръ; добраться до него очень и очень не легко. Но именно тамъ то и нахо-

дится отдушина въ царство Плутона. Тамъ, за широко зіяющими воротами, начинается страшная дорога въ мрачныя бездны. Перешагни этотъ порогъ тартара и по прямому пути ступай до самаго Орка. Но бойся войти въ область адскаго мрака съ пустыми руками. Непремѣнно захвати съ собою двѣ ячменныхъ лепешки, спеченныхъ на меду, а во рту крѣпко держи двѣ небольшихъ мѣдныхъ монетки. Когда ты пройдешь добрую половину этой дороги мертвыхъ, тебѣ попадется на встрѣчу хромой погонщикъ. Онъ гонитъ хромаго осла, навьюченнаго дровами. Погонщикъ будетъ тебя просить подобрать хворостъ, который выпадаетъ изъ его вьюка. Но ты, ни однимъ словомъ не отвѣчая на его просьбы, ступай себѣ дальше. Черезъ нѣсколько времени ты дойдешь до берега рѣки мертвыхъ. Перевозчикъ Харонъ немедленно потребуетъ отъ тебя платы за перевозъ; даромъ онъ никого не перевозитъ на своей утлой лодкѣ на другой берегъ. Не удивляйся тому, что жадность есть и въ царствѣ тѣней, что даже такой великій богъ, какъ Харонъ, отецъ Плутона, беретъ за перевозъ деньги со всѣхъ безъ исключенія, какъ бы ни былъ бѣденъ покойникъ. Да, никому, у кого нѣтъ въ рукахъ денегъ, онъ не позволитъ умереть совсѣмъ и какъ слѣдуетъ. Отдай этому грязному и отвратительному старику одну изъ твоихъ монетъ, но сдѣлай такъ, чтобы онъ самъ вынулъ ее у тебя изо рта. Только такимъ способомъ ты и можешь перебраться черезъ эту мрачную рѣку. Во время переправы одинъ старый мертвецъ, плавая надъ водою, будетъ протягивать къ тебѣ свои гнилыя руки и просить, чтобы ты втащила его къ себѣ въ лодку. Отнюдь не поддавайся опасному чувству жалости. Переправившись черезъ рѣку, иди дальше. По дорогѣ ты встрѣтишь старыхъ ткачихъ, занятыхъ своею пряжею. Онѣ станутъ тебя просить, чтобы ты немного помогла имъ. Отвѣчай отказомъ и на эту просьбу. Все это и многое другое—только коварныя уловки Венеры, которой хочется, чтобы ты выронила изъ рукъ хоть одну изъ твоихъ лепешекъ. Не думай, что потерять лепешку—пустяки. Случись это съ тобою, и ты никогда

уже не увидишь бѣлаго свѣта. Знай, что у самаго порога мрачнаго атріума Прозерпины, при входѣ въ обширный домъ Плутона, лежитъ огромный, страшный, трехголовый песъ. Изъ его открытой пасти вылетаетъ громоподобный лай. Этимъ лаемъ онъ безъ всякой нужды пугаетъ и усопшихъ, которые все равно никому ничего худаго сдѣлать не могутъ. Но ты спокойно пройдешь мимо этого пса, бросивъ ему одну изъ твоихъ лепешекъ. Тогда тебѣ—открытый путь до Прозерпины. Она приметъ тебя очень ласково, любезно будетъ просить тебя сѣсть на мягкое кресло и принять ея роскошное угощеніе. Но ты садись на полъ и попроси себѣ чернаго хлѣба. Потомъ разскажи ей, зачѣмъ ты пришла, возьми то, что она тебѣ дастъ, иди назадъ по той же дорогѣ, брось свирѣпому псу остальную лепешку, отдай жадному перевозчику остальную монету и, переплывъ на его лодкѣ адскую рѣку, возвращайся къ Тенару по прежнимъ слѣдамъ. Такъ ты снова вернешься подъ эти хоры небесныхъ созвѣздій. Но только пуще всего берегись открывать и разсматривать коробочку, которую дастъ тебѣ Прозерпина. Береги это сокровище божественной красоты какъ можно осторожнѣе.

Такъ говорила добрая башня, замѣняя собою на этотъ случай оракула.

Психея немедленно отправилась въ Тенаръ, взяла съ собою,—какъ ей это было указано,—двѣ монеты и двѣ лепешки, вышла на дорогу мертвыхъ, молча прошла мимо хромаго погонщика хромаго осла, заплатила одну монету за перевозъ черезъ рѣку, отвергла просьбу плававшаго по водѣ покойника, презрѣла мольбы лукавыхъ ткачихъ, бросила одну лепешку свирѣпой собакѣ и вошла въ домъ Прозерпины. Тамъ она уклонилась отъ любезнаго приглашенія хозяйки сѣсть на мягкомъ креслѣ и отвѣдать ея вкусныя блюда, скромно усѣлась у ея ногъ, ограничилась чернымъ хлѣбомъ и сказала богинѣ, зачѣмъ прислала ее Венера. Ящичекъ былъ тотчасъ же потихоньку наполненъ и запертъ.

Психея взяла его, пошла назадъ, другою лепешкою уняла бѣшеный лай собаки, отдала послѣднюю монету Харону и скоро, скоро побѣжала вонъ изъ адскихъ предѣловъ.

И снова она увидѣла, снова весело привѣтствовала нашъ бѣлый свѣтъ. Но она, хотя и очень торопилась исполнить порученіе Венеры, не съумѣла подавить въ себѣ легкомысленнаго любопытства.

— Какъ я глупа!—говорила она про себя.—Несу я въ этомъ ящикѣ столько божественной красоты и не догадаюсь взять частичку ея и себѣ,—хотя бы для того только, чтобы понравиться своему прекрасному мужу!

И она открыла ящикъ. Тамъ не было ничего, никакой красоты, а только адскій сонъ съ береговъ Стикса. Какъ только она подняла крышку, глубокій сонъ тотчасъ набросилъ на нее свое темное покрывало, разлился по всѣмъ ея членамъ отъ макушки до самыхъ пятокъ и свалилъ ее прямо на тропинку.

Въ глубокомъ снѣ, какъ бездушный трупъ, упала на землю Психея.

А Купидонъ уже поправился отъ недавней раны. Онъ соскучился по своей милой Психеѣ, вспорхнулъ черезъ окно изъ той комнаты, въ которой томился, и быстро быстро полетѣлъ по воздуху. Отъ долгаго покоя его крылья окрѣпли и стали сильнѣе. Онъ подошелъ къ любимой дѣвушкѣ, осторожно смелъ съ нея сонъ, снова спряталъ его въ ящичекъ и легкимъ уколомъ своей стрѣлы разбудилъ Психею.

— Ахъ, бѣдняжка,—говорилъ онъ,—ты снова на краю погибели и снова по своему легкомысленному любопытству. Теперь скорѣе и какъ можно лучше исполни порученіе, которое дала тебѣ моя мать. Объ остальномъ позабочусь я самъ.

И влюбленный богъ высоко поднялся на легкихъ крыльяхъ, а Психея спѣшно понесла Венерѣ подарокъ Прозерпины.

Купидонъ, безумно влюбленный въ Психею, все таки очень боялся неожиданной трезвости своей матери. Чтобы вывернуться изъ бѣды, онъ по своей привычкѣ вновь пустился на хитрости. На своихъ сильныхъ крыльяхъ онъ поднялся на самую вершину неба, сталъ передъ лицомъ великаго Юпитера, разсказалъ ему свое дѣло и просилъ о защитѣ. Ласково потрепалъ его Громовержецъ по щечкѣ, поднесъ его руку къ своимъ губамъ и отвѣчалъ ему милостивою рѣчью.

— Ты, сынъ и господинъ мой, конечно, никогда не оказывалъ мнѣ того уваженія, которымъ я пользуюсь по общему соизволенію боговъ. Въ это сердце, которое опредѣляетъ законы стихій движеніе созвѣздій, ты часто пускалъ свои острыя стрѣлы. Ты слишкомъ часто зажигалъ въ немъ огонь земной похоти и заставлялъ меня оскорблять всѣ законы, даже законъ Юлія [1]), и всѣ общественныя приличія. Постыдныя прелюбодѣянія иногда даже колебали мой авторитетъ и мою безсмертную славу, когда ты заставлялъ меня превращаться то въ нечистыхъ гадовъ, то въ огонь, то въ дикихъ звѣрей и птицъ, то, наконецъ, въ домашнихъ животныхъ. Но я все таки цѣню твою скромность. Я не забылъ, что ты выросъ у меня на рукахъ. И я сдѣлаю для тебя все, о чемъ ты просишь. Помни только, что тебѣ надо крѣпко беречься своихъ недруговъ. Да кстати, — если теперь есть на землѣ какая нибудь дѣвушка, которая всѣхъ превосходитъ своею красотою, отдай ее мнѣ и это будетъ съ твоей стороны честной расплатой за мою милость.

И владыка Олимпа отдалъ Меркурію приказаніе немедленно созвать на совѣтъ всѣхъ боговъ и объявить штрафъ въ 10,000 золотыхъ монетъ за неявку на это собраніе небожителей. Этотъ штрафъ заставилъ всѣхъ явиться въ небесные чертоги, гдѣ на своемъ высокомъ сѣдалищѣ возсѣлъ великій Юпитеръ и встрѣтилъ боговъ такою рѣчью.

— Боги и причтенные къ сонму боговъ! Вы, конечно, знаете этого молодого человѣка, который выросъ у меня на рукахъ. Я

---

[1]) Вѣроятно de adulteriis.

полагаю, что надо найти какую нибудь узду, чтобы сдерживать пылкіе порывы его юности. Надо положить конецъ ежедневнымъ слухамъ объ его излишней вольности и разныхъ, довольно соблазнительныхъ похожденіяхъ. Его молодой пылъ надо связать брачными узами. Онъ самъ выбралъ себѣ дѣвушку и лишилъ ее невинности. Пусть же онъ и остановится на ней, пусть всегда находитъ въ ея объятіяхъ всѣ наслажденія любви.

— Не печалься и ты, моя дочь,—сказалъ онъ, обращаясь къ Венерѣ.—Не бойся за свой знаменитый родъ, не бойся за свое настоящее положеніе на Олимпѣ.—Не думай, что женою твоего сына будетъ смертная дѣвушка. Это будетъ не неравный бракъ, какъ думала ты, а бракъ совершенно законный, учиненный по обычному праву.

И великій Юпитеръ приказалъ Меркурію найти Психею и привести ее на небо.

— Возьми этотъ кубокъ, Психея,—сказалъ онъ, подавая ей кубокъ амброзіи,—и будь безсмертна. Купидонъ не уйдетъ уже изъ твоихъ объятій. Онъ будетъ твоимъ навсегда.

Быстро приготовленъ пышный брачный пиръ. Прижимая Психею къ груди, новый мужъ возлегъ съ нею на высокомъ ложѣ. За нимъ возлегъ съ Юноной Юпитеръ, а потомъ всѣ по порядку великіе боги. Нектаръ Юпитеру подавалъ Ганимедъ, а другимъ—Бахусъ. Вулканъ готовилъ обѣдъ. Горы осыпали всѣхъ розами и вѣнками. Граціи орошали пирующихъ бальзамическими ароматами. Музы пѣли звучныя пѣсни. Пѣлъ и Аполлонъ подъ аккомпаниментъ цитры. Венера подъ тактъ сладострастной музыки замирала въ красивыхъ движеніяхъ пляски. На сценѣ пѣли хоры музъ, игралъ на флейтѣ сатиръ, а Панъ игралъ на свирѣли.

Психея нашла, наконецъ, своего Купидона. Скоро отъ нихъ родилась дочь, которую назвали Наслажденіемъ.—

Такъ разсказывала плѣнной дѣвушкѣ дряхлая старушонка. А я стоялъ неподалеку и, клянусь Геркулесомъ, жалѣлъ, что у

меня нѣтъ чернилъ и бумаги, что я не могу записать эту хорошенькую сказочку.

Разбойники, окончивъ какое то сраженіе, обремененные добычей, возвратились домой. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе сильные и храбрые, оставивъ раненыхъ дома залечивать ихъ раны, снова собрались въ путь, чтобы принести, какъ они говорили, остальные мѣшки, спрятанные до поры до времени въ одной пещерѣ.

Наскоро пообѣдавъ, они вывели на дорогу меня и моего коня, чтобы привезти на насъ остатки добычи, и начали усердно подгонять насъ палками. Мы были совсѣмъ утомлены кручами и перевалами дороги, когда подъ вечеръ насъ подвели къ какой то пещерѣ, снова нагрузили тяжелыми мѣшками и погнали въ обратный путь, не давъ даже самаго короткаго отдыха. Они чего то сильно боялись и поэтому очень спѣшили, безъ отдыха колотили меня плетью и дубиной, толкали впередъ и наконецъ повалили на одинъ камень, который лежалъ у самой дороги. Я повредилъ себѣ правое колѣно и лѣвое копыто, а разбойники, не смотря на это, схватили, что кому попало подъ руку, со всего размаху колотили меня и заставляли подняться.

— До которыхъ же поръ,—кричалъ одинъ,—мы даромъ будемъ кормить этого переломаннаго и хромаго осла?

— Да,—отвѣчалъ другой,—съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ недобрый часъ вошелъ въ нашъ домъ, намъ во всѣхъ отношеніяхъ не везетъ. Даже храбрѣйшіе изъ насъ терпятъ уронъ и убытки.

— Ужо,—заговорилъ третій,—какъ только онъ какъ нибудь дотащитъ поклажу до дому, я сброшу его со скалы, какъ лакомое блюдо для коршуновъ.

Такъ эти милые разбойники разсуждали о моей погибели. До дому мы добрались скоро, потому что страхъ окрылилъ мои копыта. Быстро сняли съ насъ нашу поклажу, позабыли позаботиться о нашемъ кормѣ и о своемъ намѣреніи меня убить, когда сбѣжались ихъ раненые товарищи, которые оставались дома. Послѣдніе говорили, что, такъ какъ мы долго не возвращались, они

хотѣли выйти къ намъ на встрѣчу съ факелами. Я остался одинъ. Никакого сомнѣнія у меня не могло быть въ томъ, какая участь меня ожидаетъ. Я про себя такъ и этакъ обдумывалъ свое положеніе.

— Что ты стоишь здѣсь, Люцій?—думалъ я про себя. — Что теперь тебя ожидаетъ? — По общему рѣшенію разбойниковъ— смерть и притомъ самая жестокая смерть! Рѣшайся же на смѣлое дѣло. Да оно и не требуетъ особенной смѣлости. — Видишь эти скалы? Онѣ недалеко отсюда. Видишь, сколько разсыпано кругомъ острыхъ камней. Они изорвутъ тебя въ клочья, когда ты будешь падать по нимъ внизъ. Не забывай, что твоя мудрая магія дала тебѣ только наружность и положеніе осла, но обтянула тебя не толстою ослиною шкурою, а кожею тонкою, какъ внутренняя оболочка тростника. Отчего же тебѣ не рѣшиться при этихъ обстоятельствахъ на смѣлое дѣло и, пока еще можно, не подумать о своемъ спасеніи?—Разбойники ушли и тебѣ представляется великолѣпный случай поискать спасенія въ бѣгствѣ. Или ты боишься этой полумертвой старухи? Довольно пнуть ее хорошенько хромымъ копытомъ, чтобы покончить съ нею всѣ счеты.—Въ какую же сторону мнѣ направить свой бѣгъ? Кто дастъ мнѣ пристанище? Но вѣдь и это совсѣмъ глупое, истинно ослиное сомнѣніе. Кто изъ путешественниковъ не будетъ радъ даровой подводѣ?

И я тотчасъ же, со всего размаха, оборвалъ тотъ ремень, которымъ былъ привязанъ. Весело стуча о землю всѣми четырьмя копытами, я пустился бѣжать. Однако мнѣ не удалось обмануть хитрой старушонки и ея ястребиныхъ глазъ. Она увидала, что я сорвался съ привязи, не по лѣтамъ напустила на себя смѣлости, не по бабьи крѣпко ухватила меня за ремень и дѣлала все, чтобы приманить меня къ себѣ и отвести назадъ. Но я помнилъ адскій замыселъ разбойниковъ и гналъ отъ себя всякую жалость. Подбросивъ ловко копыта заднихъ ногъ, я заставилъ ее растянуться на землѣ. А старушонка не унялась и въ эту минуту. Она всѣмъ тѣломъ повисла на моемъ уже оборванномъ ремнѣ и

долго волочилась за мною по землѣ. Она громко и визгливо кричала, чтобы кто нибудь посильнѣе пришелъ къ ней на помощь. Но она не могла тронуть своими просьбами пустой горы. Кругомъ не было никого, кромѣ молодой плѣнницы. Та выбѣжала на крикъ и увидала, клянусь Геркулесомъ, любопытное зрѣлище. Старушонка, какъ новая Дирцея [1], повисла—но не на быкѣ, а на ослѣ! При видѣ этого дѣвушка стала смѣла, какъ мужчина, и рѣшилась на геройское дѣло. Она вырвала ремень изъ рукъ старухи, ласковыми словами заставила меня остановиться, быстро вскочила ко мнѣ на спину, стала подгонять меня и торопить къ бѣгству.

Я и безъ того уже готовилъ къ этому свои ноги. А тутъ желаніе спасти милую дѣвушку и ея удары, на которые она вовсе не скупилась, заставили меня бѣжать не хуже доброй лошади. Я звонко билъ по землѣ всѣми своими копытами и старался любезнымъ ревомъ отвѣчать на милыя рѣчи своей наѣздницы. Время отъ времени, загибая назадъ голову, какъ будто съ цѣлью почесать себѣ спину, я старался поцѣловать ея красивыя ножки.—Она часто вздыхала и шептала молитвы богамъ.

— Помогите мнѣ,—говорила она,—помогите мнѣ вы, небожители, въ эту минуту крайней опасности! Перестань гнать меня и ты, жестокая Фортуна! Своими страданіями я уже заслужила твою улыбку... А тебя, мой товарищъ по бѣгству и мой помощникъ въ дѣлѣ освобожденія, я отблагодарю по царски, если ты въ цѣлости довезешь меня до дому, возвратишь моимъ родителямъ и милому жениху. Какъ я тебя буду холить! Въ какомъ ты будешь у меня почетѣ! Я бережно расчешу твою жесткую гриву, повѣшу свои дѣвичьи ожерелья на твою шею, красиво и нарядно уберу твой лохматый лобъ. Ужасную щетину на твоемъ хвостѣ, которая по твоей небрежности вся сбита въ комокъ, я разберу своими руками и приведу въ полный порядокъ. Весь въ золотыхъ медальонахъ, сіяющій, какъ небесное созвѣздіе, ты съ тор-

[1] Дирцея изъ Өивъ, жена Лика, была привязана къ рогамъ быка; это сюжетъ мраморной группы, извѣстной подъ именемъ Фарнезскаго быка.

жествомъ пойдешь по улицамъ города при громкихъ крикахъ всего народа. Каждый день въ шелковомъ мѣшкѣ я буду носить тебѣ, моему избавителю, вкусныя зерна и отборный кормъ. Въ невозмутимомъ покоѣ, сытый до отвалу, ты узнаешь все блаженство жизни. Я позабочусь и о твоей славѣ. На вѣчную память объ этомъ событіи и о божественномъ провидѣніи, которое послало мнѣ избавленіе отъ плѣна, я велю художнику изобразить на картинѣ наше теперешнее бѣгство и повѣшу эту картину въ атріумѣ своего дома. «Царская дочь, спасающаяся на ослѣ»,— вотъ что будутъ представлять на сценѣ театровъ, о чемъ заговорятъ въ повѣстяхъ и сказкахъ, что будетъ увѣковѣчено перомъ лучшихъ писателей и ученыхъ. Скоро и ты станешь однимъ изъ старыхъ чудесъ. Твой подвигъ заставитъ всѣхъ вѣрить тому, что Фриксъ дѣйствительно переплылъ море на баранѣ, что Аріонъ управлялъ дельфиномъ, что Европа плыла на спинѣ быка. А вѣдь если вѣрно, что тогда подъ видомъ быка мычалъ самъ Юпитеръ, то легко можетъ статься, что и за твоею ослиною мордою таится лицо человѣка или свѣтлый ликъ одного изъ боговъ.

Часто начинала такія рѣчи дѣвушка, часто вздохи прерывали ея молитвы. Такъ мы добрались до одного перекрестка. Дѣвушка изо всѣхъ силъ потянула меня за узду, стараясь повернуть направо,—должно быть потому, что въ той сторонѣ былъ домъ ея родителей. Но я зналъ, что именно по этой дорогѣ разбойники пошли за своею добычею и упрямо поворачивалъ налѣво.

— Что ты дѣлаешь, бѣдная дѣвушка?—молча раздумывалъ я про себя.—Что ты затѣваешь? Зачѣмъ торопишься къ Орку? Зачѣмъ на моихъ ногахъ спѣшишь навстрѣчу своей смерти? Тамъ погибель не только для тебя, но и для меня самого.

Такое препирательство вышло на этомъ перепутьи. Можно было подумать, что мы споримъ о наслѣдствѣ или ведемъ судебныя пренія въ уголовномъ процессѣ, тогда какъ все дѣло шло только о направленіи нашей дороги. И за этимъ споромъ насъ захватили разбойники, когда они, нагруженные награбленной добычей, возвращались домой. При лунномъ свѣтѣ они еще издали замѣтили насъ и встрѣтили насмѣшливыми привѣтствіями.

— Куда,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—куда это вы потихоньку, темною ночью, такъ торопитесь по этой дорогѣ, не боясь привидѣній и ночныхъ призраковъ? Не хочешь ли ты, скромная дѣвушка, повидаться съ своими родителями? Такъ мы дадимъ тебѣ провожатыхъ, чтобы ты была не одна, и покажемъ ближайшую дорогу къ дому.

За словомъ послѣдовало и дѣло. Схвативъ за ремень, онъ круто повернулъ меня назадъ и не переставалъ осыпать ударами сучковатой палки. Я невольно бѣжалъ на встрѣчу неизбѣжной погибели. Но, вспомнивъ, что у меня болитъ копыто, я сталъ хромать и помахивать головою.

— Опять ты,—заговорилъ мой погонщикъ,—сталъ ковылять и шататься. Твои гнилыя ноги умѣютъ бѣгать, а ходить не умѣютъ. А еще недавно ты умѣлъ скакать не хуже крылатаго Пегаса...

Такъ шутилъ мой благодушный погонщикъ, помахивая палкою.—Скоро мы вошли въ ограду ихъ дома. И что же мы тамъ увидали? На толстомъ суку большого кипариса съ петлею на шеѣ висѣла старуха. Ее немедленно стащили и бросили со скалы внизъ, какъ она была, съ веревкою на шеѣ,—а дѣвушку заковали въ оковы.

Жадно, какъ дикіе звѣри, накинулись они на обѣдъ, который послѣдній разъ въ жизни приготовила имъ старушонка. Когда съ удивительною прожорливостью было истреблено все, что было наготовлено, они повели рѣчь о нашемъ наказаніи. Мнѣнія, какъ это всегда бываетъ въ неблаговоспитанной компаніи, скоро раздѣлились. Одинъ полагалъ, что дѣвушку надо сжечь живою; другой кричалъ, что ее слѣдуетъ бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ; третій стоялъ за то, чтобы ее повѣсили; четвертый убѣждалъ извести ее пытками. Всѣ сходились только на томъ, что она заслуживала смерти, какъ бы тамъ ее ни убить.

— Нѣтъ, мои товарищи по ремеслу,—тихо и кротко заговорилъ одинъ изъ нихъ, усмиривъ общій шумъ и крики.—Ваше

человѣколюбіе и моя скромность не позволютъ намъ такъ неумѣренно злобствовать и шумѣть по поводу этого преступленія. Не торопитесь обрекать ее на скорую смерть. Дикіе звѣри, огонь, висѣлица, пытки и всѣ другіе роды смерти—все это слишкомъ уже скоро и жестоко. Послушайтесь лучше меня и оставьте дѣвушкѣ жизнь,—но, конечно, такую, какой она заслуживаетъ. Вы, вѣроятно, не забыли и того, что мы рѣшили сдѣлать съ нашимъ осломъ, который всегда былъ страшно лѣнивъ и прожорливъ, а теперь сталъ лжецомъ, потому что притворяется хромымъ, и измѣнникомъ, потому что способствовалъ бѣгству дѣвушки. Такъ вотъ что мы сдѣлаемъ. Осла мы завтра убьемъ, вынемъ у него всѣ потроха, а въ его брюхо посадимъ нашу плѣнницу, которую онъ хотѣлъ отъ насъ увезти. Посадимъ ее такъ, чтобы наружу выставлялось только ея лицо, а все остальное скрывалось въ ослиной тушѣ. Потомъ вынесемъ этого провонявшаго осла съ его начинкою на какой нибудь высокій камень и оставимъ на волю знойнаго солнца. Тогда оба они понесутъ именно то наказаніе, которое вы всѣ такъ мудро имъ присудили. Оселъ околѣетъ,—что онъ заслужилъ уже давно,—а она узнаетъ и дикихъ звѣрей, когда ея тѣло будутъ ѣсть черви, и пытку огнемъ, когда полдневное солнце нагрѣетъ ослиный животъ, и висѣлицу, когда собаки и коршуны начнутъ растаскивать ея внутренности. Кромѣ всего этого ей придется перенести не мало и другихъ мученій. Сама живая, она будетъ похоронена въ брюхѣ мертваго скота; отъ сквернаго запаха ноздри ея воспалятся; она отощаетъ отъ голода и лишеній, руки у ней будутъ зашиты въ тушу и поэтому ей даже не удастся покончить съ собой самоубійствомъ.

Разбойники вполнѣ согласились съ мнѣніемъ своего мудраго товарища. При своихъ длинныхъ ушахъ я все это слышалъ. И что мнѣ оставалось дѣлать, какъ не оплакивать свою участь?.. Я чувствовалъ себя почти трупомъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Блестящая колесница солнца, разгоняя мракъ, принесла новый день и все озарила. Къ дому разбойниковъ кто то подошелъ, — судя по тому, какъ его встрѣтили, тоже разбойникъ. Онъ сѣлъ на камнѣ у входа въ пещеру, отдышался, немного помолчалъ и сталъ разсказывать свои новости.

— Можете быть вполнѣ спокойны по дѣлу Милона изъ Гипатіи, котораго мы недавно ограбили. Волненіе въ городѣ улеглось. Когда вы, храбрѣйшіе мужи, унося свою добычу, удалились въ лагерь, я вмѣшался въ толпу народа, выражая притворное негодованіе и сожалѣніе, а подъ шумокъ старался узнать, что предпримутъ для разслѣдованія этого дѣла. Никому не приходило и въ голову гнаться за вами, а то бы я, конечно, давно извѣстилъ васъ объ этомъ, какъ это и было мнѣ поручено. На основаніи не пустыхъ догадокъ, а соображеній очень правдоподобныхъ и убѣдительныхъ, всѣ пришли къ тому выводу, что несомнѣнный виновникъ этого преступленія—Люцій. Кто этотъ Люцій, я не знаю. Незадолго передъ этимъ онъ появился въ городѣ, поддѣлалъ себѣ рекомендательныя письма, съумѣлъ заслужить довѣріе Милона и былъ радушно принятъ въ его домѣ, какъ желанный гость и одинъ изъ лучшихъ друзей. Онъ притворился влюбленнымъ въ служанку Милона, съумѣлъ ее обойти, а

самъ старался разнюхать, какъ запираются всѣ двери и въ какихъ комнатахъ хранятся богатства хозяина. Очень вѣскою уликою противъ него служило и то обстоятельство, что въ самую ночь грабежа онъ куда то скрылся и до сихъ поръ еще не розысканъ. Онъ захватилъ съ собою своего бѣлаго коня,—конечно, для того, чтобы убѣжать подальше и поскорѣе скрыться отъ преслѣдованія. Въ томъ же домѣ нашли его раба. По рѣшенію властей его заключили въ тюрьму, чтобы подвергнуть допросу о преступленіи господина. Тамъ на другой день его пытали, но онъ ни въ чемъ не сознался, хотя его замучили почти до смерти. Тогда на родину Люція отправили пословъ, чтобы потребовать его выдачи для должнаго наказанія за злодѣйское дѣло.

Внимательно слушая этотъ разсказъ, я невольно сравнивалъ жизнь и приключенія счастливаго Люція съ бѣдствіями несчастнаго осла. Это воспоминаніе потрясло меня до костей. Я убѣдился, что почтенные мудрецы древности были безусловно правы, когда они говорили, что Фортуна слѣпа, что у нея совсѣмъ нѣтъ глазъ. Она несетъ свои дары только злымъ и недостойнымъ. Въ выборѣ своихъ баловней и любимцевъ она не руководится никакими соображеніями. Если бы она видѣла хоть что нибудь, она должна бы безъ оглядки бѣжать отъ тѣхъ людей, съ которыми водится охотнѣе всего. А хуже всего то, что она часто пускаетъ про насъ слухи, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова правды. Такъ, самый негодный человѣкъ часто пользуется почетомъ и славою, какъ человѣкъ честный, а самый невинный гражданинъ, по общему голосу молвы, выставляется какимъ то преступникомъ. И даже я,—который по злой насмѣшкѣ судьбы превращенъ въ четвероногое животное худшей породы, жребій котораго долженъ бы вызвать состраданіе даже въ самомъ испорченномъ и безсердечномъ человѣкѣ,—подвергаюсь теперь формальному обвиненію въ самомъ гнусномъ преступленіи! Ограбить моего милаго Милона?—Такое преступленіе каждый и по всей справедливости могъ бы назвать не разбоемъ, а прямо таки отцеубійствомъ. И въ добавокъ ко всему

этому, я не только лишенъ возможности защищаться противъ такого обвиненія, но даже сказать хоть одно слово въ доказательство своей невинности! И все таки въ моемъ молчаніи могли бы увидѣть признаніе злой совѣсти, сознаніе въ этомъ отвратительномъ преступленіи. Въ волненіи я изо всѣхъ силъ пробовалъ крикнуть—«невиненъ». Первый слогъ я выговаривалъ довольно чисто, но никакъ не могъ произнести всего слова. Я только ревѣлъ: не, не,—хотя всячески старался подтянуть отвисшую нижнюю губу и сложить ротъ поаккуратнѣе. Да что мнѣ жаловаться на другіе удары суровой судьбы? Развѣ мало того, что я сталъ товарищемъ по рабству и по работѣ моему коню, на которомъ самъ прежде ѣздилъ? Развѣ не достаточно позорно уже и это?

Всѣ эти размышленія были очень печальны. Но мнѣ скоро пришлось загрустить еще сильнѣе. Я вспомнилъ о дѣвушкѣ, которая, по общему рѣшенію разбойниковъ, была обречена на смерть въ моемъ животѣ. Я часто посматривалъ на свое брюхо и мнѣ порою казалось, что я уже ношу дѣвушку у себя во чревѣ.

Между тѣмъ пришлецъ, который только что распускалъ про меня нелѣпые и невѣрные слухи, вынулъ изъ своихъ лохмотьевъ 1000 золотыхъ монетъ, которыя онъ, по его словамъ, отнялъ на большой дорогѣ у разныхъ путешественниковъ. По своей неизмѣнной честности, онъ вносилъ эти деньги въ общую кассу. Потомъ онъ сталъ разспрашивать о судьбѣ своихъ товарищей. Оказалось, что многіе изъ нихъ—и при томъ самые храбрые — погибли при различныхъ обстоятельствахъ, хотя вѣрой и правдой служили своей шайкѣ. Тогда онъ сталъ говорить, что слѣдовало бы на время оставить въ покоѣ большія дороги, прекратить всякія битвы и схватки, поискать хорошенько себѣ новыхъ товарищей, привлечь въ храбрую когорту Марса побольше молодежи и такимъ образомъ возстановить свою дружину въ прежнемъ составѣ. Кто не захочетъ идти по доброй волѣ, на того можно подѣйствовать страхомъ; кто имѣетъ склонность къ этому ремеслу, того можно привлечь обѣщаніемъ выгоднаго заработка. Впрочемъ, при тиран-

нической формѣ правленія, найдется не мало охотниковъ бросить низкую и рабскую службу и примкнуть къ ихъ вольному лагерю. Онъ съ своей стороны уже присмотрѣлъ одного добровольца, молодаго человѣка огромнаго роста, очень сильнаго и предпріимчиваго. Онъ долго убѣждалъ и наконецъ убѣдилъ этого юношу, посвятить свои руки, усталыя отъ долгой праздности, смѣлому дѣлу, которое закалитъ его силы и здоровье,—не протягивать ихъ съ жалобной просьбой о какой нибудь мелкой монетѣ, но смѣло грабежомъ и разбоемъ добывать себѣ золото.

Эти слова подѣйствовали на разбойниковъ. Они охотно соглашались принять въ свою шайку молодого человѣка и находили, что это дѣло вполнѣ подходящее. Затѣмъ, чтобы пополнить свой комплектъ, они рѣшили искать новыхъ товарищей.

Разбойникъ ушелъ и черезъ нѣсколько времени привелъ съ собою, какъ и обѣщалъ, огромнаго молодого человѣка. Его нельзя было и сравнивать съ кѣмъ либо изъ присутствующихъ. При необыкновенномъ дородствѣ, онъ былъ головою выше всѣхъ. На его щекахъ пробивался первый пушокъ юности. Но одѣтъ онъ былъ скверно, въ какія то разноцвѣтныя и плохо сшитыя лохмотья, сквозь которыя были видны грудь и огромный животъ.

— Здравствуйте, питомцы храбрѣйшаго бога Марса и съ этихъ поръ мои вѣрные сотоварищи, — сказалъ онъ, входя къ разбойникамъ.— Охотно примите къ себѣ того, кто идетъ къ вамъ охотно, кто обладаетъ рѣдкимъ проворствомъ, кто безъ боязни подставляетъ подъ раны свое тѣло и смѣло хватаетъ рукою золото, кто становится только отважнѣе, когда видитъ предъ собою смерть, которой такъ боятся другіе! Не считайте меня нищимъ и трусомъ, не судите обо мнѣ по этимъ лохмотьямъ. Подъ моей командой была огромная шайка, съ которою я опустошилъ почти всю Македонію. Я—знаменитый разбойникъ. Я—тотъ Гемъ изъ Ѳракіи, имя котораго страшно для каждой провинціи. Теронъ, мой отецъ,— тоже славный разбойникъ. Я вскормленъ на человѣческой крови, воспитанъ въ тѣсной семьѣ убійцъ. Я—наслѣдникъ и соперникъ отцовской славы. Но, по несчастной случайности, я въ короткое время потерялъ многочисленную когорту своихъ товарищей и всѣ свои огромныя богатства. Я напалъ на императорскаго прокуратора, который впалъ въ немилость и отправлялся въ ссылку. Я напалъ на него, когда онъ проходилъ Оратъ. Но разскажу вамъ все это дѣло по порядку.

— При дворѣ Цезаря былъ одинъ высокопоставленный сановникъ, человѣкъ извѣстный, который пользовался большимъ значеніемъ въ Римѣ. Хитрые враги его оклеветали. Жестокая судьба бросила его въ изгнаніе. Его жена, Плотина, — женщина рѣдкой вѣрности и удивительнаго цѣломудрія,—десять разъ разрѣшившись отъ бремени, при его содѣйствіи положила основаніе большой семьѣ. Она наотрѣзъ отказалась отъ всѣхъ городскихъ удовольствій и, какъ вѣрная подруга своего несчастнаго мужа, отправилась съ нимъ въ изгнаніе. Она отвергла всѣ выгоды, одѣлась помужски, надѣла на себя драгоцѣнный поясъ, набитый ожерельями и золотомъ въ монетахъ, смѣло ходила по отряду конвойныхъ солдатъ среди обнаженныхъ мечей, принимала дѣятельное участіе во всѣхъ приключеніяхъ путешествія. Думая только о благѣ своего милаго супруга, она переносила всѣ труды и испытанія съ доблестью настоящаго воина. Значительная часть трудной дороги по морю и по сушѣ была уже позади ихъ, когда они прибыли въ Зацинтъ, который роковая судьба назначила имъ временнымъ мѣстопребываніемъ. Они пристали къ актейскому берегу, гдѣ въ то время работали мы, удалившись изъ Македоніи. Настала ночь. Избѣгая морской качки, они расположились на ночлегъ въ одной харчевнѣ на берегу моря, недалеко отъ своего корабля. Мы сдѣлали на нихъ нападеніе и разграбили все. Однако это было не совсѣмъ то легко. Какъ только матрона услышала, что двери заскрипѣли, она бросилась въ свои покои, стала громко кричать, подняла на ноги весь домъ, своихъ солдатъ и слугъ, позвала на помощь и сосѣдей. И только благодаря тому, что наше появленіе нагнало на всѣхъ ужасъ и каждый

больше всего боялся за себя, намъ удалось уйти оттуда безъ урона. Но эта дѣйствительно цѣломудренная и добродѣтельная женщина,—что правда, то правда, — обратилась съ просьбою къ божественному Цезарю, выхлопотала прощеніе для своего мужа и добилась того, что насъ рѣшили строго наказать за наше преступленіе. Цезарь, конечно, не захотѣлъ быть сообщникомъ разбойника Гема и Гемъ погибъ, ибо великую силу имѣетъ воля державнаго правителя. Прислали солдатъ, насъ скоро нашли, всю шайку истребили и только мнѣ одному, хотя и съ великимъ трудомъ, удалось уйти изъ самой пасти Орка—да и то благодаря хитрости. Вотъ что я сдѣлалъ. Я одѣлъ на себя цвѣтную женскую одежду, достаточно широкую въ бедрахъ и пазухѣ, прикрылъ свою голову вязаною шапочкою, обулъ ноги въ бѣлые, тонкіе башмачки, постарался принять наружность настоящей женщины и сѣлъ на осла, навьюченнаго снопами овса. Такъ я проѣхалъ по всему отряду правительственнаго войска. Солдаты подумали, что я женщина, погонщица осла, и дали мнѣ дорогу. Надо замѣтить, что я тогда былъ очень молодъ и на подбородкѣ у меня еще ничего не было.—Но я не забылъ отцовской славы, не утратилъ своей прежней доблести. Правда, мнѣ приходилось дрожать, когда я видѣлъ такъ близко передъ собою мечи Марса, но потомъ, обманывая всѣхъ женскою одеждою, я въ одиночку нападалъ на мелкія деревни и собиралъ по дорогамъ дань съ прохожихъ.

И онъ поднялъ свои лохмотья и выбросилъ на столъ 2000 золотыхъ монетъ.

— Это,—сказалъ онъ,—мой первый вкладъ въ вашу кассу или, лучше сказать, мое приданое при вступленіи въ члены вашего товарищества. Если вы захотите, я готовъ быть вашимъ атаманомъ, на котораго вы всегда смѣло можете полагаться. Обѣщаю вамъ, что я скоро превращу вашъ каменный домъ въ золотой.

Безъ раздумья и колебаній разбойники единодушно предложили ему взять надъ ними команду. Ему принесли отличный костюмъ, онъ сбросилъ лохмотья и одѣлъ на себя богатое платье. Переодѣвшись, онъ перецѣловалъ по порядку всѣхъ своихъ новыхъ товарищей, занялъ за столомъ первое мѣсто и открылъ пиръ съ обильнымъ возліяніемъ въ честь Бахуса. Завязался между ними разговоръ. Между прочимъ разбойники разсказали ему и о томъ, какъ ихъ молодая плѣнница задумала отъ нихъ бѣжать, какъ я помогалъ ей въ этомъ покушеніи и какъ они предполагали наказать насъ за это. Новый предводитель самъ захотѣлъ насъ видѣть. Онъ пришелъ, увидѣлъ дѣвушку въ оковахъ и ушелъ съ хмурымъ и недовольнымъ лицемъ.

— Я, конечно,—сказалъ онъ разбойникамъ,—не такъ безразсуденъ и глупъ, чтобы мѣшать исполненію вашего рѣшенія. Но совѣсть у меня была бы не спокойна, если бы я не высказалъ вамъ своего мнѣнія. Надѣюсь, вы мнѣ повѣрите, что я имѣю въ виду только вашу пользу. И во всякомъ случаѣ, если мое мнѣніе вамъ не понравится, вы всегда имѣете возможность поступить по своему. Мнѣ только кажется, что разбойники, которые хорошо понимаютъ свое дѣло, должны преслѣдовать прежде всего свою выгоду, поступаясь ради нея даже жизнью. Вѣдь месть и польза—не всегда идутъ рука объ руку. Если дѣвушка умретъ въ ослѣ, вы, конечно, будете отчасти довольны, потому что накажете ее за покушеніе на бѣгство. Но и только. Никакой пользы отъ ея смерти вы не получите. А по моему мнѣнію гораздо лучше свести ее въ какой нибудь городъ и продать за хорошія деньги. На такую молоденькую дѣвушку покупатели найдутся. У меня много знакомыхъ сводниковъ, которые охотно пойдутъ на такое дѣло. Одинъ изъ нихъ, по моимъ соображеніямъ, дастъ за нее много талантовъ. Въ ея годы лучше, конечно, ходить въ люпанаръ, чѣмъ думать о бѣгствѣ. По моему вы ее достаточно накажете уже и тѣмъ, что заставите служить въ публичномъ домѣ. Я откровенно высказываю вамъ свое мнѣніе, имѣя въ виду вашу пользу, но вы, конечно, полные господа своихъ рѣшеній и дѣлъ.

Такъ, защищая интересы разбойничьей кассы, новый атаманъ выступилъ адвокатомъ молодой плѣнницы и осла. Разбойники согласились не сразу и долго совѣтовались между собою. Ихъ раздумье сильно терзало мое сердце. Въ концѣ концовъ они все таки согласились съ мнѣніемъ новаго товарища и освободили дѣвушку отъ оковъ.

А плѣнница, какъ только увидѣла своего адвоката, сразу же успокоилась и стала весело улыбаться, хотя, конечно, слышала его рѣчи о сводникахъ и непотребномъ домѣ. Признаться, ея радость показалась мнѣ позорною для всѣхъ женщинъ. Ея любовь къ молодому мужу, ея стремленіе къ честному и чистому браку—казались мнѣ притворствомъ, потому что она страшно обрадовалась, какъ только услышала рѣчи о сводникахъ и люпанарѣ. Да, въ ту минуту нравы женщинъ и вся ихъ повадка въ мнѣніи осла стояли невысоко.

— Итакъ, — снова заговорилъ атаманъ, — мы собираемся продать свою плѣнницу и пополнить свою общину новыми товарищами. По этому поводу намъ надо почтить жертвами нашего патрона — Марса. Но я вижу, что у васъ нѣтъ для жертвоприношенія ни одного животнаго и нѣтъ вина для пира. Это дѣло я вамъ устрою. Дайте мнѣ десять человѣкъ и я отправлюсь съ ними въ ближайшій замокъ. Оттуда мы принесемъ вамъ все, что нужно для самаго роскошнаго пиршества.

Атаманъ съ своими спутниками ушелъ. Разбойники развели большой огонь и приготовили изъ зеленаго дерна жертвенникъ. Ихъ товарищи скоро вернулись изъ своей экспедиціи. Они гнали домой цѣлыя стада и несли большіе мѣхи съ виномъ. Они выбрали изъ стада огромнаго, стараго и лохматаго козла, принесли его въ жертву Марсу-спутнику и Марсу-преслѣдователю и сѣли за роскошный ужинъ.

— Вы найдете во мнѣ, — снова заговорилъ новый атаманъ,— не только опытнаго вождя въ экспедиціяхъ и мастера находить добычу, но и умѣлаго предсѣдателя за вашимъ столомъ.

Съ этими словами онъ встаетъ съ мѣста, ловко и проворно все прибираетъ, мететъ, чиститъ, стелетъ, варитъ, жаритъ, подаетъ на столъ и подчуетъ. А больше всего старается о томъ, чтобы почаще осушались огромныя чаши. Ему хотѣлось, очевидно, подпоить всѣхъ. А между тѣмъ самъ онъ подъ разными предлогами встаетъ изъ за стола, выходитъ изъ дому, подходитъ къ плѣнной дѣвушкѣ, потихоньку подаетъ ей самые вкусные куски кушанья и самыя лучшія вина—и прежде самъ отпиваетъ изъ кубка, а потомъ подаетъ его дѣвушкѣ. Дѣвушка съ аппетитомъ ѣстъ и пьетъ изъ его рукъ. Когда онъ хочетъ поцѣловать ее, она сама крѣпко его цѣлуетъ. Это, конечно, мнѣ совсѣмъ не нравилось.

Какъ, — думалъ я про себя,—ты, милая дѣвушка, успѣла уже забыть, что ты повѣнчана? Забыла того, кто на твою любовь отвѣчалъ тебѣ любовью? Кровожаднаго разбойника ты предпочитаешь своему молодому мужу, за котораго тебя такъ недавно выдали твои родители? И твоя совѣсть молчитъ? По своей похотливости ты готова грѣшить даже среди мечей и копій? А что скажутъ разбойники, когда пронюхаютъ объ этомъ? Не придется ли тебѣ снова умирать въ ослѣ? Не снова ли и мнѣ будетъ угрожать смерть? Сказать правду, ты за свои шалости рискуешь и чужою шкурою.

Я съ величайшимъ негодованіемъ смотрѣлъ на поведеніе этой дѣвушки, пока не догадался, въ чемъ дѣло. Изъ ихъ словъ, правда, не особенно ясныхъ, но для разумнаго осла вполнѣ понятныхъ, я узналъ, что это не знаменитый разбойникъ Гемъ, а Тлеполемъ, мужъ этой дѣвушки. Наконецъ, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, они заговорили яснѣе.

— Не бойся, милая Харита,—говорилъ ей мужъ.—Скоро въ плѣну будешь не ты, а тѣ, что тебя держатъ въ плѣну.

И онъ снова пошелъ къ разбойникамъ, настойчиво подчивалъ ихъ цѣльнымъ, не смѣшаннымъ съ водою виномъ, которое для крѣпости было подогрѣто. Онъ усердно доливалъ этимъ разбойникамъ хмѣльныя чаши, а самъ ничего не пилъ. Наконецъ, по-

бѣжденные виномъ, разбойники всѣ до одного, гдѣ кому попало, свалились съ ногъ, представляя изъ себя легкую добычу смерти.

Тогда Тлеполемъ безъ всякой помѣхи досталъ сколько было нужно крѣпкихъ веревокъ и, не встрѣчая себѣ сопротивленія, перевязалъ всѣхъ злодѣевъ, потомъ посадилъ ко мнѣ на спину свою жену и отправился вмѣстѣ съ нами домой.

Весь городъ сбѣжался смотрѣть на насъ, когда мы шли по его улицамъ. Пришли близкіе и дальніе родственники, кліенты, знакомые, слуги, рабы—всѣ довольные, веселые, полные радости. Это былъ праздникъ для людей всякаго пола и возраста. Клянусь Геркулесомъ, это было достопамятное и оригинальное зрѣлище, когда дѣвушка въ тріумфѣ въѣзжала въ городъ на ослѣ. Наконецъ и самъ я не вытерпѣлъ, захотѣлъ показать всѣмъ, что и я не чужой на этомъ праздникѣ. Я вытянулъ уши, раздулъ ноздри и во всю глотку заревѣлъ, оглушивъ всѣхъ своимъ громоподобнымъ голосомъ.

Хариту ввели въ ея домъ, всѣ весело бросились ухаживать за нею, а Тлеполемъ, въ сопровожденіи огромной толпы гражданъ, отправился въ обратный путь, къ разбойникамъ. Въ этой экспедиціи участвовалъ и я. Я шелъ туда очень охотно. При своемъ природномъ любопытствѣ, теперь я имѣлъ особыя причины интересоваться расправою съ разбойниками.

Ни одному изъ моихъ бывшихъ хозяевъ не удалось спастись. Ихъ связали не столько веревки, сколько кубки вина. Нашли и взяли все богатство этой шайки, добытое грабежемъ и убійствомъ. Насъ нагрузили золотомъ, серебромъ и другими дорогими вещами, а разбойниковъ—однихъ, не снимая съ нихъ веревокъ, и не дожидаясь ихъ вытрезвленія, съ ближайшей скалы побросали въ пропасть, другихъ изрубили на мѣстѣ ихъ собственными мечами.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, мы весело возвращались домой. Добыча, которую мы отняли отъ разбойниковъ, была отдана въ казну, а дѣвушка, согласно законамъ, возвращена Тлеполему.

Молодая матрона усердно ухаживала за мною, всегда называла меня своимъ спасителемъ. По ея приказанію мою колоду съ верхомъ насыпали овсомъ и положили мнѣ столько сѣна, что его было бы довольно даже для бактріанскаго верблюда. Но какъ я сердился на грубую ошибку Фотиды, которая превратила меня въ осла, а не въ собаку! Я видѣлъ, какъ собаки похищали великолѣпные остатки ужина и наѣдались до того, что у нихъ раздувало животъ...

Прошла ночь съ первыми жертвами Венерѣ. Молодая жена на утро позвала къ себѣ родителей и мужа и объявила имъ, что она многимъ обязана мнѣ. Тѣ обѣщали оказывать мнѣ величайшія почести. Чтобы рѣшить, какъ лучше всего вознаградить меня за мой подвигъ, пригласили на совѣтъ самыхъ близкихъ друзей дома. Одни говорили, что меня слѣдуетъ навсегда освободить отъ всякой работы, положить въ домѣ на ложѣ изъ овса и кормить бобами и журавлинымъ горохомъ. Другіе возражали на это, что отнюдь не слѣдуетъ лишать меня свободы, что лучше всего отправить меня въ деревню, на поле, пустить въ конскіе табуны, гдѣ, въ благородномъ увлеченіи лучшими изъ кобылъ, я могъ бы произвести на свѣтъ породистыхъ муловъ. Прошло послѣднее мнѣніе. Позвали старшаго надсмотрщика за стадами, долго наказывали ему хорошенько за мною ходить и наконецъ велѣли отвести меня въ деревню. На вѣки простившись съ мѣшками и всякими вьюками, я весело и охотно бѣжалъ изъ города. Пользуясь свободою, по веснѣ, когда луга станутъ покрываться цвѣтами, я надѣялся гдѣ нибудь раздобыться и розами. По дорогѣ мнѣ часто приходила въ голову одна мысль. Если такъ горячо благодарятъ и такъ много чествуютъ меня въ видѣ осла, то какъ будутъ меня благодарить и чествовать, когда я верну себѣ человѣческій образъ?.. Конечно, несравненно больше.

Но тамъ, куда изъ города привелъ меня смотритель стадъ, я не нашелъ ни свободы, ни развлеченій. Его жена,—женщина въ высшей степени жадная и никуда негодная,—сразу же запрягла меня въ хомутъ и заставила вертѣть жернова

небольшой мельницы. Время отъ времени она пускала въ ходъ сучковатую палку и такимъ образомъ запасалась хлѣбомъ на счетъ моей шкуры. Но и этого еще мало. Она не только молола на мнѣ хлѣбъ для домашней потребы, но даже продавала мой трудъ на сторону, принимая заказы отъ сосѣдей. И за всѣ эти труды мнѣ, бѣдному, не давали даже той пищи, которую мнѣ приказано было отпускать. Подъ тѣмъ жерновомъ, который приходилось вертѣть мнѣ же самому, размалывали мой овесъ и продавали сосѣдямъ, а мнѣ, за день измученному трудною работою у мельничныхъ жерновов, давали грубые и непросѣянные отруби, въ которыхъ всегда попадалось много мелкихъ камешковъ.

Недовольствуясь моими страданіями, свирѣпая судьба послала мнѣ новыя муки,—должно быть для того, чтобы своими бѣдствіями я прославился, какъ говорятъ, и дома, и на чужой сторонѣ, чтобы я явилъ смѣлые подвиги, достойные похвалы и одобренія.

Мой хозяинъ, исполняя приказаніе своихъ господъ, однажды хотя и поздно, пустилъ меня въ конскій табунъ. Наконецъ то я почувствовалъ себя на полной свободѣ. Въ припрыжку я весело пустился въ поле и томнымъ шагомъ сталъ подходить къ табуну, издали выбирая себѣ въ подруги самыхъ лучшихъ кобылъ. Но надежда на это скоро превратилась для меня въ большую печаль. Жеребцы, прямо откормленные для битвъ Венеры и страшные на видъ, были, конечно, сильнѣе любаго осла. Они увидѣли во мнѣ соперника и, боясь вырожденія конской породы отъ помѣси съ осломъ, не обнаружили ни малѣйшей склонности слѣдовать завѣтамъ Зевса-гостепріимца. Они сразу меня возненавидѣли и пришли въ бѣшенство. Одинъ гордо поднялъ кверху свою широкую грудь и красивую голову, сталъ на дыбы и съ размаху ударилъ меня передними копытами. Другой повернулся ко мнѣ задомъ,—жирнымъ и сильнымъ, благодаря овсу и ячменнымъ хлѣбамъ,—и ударилъ меня задними копытами. Третій, напугалъ меня бѣшенымъ ржаніемъ, опустилъ уши, обнажилъ острые блестящіе зубы и сталъ больно, больно меня кусать.

Это напомнило мнѣ то, что я читалъ когда то въ историческихъ сочиненіяхъ. Какой то ѳракійскій царь отдавалъ гостей на растерзаніе дикимъ и злымъ жеребцамъ. Могущественный тиранъ, должно быть, былъ скупъ на овесъ и предпочиталъ кормить лошадей человѣскимъ мясомъ.

Послѣ такого ужаснаго пріема въ табунѣ, я былъ бы очень радъ, если бы меня снова запрягли въ хомутъ и заставили вертѣть мельничное колесо. Но судьба, неистощимая въ изобрѣтеніи для меня новыхъ мученій, послала мнѣ новое горе. Хозяева поставили меня къ новому дѣлу—возить дрова съ горы и дали мнѣ въ погонщики одного мальчика. Это, конечно, былъ самый скверный мальчишка на всемъ свѣтѣ. Онъ, не давая мнѣ отдыха, во весь духъ гонялъ меня на гору по крутой дорогѣ. Отъ постоянныхъ подъемовъ по камнямъ и скаламъ у меня стерлись копыта. Онъ такъ часто и усердно колотилъ меня своею палкою, что я чувствовалъ боль даже въ самомъ мозгѣ костей. Для своихъ ударовъ онъ почему то выбралъ у меня одно мѣсто на правомъ бедрѣ и билъ по нему съ такою силою и упрямствомъ, что сорвалъ кожу, обнажилъ кости и пробилъ широкую рану, которая больше походила на окно или на яму, чѣмъ на рану. Онъ не переставалъ колотить меня по этому больному мѣсту даже тогда, когда все оно покрылось кровью. Дровъ онъ наваливалъ на меня такое огромное количество, что со стороны можно было подумать, что этотъ вьюкъ предназначается для слона, а вовсе не для осла.

Не разъ случалось, что тяжелый вьюкъ съѣзжалъ у меня на бокъ. Моему погонщику слѣдовало бы, конечно, или убавить дровъ и этимъ слегка облегчить непомѣрную тяжесть, или распредѣлить давленіе равномѣрнѣе и переложить часть дровъ на другую сторону. Но вмѣсто этого скверный мальчишка наваливалъ на другой бокъ кучу камней и такимъ образомъ приводилъ вьюкъ въ равновѣсіе. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на мой непосильный трудъ, мой маленькій палачъ, когда намъ случалось переходить въ бродъ ручьи и рѣки, чтобы не

замочить себѣ ногъ, каждый разъ прыгалъ ко мнѣ на спину и садился позади вязанки. Нечего сказать, легкая надбавка къ моей тяжелой ношѣ!... Иной разъ, когда приходилось идти по скользкому и грязному берегу рѣки, мнѣ случалось поскользнуться, грохнуться со всего размаху и растянуться по землѣ во весь свой ростъ. Всякому понятно, что въ этомъ случаѣ погонщику слѣдовадо бы снять съ меня узду, выправить хвостъ и сбавить хоть часть огромнаго вьюка или, по крайней мѣрѣ, подождать, пока я соберусь съ силами, немножко отдохну и самъ поднимусь на ноги. Но онъ поступалъ не такъ. Схвативъ огромную дубину, онъ, что есть мочи, колотилъ меня по всему тѣлу отъ ушей и до заднихъ копытъ, пока не отдыхъ, а именно эти удары ни поднимали меня снова на ноги.

Разъ онъ придумалъ для меня еще вотъ какую штуку. Взялъ онъ вѣтки колючаго терновника, связалъ ихъ въ пучекъ и на мою муку подвѣсилъ эту игрушку къ моему хвосту. Когда я шелъ, эта подвѣска начинала качаться, била меня по заднимъ ногамъ, жесткіе шипы терновника наносили мнѣ глубокія раны и причиняли много страданій. Такимъ образомъ судьба преслѣдовала меня съ двухъ сторонъ. Когда я пробовалъ бѣжать, чтобы спастись отъ тяжелой дубины, острыя иглы терновника впивались мнѣ въ тѣло. Когда я, измученный этимъ, останавливался, мальчишка брался за дубину и заставлялъ меня бѣжать снова.

Я былъ убѣжденъ, что злой погонщикъ прямо таки затѣялъ такъ или иначе меня извести. Да онъ и самъ не разъ и съ клятвами увѣрялъ меня, что рано или поздно онъ со мною расчитается за все. Такъ дѣйствительно и было. Каждая случайность только разжигала его адскую злобу.

Случилось однажды, что его дерзость вывела меня изъ терпѣнія. Я подбросилъ кверху копыта и со всей силы ударилъ его. Но и онъ скоро нашелъ случай припомнить мнѣ эту продѣлку. Разъ онъ навалилъ на меня огромную вязанку пакли, перевязалъ вьюкъ веревками, вывелъ меня на дорогу, гдѣ-то утащилъ горячій уголь

и сунулъ его въ самую середину пакли. Въ ту же минуту пакля вспыхнула, высоко поднялось яркое пламя, огонь разгулялся во всю и меня всего обдало нестерпимымъ, убійственнымъ зноемъ.

Кто могъ бы мнѣ помочь въ этой новой бѣдѣ? Откуда мнѣ было ждать спасенія въ этой смертельной опасности? Да и самый огонь не давалъ мнѣ возможности хорошенько обдумать свое положеніе и найти мало мальски приличный выходъ изъ бѣды.

И вдругъ въ ту минуту, когда моя погибель была уже неизбѣжна, Фортуна почему то подарила меня ласковою улыбкою,—можетъ быть, только для новыхъ мученій. Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ, такъ или иначе, но я былъ спасенъ отъ явной смерти. Я поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою довольно большую и очень грязную лужу, которая не успѣла еще высохнуть послѣ вчерашняго дождя. Я бросился туда со всѣхъ ногъ и съ головою окунулся въ воду. Пламя наконецъ погасло. Я сбросилъ съ себя тяжелый вьюкъ и, избавившись отъ огненной смерти, вышелъ изъ лужи.

Но негодный и злой мальчишка свалилъ на мою голову и это гнусное дѣло. Онъ говорилъ всѣмъ пастухамъ, что, проходя мимо костра сосѣднихъ пастуховъ, я нарочно сталъ шататься, нарочно упалъ и такимъ образомъ устроилъ этотъ неожиданный пожаръ.

— Долго ли намъ,—говорилъ онъ, съ злою улыбкою обращаясь ко мнѣ,—безъ толку кормить этого поджигателя?

Прошло нѣсколько дней. Скверный мальчишка задумалъ новое коварное дѣло. Дрова, которыя я везъ, онъ продалъ въ сосѣдней деревнѣ, привелъ меня домой ни съ чѣмъ и сталъ кричать, что ему совсѣмъ не по силамъ бороться съ моею лѣностью и упрямствомъ, что онъ наотрѣзъ отказывается отъ опасной обязанности быть моимъ погонщикомъ.

— Посмотрите,—кричалъ онъ, указывая на меня пастухамъ,—посмотрите на этого осла. Лѣнивѣе и упрямѣе его нѣтъ ничего на свѣтѣ. Онъ всегда причинялъ мнѣ много непріятностей, а теперь вотъ завелъ еще новую скверную привычку. Какъ только

онъ увидитъ на дорогѣ какого нибудь путника, красивую дѣвушку или хорошенькаго мальчика, сейчасъ же сбрасываетъ съ себя дрова, а иногда и сѣдло, въ неистовой похоти бросается впередъ и съ самыми грязными желаніями добирается до людей. Въ одну минуту онъ сбиваетъ ихъ съ ногъ, отдается своимъ неестественнымъ и звѣрскимъ наклонностямъ, извращаетъ всѣ законы Венеры и насильно ищетъ себѣ незаконнаго сожительства. Даже его поцѣлуи неестественны, потому что онъ просто кусается и тыкаетъ другихъ своею грязною мордою. Отсюда уже недалеко и до настоящаго преступленія. Я боюсь, что не по одному казусному дѣлу намъ придется отвѣчать за него передъ судомъ. Вотъ и сегодня онъ набѣдокурилъ. Увидѣлъ одну приличную дѣвушку, сбросилъ дрова и сѣдло, неистово бросился на бѣдную путницу, какъ какой то пламенный влюбленный, повалилъ ее на землю и на виду у очень многихъ зрителей пробовалъ на нее взобраться. Слезы и мольбы бѣдной дѣвушки собрали вокругъ нея много прохожихъ. Съ большимъ трудомъ они освободили ее изъ подъ ослиныхъ копытъ и отбили отъ этого гнуснаго развратника. Если бы ему удалось изнасиловать эту женщину, она, конечно, погибла бы самою мучительною смертью, но вѣдь и намъ пришлось бы отвѣчать за нее передъ закономъ.

Такіе лживые слухи распускалъ про меня погонщикъ. Онъ говорилъ и много другого, что еще сильнѣе оскорбляло мою скромность и стыдливость, и этимъ достигъ того, что пастухи пришли въ бѣшеную ярость и были готовы покончить со мною на мѣстѣ.

— Зачѣмъ же стало дѣло?—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Надо этого проходимца, этого на все готоваго ловеласа подвергнуть наказанію, достойному его распущенности. Убей-ка ты его, малый, поживѣе,—потроха брось собакамъ, а мясо оставь на обѣдъ работникамъ. Шкуру его мы густо посыплемъ золою, снесемъ хозяевамъ и скажемъ имъ, что нашего осла уходили волки. Этому, конечно, они повѣрятъ.

Мой безсовѣстный обвинитель съ величайшею готовностью

ухватился за эту мысль. Онъ былъ отъ нея въ восторгѣ, потому что ему всегда были по душѣ мои муки, такъ какъ онъ не забылъ моихъ копытъ. А я, клянусь Геркулесомъ, сожалѣлъ только о томъ, что мои копыта оплошали и не покончили съ нимъ разъ навсегда.

Мой добровольный палачъ сталъ точить ножъ на точильномъ камнѣ.

— Негодится, — сказалъ тогда одинъ изъ крестьянъ, — негодится зря губить такого крѣпкаго осла. Изъ за обвиненія въ прелюбодѣяніи и распутствѣ еще нѣтъ нужды лишаться доброй скотины, которая вполнѣ можетъ работать и нести свою службу. Стоитъ только его выложить—и онъ перестанетъ гоняться за женщинами, не будетъ подводить насъ подъ судъ, станетъ жирнѣе и нагуляетъ себѣ мяса. Я знаю много такихъ примѣровъ. Не только лѣнивые ослы, но самые неукротимые кони, необыкновенная похотливость которыхъ доводила ихъ до неистоваго бѣшенства, послѣ такой операціи становились кроткими и тихими, терпѣливыми во всякой работѣ и выносливыми въ перевозкѣ всякихъ тяжестей. Если вы согласитесь со мною, я вамъ скоро все это устрою. Пока мнѣ надо сбѣгать въ ближайшее село на базаръ. Оттуда я забѣгу домой, захвачу инструменты, которые для этого нужны, вырѣжу у этого неукротимаго развратника что надо и онъ у меня, утративши всѣ признаки самца, станетъ смирнѣе любой овцы.

Этотъ совѣтъ, конечно, спасалъ меня отъ немедленной смерти. Но я все таки тосковалъ, думая о томъ, что меня ожидаетъ. У меня на глазахъ навертывались слезы, когда я думалъ о томъ, что мнѣ придется разстаться съ лучшею частью моего тѣла. При такихъ обстоятельствахъ я рѣшился или уморить себя голодомъ, или броситься со скалы въ пропасть. Несомнѣнно, и въ этомъ случаѣ мнѣ придется умереть, но все таки гораздо приличнѣе умереть безъ такого обиднаго уродства!—И я задумался, на какомъ видѣ смерти мнѣ лучше всего остановиться.

А на утро мальчишка, виновникъ всѣхъ моихъ злоключеній, снова погналъ меня къ горамъ по обычной дорогѣ. Онъ привя-

залъ меня къ свѣсившейся вѣткѣ огромнаго дуба, а самъ ушелъ впередъ и сталъ рубить двора.

Вдругъ изъ пещеры, которая была недалеко отъ насъ, высунула голову огромная медвѣдица. Медленно она выходила изъ своей берлоги. Какъ только я ее увидѣлъ, на меня напалъ непобѣдимый ужасъ. Вся моя сила, казалось, мгновенно перешла въ ноги. Я, какъ только могъ, вытянулъ свой длинный затылокъ, перекусилъ ремень, которымъ былъ привязанъ, и въ неописуемомъ страхѣ бросился внизъ по склонамъ горы. То на ногахъ, то на спинѣ и бокахъ, я во всю прыть скатывался по кручамъ и откосамъ и потомъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать по полямъ, спасаясь отъ страшной медвѣдицы и негоднаго мальчишки, пока не очутился у подошвы горы.

Меня перехватилъ какой то путешественникъ, который одиноко шелъ по дорогѣ. Не думая долго, онъ сѣлъ ко мнѣ на спину, пустилъ въ дѣло свою палку и погналъ по какимъ то окольнымъ и почти непроходимымъ тропинкамъ. Я съ полнымъ удовольствіемъ пустился въ путь, сознавая, что ухожу отъ позорной операціи, въ которой могъ потерять все свое достоинство мужчины. Особеннаго вниманія на палочные удары я не обращалъ, потому что, по волѣ Фортуны, успѣлъ уже достаточно привыкнуть къ палкамъ. Но эта Фортуна все еще не устала меня преслѣдовать. Она готовила мнѣ новый ударъ и съ какою то злобною поспѣшностью испортила удачное начало моей попытки спастись бѣгствомъ.

На мою бѣду у моихъ пастуховъ куда то пропала одна коровенка. Они отправились на поиски за нею и случайно наткнулись на насъ. Меня они сразу узнали по недоуздку и стали тащить къ себѣ. А мой новый хозяинъ съ удивительною дерзостью и нахальствомъ пустился съ ними въ споръ и призывалъ во свидѣтели своей правоты боговъ и людей.

— Какъ вы смѣете,—дерзко кричалъ онъ,—дѣлать на меня вооруженное нападеніе? Это насиліе и грабежъ. Куда вы меня тащите?

— Это съ тобой то, что ли, мы поступаемъ незаконно?—отвѣчали ему пастухи.—Да вѣдь это нашъ оселъ. Ты его у насъ укралъ и хотѣлъ угнать. Скажи-ка лучше, пріятель, что ты сдѣлалъ съ мальчикомъ, который былъ погонщикомъ этого осла, и куда ты его дѣлъ?—По всему надо полагать такъ, что ты его порѣшилъ.

Бѣднягу стащили съ моей спины и били кулаками и ногами по чему только попало. А онъ съ клятвами увѣрялъ, что при мнѣ вовсе не было погонщика, что я бѣжалъ по дорогѣ одинъ, безъ всякаго присмотра, что онъ перехватилъ меня только для того, чтобы потомъ вернуть хозяину и получить награду за поимку.

— О, если бы,—говорилъ онъ,—этотъ оселъ, котораго, увѣряю, до сихъ поръ я никогда не видалъ, могъ заговорить человѣческимъ языкомъ! Онъ навѣрно засвидѣтельствовалъ бы передъ вами, что я ни въ чемъ не виноватъ. И тогда, конечно, вамъ стало бы стыдно, что вы позволили себѣ обижать меня своими подозрѣніями.

Но суровые пастухи не обращали никакого вниманія на его слова. Схвативъ его за глотку, они потащили его къ тѣнистой рощѣ у высокой горы, откуда мальчикъ обыкновенно возилъ дрова. Мальчика въ рощѣ не нашли, только тамъ и здѣсь валялись части его тѣла, изорваннаго въ куски.

Я ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что это сдѣлано зубами и лапами медвѣдицы. Клянусь Геркулесомъ, я по чистой совѣсти и правдѣ разсказалъ бы все, что мнѣ было извѣстно, если бы не былъ лишенъ способности говорить по-людски. Теперь же мнѣ оставалось только одно — радоваться, что судьба, хотя и поздно, отомстила за меня моему мучителю.

Пастухи съ большимъ трудомъ подобрали куски мяса, разбросанные по всей рощѣ, сложили ихъ вмѣстѣ и тамъ же предали землѣ. А моего Беллерофонта, какъ несомнѣннаго конокрада и, по всей вѣроятности, убійцу, связали и повели домой. На другой день его выдали властямъ, разсказали все дѣло и бѣдняга, какъ потомъ говорили, былъ подвергнутъ суровому наказанію.

Родственники долго оплакивали судьбу моего погонщика. И

вдругъ объявился вчерашній крестьянинъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ во чтобы то ни стало хотѣлъ сдержать свое обѣщаніе и просилъ, чтобы ему выдали меня для операціи.

— Нѣтъ, сказалъ одинъ изъ родственниковъ, — теперь не время. Сегодня насъ постигло другое горе. Приходи завтра. Если хочешь и умѣешь, отрѣжь у этого гнуснаго осла не только то, что ты хотѣлъ, но даже хоть голову. Мы, если понадобится, всѣ готовы помогать тебѣ.

Такимъ образомъ на одинъ день отложили эту позорную пытку. Я въ душѣ поблагодарилъ своего покойнаго погонщика за то, что могъ прожить лишній день безъ обидной потери и урона. Но этой благодарности никто не видѣлъ; никто не захотѣлъ меня пожалѣть, мнѣ не дали даже и одной минуты отдыха.

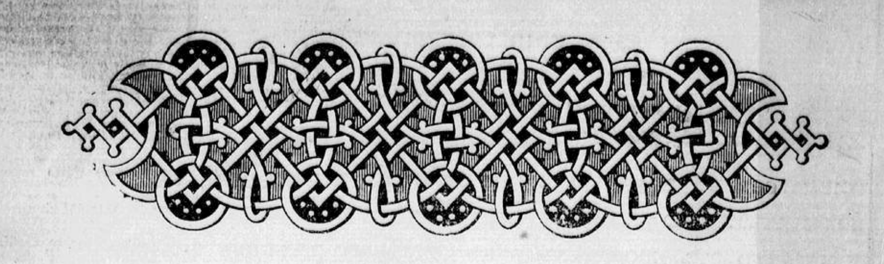
Мать растерзаннаго медвѣдицею мальчика,— въ глубокой скорби по случаю внезапной смерти своего сына, съ слезами на лицѣ, въ траурномъ платьѣ, съ головою, посыпанною пепломъ, не переставая терзать свои сѣдые волосы,—вошла въ мою конюшню. Она била себя кулаками въ грудь и осыпала меня бранью и упреками.

— И онъ можетъ спокойно стоять у колоды?! Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и теперь жретъ, жадно набивая кормомъ свое бездонное и ненасытное брюхо! Никакой жалости къ моему горю! Онъ уже забылъ, какою ужасною смертью погибъ его другъ и учитель!... Это явная насмѣшка надо мною. Онъ, очевидно, расчитываетъ на мою старческую слабость и думаетъ, что ему пройдетъ безнаказанно его преступленіе. Ужъ не воображаетъ ли онъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ? Конечно, закоренѣлые злодѣи, какихъ бы скверныхъ дѣлъ они не натворили, всегда расчитываютъ, что имъ все сойдетъ съ рукъ. Но, клянусь, если бы этотъ негодный скотъ могъ даже заговорить словами человѣческой рѣчи и попробовалъ выступить въ качествѣ просителя,—не нашлось бы нигдѣ такого дурака, который при всей его безжалостности и жестокости, повѣрилъ бы, что этотъ оселъ невиненъ.—Развѣ у тебя не было копытъ, чтобы отлягаться отъ врага? Развѣ ты не могъ пустить

въ ходъ зубы и отстоять несчастнаго мальчика? Когда не надо, ты ловко пользовался своими копытами—даже противъ своего погонщика, а въ ту минуту, когда ему грозила смерть, малодушно его покинулъ! .. Во всякомъ случаѣ, ты могъ бы на своей спинѣ умчать его отъ кровавыхъ рукъ свирѣпаго разбойника. Наконецъ, что это значитъ, что ты спасся одинъ, бросивъ на произволъ судьбы своего сотрудника и друга, пастуха и товарища?—Или ты не знаешь, что по нашимъ законамъ считается преступленіемъ и позоромъ отказать въ посильной помощи тому, кто подвергается явной опасности?... Но не долго тебѣ, негодяй, тѣшиться моимъ горемъ! Погоди ужо, ты увидишь, что даже безъисходная скорбь не совсѣмъ отняла у меня силы.

Съ этими словами осиротѣвшая мать засучила рукава, сняла съ себя поясъ, крѣпко связала этимъ поясомъ мои ноги и спутала ихъ съ большимъ искусствомъ,—конечно для того, чтобы я не могъ убѣжать отъ ея мщенія. Она выхватила колъ, которымъ обыкновенно запирались двери конюшни, и не переставала имъ бить меня до тѣхъ поръ, пока колъ самъ собою не выпалъ изъ ея утомленныхъ рукъ. Она очень убивалась о томъ, что устала такъ скоро, потомъ съ новой выдумкой бросилась къ печкѣ. Выхвативъ оттуда головешку, она сунула ее мнѣ между ногъ. Я не вытерпѣлъ боли и воспользовался единственнымъ средствомъ, которое мнѣ оставалось, — изо всѣхъ силъ брызнулъ ей въ лицо жидкимъ содержимымъ своего желудка, залѣпилъ ей глаза и острымъ зловоніемъ отшибъ далеко отъ себя. Только это и могло меня спасти, а не то Мелеагръ-оселъ неминуемо погибъ бы отъ головешки неистовой Алтеи! [1])

[1]) Мелеагръ погибъ не совсѣмъ такъ. Когда Мелеагру было семь дней отъ роду, Парка сказала его матери, Алтеѣ, что онъ умретъ, какъ только сгоритъ полѣно, которое горѣло на очагѣ. Мать выхватила это полѣно и спрятала его. Потомъ, когда, послѣ охоты на Калидонскаго вепря, Мелеагръ убилъ своихъ братьевъ, Алтея снова зажгла полѣно и Мелеагръ умеръ на мѣстѣ.



КНИГА ВОСЬМАЯ.

На разсвѣтѣ пришелъ изъ города одинъ молодой человѣкъ. Мнѣ показалось, что я его видѣлъ въ домѣ Хариты,—той самой дѣвушки, вмѣстѣ съ которою мы были въ плѣну у разбойниковъ и дѣлили свое горе. Онъ усѣлся поближе къ огню, другіе слуги размѣстились вокругъ него и онъ повелъ рѣчь объ удивительныхъ событіяхъ, которыя случились недавно,—о томъ, какъ умерла Харита и какъ глубоко смущена и опечалена ея семья.

— Слушайте меня вы, конюхи, овчары, пастухи и погонщики! Погибла Харита, самая несчастная женщина на свѣтѣ, — погибла ужасною смертью и не одна отошла къ царству тѣней. Разскажу вамъ по порядку все, что у насъ случилось. Можно смѣло сказать, что самые талантливые писатели, слогу которыхъ явно помогаетъ Фортуна, охотно записали бы на бумагѣ всѣ подробности этого событія и дали бы читателямъ образцовую повѣсть.—

Въ сосѣднемъ городѣ жилъ молодой человѣкъ, благородный отпрыскъ знаменитой фамиліи и превосходный наѣздникъ. Онъ былъ очень богатъ, но вѣчно—и днемъ и ночью—пьянствовалъ по трактирамъ, развратничалъ и поступилъ, наконецъ, въ шайку разбойниковъ. Говорятъ, что его руки не разъ были обагрены человѣческою кровью. Звали его Тразилломъ.—

Все дѣло по слухамъ произошло такъ. Когда Харита выросла и стала невѣстой, онъ началъ за нею ухаживать и во что бы то ни стало домогался ея руки. Онъ былъ богаче всѣхъ другихъ жениховъ, не жалѣлъ денегъ на подарки родителямъ, но успѣха все таки не имѣлъ, потому что про него ходили слишкомъ уже нехорошіе слухи. Ему отказали и отказали довольно обидно. Когда Хариту просватали за добраго Тлеполема, онъ не отказался отъ своей нечистой любви, только постарался хорошенько ее затаить. Затаилъ онъ и свою злобу на то, что его предложеніе не было принято, и про себя обдумывалъ планъ гнуснаго преступленія. Наконецъ ему представился благопріятный случай осуществить тотъ черный замыселъ, который онъ такъ долго носилъ въ своемъ сердцѣ.

Въ тотъ день, когда ловкость и смѣлость Тлеполема спасла Хариту отъ кинжаловъ кровожадныхъ разбойниковъ, онъ сдержанно и скромно вмѣшался въ толпу поздравителей, увѣрилъ всѣхъ въ своей радости по поводу того, что молодой женщинѣ удалось спастись отъ смерти, и приносилъ лучшія пожеланія будущему потомству молодыхъ супруговъ. Изъ уваженія къ знатному происхожденію и блестящему родству Тразилла, его приняли въ домѣ Хариты, какъ одного изъ самыхъ близкихъ друзей.

Тразиллъ скрылъ свой злой умыселъ подъ маскою самой преданной, самой почтительной дружбы. Постоянныя встрѣчи и разговоры за обѣденнымъ столомъ сдѣлали то, что Тразиллъ увлекался все больше и больше, пока, наконецъ, очертя голову, не бросился въ глубокія бездны Купидона.

Такъ всегда и бываетъ. Если въ началѣ любви факелъ Амура только слегка обвѣваетъ насъ своимъ тепломъ и лаской, то потомъ, когда привычка окрѣпнетъ, страсть охватываетъ своимъ пожаромъ все существо человѣка.

Тразиллъ долго ломалъ себѣ голову, какъ бы улучить случай, чтобы потихоньку поговорить съ Харитой и условиться съ нею на счетъ свиданія, но онъ видѣлъ, что здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ

мѣста для незаконной Венеры, что молодая женщина всегда окружена толпою родственниковъ и знакомыхъ, что слишкомъ крѣпки узы ея молодой и пылкой любви къ мужу, что для нея, если бы она и хотѣла, хотя, конечно, не могла и хотѣть, очень неудобны первые опыты брачнаго воровства.

Однако онъ, презирая всѣ опасности, всѣми силами стремился къ тому, что, какъ онъ самъ видѣлъ, было невозможно,—стремился такъ, какъ будто бы все это было легко и доступно. То, что по общему мнѣнію совершенно недостижимо, кажется очень легкимъ тому, кѣмъ совершенно овладѣла любовь. Теперь посмотрите—и посмотрите съ полнымъ вниманіемъ, куда завелъ этого безумнаго юношу порывъ его неистовой похоти.

Однажды Тлеполемъ, собираясь на охоту, пригласилъ съ собою и его. Мужъ Хариты думалъ поохотиться на дикихъ звѣрей,—если только можно назвать дикими козъ, оленей и зайцевъ, потому что жена не позволяла ему преслѣдовать животныхъ, которыя вооружены крѣпкими рогами, острыми зубами или клыками. У холма, заросшаго лѣсомъ и густымъ кустарникомъ, по совѣту ловчихъ, спустили собакъ поднимать изъ логовищъ звѣрей и оцѣпили это мѣсто.

Великолѣпно дрессированныя собаки раздѣляются на партіи, занимаютъ всѣ выходы изъ лѣса, сперва молчатъ или глухо ворчатъ, а потомъ, по данному знаку, вдругъ заливаются громкимъ и нестройнымъ лаемъ. Но онѣ не подняли ни козы, ни граціозной лани, ни кроткаго и пугливаго оленя. Изъ лѣса выбѣжалъ только огромный и свирѣпый кабанъ—съ кожею, толстою какъ броня.

Всклокоченный, лохматый, съ жесткою и грязною щетиною на спинѣ, съ пѣною у широко раскрытой пасти, онъ звонко щелкалъ зубами, изъ своихъ маленькихъ, но злыхъ глазъ металъ настоящія молніи и, какъ вихорь, мчался впередъ въ неудержимомъ порывѣ.

Ловко и быстро поворачивалъ онъ свои клыки то въ ту, то въ

другую сторону, сразу убивалъ собакъ, которыя его выслѣдили и пытались преслѣдовать, потомъ разорвалъ сѣть, которая только на минуту задержала его бѣгство, и старался скрыться отъ охотниковъ. Мы всѣ вообще были очень еще неопытны въ такой опасной охотѣ, а тутъ, не имѣя подходящаго оружія ни для нападенія, ни для защиты, перепугались до послѣдней возможности, попрятались за кустами и деревьями и не знали, что дѣлать. А для Тразилла этотъ то именно случай и былъ на руку.

— Съ чего это,—лукаво началъ онъ свою рѣчь,—мы съ тобой такъ перепугались подобно этимъ рабамъ? Какой пустой и постыдный страхъ! Мы вѣдь не бабы. Съ чего же намъ выпускать изъ своихъ рукъ такую богатую добычу? Сядемъ ка лучше на коней, да постараемся догнать кабана. Ты бери рогатину, а я возьму копье.

Они тотчасъ же садятся на коней и во весь опоръ мчатся за звѣремъ. А тотъ, смѣлый отъ природы, останавливается, смотритъ назадъ, самъ грозитъ растерзать перваго изъ своихъ враговъ и въ дикомъ бѣшенствѣ выставляетъ свои огромные клыки. Первымъ налетѣлъ на него Тлеполемъ. А Тразиллъ тѣмъ временемъ поразилъ своимъ копьемъ,—но не дикаго звѣря; онъ перехватилъ сухожилья заднихъ ногъ у той лошади, на которой ѣхалъ Тлеполемъ.

Благородный конь, обливаясь кровью, съ размаху падаетъ навзничь и увлекаетъ за собою своего господина. Разсвирѣпѣвшій кабанъ бросается на Тлеполема, рветъ его одежды, наноситъ ему раны своими клыками и не даетъ подняться съ земли.

Кажется, Тразиллъ, подвергнувъ жертву своей злобы такой страшной опасности, могъ бы удовольствоваться и этимъ. Но въ его сердцѣ совсѣмъ ни было ни стыда, ни жалости.

Онъ беретъ свое копье и поражаетъ имъ своего товарища въ правый пахъ, когда тотъ, изнемогая отъ раны и стараясь чѣмъ нибудь закрыть свои искусанныя колѣни, жалобно проситъ его о помощи. Увѣренной рукой наноситъ онъ этотъ ударъ,—въ убѣж-

деніи, что рана отъ копья по своему внѣшнему виду ничѣмъ не будетъ отличаться отъ ранъ, нанесенныхъ клыками кабана. Потомъ, съ такою же легкостью, онъ насквозь пробиваетъ своимъ копьемъ и звѣря.

Нашъ молодой хозяинъ былъ мертвъ. Мы вышли изъ своей засады и печально подошли къ мѣсту ужаснаго происшествія. Тразиллъ достигъ своей цѣли. Онъ торжествовалъ, видя сраженнаго врага у своихъ ногъ, но скрылъ свою радость подъ личиной скорби, нахмурилъ лобъ, бросился къ своей жертвѣ, нѣжно обнималъ трупъ—дѣло его же собственныхъ рукъ—и показывалъ всѣ признаки глубокой печали. Только слезы не могли пробиться къ его глазамъ. Можно было бы подумать, что и онъ тоскуетъ такъ же, какъ и мы, но мы тосковали отъ всего сердца. Убійца друга сваливалъ свою вину на убитаго кабана.—

Только что успѣло совершиться это преступленіе, какъ молва во всѣ стороны понесла о немъ слухи. Раньше другихъ онѣ донеслись до дома Тлеполема и поразили сердце его несчастной жены. Это извѣстіе, самое ужасное во всей ея жизни, поразило Хариту до глубины сердца.

Обезумѣвъ отъ горя, въ какомъ то изступленіи, она, ничего не видя кругомъ, бѣжитъ по люднымъ улицамъ города, бѣжитъ по полямъ деревни и въ неисходной мукѣ горько плачетъ о смерти своего дорогого мужа. За нею печально идутъ толпы гражданъ. Всѣ охотно готовы раздѣлить ея скорбь и весь городъ пустѣетъ, потому что всѣ спѣшатъ посмотрѣть на печальное зрѣлище.

И вотъ передъ бѣдной вдовой трупъ ея мужа. Безъ чувствъ и безъ силъ падаетъ она на бездыханное тѣло. Она хочетъ самымъ мучительнымъ образомъ покончить свою жизнь, которую цѣликомъ посвятила своему мужу, но родственники и друзья оттаскиваютъ ее отъ дорогого трупа и бѣдная женщина противъ своей воли остается въ живыхъ.—

Въ сопровожденіи всего народа торжественно несутъ на похоронныхъ носилкахъ трупъ Тлеполема. Близится день погребе-

нія. Тразиллъ тоскуетъ и убивается, кажется, больше всѣхъ. На его глазахъ отъ прилива счастья и радости появились наконецъ тѣ слезы, которыхъ онъ не могъ выжать изъ глазъ въ первыя минуты послѣ смерти своего товарища. Притворными признаками печали онъ, казалось, хотѣлъ обмануть саму истину.

Онъ громко оплакиваетъ своего товарища, пріятеля, друга и брата,—удерживаетъ руки Хариты, когда она въ безуміи скорби хочетъ колотить себя въ грудь,—проситъ ее уменьшить скорбь и остановить слезы, ласковыми словами старается утѣшить ея бѣдное серце, пускаетъ въ ходъ хитрыя и смѣлыя выдумки, чтобы облегчить тяжесть потери, со всѣми признаками сожалѣнія оказываетъ всевозможныя услуги вдовѣ, а самъ не опускаетъ случая коснуться до ея плечъ и тѣла, тѣша этимъ свою гнусную и ненавистную похоть.

Когда погребеніе было окончено, молодая женщина стала перебирать въ своемъ умѣ всѣ средства, какія только существуютъ для того, чтобы поскорѣе въ одной могилѣ соединиться съ своимъ мужемъ. Лучше всего, кажется ей, умереть легко и спокойно, не дѣлая надъ собою никакого насилія, не пуская въ ходъ никакихъ орудій убійства,—выбрать смерть, которая напоминаетъ собою тихій сонъ.

Рѣшеніе—принято. Она хочетъ покончить съ собою голодомъ, не заботиться ни о своемъ тѣлѣ, ни о своей внѣшности, уйти отъ свѣта и скрыться въ самомъ глубокомъ мракѣ.

Но Тразиллъ, то самъ, то черезъ родственниковъ и свойственниковъ, то наконецъ черезъ родителей Хариты, старается вызвать ее изъ заточенія, заставить ее пищей и баней освѣжить тѣло, которое стало блекнуть и вянуть отъ голода и воздержанія. И она, какъ почтительная дочь, хотя и неохотно, подчинилась волѣ своихъ родителей и вышла изъ своего затвора. Ея лицо, хотя и невеселое, стало спокойнѣе. Казалось, что она затаила скорбь на самомъ днѣ души и покорилась необходимости исполнять всѣ обязанности жизни. Дни и ночи она проводила въ то-

скливыхъ мечтахъ. Предъ нею вставалъ образъ мужа въ видѣ божественнаго Бахуса. Она хотѣла ублажить его своею ласкою и услужливостью и находила новыя муки въ самомъ своемъ утѣшеніи.

А безумный Тразиллъ, не дожидаясь, когда слезы умѣрятъ печаль, когда нѣсколько успокоятся тревожныя и мрачныя мысли, когда время начнетъ исцѣлять свѣжія раны, заводитъ съ неутѣшною вдовою рѣчь о любви и свадьбѣ,—съ вдовою, которая все еще рветъ на себѣ одежды и терзаетъ на головѣ волосы, не имѣя силы справиться съ горемъ! Эти безстыдныя рѣчи обнажаютъ затаенныя думы и лукавые обманы, которые онъ носилъ въ своемъ сердцѣ. Онѣ, какъ громъ съ яснаго неба, какъ молніи и перуны самаго Юпитера, поражаютъ бѣдную Хариту. Она гнушается Тразилломъ; силы оставляютъ ея тѣло, душа смущается въ новой тревогѣ. Но въ тѣ минуты, когда горе нѣсколько отливаетъ отъ ея сердца, она собирается съ силами и, все еще издавая почти нечеловѣческіе крики, время отъ времени, пересиливая себя, смотритъ на ненавистнаго ей Тразилла. До поры до времени она отложила свой отвѣтъ на его предложеніе.—

А тѣмъ временемъ въ одну ночь тѣнь бѣднаго, предательски убитаго Тлеполема, вся въ крови, съ лицомъ, покрытымъ смертельною блѣдностью, является передъ Харитою и прерываетъ ея стыдливый сонъ.

— Жена моя,—говоритъ ей тѣнь,—если въ твоемъ сердцѣ остается еще память обо мнѣ, ты, конечно, не дашь никому права обращаться къ тебѣ съ такимъ же привѣтомъ. Но, если моя ужасная смерть навсегда расторгла узы нашей любви и ты снова хочешь выйти замужъ, иди за кого хочешь, только ни подъ какимъ видомъ не за преступнаго Тразилла, руки котораго запачканы кровью. Не говори съ нимъ ни слова, не садись съ нимъ за однимъ столомъ, не пускай его къ себѣ на ложе. Руки его въ моей крови. Вступая съ нимъ въ бракъ, ты станешь соучастницею этого убійства и этого преступленія. Не всѣ эти раны, кровь съ которыхъ ты смыла своими слезами, нанесены клыками вепря. Насъ на вѣкъ разлучило съ тобою копье злобнаго Тразилла.

Тѣнь Тлеполема подробно разсказала Харитѣ исторію этого преступленія. Когда тѣнь кончила свой разсказъ, Харита еще спала, крѣпко сеживъ свои печальныя очи, уткнувшись лицомъ въ подушку и орошая обильными слезами прекрасныя щеки. И вдругъ, какъ отъ удара грома, она сразу проснулась, снова и неудержимо отдалась своей печали, стала кричать во весь голосъ и гнѣвными руками бить себя по избитымъ уже, бѣлымъ и круглымъ плечамъ. Но она никому не сказала того, что видѣла ночью. До времени она отложила разоблаченіе этого преступленія, хотя твердо рѣшилась наказать гнуснаго убійцу и покончить съ своею жалкою жизнью.

И снова, распаляемый похотью, пришелъ къ ней вѣроломный поклонникъ, терзая рѣчами о бракѣ тѣ уши, которыя были глухи къ такимъ рѣчамъ. Безъ гнѣва и вѣжливо Харита отвѣтила отказомъ на просьбы Тразилла и съ удивительнымъ искусствомъ съумѣла скрыть свои мысли и чувства, когда тотъ настойчиво и неотступно велъ свои рѣчи.

— Передъ моими глазами,—говорила она,—все еще стоитъ прекрасное лицо твоего брата и моего мужа. Все еще мнѣ чудится запахъ киннамона отъ его тѣла, точно обрызганнаго амброзіею. Въ моей груди все еще живетъ Тлеполемъ. Ты поступишь хорошо и умно, если на время законнаго траура оставишь несчастную женщину въ покоѣ. Погоди еще нѣсколько мѣсяцевъ и обычный годовой срокъ кончится. Только тогда, принявъ твое предложеніе, я не оскорблю приличій и не опорочу своей скромности. Такъ будетъ лучше и для тебя. Если мы слишкомъ поторопимся со свадьбой, то, можетъ быть, въ справедливомъ негодованіи надъ нами на твою погибель возстанетъ оскорбленный духъ моего мужа.

Но и эти слова не отрезвили Тразилла; они только сильнѣе зажгли его надеждою на будущее. Время отъ времени онъ снова

шепчетъ ей нескромныя рѣчи, снова проситъ и льститъ. Наконецъ Харита, притворясь побѣжденною его настойчивостью, согласилась на его просьбы.

— Только и у меня есть къ тебѣ своя просьба. Ты долженъ согласиться приходить ко мнѣ для радостей Венеры не часто и подъ покровомъ полной тайны. Пока не пройдетъ этотъ годъ траура, никто изъ нашей семьи не долженъ подозрѣвать, что мы съ тобою въ связи.

Тразиллъ, взволнованный мнимымъ согласіемъ женщины, которая такъ ловко его обманывала, охотно согласился на эти условія. Возбужденный надеждою на воровское наслажденіе, онъ нетерпѣливо ждалъ, когда наступитъ темная ночь, и забылъ обо всемъ, кромѣ страстнаго желанія обладать прекрасною вдовою.

— Смотри же,—наказывала ему Харита,—хорошенько закутайся плащемъ и приходи непремѣнно одинъ. Около первой стражи осторожно подойди къ нашимъ воротамъ и подай знакъ свистомъ,—тебя встрѣтитъ моя кормилица, которая будетъ стоять у дверей и ждать твоего прихода. Она откроетъ тебѣ дверь, покажетъ дорогу и, не зажигая огня, приведетъ ко мнѣ въ спальню.

Тразиллъ былъ въ восторгѣ отъ этого обѣщанія. Не подозрѣвая обмана и хитрости, онъ томится только однимъ ожиданіемъ,—только сердится, что день тянется такъ долго и ночь медлитъ своимъ приходомъ.

Когда же солнце скрылось и наступила ночь, онъ закутался въ плащъ, какъ приказала Харита, пошелъ къ ея дому, вызвалъ кормилицу и, полный надежды, вошелъ вслѣдъ за нею въ покои Хариты. По приказанію своей госпожи, старуха приняла его очень радушно, потихоньку поставила чаши и амфору, въ которой къ вину былъ подмѣшанъ ядъ, погружающій въ глубокій сонъ.

Тразиллъ охотно и спокойно пилъ изъ чаши этотъ ядъ, поджидая Хариту; кормилица сказала ему, что хозяйка скоро придетъ, а пока сидитъ еще у своего больного отца. Ядъ сдѣлалъ

свое дѣло и усыпилъ Тразилла. Когда онъ безсильно растянулся по полу на спинѣ, кормилица позвала Хариту. Съ сердцемъ суроваго мужа въ груди, въ порывѣ мести и обиды, молодая женщина съ громкимъ крикомъ бросилась къ своему преступному поклоннику и заговорила такъ.

— Вотъ онъ, другъ моего мужа, его вѣрный спутникъ, его превосходный товарищъ по охотѣ! Вотъ рука, которая изъ ранъ мужа пролила и мою кровь! Въ этомъ сердцѣ таился обманъ и хитрое коварство, которые меня погубили! Вотъ глаза, которымъ въ недобрый часъ я приглянулась! Уже теперь они не видятъ и таятъ въ себѣ тотъ мракъ, который будетъ имъ вѣчнымъ наказаніемъ. Счастливыхъ сновъ! Спи спокойно! Тебѣ не грозитъ ни мечъ, ни желѣзо. Я слишкомъ далека отъ мысли убивать тебя, чтобы ты не могъ даже въ смерти хоть сколько нибудь сравняться съ моимъ мужемъ. Умрутъ только твои глаза. Съ этихъ поръ ты будешь видѣть только во снѣ... Твой врагъ будетъ счастливѣе мертвымъ, чѣмъ ты живымъ. Ты не увидишь солнца, будешь нуждаться въ рукѣ поводыря, не коснешься до рукъ Хариты, не насладишься ея лаской. Ты будешь жить, не зная покоя смерти и наслажденій жизни. Какъ блѣдное привидѣніе, ты будешь блуждать между солнцемъ и Оркомъ. Ты долго будешь искать ту руку, которая проколола тебѣ зрачки, и не найдешь ее. Ты не будешь даже знать, на кого тебѣ жаловаться. Кровью изъ твоихъ глазъ я орошу могилу моего мужа и твое зрѣніе принесу въ жертву его святѣйшей тѣни. Но чего я медлю? Зачѣмъ откладываю пытку, которую ты вполнѣ заслужилъ? Можетъ быть, во снѣ тебѣ снятся мои объятія?—Когда пройдетъ эта ночь сна, проснись для другой, вѣчной ночи, подними кверху свое пустое, лишенное глазъ лицо, переживи въ сердцѣ мою месть, пойми мое горе, сознай и свою бѣду. Такъ то твои прелестные глаза плѣнили стыдливую и скромную женщину! Такъ то брачные факелы озарили твое наслажденіе! Твоя сваха—месть; твой дружка—вѣчная слѣпота; твой кнутъ—постоянное терзаніе совѣсти.

И съ этими словами молодая женщина вынула изъ своихъ волосъ длинную булавку и выколола ею глаза Тразилла. Тразиллъ ослѣпъ, его глаза вытекли; онъ лежалъ на землѣ, пока боль не разбудила его — не то отъ сна, не то отъ опьяненія. А Харита схватила мечъ, которымъ обыкновенно опоясывался Тлеполемъ, быстро вышла изъ дому, быстро побѣжала по улицамъ города, очевидно замышляя какое то новое преступленіе. Она бѣжала къ гробницѣ своего мужа. Въ эту минуту почти всѣ дома въ городѣ остались пустыми. Мы,—а за нами весь городъ,—побѣжали вслѣдъ за Харитой. Со всѣхъ сторонъ кричали, что прежде всего надо вырвать мечъ изъ рукъ обезумѣвшей женщины. Но это не такъ то легко было сдѣлать. Прислонившись къ гробницѣ мужа, безумная вдова всѣхъ отгоняла отъ себя мечомъ Тлеполема. Она плакала и рыдала, тосковала и убивалась, и говорила такія рѣчи.

— Довольно слезъ! Теперь онѣ не кстати. Вонъ скорбь изъ сердца! Нынѣ я горжусъ своимъ дѣломъ. Я отомстила гнусному предателю своего мужа,—я наказала того негодяя, который, какъ воръ, укралъ мое счастье. Теперь мнѣ пора этимъ мечемъ проложить себѣ прямую дорогу къ моему милому Тлеполему!

И она разсказала присутствующимъ все, что въ ночномъ видѣніи открыла ей тѣнь покойнаго мужа,—разсказала, какъ она заманила къ себѣ Тразилла, какъ принесла его въ жертву своей мести, потомъ смѣло вонзила себѣ мечъ подъ правую грудь и упала на полъ, обливаясь потоками крови. Въ предсмертныхъ мукахъ она шептала какія то непонятныя рѣчи и испустила духъ, достойный не женскаго сердца. Родные и близкіе заботливо омыли ея бездыханное тѣло и похоронили ее въ одной могилѣ съ мужемъ, спутницею котораго она хотѣла быть и за гробомъ.

Тразиллъ узналъ все. Онъ понялъ, что нѣтъ такой смерти, которая была бы достойною карой за его преступленія, что мечъ не смоетъ съ него стыда и позора. Съ тоскою въ душѣ онъ сталъ просить, чтобы его отвели къ общей могилѣ такъ рано погибшихъ супруговъ.

— О, оскорбленныя мною тѣни Тлеполема и Хариты!— говорилъ онъ въ ихъ усыпальницѣ.—Я самъ по своей волѣ пришелъ сюда, чтобы здѣсь искупить свою вину. Я не устану просить у васъ прощенія. Я самъ произнесъ приговоръ надъ собою. Я крѣпко запру за собою дверь и у вашей могилы покончу съ собою голодною смертью.

Глубокіе вздохи вырывались изъ груди разсказчика, когда онъ говорилъ намъ о смерти своихъ хозяевъ. Не разъ у него навертывались на глазахъ слезы. Слушатели были очень растроганы. Оплакивая печальную участь хозяйскаго дома, они боялись, что новый господинъ не будетъ къ нимъ снисходителенъ и поэтому стали готовиться къ бѣгству.

Смотритель за стадами, которому Харита такъ заботливо отдала меня на попеченіе, захватилъ все, что только было цѣннаго въ его домикѣ,—взвалилъ всѣ свои пожитки отчасти на мою спину, отчасти на спины другихъ животныхъ и навсегда покинулъ свое насиженное мѣсто.

На насъ навьючиваютъ женщинъ и дѣтей. Мы же должны нести циплятъ, гусей, козлятъ и кошекъ. Все, что не умѣетъ быстро ходить, все, что нетвердо держится на своихъ ногахъ и можетъ служить помѣхою въ торопливомъ бѣгствѣ,—пускается въ дорогу на нашей спинѣ.

Но огромный вьюкъ не давилъ мнѣ спины. Я весело пускался въ это бѣгство, потому что уходилъ отъ того гнуснаго крестьянина, который такъ настойчиво покушался на мой полъ и хотѣлъ меня на вѣкъ изувѣчить.

Мы перевалили черезъ крутой хребетъ высокой горы, покрытой лѣсомъ, и передъ нами снова открылся широкій просторъ полей. На нашу дорогу ложились вечернія тѣни, когда мы подошли къ какому то богатому и довольно многолюдному замку. Жители этого мѣстечка не совѣтовали намъ пускаться въ путь ночью или утромъ на разсвѣтѣ. По ихъ словамъ, въ окрестностяхъ появились стаи волковъ—огромныхъ, смѣлыхъ, злыхъ до бѣшенства

и уже знающихъ вкусъ въ человѣческомъ мясѣ. Волки безпокоятъ всю эту страну, дерзко, какъ настоящіе разбойники, стерегутъ большую дорогу и нападаютъ на путешественниковъ. Голодъ иногда доводитъ ихъ до такой ярости, что они открыто нападаютъ на сосѣднія деревни и уносятъ съ собою не только скотъ и домашнихъ животныхъ, но даже людей.

Жители мѣстечка предупреждали насъ, что на дорогѣ, по которой намъ придется идти, валяются полусъѣденные трупы людей и бѣлѣютъ кости, мясо съ которыхъ обглодано до чиста. Поэтому отправляться въ дорогу надо съ величайшею осторожностью и прежде всего крѣпко на крѣпко соблюдать слѣдующее правило: идти только днемъ, когда солнце стоитъ высоко, когда свѣтъ пугаетъ звѣрей, избѣгать подозрительныхъ и опасныхъ мѣстъ, гдѣ могла бы скрываться засада, въ дорогѣ не разбиваться, не отставать и не расходиться, а идти дружно, сплошной кучей.

Но бѣглецы, наши погонщики въ этомъ путешествіи, были настоящіе дураки и негодяи. Они во что бы то ни стало хотѣли бѣжать и страшно трусили погони,—довольно еще сомнительной. Они не послушались разумнаго совѣта жителей этого мѣстечка, не стали ждать разсвѣта, хотя его ждать оставалось уже и не долго. Около третьей стражи ночи они снова навьючили насъ и выгнали на дорогу.

Я зналъ, какая насъ ждетъ опасность и поэтому старался забиться какъ нибудь въ самую середину толпы,—какъ нибудь получше спрятаться за спинами другихъ животныхъ и такимъ образомъ спасти свою шкуру отъ волчьихъ зубовъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на меня, когда я на бѣгу обгонялъ лошадей Только, по правдѣ сказать, мой быстрый бѣгъ служилъ доказательствомъ не моей рѣзвости и живости, а моего крайняго страха. Я думалъ про себя, что даже пресловутый Пегасъ обнаружилъ такую удивительную прыть по такой же точно причинѣ. Въ его положеніи дѣйствительно трудно было не стать крылатымъ. Онъ поднимался на воздухъ и улеталъ до самаго неба,—

конечно, только потому, что боялся, какъ бы его не укусила огнедышащая Химера [1]).

Всѣ наши погонщики вооружились, точно ждали откуда нибудь нападенія. У одного было копье, у другого—рогатина, у третьяго—стрѣлы, у четвертаго—палка. Многіе набрали себѣ камней, которыхъ на нашей тропинкѣ было сколько угодно; другіе заострили колья и держали ихъ на готовѣ; были, наконецъ, и такіе, которые собирались отгонять волковъ зажженными факелами. Словомъ, не хватало только боевой трубы, чтобы придать нашему путешествію видъ настоящаго похода.

Но мы напрасно боялись. Волковъ не было.

Впрочемъ, хотя наши опасенія и оказались пустыми, мы всетаки въ концѣ концовъ попали въ бѣду. Это несомнѣнно было даже похуже волковъ.

Испугались ли волки шумной толпы молодыхъ людей, боялись ли они яркаго свѣта многочисленныхъ факеловъ, или въ то время промышляли себѣ добычу гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ,—только на этотъ разъ они оставили насъ въ покоѣ. Даже издали мы ихъ не видали. Но жителямъ одной деревни, мимо которой намъ пришлось идти, показалось, должно быть, что мы разбойники. Во всякомъ случаѣ, они насъ испугались. Не рѣшаясь вступить съ нами въ открытую схватку, они спустили огромныхъ и злыхъ собакъ, которыя были сильнѣе и проворнѣе всякихъ волковъ и медвѣдей; ихъ такъ и дрессировали для сторожевой службы. Науськиваньемъ, улюлюканьемъ и рѣзкими криками они довели этихъ псовъ до настоящаго бѣшенства.

Собаки, злыя отъ природы и разсвирѣпѣвшія отъ этихъ понуканій, набросились на насъ цѣлой сворой, со всѣхъ сторонъ повели на насъ облаву,—бросались то съ той, то съ другой стороны, безъ всякаго разбора хватали то людей, то животныхъ, становились все злѣе и злѣе и уже многихъ свалили съ ногъ.

[1]) Беллерофонтъ съ помощью Пегаса побѣдилъ огнедышащую Химеру,—чудовище, у котораго было три головы—льва, козы и дракона.

Клянусь Геркулесомъ, это было не столько интересное, сколько печальное зрѣлище!

Среди насъ мечутся злые и огромные псы; одни догоняютъ того, кто бѣжитъ,—другіе хватаютъ за икры того, кто стоитъ на мѣстѣ, третьи тормошатъ и рвутъ того, кто свалился съ ногъ; во всемъ нашемъ обозѣ, куда ни повернись, собачій лай и собачьи зубы.

Но и этимъ не кончились наши бѣды. Насъ ждала опасность еще серьезнѣе. Взобравшись на крыши своихъ домовъ или притаившись на вершинѣ холма, крестьяне вдругъ осыпали насъ цѣлымъ градомъ камней.

Въ такомъ положеніи, конечно, трудно было рѣшить, чего надо больше бояться. Тутъ—собаки, тамъ—камни. Одинъ камень угодилъ въ голову женщинѣ, которая сидѣла у меня на спинѣ. Отъ боли она начала кричать, плакать и звать къ себѣ на помощь своего пастуха и мужа. Мужъ прибѣжалъ на ея зовъ, попробовалъ обтереть съ нея кровь и, поминая всѣхъ и всякихъ боговъ, сталъ кричать во всю глотку.

— Съ чего это вы съ такою неукротимою жестостью накинулись на бѣдныхъ людей, скромныхъ путешественниковъ? Съ чего это вы задумали губить насъ? За что вы намъ мстите? Чего вы боитесь? Или вы, какъ дикіе звѣри, какъ какіе то варвары, находите удовольствіе въ безполезномъ кровопролитіи?

Какъ только онъ это сказалъ, каменный дождь прекратился. Собакъ отозвали назадъ и буря, какую онѣ производили своимъ лаемъ, утихла. Одинъ изъ крестьянъ, который скрывался въ зелени высокаго кипариса, заговорилъ изъ своего убѣжища такъ.

— Мы напали на васъ вовсе не для того, чтобы васъ ограбить. Напротивъ, мы сами боялись, что вы насъ ограбите. Теперь же не бойтесь: дѣло разъяснилось и вы спокойно можете продолжать свой путь.

Такъ говорилъ одинъ изъ нашихъ недавнихъ враговъ. Мы пошли дальше. Всѣ безъ исключенія носили на тѣлѣ слѣды или

камней, или собачьихъ зубовъ. Никто не ушелъ безъ раны или контузіи. Такъ мы прошли еще немного впередъ и дошли до одной рощи. Тамъ густо росли высокія деревья и все было покрыто свѣжею, пріятною зеленью. Съ общаго согласія рѣшено было сдѣлать здѣсь привалъ, подкрѣпиться пищей, перевязать раны и вообще полечиться, такъ какъ пострадали всѣ, кому какъ пришлось...

То тамъ, то здѣсь путники пластомъ растягиваются по землѣ, чтобы отдохнуть послѣ всѣхъ этихъ злоключеній. Потомъ начинаютъ серьезно подумывать и о своихъ ранахъ. Одни идутъ къ рѣкѣ, чтобы смыть кровь съ тѣла и ранъ; другіе намачиваютъ водой губки и прикладываютъ ихъ къ синякамъ и опухолямъ; третьи бинтами и тряпками перевязываютъ свои глубокія и широкія раны. У каждаго свой недугъ и своя забота.

Вдругъ на вершинѣ сосѣдняго холма показался какой то старикъ. Онъ гналъ стадо овецъ. Всѣ догадались, что это овчаръ. Одинъ изъ насъ спросилъ у него, не продастъ ли онъ намъ свѣжаго молока, творогу или сыру. Старикъ долго качалъ головою, ничего не отвѣчая.

—Неужели,—наконецъ заговорилъ онъ,—вы можете въ эту минуту думать о пищѣ и питьѣ? Неужели вы не знаете, гдѣ вы и что это за мѣсто?

Съ этими словами старикъ-овчаръ круто отъ насъ повернулся и далеко отогналъ свое стадо. Его слова и торопливость нагнали на пастуховъ не мало страха. При ихъ испугѣ имъ очень хотѣлось бы узнать, что это за мѣсто такое и чего тутъ собственно надо бояться; но не было никого, кто могъ бы дать отвѣтъ на эти вопросы.

Вотъ на дорогѣ показался другой старикъ,—громаднаго роста, повидимому очень и очень преклоннаго возраста. Онъ всѣмъ своимъ тѣломъ опирался на палку, съ трудомъ поднималъ отъ земли ноги, медленно шелъ впередъ и горько плакалъ. Какъ только онъ насъ увидѣлъ, онъ поспѣшилъ подойти. Съ мольбою дотрогиваясь

до колѣнъ то одного, то другого изъ нашихъ спутниковъ, онъ говорилъ такъ.

— Выслушайте меня во имя Фортуны, во имя вашихъ домашнихъ геніевъ! Да поможетъ вамъ небо сильными и здоровыми достигнуть до дней моей глубокой старости! Помогите дряхлому старику! Возвратите его сѣдинамъ мальчика, котораго похитилъ отъ него адъ! Это мой внукъ, мой милый спутникъ въ этомъ путешествіи. Вздумалось ему погнаться за воробьемъ, который чирикалъ себѣ недалеко въ кустахъ, и онъ упалъ въ яму, прикрытую сверху сучьями и вѣтками. Тамъ онъ и теперь: жизнь его въ большой опасности. Онъ плачетъ тамъ и зоветъ къ себѣ на помощь дѣда. Я слышу его крики, знаю, что онъ еще живъ, но ничѣмъ не могу ему помочь, потому что, какъ вы сами видите, я старъ и безсиленъ. А вы молоды и сильны. Вамъ нетрудно помочь бѣдному старику и спасти этого мальчика, послѣдняго въ нашемъ поколѣніи, единственнаго представителя нашего рода. Спасите мальчика, будущаго моего кормильца, добрые люди!

Всѣмъ было жаль этого старика, который плакалъ и рвалъ на себѣ сѣдые волосы. Одинъ изъ пастуховъ,—самый храбрый, самый молодой и самый сильный изъ всей компаніи, который одинъ только безъ всякаго вреда для себя ушелъ изъ недавней перепалки,—быстро поднялся съ мѣста, велѣлъ старику показать ту яму, куда провалился его внукъ, и пошелъ за дряхлымъ дѣдомъ въ ту сторону, гдѣ, по его словамъ, была яма и гдѣ росъ предательскій кустарникъ.

Время шло. Всѣ закусили, перевязали, какъ умѣли, раны, взяли себѣ на плечи свои мѣшки и стали собираться въ путь-дорогу, скликая остальныхъ спутниковъ и товарищей. Юноша, который ушелъ за старикомъ, не отзывался,—хотя именно его кричали особенно долго и громко. Это встревожило всѣхъ. Было рѣшено кого нибудь послать за нимъ и поторопить его, такъ какъ было давно пора трогаться въ путь.

Посланный возвратился очень скоро. Онъ былъ страшно блѣденъ, весь дрожалъ и разсказывалъ о своемъ товарищѣ удивительныя вещи. По его словамъ, ихъ товарищъ пластомъ лежитъ на самомъ днѣ ямы, а надъ нимъ вьется драконъ; этотъ драконъ жуетъ его мясо и уже почти наполовину его съѣлъ. А старика, сколько онъ ни смотрѣлъ по сторонамъ, нигдѣ не видно.

Это извѣстіе напомнило всѣмъ слова стараго овчара. По всей вѣроятности, онъ указывалъ именно на эту, а не на какую либо другую опасность въ этихъ окрестностяхъ. Поэтому всѣ рѣшили какъ можно скорѣе бѣжать изъ этой страшной мѣстности и на насъ градомъ посыпались палочные удары.

Подъ вечеръ, сдѣлавъ за день большой переходъ, мы пришли въ какую то деревню и расположились тамъ на ночлегъ.

Въ этой деревнѣ было совершено одно замѣчательное преступленіе и мнѣ хочется здѣсь разсказать, какъ все это было.

Хозяинъ того огромнаго помѣстья, въ которомъ мы находились, поручилъ одному изъ своихъ рабовъ надзоръ за всѣми дѣлами по имѣнію. Этотъ рабъ былъ женатъ. Его жена была одна изъ рабынь того же самаго хозяина. Все дѣло вышло изъ-за того, что ея мужъ влюбился въ одну свободную женщину. Это страшно сердило ревнивую жену управляющаго. Въ припадкѣ ревности она сожгла всѣ росписки своего мужа, всѣ счета и описи того, что хранилось въ хозяйскихъ амбарахъ. Но и этого ей было мало. Она хотѣла еще сильнѣе отмстить за обиду, нанесенную ея женскому сердцу. Она перенесла свой гнѣвъ и на своего сына, бѣднаго мальчика, котораго она прижила съ своимъ мужемъ въ прежніе счастливые годы семейной жизни,—взяла веревку, удавила на ней ребенка и вмѣстѣ съ нимъ бросилась въ глубокій колодезь.

Эта смерть произвела глубокое впечатлѣніе на хозяина имѣнія. Онъ крѣпко разсердился на своего раба, невѣрность котораго натолкнула бѣдную женщину на такое страшное дѣло, велѣлъ его схватить, раздѣть до-гола, вымазать съ головы до пятокъ медомъ и привязать къ стволу фиговаго дерева.

Въ гниломъ дуплѣ этого дерева было огромное муравьиное гнѣздо. Маленькія животныя въ своемъ постоянномъ движеніи напоминали рябь на поверхности воды. Они сразу же почуяли сладкій запахъ, бросились на свою добычу и довели свою работу до конца,—на что, впрочемъ, имъ потребовалось не мало времени, потому что, какъ ни усердно работали челюстями ихъ многочисленныя толпы, каждый въ отдѣльности уносилъ очень немного. Въ концѣ концовъ они съѣли все мясо и внутренности, дочиста сглодали тѣло и обнажили кости, которыя, сверкая удивительною бѣлизною, казались отполированными. Эти кости такъ и оставались привязанными къ мрачному и темному дереву.—

Это омрачило нашъ ночлегъ. Простившись съ опечаленными жителями этой деревни, мы снова пустились въ путь, цѣлый день безъ отдыха шли по какимъ то проселочнымъ дорогамъ и уже поздно, утомившись до послѣдней возможности, пришли въ большой и многолюдный городъ.

Пастухи рѣшили остаться здѣсь навсегда. Городъ оказался удобнымъ для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь они могли не бояться, что ихъ найдутъ, какъ бы усердно ихъ ни искали. Съѣстные припасы были дешевы и всего, что было нужно для жизни, много.

Намъ дали три дня отдыху, кормили до отвалу, чтобы мы поправились съ дороги и чтобы за насъ на базарѣ дали подороже. Наконецъ насъ вывели на рынокъ. Глашатай, зазывая покупателей, громко выкрикивалъ цѣну каждаго изъ насъ. Лошади и другіе ослы были проданы скоро и съ выгодой. Оставался только я.

Мимо меня съ явнымъ отвращеніемъ прошло не мало народу. Сказать правду, мнѣ страшно надоѣла безцеремонность людей, которые по моимъ зубамъ хотѣли узнать, сколько мнѣ лѣтъ. Въ особенности же мнѣ надоѣлъ одинъ, который своими гнилыми пальцами то и дѣло щупалъ мои десны. Я стиснулъ зубами его потную и грязную руку и сталъ ее жевать. Это еще больше напугало моихъ покупателей. Они боялись и связываться съ такимъ свирѣпымъ осломъ.

А глашатай разинулъ глотку и хриплымъ голосомъ сталъ отпускать на мой счетъ всякія остроты и шутки.

— Долго ли намъ попусту выводить на базаръ этого мерина, стараго и слабаго отъ старости, съ его разбитыми копытами? Цвѣтъ кожи у него скверный, самъ онъ, при всей своей лѣности и неотесанности, очень золъ. Весь онъ представляетъ изъ себя какое то дырявое и ни на что негодное рѣшето. Не лучше ли намъ прямо подарить его кому нибудь, если только найдется такой легкомысленный мотъ, который рѣшится тратить попусту свое сѣно?

При этихъ шуткахъ глашатая всѣ громко хохотали. Но моя злая судьба,—отъ которой я не могъ никуда убѣжать, сколько отъ нея ни бѣгалъ, которую я не могъ умилостивить своими страданіями, сколько ни терпѣлъ отъ нея бѣдъ, — снова подняла на меня свои слѣпые глаза. Она гдѣ то отыскала и послала ко мнѣ одного удивительнаго покупателя. Не знаю почему, но онъ какъ то подходилъ къ моей странной и невеселой участи. Это былъ лысый и старый кинедъ; волосы у него оставались только на затылкѣ, но вились и спускались къ нему на плечи. Это былъ одинъ изъ шайки тѣхъ бродягъ, которые постоянно шатаются по улицамъ города и нищенствуютъ, надоѣдая всѣмъ кимвалами и погремушками и таская съ собой сирійскую богиню. Ему, должно быть, очень захотѣлось меня купить и онъ спросилъ у глашатая, откуда я родомъ. Тотъ сказалъ, что я каппадокіецъ и притомъ довольно сильный. Тогда покупатель полюбопытствовалъ узнать, сколько мнѣ лѣтъ.

— Одинъ астрономъ, — шутливо отвѣчалъ ему глашатай, — гадалъ объ этомъ по звѣздамъ и насчиталъ ему пять лѣтъ. Впрочемъ, лучше всего, конечно, знаетъ это онъ самъ. Если ты хочешь получить вполнѣ точныя свѣдѣнія, обратись непосредственно къ нему. Я боюсь только, что меня привлекутъ къ судебной отвѣтственности за нарушеніе мудраго закона Корнелія, такъ какъ я хочу продать тебѣ въ рабство римскаго гражданина. Но тебѣ то вся

стать купить такого добросовѣстнаго и неутомимаго работника. Онъ пригодится тебѣ и въ дорогѣ, и дома.

Но мой ужасный покупатель не унимался и спрашивалъ то о томъ, то о другомъ. Напослѣдокъ онъ пожелалъ узнать, достаточно ли я смирный оселъ.

— Повѣрь мнѣ,—говорилъ глашатай,—это не оселъ, а прямо какая то овца. Онъ спокоенъ и не лѣнивъ въ какой хочешь работѣ, никогда не укуситъ, никогда не лягнетъ. Можно подумать, что въ эту ослиную шкуру зашитъ какой то вполнѣ благовоспитанный господинъ. Убѣдиться въ этомъ ничего не стоитъ. Попробуй сунуть ему между ляжками свое лицо и ты увидишь, что онъ и въ такомъ положенiи обнаружитъ много терпѣнiя.

Такъ зло вышучивалъ престарѣлаго кинеда веселый глашатай. Тотъ понялъ, что надъ нимъ шутятъ, и отвѣчалъ съ притворнымъ негодованiемъ.

— Пусть всемогущая праматерь всего, богиня сирiйская и святой Сабацiй, и Беллона, и Цибела [1], и царственная Венера съ своимъ Адонисомъ — превратятъ тебя, неистовый глашатай, въ глухой и нѣмой трупъ за то, что ты ополчаешься на меня со своими глупыми шутками. Или ты по своей глупости полагаешь, что я могу довѣрить великую богиню дикому скоту, чтобы божественное изображенiе шаталось и прыгало у него на спинѣ, пока не упадетъ на землю? Что мнѣ тогда дѣлать? Распустить волоса и бѣжать за докторомъ для богини, пластомъ растянувшейся по землѣ?

Слыша эти слова, я нарочно хотѣлъ напустить на себя бѣшенство, показаться совсѣмъ сумасшедшимъ, свирѣпымъ и неукротимымъ осломъ, проявить необыкновенную злобу и жестокость, чтобы гнусный жрецъ отказался отъ мысли купить меня. Но ока-

[1] Сабацiй иногда отожествляется съ Атисомъ, жрецомъ и любимцемъ Цибелы, матери боговъ.—Оскопленные жрецы Цибелы— Galli—пользовались нѣкоторымъ почетомъ только у низшихъ классовъ народа.

залось, что онъ проворнѣе меня, такъ какъ, пока я думалъ, онъ уже заплатилъ за меня деньги и прiобрѣлъ меня въ полную собственность. На мою бѣду, мой прежнiй хозяинъ, довольный сдѣлкой, охотно уступилъ меня за 17 динарiевъ. Меня связали и отдали Филебу (такъ назывался мой новый хозяинъ). Онъ взялъ меня, своего новаго слугу, за поводъ, повелъ домой и съ порога закричалъ своимъ товарищамъ по ремеслу.

— Смотрите, дѣвочки, какого хорошенькаго мальчишку я вамъ привелъ!...

Эти дѣвушки—вѣрнѣе, кинеды—при этихъ словахъ пришли въ полный восторгъ. Послышались надтреснутые, визгливые, хриплые, почти женскiе голоса и нестройные крики. Они очень радовались, думая, что Филебъ дѣйствительно подговорилъ для нихъ какого нибудь молодца. Но, когда они увидѣли, что къ нимъ идетъ не лань вмѣсто дѣвушки, а оселъ вмѣсто человѣка, они вздернули носы, стали всячески издѣваться надъ своимъ учителемъ и стали кричать, что онъ покупалъ въ ослѣ не слугу, а любовника,—и конечно, для себя.

— Только не скупись,—кричали они со всѣхъ сторонъ,—не щипли эту милую ципочку одинъ,—оставь что нибудь и намъ, твоимъ сизымъ голубкамъ.

Такъ болтали и шутили эти люди, пока меня отводили въ конюшню. Былъ тамъ одинъ дюжiй дѣтина, мастеръ играть на гобоѣ, который на улицѣ обыкновенно шелъ передъ изображенiемъ богини и игралъ на своей трубѣ, а дома несъ другую и скверную службу. Онъ, очевидно, былъ очень доволенъ тѣмъ, что меня купили, щедро засыпалъ мнѣ корму и повелъ со мною ласковыя рѣчи.

— Наконецъ то ты пришелъ на смѣну мнѣ въ этой проклятой должности. Будь здоровъ на многiя лѣта, угождай нашимъ хозяевамъ и своимъ усердiемъ дай на время отдыхъ всѣмъ моимъ членамъ, уже очень утомленнымъ.

При этихъ словахъ я съ ужасомъ сталъ думать о томъ, что меня ожидаетъ.

На слѣдующій день кастраты достали пестрыя ткани самаго скверныго цвѣта и переодѣлись въ одежды очень страннаго покроя.

Они красятъ себѣ лицо, обводятъ карандашемъ глаза, одни надѣваютъ головныя повязки, полотняныя или шелковыя, и нарядныя платья шафраннаго цвѣта; у другихъ—льняныя или шерстяныя туники бѣлаго цвѣта съ яркокрасными пятнами. Всѣ по женски подпоясываются широкимъ поясомъ и обуваются въ желтые башмачки. Богиню, завернувъ ее шелковой пеленой, ставятъ на мою спину.

Ихъ руки обнажены до плечъ. Въ рукахъ у нихъ огромные мечи и сѣкиры. Шумно, съ крикомъ и визгомъ, при задорномъ звукѣ трубы, подъ пѣніе какихъ то безумныхъ гимновъ, они пускаются въ какую то особенную пляску въ три темпа.

Обойдя не мало домовъ въ городѣ, они пришли, наконецъ, къ дому одного гражданина — Бритина. Отъ самыхъ воротъ они стали какъ то особенно гнусно улюлюкать и въ какомъ то фанатическомъ изступленіи бросились впередъ.

Они низко нагибаютъ голову, плавнымъ движеніемъ поднимаютъ и опускаютъ затылокъ, размахиваютъ своими длинными кудрями, кусаютъ себѣ руки и наносятъ раны обоюдоострымъ мечемъ, какимъ обязательно былъ вооруженъ каждый изъ нихъ. Одинъ изъ нихъ кривлялся больше всѣхъ; онъ часто и глубоко вздыхалъ, притворялся совершенно безумнымъ и дѣлалъ видъ, будто онъ находится подъ наитіемъ какого то божества. (Выходило отсюда такъ, что въ присутствіи бога люди становятся не лучше, а хуже и глупѣе).

Какую же награду онъ получилъ за это отъ божественнаго провидѣнія? Крикливо возглашая непонятныя пророчества, онъ вдругъ—конечно, притворно—сталъ обличать себя въ какомъ то грѣхѣ, сталъ говорить, будто онъ чѣмъ то оскорбилъ религію и благочестіе. За это злое преступленіе онъ самъ,

своими собственными руками, хотѣлъ подвергнуть себя достойному наказанію и взялъ бичъ, какой всегда имѣютъ при себѣ эти полулюди. Въ свернутыя ленты бича были вплетены клочья лохматой шерсти и острыя угловатыя овечьи косточки. Этимъ бичемъ онъ долго и изступленно наносилъ себѣ тяжелые удары, съ удивительнымъ самообладаніемъ перенося ужасную боль. Другіе отъ него не отставали. Подъ ударами меча и бичей грязная кровь этихъ женоподобныхъ святотатцевъ ручьями лилась на землю.

Я смотрѣлъ, какъ изъ многочисленныхъ ранъ кровь струилась ручьями и, признаться, очень трусилъ за себя. Если иноземной богинѣ нужна кровь ея жрецовъ, то не явится ли у нея прихотливаго желанія побаловать свой желудокъ и ослиной кровью, какъ иногда у людей является склонность полакомиться ослинымъ молокомъ?

Наконецъ жрецы устали, пресытились самоистязаніемъ и на минуту остановились. Со всѣхъ сторонъ къ нимъ потянулись руки съ золотыми и серебряными монетами, для которыхъ давно были готовы широкія пазухи этихъ самоистязателей. Съ необыкновенною жадностью они загребали все—боченокъ вина, молоко, сыръ, ячменную и пшеничную муку и даже овесъ, который благочестивые люди приносили въ даръ смиренному ослу богини. У нихъ были заранѣе заготовлены особенные мѣшки для сбора подаяній. Эти мѣшки скоро наполнились и были навьючены мнѣ на спину. Послѣ такихъ упражненій мой вьюкъ увеличивался почти вдвое и я тогда представлялъ изъ себя и храмъ, и амбаръ богини.

Шатаясь повсюду, эти люди собрали себѣ довольно богатую добычу. На радостяхъ, что имъ такъ хорошо удалось обдѣлать свои дѣлишки, они рѣшили дать въ одномъ небольшомъ замкѣ веселую пирушку.

Измысливъ на этотъ счетъ подходящее предсказаніе, они выпросили у одного кретьянина огромнаго и жирнаго барана,—якобы въ жертву своей проголодавшейся богинѣ.

Для ужина все было готово. Жрецы сходили въ баню и при-

вели къ себѣ на пиръ какого то необыкновенно дюжаго мужика, у котораго все было въ большой исправности и отмѣнномъ порядкѣ. Отвѣдавъ немного овощей, гнусные мерзавцы передъ самымъ столомъ съ изступленнымъ бѣшенствомъ предавались самымъ сквернымъ порокамъ извращеннаго сладострастія. Въ своемъ проклятомъ увлеченіи они со всѣхъ сторонъ набросились на молодого парня, который, совсѣмъ безъ ничего, лежалъ на полу.

Я больше не могъ выносить этого отвратительнаго зрѣлища и хотѣлъ крикнуть «О, квириты!» Вышло одно только «о» и ничего больше... «О» я прокричалъ отчетливо и очень громко, какъ и слѣдуетъ ослу, но только это вышло совершенно некстати. О ту пору, по дорогѣ, мимо нашего дома проходили молодые парни изъ сосѣдней деревни. У нихъ кто то увелъ осла и они ночью отправились на поиски, внимательно осматривая всѣ дворы и дома. Сквозь запертыя ворота они услышали мой крикъ и подумали, что здѣсь именно и спрятанъ украденный у нихъ оселъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, они потихоньку пробрались въ нашъ домъ и захватили жрецовъ сирійской богини на мѣстѣ преступленія, когда тѣ совсѣмъ увлеклись своимъ гнуснымъ и сквернымъ дѣломъ.

Парни потихоньку созвали сосѣдей и всѣ вмѣстѣ смотрѣли на это позорное зрѣлище. И сколько было забавныхъ и злыхъ шутокъ по поводу чистоты и цѣломудрія жрецовъ, когда зрители вышли наконецъ изъ своей засады!..

Было ясно, что слухи объ этомъ позорномъ преступленіи не замедлятъ разойтись по всему околотку. Тогда, конечно, каждый съ презрѣніемъ и отвращеніемъ будетъ относиться къ жрецамъ сирійской богини. Поэтому имъ оставалось только одно—поскорѣе скрыться изъ этой мѣстности.

Захвативъ пожитки, они, крадучись, почти въ самую полночь, удалились изъ замка. Мы шли всю ночь до яснаго свѣта и пришли въ какую то пустынную и необитаемую мѣстность. Долго и много о чемъ то говорили и спорили между собою кинеды и рѣшили,

наконецъ, меня извести. Богиню подняли съ моего сѣдла и поставили на землю. Съ меня сняли все, что на мнѣ было, привязали къ какому то дубу и стали бить своими бичами,—которые казались мнѣ скорѣе цѣпями, чѣмъ плетью, потому что, какъ я уже говорилъ, въ нихъ были вплетены мелкія кости животныхъ. Избили меня до полусмерти. Одинъ даже хотѣлъ своимъ топоромъ перерубить у меня на ногахъ сухожилья—за то, что я такъ некстати торжествовалъ и радовался, когда ихъ застали на мѣстѣ преступленія. Но его товарищи на это не согласились—не потому, что пожалѣли меня, а потому, что въ такомъ случаѣ некому было бы нести ихъ тяжелую богиню.

На меня снова навьючили мою ношу и, угрожая бичами, погнали впередъ. Скоро мы пришли въ одинъ знаменитый городъ. Тамъ одинъ изъ первыхъ гражданъ города, человѣкъ очень набожный и большой почитатель всякихъ боговъ, услышавъ звонъ цимбаловъ, звуки тимпановъ и нѣжные напѣвы фригійскихъ гимновъ, выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу и, по обѣту, принялъ богиню въ свое жилище. Мы всѣ помѣстились въ его просторномъ домѣ Тучными жертвами и набожными молитвами хозяинъ старался умилостивить великую богиню.

Но и здѣсь моя жизнь еще разъ подверглась очень серьезной опасности.—Какой то крестьянинъ прислалъ въ подарокъ своему господину, у котораго мы остановились, жирный окорокъ огромнаго оленя, убитаго имъ на охотѣ. Этотъ окорокъ неосторожный поваръ повѣсилъ у дверей кухни. Какая то охотничья собака бросилась на него на глазахъ всей прислуги и быстро скрылась съ своею добычею.

Когда поваръ узналъ объ этомъ, онъ, проклиная свою безпечность, залился неудержимыми слезами, такъ какъ страшно боялся, что хозяинъ спроситъ себѣ ужинъ, узнаетъ, какъ было дѣло, и сурово накажетъ его за небрежность. Трогательно простившись съ своимъ маленькимъ сыномъ, онъ схватилъ веревку, сдѣлалъ петлю и хотѣлъ уже повѣситься. Отъ вѣрной жены не скрылось, какая

опасность грозитъ ея мужу. Обѣими руками она крѣпко ухватилась за роковую петлю и вырвала ее у мужа.

— Съ чего это ты такъ испугался и совсѣмъ потерялъ голову? Развѣ ты не видишь, что само божественное провидѣніе указываетъ тебѣ средство избавиться отъ бѣды?—Внимательно выслушай меня, если ты еще можешь слушать при своемъ волненіи и ужасѣ.— Возьми этого приблуднаго осла, отведи его куда нибудь, убей и приготовь его бедро въ видѣ украденнаго оленьяго окорока. Только не забудь какъ можно лучше сварить его съ лучшими и острыми приправами.

Негодному повару было любо вывернуться изъ бѣды на счетъ моей шкуры. Онъ похвалилъ свою умную жену за находчивость, взялъ ножъ и сталъ его точить, чтобы приготовить изъ меня оленій окорокъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Негодный плутъ уже готовъ былъ поднять на меня свои нечестивыя руки.

Въ виду такой близкой и несомнѣнной опасности, мнѣ некогда было долго раздумывать. Надо было бѣжать какъ можно скорѣе и спасаться отъ рукъ палача.—Съ размаху я вырвалъ крюкъ, къ которому былъ привязянъ мой ремень, во всю прыть, не жалѣя своихъ копытъ, бросился бѣжать впередъ—въ надеждѣ гдѣ нибудь найти пріютъ и убѣжище на это время.

Мнѣ какъ то удалось незамѣтно проскользнуть въ двери дома и я, неожиданно для всѣхъ, появился въ томъ триклиніи, гдѣ съ жрецами сирійской богини сидѣлъ за пиршественнымъ столомъ нашъ хозяинъ. Въ попыхахъ я не разбиралъ ничего и опрокинулъ вверху дномъ все, что стояло у меня на дорогѣ. Со столовъ повалились блюда, тарелки, сосуды, всѣ обильные запасы пира.

Хозяинъ, удивленный неистовымъ разгромомъ своего пира, крикнулъ одного изъ рабовъ и велѣлъ меня поскорѣе вывести вонъ,— потому что я явился на пиръ совсѣмъ некстати и притомъ въ очень возбужденномъ состояніи. Но, вѣрный долгу гостепріимства, онъ поручилъ ему покрѣпче запереть меня въ какомъ нибудь надежномъ мѣстѣ, чтобы я не вздумалъ въ новомъ порывѣ шаловливой рѣзвости еще разъ разстроить ихъ мирный пиръ.

Оказалось, что я повелъ дѣло очень ловко и дѣйствительно нашелъ средство спастись отъ неминучей смерти. И я былъ очень радъ тому, что меня хотѣли запереть въ тюрьмѣ, потому что это избавляло меня отъ гораздо худшей бѣды.

Но—конечное дѣло—противъ воли фортуны человѣкъ никогда не добьется чего нибудь дѣйствительно хорошаго. Ни расчетливая мудрость, ни увертливая хитрость не могутъ отклонить или измѣнить роковыя предопредѣленія божественнаго провидѣнія. Мой тонкій и хорошо задуманный планъ скоро обрушился на мою же голову. Онъ на минуту помогъ мнѣ спасти свою шкуру, но поставилъ меня на краю другой, болѣе серьезной опасности, гдѣ моя гибель казалась совсѣмъ уже неизбѣжной.

Только что меня вывели, какъ въ комнату съ испуганнымъ и встревоженнымъ лицомъ вбѣжалъ одинъ молодой человѣкъ. Отъ страха онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ, явившись къ своему хозяину съ извѣстіемъ (объ этомъ я узналъ изъ разговоровъ слугъ и рабовъ), что изъ сосѣдняго переулка недавно выбѣжала бѣшеная собака, ловко и быстро прошмыгнула къ нимъ на дворъ черезъ заднюю калитку и съ необыкновенною яростью набросилась на охотничьихъ собакъ. Потомъ она какъ то пробралась въ конюшню и на скотный дворъ и тамъ въ бѣшеной ярости перекусала много домашнихъ животныхъ. Въ концѣ концовъ она перепортила не мало и людей. Многіе изъ дворни,—Миртилъ погонщикъ муловъ, Гефестіонъ поваръ, комнатный лакей Гипатій, медикъ Аполлонъ и другіе,—стараясь выгнать со двора эту бѣшеную собаку, въ разныхъ мѣстахъ получили опасныя раны. У многихъ изъ животныхъ, которыя были въ конюшнѣ и стойлахъ, появляются уже нѣкоторые признаки бѣшенства.

Этотъ разсказъ страшно напугалъ хозяина и гостей. Подумали, что я взбѣсился и продѣлывалъ всѣ свои штуки въ триклиніи подъ вліяніемъ бѣшенства. Всѣ взялись за мечи и копья и, подбодряя другъ друга крѣпко стоять противъ общей опасности, двинулись на меня въ походъ. Можно было подумать,

что безумное бѣшенство прикинулось не столько мнѣ, сколько имъ.

Несомнѣнно, что своими охотничьими копьями, дротиками и сѣкирами, которыя легко могли подать имъ слуги, они разнесли бы меня въ клочки, если бы я, при видѣ новой бѣды, не бросился со всѣхъ ногъ въ комнату, отведенную для моихъ хозяевъ-жрецовъ. За мною тотчасъ же захлопнули дверь, задвинули ее на засовъ, сдѣлали все нужное для правильной осады и стали ждать, когда я, безъ всякой опасности для всей ихъ компаніи, околѣю въ этой комнатѣ отъ бѣшенства и заразы.

Такой планъ на нѣкоторое время спасалъ меня отъ огромной опасности и неизбѣжной смерти.—Я былъ одинъ въ этой комнатѣ и не упустилъ случая воспользоваться милостью Фортуны. Развалившись на приготовленной для моихъ хозяевъ постели, я въ первый разъ послѣ всѣхъ моихъ мытарствъ и похожденій могъ почеловѣчески выспаться.

Былъ уже ясный день, когда я, бодрый и свѣжій, проснулся. Спалось мнѣ на мягкомъ ложѣ отлично. За дверями дежурили слуги, которымъ было поручено смотрѣть, чтобы я какъ нибудь снова не вырвался на свободу. Мнѣ было слышно все, что они говорили. Разговоръ шелъ обо мнѣ.

— Да правда ли,—доносилось до моихъ ушей,—что этотъ жалкій оселъ дѣйствительно взбѣсился? Если такъ, надо думать, что ядъ пересталъ уже дѣйствовать. Онъ что то совсѣмъ присмирѣлъ.

Много и долго они говорили между собою, чтобы вполнѣ выяснить себѣ это дѣло. Они посмотрѣли на меня сквозь щель въ двери и, когда увидѣли, что я, совсѣмъ здоровый и смирный, спокойно спалъ, слегка пріотворили дверь, чтобы, если можно, узнать, пересталъ ли я бѣситься. Между ними нашелся одинъ разсудительный человѣкъ, котораго должно быть само небо послало на мое спасеніе. Онъ предложилъ своимъ товарищамъ самое вѣрное средство убѣдиться въ моемъ полномъ выздоровленіи. По его словамъ, нужно было принести мнѣ полный тазъ свѣжей и холодной воды. Если я спокойно, какъ всегда,

подойду къ водѣ и буду пить, то это вѣрный признакъ, что я совершенно здоровъ и никакого бѣшенства у меня нѣтъ. Но если я не захочу пить и при видѣ воды обнаружу безпокойство, — значитъ, бѣшенство еще не прошло и ядъ все еще остается у меня въ крови.—Такъ, по увѣреніямъ моего неожиданнаго доброжелателя, всегда поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ и такъ объ этомъ пишутъ въ старинныхъ книгахъ.

Совѣтъ былъ принятъ. Изъ ближайшаго источника принесли огромное ведро прозрачной воды и,—все еще осторожно и робко,—поставили его въ моей комнатѣ. Я, конечно, не сталъ медлить, быстро и съ очевидною охотою пошелъ къ нимъ на встрѣчу, нагнулся надъ ведромъ, уткнулся въ него мордою и сталъ жадно пить эту, по истинѣ спасительную для меня воду. Потомъ я спокойно и терпѣливо переносилъ все, что они дѣлали для испытанія меня, похлопывали по моей спинѣ руками, щекотали у меня за ушами, тащили за недоуздокъ. Этимъ я разсѣялъ всѣ ихъ опасенія и ясно доказалъ, что никакого бѣшенства во мнѣ нѣтъ.

Такъ мнѣ два раза подрядъ удалось избѣжать большой опасности.

На другой день на меня снова навьючили всѣ мои священные доспѣхи, снова вывели меня на дорогу. Жрецы взялись за свои погремушки и цимбалы и пошли по окрестностямъ собирать милостыню. Мы обошли много домовъ и замковъ и потомъ остановились на отдыхъ въ одной деревнѣ. По словамъ ея жителей, она была построена на развалинахъ когда то богатаго города. Мнѣ нашлось мѣсто въ одной конюшнѣ. Кстати, намъ разсказали въ этой деревнѣ забавный случай изъ похожденій одной женщины и мнѣ хочется подѣлиться имъ и съ вами [1]).

Ея мужъ—бѣдный ремесленникъ—перебивался кое-какъ, добывая скудныя средства отъ своего рукодѣлья. При всей ихъ бѣдности, жена его по всему околодку славилась своими соблазнительными похожденіями. Какъ то мужъ съ утра ушелъ на работу. Онъ еще съ вечера получилъ гдѣ то небольшой заказъ. Въ его отсутствіе въ ихъ домикъ потихоньку пробрался одинъ безразсудный поклонникъ этой неугомонной женщины. Случайно и совершенно неожиданно мужъ вернулся домой, ничего не зная и даже не предполагая, что тамъ безъ всякаго опасенія ведутся дерзкія битвы незаконной Венеры.—Дверь была заперта на замокъ. Въ душѣ онъ похвалилъ свою жену за осторожность, потомъ принялся стучать въ ворота и свистомъ далъ знать, что онъ воротился изъ города.—Хитрая женщина, великая мастерица на всякія выдумки по этой части, выпустила изъ своихъ объятій любовника и потихоньку спрятала его въ большой пустой чанъ, который почти до половины былъ зарытъ въ землю,—потомъ открыла ворота и начала осыпать своего мужа упреками и бранью, не давая ему даже войти на дворъ.

— Все то ты слоняешься безъ всякаго толку, безпечный ты и глупый человѣкъ! Вмѣсто того, чтобы подумать о домѣ и заработать копѣйку, ты только гуляешь да отлыниваешь отъ дѣла. А я, больная женщина, и днемъ и ночью должна сидѣть за пряжей и выматывать себѣ руки, чтобы сколотить хоть на масло для ночника въ нашей избушкѣ. Тутъ поневолѣ позавидуешь сосѣдкѣ Дафнѣ, которая съ утра сыта и пьяна, и знай только забавляется съ своими любовниками.

— Да что съ тобой?—отвѣчалъ ей сбитый съ толку мужъ.— Правда, мой заказчикъ, занятый какимъ то другимъ дѣломъ, сдѣлалъ мнѣ на сегодня праздникъ, но объ обѣдѣ-то я позаботился и кое что промыслилъ.—Нашъ пустой чанъ только даромъ занимаетъ на дворѣ мѣсто, только стѣсняетъ насъ и теперь ни на что уже не годится. Я продалъ его за пять динаріевъ одному человѣку, который сейчасъ придетъ къ намъ, чтобы заплатить деньги и унести съ собою свою покупку. Помоги-ка мнѣ поскорѣе вырыть чанъ и отдать его покупателю.

[1]). Фабулой этого разсказа пользовались—Боккаччіо, Decamerone, giorn. VII, nov. II. и Ла-Фонтенъ, Contes, tome II. Le Cuvier.

А жена уже успѣла придумать, какъ ей вывернуться изъ бѣды, и расхохоталась во всю мочь.

— Вотъ,—кричала она,—какой у меня умный муженекъ! Какой онъ ловкій торговецъ! Онъ на рынкѣ продаетъ за пять динаріевъ то, что я, не выходя изъ дому, продала за семь!..

— Гдѣ же,—спросилъ мужъ, въ высшей степени довольный, что чанъ удалось продать дороже,—гдѣ же покупатель, который предлагаетъ за него такія деньги?

— Вотъ дуракъ то! Еще спрашиваетъ, гдѣ? Конечно, спустился въ чанъ, чтобы хорошенько узнать, насколько онъ проченъ.

Любовникъ не пропустилъ мимо ушей этихъ словъ и смѣло высунулся изъ бочки.

— Послушай-ка, матушка,—закричалъ онъ изъ бочки.—Сказать правду, чанъ то у тебя довольно старъ,—щелей тутъ сколько угодно.

— А ты, молодчикъ, не знаю, кто ты здѣсь будешь, подай-ка мнѣ поскорѣе свѣчу,—сказалъ онъ, лукаво обращаясь къ мужу.—Надо отскоблить отъ досокъ грязь и хорошенько посмотрѣть, годится ли онъ мнѣ. Вѣдь денежки то и мнѣ достаются не даромъ.

Мужъ, ничего не подозрѣвая, со всѣхъ ногъ бросился домой и скоро принесъ оттуда зажженную свѣчу.

— Вылѣзай-ка, милый человѣкъ, изъ бочки,—говорилъ онъ,—а я тѣмъ временемъ почищу ее и потомъ уже покажу тебѣ.

Съ этими словами онъ раздѣлся, взялъ съ собою свѣчу, забрался въ бочку и сталъ счищать съ гнилыхъ досокъ грязь и плѣсень. А любовникъ, человѣкъ очень предпріимчивый, не упуская удобнаго случая, нагнулъ его жену на край бочки, прислонился самъ и занялся своимъ дѣломъ. Та, опустивъ голову въ бочку, съ хитростью женщины, опытной въ такихъ продѣлкахъ, очень забавно издѣвалась надъ мужемъ. Она пальцемъ показывала ему, что надо почистить.

— Вотъ это, вотъ то, вотъ тамъ, вотъ здѣсь, вотъ сюда, вотъ туда,—кричала она ему, пока, наконецъ, дѣло не было кончено.

Осмѣянный мужъ, получивъ семь динаріевъ и обязавшись доставить чанъ на домъ къ любовнику своей жены, взвалилъ себѣ на спину тяжелую кадку.—

Мы пробыли здѣсь еще нѣсколько дней. Благочестивые жрецы собрали и здѣсь щедрую дань за свои предсказанія: подачки и милостыня шли къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Но имъ этого было мало и они придумали новый способъ выманивать деньги. Они придумали одинъ отвѣтъ на всѣ возможные случаи. Съ чѣмъ бы кто къ нимъ ни обращался, они всѣмъ, довольно темно и неопредѣленно, отвѣчали одно и то же, пустивъ въ ходъ такое предсказаніе.

— Запряженные быки поднимаютъ пашню, чтобы въ будущемъ созрѣла счастливая жатва.

Если кто нибудь собирался жениться и обращался къ нимъ за совѣтомъ, они отвѣчали ему этими словами, толкуя ихъ такъ, что жениться надо и бракъ обѣщаетъ много дѣтей. Тому, кто хотѣлъ купить имѣніе, они отвѣчали тоже самое и говорили, что имѣніе дастъ ему и быковъ, и много скота, и урожайное поле, и счастливую жатву. Кто спрашивалъ совѣта о задуманномъ путешествіи, они опять повторяли свое предсказаніе и говорили, что для путешествія уже впряжены самыя скромныя и тихія животныя, что предпріятіе обѣщаетъ большія выгоды и барыши. Если кто нибудь думалъ идти на войну или пуститься въ погоню за ворами и разбойниками и спрашивалъ у жрецовъ, ждать или нѣтъ удачи въ этомъ походѣ,—жрецы смѣло и увѣренно предсказывали ему полную побѣду, такъ какъ онъ согнетъ шеи своихъ враговъ подъ иго и получитъ богатую добычу послѣ побѣды.

Это двусмысленное и уклончивое предсказаніе принесло имъ не мало денегъ.

Но имъ, наконецъ, надоѣло давать одинъ и тотъ же отвѣтъ

на всѣ вопросы и они рѣшили идти дальше. Цѣлую ночь мы шли по какой то отвратительной дорогѣ. Вездѣ были выбоины, ухабы, глубокіе провалы; часто приходилось идти по тинистымъ болотамъ и скользить по глубокой и жидкой грязи. Я часто спотыкался и падалъ, попортилъ себѣ ноги и едва едва, съ необыкновенными усиліями, выбрался на какую то полевую дорожку.

Вдругъ на насъ налетѣлъ отрядъ вооруженныхъ всадниковъ. Съ трудомъ сдерживая разгоряченныхъ коней, они подскакали къ Филебу и его товарищамъ, схватили жрецовъ за горло, называли ихъ нечестивыми обманщиками и святотатцами, крѣпко исколотили всѣхъ, всѣхъ связали веревками и, съ бранью и ругательствами, стали требовать отъ нихъ золотую чашу.

— Отдайте намъ, — кричали они, — поскорѣе отдайте золотую чашу. Подъ предлогомъ торжественнаго обряда, который будто бы надо совершать тайно, вы ее украли съ подушки матери боговъ. Вы надѣялись избѣжать наказанія за свое преступленіе, крадучись отъ всѣхъ, до разсвѣта выбрались за городскія ворота и ночью пустились въ бѣгство.

Одинъ изъ всадниковъ сошелъ съ коня, подошелъ ко мнѣ, сталъ шарить подъ одеждами сирійской богини, которую я везъ, нашелъ, наконецъ, похищенную чашу и показалъ ее всѣмъ присутствующимъ. Но даже разоблаченіе такого гнуснаго преступленія не могло смутить и испугать этихъ нечестивыхъ обманщиковъ. Съ наглымъ смѣхомъ они пробовали отшутиться отъ этого обвиненія.

— Мы не заслужили такой жестокости, — говорили они. — Можно ли обвинять столько невинныхъ людей за какую то золотую чашу, которую мать боговъ въ качествѣ гостинца подарила своей сестрѣ, сирійской богинѣ? И за это насъ обвиняютъ въ оскорбленіи религіи, хотятъ подвергнуть уголовной отвѣтственности?!

Но всѣ эти рѣчи ни къ чему не повели. Преслѣдователи схватили ихъ, погнали назадъ и всѣхъ заключили въ тюрьму. Золотую чашу и статую сирійской богини посвятили богамъ и

отдали въ одинъ изъ храмовъ, а меня на слѣдующій день снова вывели на рынокъ.

Глашатай снова сталъ зазывать покупателей. Какой то мельникъ изъ ближайшаго мѣстечка предложилъ за меня цѣну на семь динаріевъ выше той, за которую купилъ меня Филебъ. Меня продали. Мельникъ нагрузилъ меня зерномъ, которое онъ купилъ въ городѣ и по крутой дорогѣ, заросшей травою и мелкимъ кустарникомъ, погналъ на свою мельницу. Тамъ я увидѣлъ въ упряжи много ословъ и лошадей. Они вертѣли огромные и тяжелые жернова мельницы. Работа шла не только днемъ. Даже ночью они должны были превращать зерно въ муку и безостановочно вертѣть тяжелые камни.

Чтобы не сразу запугать меня видомъ этой тяжелой работы, мой новый хозяинъ поставилъ меня въ удобное стойло и щедро задалъ мнѣ корму. Онъ оставилъ меня въ покоѣ и на слѣдующій день и накормилъ такъ же сытно. На этомъ и кончились мои праздники. На третій день рано утромъ меня поставили къ одной мельницѣ, которая, повидимому, была больше всѣхъ. Мнѣ закрыли глаза и хотѣли гонять по круглой, давно протоптанной дорожкѣ, чтобы сбить меня съ толку, заставить все время ходить по неширокому кругу, всегда по своимъ собственнымъ слѣдамъ и думать, будто безостановочно идешь впередъ. Но я не сталъ еще круглымъ дуракомъ и не отвыкъ отъ своей врожденной хитрости. Мнѣ казалось, что, по обстоятельствамъ дѣла, лучше всего притвориться совсѣмъ неспособнымъ къ этой новой работѣ. Правда, когда я былъ еще человѣкомъ, мнѣ часто приходилось видѣть, какъ эти мельницы приводятся въ движеніе. Но я притворился, что совсѣмъ не гожусь для этой работы, ничего въ ней не понимаю и со всѣми признаками удивленія, какъ вкопанный остановился на мѣстѣ. Я думалъ, что меня, какъ малоспособнаго и почти безполезнаго для этой тяжелой работы, приставятъ къ какому нибудь дѣлу полегче или же совсѣмъ освободятъ отъ всякихъ трудовъ и станутъ кормить.

Но напрасно я пускался на эти хитрости. Онѣ къ добру не привели. Съ лопатами въ рукахъ меня со всѣхъ сторонъ окружила толпа рабочихъ. Я ничего не подозрѣвалъ и вовсе уже не ждалъ себѣ бѣды, потому что у меня были закрыты глаза. И вдругъ кто то далъ знакъ,—со всѣхъ сторонъ раздался громкій крикъ, со всѣхъ сторонъ на меня посыпались палочные удары. Все это произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что, отбросивъ въ сторону всѣ свои хитрости, я что есть духу бросился впередъ, такъ что весь запутался въ надѣтую на меня веревку. Эта перемѣна во мнѣ произошла такъ скоро и рѣзко, что вызвала всеобщій хохотъ.

Работать пришлось долго. Я уже совсѣмъ выбивался изъ силъ, когда съ меня сняли, наконецъ, веревочную сбрую, отвязали отъ ремня мельницы и привязали къ стойлу. Я былъ очень утомленъ, нуждался въ полномъ отдыхѣ и покоѣ, почти умиралъ съ голоду, но и въ эту минуту, по своей природной любознательности забывая даже о пищѣ, я не безъ удовольствія сталъ размышлять о своей новой дѣятельности и о порядкахъ на мельницѣ.

Великіе боги, что тамъ были за люди! По всей кожѣ у нихъ были видны синебагровые кровоподтеки; рваныя лохмотья не закрывали, а только пачкали спину и члены; у нѣкоторыхъ только у живота болтались какіе то грязные лоскутки, рѣшительно у всѣхъ сквозь рубище и дыры сквозило голое тѣло. Клейма на лбу, голова, обритая на половину, на ногахъ кольца отъ цѣпей! Мертвенно-блѣдныя лица, слабое и скверное зрѣніе, красныя вѣки, воспаленныя въ постоянномъ полумракѣ, гдѣ, какъ какой то чадъ или дымъ, всегда стояла тонкая пыль отъ муки. Эта грязно-бѣлая пыль покрывала у нихъ лицо и одежду, такъ что они напоминали гладіаторовъ, которые, готовясь къ борьбѣ, натерли себѣ пескомъ все тѣло.

А что мнѣ сказать о своихъ сотоварищахъ-животныхъ? Какъ описать мнѣ ихъ? Тамъ были дряхлыя клячи и старые мулы, у которыхъ была стерта вся шерсть и шкура. Опустивъ около

стойла головы, они пожирали вороха соломы; на шеѣ гнойныя и гнилыя язвы; отъ постояннаго кашля и хрипѣнія ноздри воспалены и широко раздуты; отъ веревочнаго каната грудь и холка стерты; отъ постоянныхъ палочныхъ ударовъ лопатки обнажены до костей; копыта отъ постоянныхъ порѣзовъ оставляютъ за собою грязный кровавый слѣдъ; отъ старыхъ ранъ и коросты кожа стала жестка и груба.

Эта рабочая артель наводила меня на самыя мрачныя думы. Я думалъ о своей участи и вспоминалъ прежнее счастіе Люція. Доведенный до послѣдней крайности, я жалобно и тоскливо повѣсилъ голову.

И могло ли быть для меня въ этомъ бѣдственномъ положеніи другое утѣшеніе, кромѣ того, что и здѣсь было много пищи для моего врожденнаго любопытства? Всѣ, нисколько не стѣсняясь, всегда говорили и дѣлали все, что имъ хотѣлось, не обращая никакого вниманія на то, что я все вижу и все слышу.

Да, глубоко былъ правъ вдохновенный поэтъ, рапсодъ старой Греціи, который, прославляя необыкновенную мудрость своего любимаго героя, говорилъ, что только путешествія по разнымъ мѣстностямъ и знакомство съ различными народами дало ему удивительную прозорливость и рѣдкую силу ума! Я сердечно благодарилъ судьбу за то, что она дала мнѣ ослиную наружность. Скрываясь подъ оболочкою осла, я испыталъ въ своей жизни столько всякихъ перемѣнъ, что, если и не сталъ истиннымъ мудрецомъ, то во всякомъ случаѣ пріобрѣлъ глубокое знаніе людей и жизни.

Вотъ вамъ плодъ моихъ наблюденій,—одна очень интересная исторія. Она сложилась такъ мило и забавно, что я не могу удержаться, чтобы не разсказать ее вамъ. Начинаю.

Мельникъ, который купилъ меня для своей мельницы, человѣкъ очень добрый и удивительно скромный, по волѣ судьбы былъ женатъ на худшей и негоднѣйшей женщинѣ въ мірѣ и много натерпѣлся отъ нея всякаго горя, какъ въ своемъ хозяйствѣ, такъ и въ своей спальнѣ. Я, клянусь Геркулесомъ, часто

жалѣлъ его отъ всего сердца. Не было ни одного порока, котораго не нашлось бы въ сердцѣ этой гнусной женщины. Всѣ преступленія сливались въ ея грудь, какъ въ какую то помойную яму. Это была лукавая, свирѣпая, вѣчно пьяная, упрямая, готовая на любое воровство, мотовка, когда дѣло касалось постыдныхъ и гнусныхъ расходовъ. Она поклялась въ непримиримой ненависти ко всему, что называется стыдливостью и женскимъ цѣломудріемъ. Она глубоко презирала великихъ боговъ и всегда была готова оскорбить ихъ. Кощунственно отвергая истинныхъ боговъ, она святотатственно признавала какого то своего бога и думала, что онъ—только одинъ. Она всѣхъ и каждаго обманывала своимъ притворствомъ и своею хитростью, а бѣднаго мужа умѣла провести на каждомъ шагу, съ утра до ночи предаваясь безпросыпному пьянству и неугомонному распутству. Эта женщина почему то сразу же меня не взлюбила. Еще лежа въ постели, до свѣта, она отдавала распоряженіе, чтобы новаго осла запрягали на работу по мельницѣ. А какъ только она соскочитъ съ кровати, такъ и идетъ ко мнѣ и настойчиво требуетъ, чтобы у ней на глазахъ меня колотили какъ можно сильнѣе. Когда наступало время завтрака, когда другихъ животныхъ начинали распрягать, она распоряжалась, чтобы меня ставили къ стойлу послѣднимъ. Эта жестокость побуждала меня еще съ большимъ любопытствомъ изучать ея привычки и характеръ.

До меня дошли слухи, что въ ея спальню каждый день ходитъ какой то молодой человѣкъ. Мнѣ очень хотѣлось какъ нибудь посмотрѣть, что онъ такое изъ себя представляетъ и я, конечно, сдѣлалъ бы это, если бы покрышка на глазахъ оставляла сколько нибудь воли моему зрѣнію. Но у меня все таки хватило достаточно ловкости, чтобы внимательно наблюдать пороки негодной женщины.

При ней безотлучно, съ утра до ночи, находилась одна старуха, извѣстная сводня и большая охотница устраивать всякія шашни. Каждый день у нихъ начинался съ сытнаго завтрака, при чемъ

обѣ женщины усердно пили здоровье другъ друга. Здѣсь онѣ сообща составляли хитрые планы, чтобы какъ можно чаще обманывать несчастнаго мужа.

Я, конечно, былъ очень сердитъ на Фотиду за то, что она по разсѣянности сдѣлала меня осломъ, а не птицей. Но и въ этомъ прискорбномъ безобразіи была своя хорошая сторона. Ея ошибка снабдила меня огромными ушами, такъ что я могъ прекрасно слышать все, что говорятъ, хотя бы говорили очень далеко и очень тихо.

Однажды мнѣ удалось подслушать такія рѣчи скверной старушонки.

— Ну, милая госпожа, вѣдайся съ этимъ любовникомъ, какъ сама знаешь. Ты сама его выбрала, выбрала по своему вкусу и не захотѣла посовѣтоваться со мною. А ужъ что это за трусишка и рохля! Стоитъ твоему гадкому и скверному мужу нахмурить брови, чтобы онъ самымъ позорнымъ образомъ испугался. Вижу я, что по своей вялости и робости онъ только дразнитъ и мучитъ твои пылкія чувства. То ли дѣло Филезіетеръ! Молодецъ, красавецъ, соритъ деньгами, не знаетъ устали, ничего не боится, ловко проводитъ самыхъ ревнивыхъ и бдительныхъ мужей! Клянусь Геркулесомъ, онъ вполнѣ достоинъ благосклонности любой замужней женщины! Только онъ достоинъ носить на головѣ золотой вѣнокъ,—хотя бы за одно только то, что недавно съ удивительною находчивостью продѣлалъ съ однимъ ревнивымъ мужемъ. Послушай-ка, что я тебѣ про него разскажу, и сравни, кто изъ нихъ лучше, — твой любовникъ или этотъ Филезіетеръ. Не знаешь ли ты Варвара, декуріона въ нашемъ городѣ, котораго въ народѣ за суровость нрава прозвали Скорпіономъ?— Онъ страшно ревнивъ и во всѣ глаза смотритъ за своею молоденькою женою, которой всегда приходится сидѣть взаперти?

— Какъ мнѣ его не знать! — живо и быстро откликнулась мельничиха.—Отлично знаю. Его жена, Арета, моя подруга по школѣ.

— Такъ, что ты знаешь и то, что вышло у нихъ въ домѣ съ Филезіетеромъ?—спросилъ старуха.

— Совсѣмъ ничего не знаю, совсѣмъ ничего,—отвѣтила мельничиха.—А если бы ты знала, какъ мнѣ хочется это знать! Милочка, будь добренькой, разскажи мнѣ все, что ты знаешь объ этомъ,—все, со всѣми подробностями.

Болтливую безстыдницу не пришлось долго упрашивать. Она охотно начала свой разсказъ.

— Варвару надо было на нѣкоторое время уѣхать изъ города. Передъ отъѣздомъ ему очень хотѣлось покрѣпче оградить вѣрность своей жены отъ всякихъ соблазновъ и искушеній. Онъ позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ старыхъ слугъ, Мирмекса, который былъ особенно ему преданъ, и по секрету поручилъ ему во всѣ глаза смотрѣть за своей госпожей и ни на шагъ отъ нея не отходить. Строго настрого онъ наказалъ ему слѣдить, чтобы никто на свѣтѣ, даже мимоходомъ, не посмѣлъ хоть пальцемъ дотронуться до его госпожи. За оплошность онъ грозилъ на всю жизнь посадить Мирмекса въ тюрьму, забить его въ кандалы, уморить голодною смертью или лишить жизни какимъ нибудь другимъ способомъ. Онъ потребовалъ, чтобы Мирмексъ всѣми богами поклялся предъ нимъ вѣрно и точно исполнить это порученіе. Угрозы привели Мирмекса въ настоящій ужасъ. Онъ далъ клятву, что будетъ неотлучно при своей госпожѣ и ни на минуту не спустить съ нея глазъ. Варваръ успокоился и отправился въ путь.

Мирмексъ, боясь за свою шкуру, устроилъ за госпожею неусыпный надзоръ, никогда не позволялъ ей выходить изъ дому, вѣчно сидѣлъ въ ея комнатѣ и держалъ ее какъ въ тюрьмѣ. Онъ не могъ только отказать ей по вечерамъ ходить въ баню, но и тутъ не отставалъ отъ нея ни на шагъ, шелъ съ нею бокъ-о-бокъ, держась за складки ея одежды. Вообще онъ добросовѣстно и честно оберегалъ цѣлость и спокойствіе провинціи, довѣренной его административнымъ способностямъ.

Но красота благородной матроны не могла укрыться отъ зоркихъ и пламенныхъ взглядовъ Филезіетера. Прославленное цѣломудріе благородной женщины и необыкновенно строгій надзоръ за нею—только больше разжигали его страсть и будили его предпріимчивость. Онъ былъ готовъ на что угодно, чтобы только проникнуть, чего бы это ни стоило, въ крѣпость, которую стерегли такъ зорко. Онъ зналъ, насколько ненадежна людская честность,—зналъ, что при деньгахъ нѣтъ трудностей, что золото пробьетъ какія угодно крѣпкія стѣны,—и построилъ свой планъ на этомъ. Какъ то ему удалось встрѣтиться съ Мирмексомъ и поговорить съ нимъ съ глазу на глазъ. Онъ сказалъ вѣрному приставнику, что влюбленъ въ его госпожу, со слезами на глазахъ умолялъ его оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ и увѣрялъ, что непремѣнно покончитъ съ собою, если въ скоромъ времени не будетъ обладать предметомъ своей страсти. Онъ говорилъ, что въ этомъ случаѣ Мирмексъ ничѣмъ не рискуетъ, что дѣло устроить очень легко, что онъ придетъ къ нимъ въ домъ поздно, подъ покровомъ темной ночи, и въ любую минуту будетъ имѣть возможность незамѣтно скрыться изъ дому. Не довольствуясь этими рѣчами, онъ пустилъ въ дѣло самый могучій рычагъ, который могъ до основанія поколебать даже упрямство вѣрнаго Мирмекса. Онъ протянулъ ему свою руку. На ней лежали тяжелыя новенькія золотыя монеты и сверкали необыкновеннымъ блескомъ. Двадцать изъ нихъ онъ обѣщалъ дать благородной матронѣ, десять — ея сторожу.

Мирмексъ пришелъ въ ужасъ отъ этого преступнаго предложенія. Онъ обѣими руками заткнулъ себѣ уши и во всю прыть пустился бѣжать отъ соблазна. Но онъ никуда не могъ скрыться отъ чуднаго блеска золота, которое даже дома такъ и сверкало передъ его глазами. Онъ бѣжалъ во весь духъ, пробѣжалъ много мѣста, спрятался въ домѣ,—а золотыя монеты такъ и искрились, такъ и свѣтились у него въ головѣ.

Ему иногда казалось, что деньги уже у него въ карманѣ, и ему хотѣлось считать и пересчитывать ихъ снова. Мысли бѣднаго сторожа разбрелись во всѣ стороны: онъ то рѣшается, то боится,

не знаетъ за что взяться и, сбитый съ толку, волнуется до глубины души. Съ одной стороны — вѣрность, съ другой — доходъ; здѣсь — тюрьма и пытки, тамъ—золото. Въ концѣ концовъ золото стало понемногу переселивать страхъ смерти.

Время шло, а жадность на соблазнительныя деньги не проходила. Ядовитая зависть отравила даже ночныя думы и заботы. Угрозы хозяина удерживаютъ дома, мечты о золотѣ гонятъ за ворота. И вотъ, откинувъ всякія колебанія и стыдъ, онъ идетъ къ своей госпожѣ и передаетъ ей все, что говорилъ ему Филезіетеръ. Благородная женщина,—какъ и всѣ, постоянная только въ своемъ непостоянствѣ,—безъ раздумья приноситъ свою скромность въ жертву презрѣнному металлу.

Мирмексъ пришелъ въ восторгъ. Онъ уже ни во что не ставитъ честность и вѣрность своему хозяину, жадно хочетъ, если не положить къ себѣ въ карманъ, то хоть подержаться за деньги, которыя онъ видѣлъ на свою погибель,—бѣгомъ бѣжитъ къ Филезіетеру, съ необыкновеннымъ удовольствіемъ увѣряетъ ловкаго молодого человѣка, будто ему съ большимъ трудомъ удалось уломать свою госпожу исполнить желаніе ея поклонника, и тотчасъ же требуетъ себѣ условленную плату. И вотъ въ рукѣ Мирмекса, гдѣ никогда не бывало и мѣдныхъ денегъ, лежатъ золотыя монеты!

Настала ночь. Филезіетеръ съ головою закутался въ плащъ. Мирмексъ показываетъ ему дорогу, впускаетъ въ домъ и провожаетъ предпріимчиваго любовника до самой спальни своей госпожи.

Но только что въ первыхъ объятіяхъ начались веселыя битвы Амура, только что новые воины пустились въ первый походъ Венеры,—неожиданно, какъ снѣгъ на голову, у воротъ появился Варваръ. Онъ, пользуясь темнотою ночи, пришелъ незамѣтно. Слышно, какъ онъ стучитъ въ двери своего дома, какъ нетерпѣливо кричитъ и камнемъ бьетъ въ ворота. Варваръ, видя, что ему такъ долго не отворяютъ, начинаетъ что то подозрѣвать и грозитъ подвергнуть Мирмекса самому суровому наказанію. А

тотъ отъ неожиданности и ужаса совсѣмъ потерялъ голову, не знаетъ, что ему дѣлать и, подбѣжавъ къ воротамъ, говоритъ, что ночь слишкомъ темна, что ему никакъ не найти ключа, который съ вечера онъ спряталъ куда то очень далеко. Тѣмъ временемъ Филезіетеръ, услышавъ шумъ, наскоро накидываетъ на себя тунику, но въ торопяхъ и суматохѣ забываетъ одѣть туфли и босой выбѣгаетъ изъ спальни.

Мирмексъ вытащилъ, наконецъ, засовъ изъ задвижки, открылъ ворота и впустилъ хозяина, который не переставалъ кричать и браниться. Войдя въ домъ, Варваръ прежде всего со всѣхъ ногъ кинулся въ комнату своей жены, а Мирмексъ тѣмъ временемъ потихоньку выпустилъ Филезіетера за ворота. Тотъ быстро шмыгнулъ на улицу. Мирмексъ заперъ дверь, успокоился и снова завалился спать.

Варваръ, проснувшись, заглянулъ подъ кровать и увидѣлъ тамъ чьи то чужія туфли,—туфли Филезіетера, который въ торопяхъ оставилъ ихъ въ чужой спальнѣ. Этого ему было довольно, чтобы понять, что тутъ было безъ него ночью. Ни женѣ, ни кому изъ своихъ домашнихъ онъ не сказалъ ни слова, поднялъ туфли, потихоньку спряталъ ихъ за пазуху, приказалъ слугамъ связать Мермекса и вести его на форумъ. Самъ онъ что то ворчитъ про себя, издаетъ какіе то неясные звуки, спѣшно идетъ на форумъ и надѣется, что съ помощью туфлей скоро нападетъ на слѣдъ дерзкаго прелюбодѣя. Идетъ онъ по улицамъ города—сердитый, съ нахмуренными бровями, съ мрачнымъ и злымъ лицомъ, а передъ нимъ въ цѣпяхъ ведутъ Мирмекса. Правда, вѣрный рабъ не былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, но нечистая совѣсть подсказывала ему, что дѣло неладно. И онъ старался горькими слезами и жалобными причитаніями вызвать къ себѣ состраданіе, хотя расчитывать на него ему было трудно.

Въ это время на встрѣчу имъ попался Филезіетеръ, который куда то торопился—совсѣмъ по другому дѣлу. Эта встрѣча его на минуту смутила, но вовсе не испугала. Онъ вспомнилъ, что

засуетившись онъ вчера позабылъ въ домѣ Варвара свои туфли, и сразу же смекнулъ, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ понялъ, что рабъ его не выдалъ и на него можно положиться. Растолкавъ другихъ слугъ, онъ съ крикомъ и бранью набрасывается ва бѣднаго Мирмекса, бьетъ его кулаками по щекамъ, стараясь дѣлать это не слишкомъ больно, и при всѣхъ осыпаетъ его упреками.

— Вотъ ты гдѣ, негодная твоя и воровская голова! Пусть въ конецъ погубятъ тебя, безстыдникъ, и твой господинъ и всѣ небожители, которыхъ ты такъ дерзко и съ клятвами призываешь въ свидѣтели своей невинности! Вѣдь это ты укралъ вчера въ банѣ мои туфли! По дѣломъ, клянусь Геркулесомъ, на тебя одѣли эти оковы! Да этого тебѣ еще мало. Тебя надо еще запереть хорошенько въ тюрьму...

Эта ловкая и остроумная ложь находчиваго молодого человѣка сдѣлала свое дѣло. Варваръ сталъ довѣрчивѣе, отбросилъ свои прежнія сомнѣнія въ сторону, вернулся домой, позвалъ къ себѣ Мирмекса, отъ души простилъ ему свое безпокойство, отдалъ туфли и посовѣтовалъ возвратить ихъ тому господину, у котораго онѣ были украдены.—

Такъ плела свои басни старуха.

— Вотъ счастливая то!—съ завистью заговорила мельничиха.— Это большое счастіе имѣть такого смѣлаго и находчиваго любовника! А я, бѣдная, живу съ такимъ увальнемъ и рохлей, котораго пугаетъ даже шумъ мельницы, который боится даже слѣпой морды этого паршиваго осла.

— Погоди немного, голубушка,—отвѣчала на это хитрая старушонка,—я ужо съ нимъ поговорю и, надѣюсь, сегодня же приведу къ тебѣ этого смѣлаго и ловкаго молодого человѣка.

Старуха дала слово, что вечеромъ придетъ къ мельничихѣ и приведетъ ей хваленаго любовника, и ушла.

Вѣрная жена [1]) своего мужа готовитъ къ вечеру истинно салійскій обѣдъ, сама процѣживаетъ дорогія вина, сама все стряпаетъ, варитъ и жаритъ, роскошно и красиво убираетъ столъ и ждетъ къ себѣ своего любовника, какъ какого то бога.

[1]) Сюжетомъ двухъ слѣдующихъ разсказовъ воспользовался Боккаччіо въ Decamer. gioru. V. nov. X.

На ея счастье мужъ въ этотъ день обѣдалъ не дома. Его пригласилъ къ себѣ сосѣдъ по дому, одинъ валяльщикъ.

Въ полдень меня отвязали отъ мельничной веревки и повели кормить. Но, клянусь Геркулесомъ, я не столько радовался тому, что могу отдохнуть и подкрѣпить свои силы, сколько тому, что съ моихъ глазъ сняли повязку и я свободно могу видѣть всѣ продѣлки этой преступной женщины.

Солнце уже закатилось за край океана и озаряло подземныя страны, когда появилась негодная сводня съ молодымъ человѣкомъ, безразсуднымъ соблазнителемъ чужихъ женъ. Онъ былъ очень молодъ и очень красивъ. Яркій румянецъ еще горѣлъ на его щекахъ и все еще соблазнялъ любовниковъ. При встрѣчѣ съ нимъ мельничиха сперва долго и сладко его цѣловала, потомъ повела къ роскошно убранному столу.

Только что юноша коснулся своими губами до перваго привѣтственнаго бокала, только что онъ хотѣлъ проглотить первый кусокъ вкусной закуски,—у дверей показался мельникъ. Ему пришлось вернуться домой гораздо раньше, чѣмъ онъ думалъ. Вѣрная жена разразилась по этому поводу цѣлымъ потокомъ отборной брани, сердечно пожелала, чтобы онъ сломалъ себѣ ноги и провалился сквозь землю, потомъ спрятала своего любовника, который поблѣднѣлъ и дрожалъ отъ страха, подъ большой деревянный ящикъ. Этотъ ящикъ, въ которомъ просѣвали зерно, случайно стоялъ въ этой комнатѣ.

Съ своею обычною хитростью и лукавствомъ мельничиха скрыла слѣды своего преступленія и, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно встрѣтила своего мужа, спросила его, отчего онъ вернулся такъ рано и почему такъ скоро оставилъ пиръ привѣтливаго и милаго сосѣда.

Мельникъ былъ видимо разстроенъ. Онъ часто и глубоко вздыхалъ.

— Не могъ я,—сказалъ онъ наконецъ,—не могъ смотрѣть на гнусныя и скверныя продѣлки его жены, совсѣмъ потерянной женщины, и убѣжалъ отъ нихъ домой. О, великіе боги, какая степенная матрона, какая вѣрная и разсудительная жена запятнала свою честь самымъ позорнымъ преступленіемъ! Призываю въ свидѣтели великую Цереру, что даже теперь я не могу вѣрить своимъ собственнымъ глазамъ,—не могу повѣрить, чтобы могла пасть такая женщина!

Слова мужа необыкновенно заинтересовали безстыдную мельничиху. Во что бы то ни стало, ей хотѣлось узнать, въ чемъ дѣло. Какъ съ ножемъ къ горлу, она пристала къ мужу съ просьбой разсказать ей во всѣхъ подробностяхъ, отъ начала и до конца, все, что случилось. Конечно, ей удалось настоять на своемъ и мужъ,—не зная, что творится дома у самого,—сталъ разсказывать, какой скандалъ вышелъ въ чужой семьѣ.

— Жена валяльщика, моего добраго пріятеля и сосѣда, по всему околотку славилась, какъ женщина рѣдкой вѣрности. Никто не сказалъ бы про нее ни одного дурного слова. Она скромно и разумно вела хозяйство, пока потихоньку не завела себѣ любовника. Ловко скрываясь отъ мужа, она въ его отсутствіе почти не выходила изъ объятій своего милаго дружка. Такъ было и сегодня. Она съ этимъ юношей отдавалась шалостямъ Венеры, когда мы съ валяльщикомъ изъ бани пришли къ нимъ на ужинъ. Испуганная нашимъ внезапнымъ появленіемъ, она все таки не растерялась, пустилась на хитрости и накрыла своего любовника большой плетеной корзиной. Эта корзина, сплетенная изъ длинныхъ прутьевъ, была довольно высока. Валяльщикъ развѣшивалъ на ней полотно и другія ткани, разводилъ подъ нею огонь, куда клалъ куски сѣры, и на сѣрномъ дымѣ бѣлилъ, что ему было надо.—Его женѣ, казалось, что она превосходно скрыла своего любовника и она спокойно сѣла съ нами за ужинъ. Между тѣмъ тяжелый и ѣдкій запахъ сѣры началъ дѣйствовать на молодаго человѣка. У него закружилась голова, онъ едва переводилъ духъ и сталъ часто и громко

чихать. Таково уже, конечно, свойство сѣры! Корзина стояла за спиной жены валяльщика. Думая, что это чихаетъ она, мужъ каждый разъ, какъ водится, говорилъ ей, «на здоровье»,—что ему пришлось дѣлать не разъ и не два, потому что чиханье повторялось почти каждую минуту. Наконецъ, это его удивило и у него явилась мысль, что здѣсь дѣло неладно. Онъ оттолкнулъ столъ, поднялъ корзину и вывелъ изъ подъ нея молодого человѣка, который часто и тяжело дышалъ. Чтобы отмстить за обиду, сосѣдъ хотѣлъ схватить мечъ и положить любовника своей жены на мѣстѣ. Онъ, конечно, не задумался бы покончить съ нимъ, если бы я не удержалъ этотъ гнѣвный порывъ,—что, впрочемъ, удалось мнѣ не безъ труда и не сразу. Я говорилъ ему, что это опасно для насъ обоихъ, что его врагъ и безъ нашей помощи скоро умретъ отъ гибельнаго дѣйствія сѣрныхъ испареній. На сосѣда подѣйствовали не столько мои слова, сколько самыя обстоятельства дѣла. Молодой человѣкъ дѣйствительно былъ на волосокъ отъ смерти. Сосѣдъ съ трудомъ отнесъ его въ ближайшій переулокъ, а я тѣмъ временемъ долго уговаривалъ и наконецъ уговорилъ его жену скрыться, пока что, изъ дому, уйти къ своей роднѣ или къ какой нибудь пріятельницѣ и тамъ до поры до времени переждать, пока не утихнетъ гнѣвъ оскорбленнаго мужа. Я не сомнѣвался, что въ этомъ состояніи ярости и бѣшенаго гнѣва онъ былъ способенъ сдѣлать что нибудь такое, что кончится печально и для него, и для его жены. Въ виду этого то я и поторопился уйти отъ своего пріятеля и побѣжалъ домой.

Дерзкая и безстыдная мельничиха не разъ прерывала разсказъ своего мужа крѣпкими словечками по адресу своей сосѣдки, говорила, что эта подлая и гнусная женщина—чистый позоръ для всего ихъ пола, что она осквернила чистоту и святость брачнаго ложа, что она превратила въ какой то лупанаръ скромный и приличный домъ мужа, что она не достойна теперь носить честное имя жены и вполнѣ заслужила позорную кличку проститутки.

— Такихъ женщинъ,—говорила она,—надо жечь на кострѣ живыми.

Но нечистая совѣсть подсказывала ей, что и за ней водится кое что довольно зазорное, что и ей грозитъ немалая опасность. Она уговаривала своего мужа поскорѣе идти спать и дѣлала все, чтобы освободить изъ подъ деревяннаго ящика своего припрятаннаго любовника, которому тамъ тоже было не очень сладко. Но мельникъ вышелъ изъ-за стола своего пріятеля совсѣмъ голоднымъ и поэтому ласково попросилъ ее собрать ему что нибудь закусить. Скрѣпя сердце, вѣрная жена исполнила желаніе своего мужа, хотя ей было больно не по душѣ угощать его тѣмъ, что было припасено про другого.

А у меня, признаюсь откровенно, скребло на сердцѣ, когда я думалъ о недавнемъ преступленіи и теперешнемъ нахальномъ притворствѣ этой безпутной женщины. Я долго ломалъ себѣ голову, какъ бы найти средство какъ нибудь обнаружить ея обманъ, открыть глаза довѣрчивому мужу и вывести на чистую воду того проходимца, который, какъ какая то черепаха, лежалъ подъ своимъ деревяннымъ панцыремъ. Надо было какъ нибудь сбросить съ него этотъ ящикъ. Я про себя долго терзался тѣмъ позоромъ, который выпалъ на долю моего хозяина. Наконецъ, на насъ милостиво воззрѣло божественное провидѣніе.

Хромой старикъ, которому былъ порученъ уходъ за нами, сталъ собирать скотину, чтобы всѣмъ стадомъ погнать къ ближайшему озеру, такъ какъ было уже время вести насъ на водопой. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы осуществить свой планъ. Проходя мимо ящика, я увидѣлъ, что пальцы нахальнаго прелюбодѣя выставились изъ подъ нижняго края его деревянной покрышки, подошелъ къ ящику поближе, изо всей силы стукнулъ его по пальцамъ и раздавилъ ихъ своимъ копытомъ. Отъ невыносимой боли тотъ закричалъ во всю глотку, приподнялъ и сбросилъ съ себя ящикъ и во всей красѣ предсталъ передъ мельникомъ, какъ живое доказательство чистоты и вѣрности его честной и цѣломудренной жены.

Мельникъ, повидимому, спокойно отнесся къ этому дѣлу, не разсердился на вѣроломство жены, ласково и кротко обошелся съ юношей, у котораго дрожали колѣни и лицо покрылось смертельною блѣдностью. Онъ пробовалъ даже успокоить и утѣшить молодого человѣка, котораго било какъ въ лихорадкѣ.

— Успокойся, сынъ мой,—кротко сказалъ ему мельникъ.—Я не сдѣлаю тебѣ ничего худого. Я вѣдь не варваръ, не деревенскій мужикъ съ его дикимъ и суровымъ нравомъ. Я не буду мучить тебя сѣрными испареніями подъ большой корзиной, какъ дѣлалъ это мой сосѣдъ, не выдамъ тебя суровымъ законамъ о прелюбодѣяхъ и не подвергну уголовной отвѣтственности. Зачѣмъ судиться съ такимъ молоденькимъ и хорошенькимъ мальчикомъ? Но и къ своей женѣ я отнесусь вполнѣ справедливо, какъ всегда дѣлалъ это и прежде. Я начну противъ нея искъ не по закону о наслѣдствѣ и не по закону о приданомъ, но по тому закону, что между мужемъ и женой все благопріобрѣтенное дѣлится поровну. Поэтому сегодня, безъ всякихъ споровъ и пререканій, мы всѣ трое ляжемъ на одну постель. До сихъ поръ мы съ женою жили дружно и согласно. Теперь намъ обоимъ понравилось одно и тоже. По ученію мудрыхъ, мы должны подѣлиться. Вѣдь было бы несправедливо, если бы жена имѣла больше правъ и привиллегій, чѣмъ мужъ.

Въ томъ же спокойномъ и кроткомъ духѣ мельникъ долго бесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ, потомъ, не обращая вниманія на его сопротивленіе, повелъ къ себѣ на ложе, съ другого бока положилъ свою цѣломудренную жену и одинъ забавлялся съ своею жертвою, наслаждаясь местью за оскорбленіе своего брачнаго ложа.

Когда же Фебъ на своей блестящей колесницѣ выѣхалъ на свою небесную дорогу, мельникъ позвалъ двухъ дюжихъ и крѣпкихъ работниковъ, велѣлъ поднять молодого проходимца на воздухъ и отпороть, не жалѣя розогъ.

— И ты,—поучалъ мельникъ,—молоденькій и нѣжный маль-

чишка, на розовыя щеки котораго заглядывается не мало любовниковъ, вздумалъ гоняться за замужними женщинами! Захотѣлъ волочиться, сбивать съ толку почтенныхъ женъ и заработать себѣ не особенно удобную извѣстность прелюбодѣя!

Такъ внушительно мельникъ училъ уму разуму молодого человѣка. Когда горячая порка была окончена, юношу выпустили за ворота. И этотъ предпріимчивый соблазнитель чужихъ женъ, прошмыгнувъ за порогъ и почувствовавъ себя на свободѣ, печально побѣжалъ по улицѣ, испытывая невыносимую боль тамъ, куда ему такъ крѣпко попало и ночью и днемъ.

Мельникъ, не думая долго, развелся съ своею женою и, не принимая никакихъ отговорокъ, выгналъ ее изъ дому. Но и это не подѣйствовало на ея грязную и преступную совѣсть. Ее злило и мучило, что пришлось носить на себѣ пятно позорнаго преступленія. Правда, она сознавала, что съ нею поступили вполнѣ справедливо, но это то именно больше всего и разжигало ея негодное сердце. Въ такомъ положеніи дѣла она пустилась на свои обычныя хитрости и уловки. Ей удалось гдѣ то найти старую колдунью, которая по слухамъ своими заклинаніями и готовностью на любое преступленіе могла сдѣлать что угодно. Слезно плачетъ она передъ этой вѣдьмой, суетъ ей дорогіе подарки и проситъ— или помирить съ мужемъ и заставить мельника снова принять ее въ домъ, или, если это невозможно, вызвать изъ адскихъ безднъ какое нибудь темное и гнѣвное божество, чтобы такъ или иначе подвергнуть ея мужа насильственной смерти.

Колдунья сначала пускаетъ въ ходъ самыя простыя и слабыя средства своего бѣсовскаго искусства, всячески пытается смягчить оскорбленное сердце позорно обманутаго мельника и возбудить въ немъ прежнюю любовь къ женѣ. Но это ей не удается. Тогда, боясь потерять обѣщанную награду, проклиная боговъ, которые презрѣли ея заклинанія и отказали ей въ помощи, она покушается на жизнь моего злополучнаго хозяина и для этого вызываетъ тѣнь какой то женщины, погибшей насильственною смертью.

Но, можетъ быть, недовѣрчивый читатель, ты думаешь, что я говорю неправду, и станешь съ сомнѣніемъ относиться къ моимъ словамъ.

— Откуда же,—можетъ быть, ты скажешь,—откуда-же ты, глупенькій оселъ, постоянно работая на мельницѣ, могъ узнать, что дѣлали эти женщины,—дѣлали, какъ ты самъ говоришь, потихоньку?

Выслушай же, какъ мнѣ удалось узнать, что затѣвали на погибель моего хозяина эти фуріи. Не забывай и того, что я отъ природы одаренъ большимъ любопытствомъ и сохранилъ это свойство и въ шкурѣ осла.

Около полудня на мельницѣ появилась какая то женщина, по виду настоящая злодѣйка, обезображенная слѣдами глубокой скорби на лицѣ, полуодѣтая въ жалкое рубище, съ голыми и тощими ногами, истощенная голодомъ, съ лицомъ изжелта блѣднымъ. Ея полусѣдые волосы были космами распущены по плечамъ. Они были грязны отъ густого слоя золы и закрывали почти все ея лицо. Эта женщина тихо подошла къ мельнику, ласково взяла его за руку, сдѣлала видъ, что хочетъ поговорить съ нимъ по секрету, увела его въ спальню и крѣпко заперла за собою двери. Тамъ она долго оставалась съ нимъ съ глазу на глазъ.

А тѣмъ временемъ зерно, которое было выдано на руки рабочимъ, все вышло. Надо было взять у хозяина новый запасъ. Работники подошли къ дверямъ запертой спальни, стали звать хозяина и говорили, что зерно смолото и дѣло остановилось. Но, сколько они ни кричали, никакого отвѣта имъ не было...

Тогда они стали во всю мочь стучаться къ нему въ комнату. Оказалось, что двери были заперты крѣпко-накрѣпко. Всѣ подумали, что тутъ что то не такъ, сорвали съ петлей дверь, сломали крѣпкій засовъ и вошли въ спальню. Никакой старухи тамъ не оказалось, а ихъ хозяинъ, затянувъ на шеѣ петлю, уже мертвый болтался на какомъ то бревнѣ. Его вынули изъ петли, пролили надъ его бездыханнымъ трупомъ обильныя слезы и, какъ водится

въ такихъ случаяхъ, обмыли его тѣло. Совершивъ всѣ необходимые обряды, мертваго мельника въ сопровожденіи большой толпы народа понесли хоронить и предали землѣ.

На слѣдующій день явилась его дочь. Она давно уже была выдана замужъ и жила по сосѣдству въ одномъ замкѣ. Печальная, съ распущенными волосами, она въ глубокой скорби сильно била себя въ грудь кулаками и оплакивала смерть своего отца. Она знала все, хотя никто изъ домашнихъ не извѣщалъ ее объ этомъ, что происходило за это время на мельницѣ. Во снѣ ей явилась тѣнь покойнаго отца—въ самомъ жалкомъ видѣ, съ петлей узловатой веревки на шеѣ. Тѣнь разсказала ей, какое преступленіе совершила ея мать, какъ она нарушила супружескую вѣрность, какъ затѣяла новое злодѣйское дѣло и какъ ея бѣдный отецъ прямо изъ рукъ привидѣнія отошелъ въ адскія области. Она плакала, не переставая ни на минуту, и только по настоятельной просьбѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ сдѣлала маленькій перерывъ.

Совершивъ на девятый день обычные обряды у могилы, она продала съ аукціона рабовъ, домашнюю утварь, весь скотъ и все свое наслѣдство. Прихотливыя случайности вольной продажи разбросали въ разныя стороны старыхъ слугъ разрушеннаго дома.

Меня купилъ какой то бѣдный садовникъ за 50 монетъ и, по его словамъ, далъ за меня слишкомъ дорого. Но онъ надѣялся, что мы вмѣстѣ съ нимъ какъ нибудь заработаемъ себѣ на хлѣбъ.

По ходу разсказа мнѣ необходимо указать здѣсь, въ чемъ состояла моя новая работа и какъ я проводилъ свой день.

Каждое утро, нагрузивъ меня всякими овощами, садовникъ велъ меня въ ближайшій городъ, продавалъ свой товаръ купцамъ, садился ко мнѣ на спину и возвращался домой. Пока онъ копалъ гряды, поливалъ зелень или занимался какой нибудь другой работой на своемъ огородѣ,—я былъ совсѣмъ свободенъ и наслаждался полнымъ покоемъ.

По неизмѣннымъ законамъ движенія небесныхъ свѣтилъ, годъ, совершая обычный кругъ своихъ мѣсяцевъ, послѣ веселаго сбора

винограда осенью, сталъ склоняться къ созвѣздію Козерога, къ зимнимъ заморозкамъ. Все время шли дожди, по ночамъ земля покрывалась инеемъ и мнѣ въ стойлѣ безъ крыши приходилось дрогнуть подъ открытымъ небомъ. Холодъ меня пробиралъ до костей, потому что мой хозяинъ былъ очень бѣденъ и не могъ ни для меня, ни для себя запасти сколько нибудь соломы или раздобыться чѣмъ нибудь другимъ, чтобы смастерить какую нибудь крышу. Впрочемъ, на его избушкѣ изъ вѣтокъ и сухихъ листьевъ была сдѣлана небольшая покрышка.

И, что хуже всего, мнѣ приходилось каждое утро голыми ногами ходить по холодной грязи, по кочкамъ, острымъ отъ мороза, и притомъ съ пустымъ желудкомъ, такъ какъ хозяинъ не давалъ мнѣ даже обычной пищи. У насъ обоихъ обѣдъ былъ одинъ и тотъ же, пожалуй, слишкомъ тонкій и малопитательный; это старый и невкусный латукъ, пущенный на сѣмена, который превращается въ жесткіе и твердые прутья и, загнивая, даетъ изъ себя грязный сокъ.

Какъ то разъ въ темную и безлунную ночь сбился съ дороги одинъ землевладѣлецъ изъ сосѣдней деревни недалеко отъ насъ. Его конь усталъ и ему волей неволей пришлось искать отдыха и пріюта у насъ на огородѣ. Его приняли, конечно, не слишкомъ роскошно, но радушно. Во всякомъ случаѣ онъ могъ у насъ отдохнуть. Уѣзжая отъ насъ, въ благодарность за гостепріимство, онъ обѣщалъ дать моему хозяину изъ своего помѣстья хлѣба, масла и два боченка вина.

Мой хозяинъ не заставилъ себя долго ждать, захватилъ съ собою мѣшокъ и пустые мѣхи, сѣлъ ко мнѣ на спину и отправился въ дорогу за 60 стадій. Кое какъ мы сдѣлали эту дорогу и добрались до своей цѣли. Ласковый хозяинъ пригласилъ садовника къ своему роскошному столу.

Гости вели мирную бесѣду, кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки и вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, случилось одно удивительное событіе. Одна изъ куръ, бѣгая по срединѣ комнаты, стала кудах-

тать такъ, какъ всегда клохчутъ куры, когда хотятъ снести яйцо Хозяинъ это замѣтилъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—добрая кура! Сколько уже лѣтъ она каждый день даетъ намъ яйцо на закуску. И теперь, какъ я вижу, она хочетъ порадовать насъ яичкомъ. Эй, мальчикъ, поставь ей корзину, какъ ты всегда это дѣлаешь, чтобы она могла усѣсться.

Мальчикъ сдѣлалъ все, что было приказано. Но на этотъ разъ курица не захотѣла, какъ всегда, сѣсть на корзину и, неожиданно для всѣхъ, облегчилась отъ бремени у самыхъ ногъ хозяина. То, что она родила, привело всѣхъ въ величайшее недоумѣніе. Это было не яйцо, какъ всегда бываетъ, а живой цыпленокъ—въ перьяхъ, съ лапками, съ открытыми глазами, съ тонкимъ голоскомъ. Цыпленокъ сразу же сталъ бѣгать за своею матерью.

Скоро на глазахъ у всѣхъ совершилось другое, еще болѣе удивительное чудо, которое всѣхъ привело въ ужасъ. Подъ самымъ столомъ, на которомъ стояли еще остатки ужина, земля вдругъ открылась и изъ разсѣлины брызнула большая и широкая струя крови. Брызги летѣли во всѣ стороны и падали даже на столъ...

Всѣ онѣмѣли отъ удивленія. Грозное предзнаменованіе свыше поразило ужасомъ всѣхъ. Пока гости сидѣли въ молчаливомъ смущеніи, изъ погреба прибѣжалъ кто то изъ прислуги и сказалъ, что вино во всѣхъ бочкахъ вдругъ сильно нагрѣлось и стало кипѣть, какъ будто подъ нимъ развели большой огонь.

Потомъ увидѣли маленькихъ горностаевъ, которые куда то тащили большую змѣю и по дорогѣ ее кусали. Изо рта собаки-овчарки вдругъ выскочила зеленая лягушка, а баранъ, который стоялъ недалеко отъ этого мѣста, бросился на собаку, вцѣпился въ нее зубами и задушилъ ее.

Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы повергнуть хозяина и его гостей въ неописуемое смущеніе. Никто не зналъ, что дѣлать, чего бояться и какія приносить жертвы, чтобы отвратить угрозы разгнѣванныхъ боговъ.

Всѣ въ тревогѣ и страхѣ ждали какого то особеннаго несчастія. Такъ и случилось. Изъ далекаго помѣстья прибѣжалъ одинъ изъ слугъ и сообщилъ послѣднія новости самаго печальнаго свойства.

У нашего хозяина, человѣка уважаемаго въ городѣ, было три сына. Юноши получили прекрасное образованіе и отличались сыновнею почтительностью. Они уже много лѣтъ были очень дружны съ однимъ небогатымъ человѣкомъ, который жилъ въ скромномъ домикѣ, неподалеку отъ нихъ. Сосѣдомъ этого пріятеля трехъ братьевъ былъ одинъ могущественный богачъ, человѣкъ еще молодой, который происходилъ изъ стараго и знатнаго рода, но имѣлъ дурныя наклонности и привычки. Ему принадлежали огромныя и очень доходныя поля въ этой области. Подъ рукой у этого богача была многочисленная и дерзкая дворня. Въ городѣ онъ, благодаря своему богатству, пользовался большимъ вліяніемъ и умѣлъ ловко обдѣлывать свои дѣла и тяжбы. Онъ почему то не взлюбилъ своего бѣднаго и скромнаго сосѣда, нападалъ на его усадьбу, убивалъ его домашнихъ животныхъ, угонялъ быковъ и истреблялъ его посѣвы и жатву, не давая имъ созрѣть. Такимъ образомъ онъ совсѣмъ его разорилъ и въ концѣ концовъ захотѣлъ отнять у него даже землю, затѣялъ съ нимъ споръ о межахъ и присвоилъ себѣ всю его земельную собственность.

Бѣдный молодой человѣкъ, скромный какъ всегда, разоренный алчнымъ сосѣдомъ, робко обращается къ своимъ друзьямъ и знакомымъ съ просьбою быть свидѣтелями по этому спору о границахъ, чтобы сохранить себѣ хоть часть отцовскаго наслѣдства,— хоть клочокъ родной земли для могилы. Въ числѣ другихъ онъ обратился и къ тремъ братьямъ, сыновьямъ нашего хозяина. Тѣ не отказались оказать своему другу посильную помощь въ несчастіи и взялись за это дѣло, какъ за свое.

Но грубый богачъ ничуть не испугался, даже нисколько не смутился, когда по этому дѣлу къ нему пришла толпа гражданъ. Онъ отнюдь не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній и во-

все не стѣснялся въ выраженіяхъ. Напрасно старались подѣйствовать на его жестокое сердце просьбами и увѣщаніями. Онъ божился и клялся своимъ спасеніемъ и спасеніемъ близкихъ родственниковъ, что ни во что не ставитъ посредничество толпы согражданъ, что велитъ своимъ слугамъ схватить сосѣда за волосы и далеко оттащить отъ его домика. Эти слова вызвали у всѣхъ присутствующихъ общее негодованіе.

Тогда одинъ изъ трехъ братьевъ выступилъ впередъ и довольно смѣло сказалъ, что напрасно гордый богачъ такъ много расчитываетъ на свое богатство и позволяетъ себѣ грозить насиліемъ, что и бѣдные, благодаря мудрому законодательству, могутъ найти себѣ законную защиту противъ дерзкихъ захватовъ могущественныхъ собственниковъ.

Эта рѣчь была для суроваго богача тѣмъ же, чѣмъ бываетъ масло для огня, сѣра для пожара и бичъ для фуріи. Отъ ярости онъ почти сошелъ съ ума, кричалъ, что пошлетъ на висѣлицу всѣхъ со всѣми ихъ законами. Потомъ онъ приказалъ спустить своихъ страшныхъ, свирѣпыхъ и косматыхъ собакъ-овчарокъ, которыя привыкли питаться падалью на поляхъ и бросаться на мирныхъ путешественниковъ.

Собакъ привели и стали ихъ науськивать на толпу. Собаки, слыша знакомыя слова пастуховъ, разсвирѣпѣли. Въ дикой ярости, пугая всѣхъ однимъ своимъ неистовымъ лаемъ, онѣ бросились на людей, многихъ сбили съ ногъ и волочили по землѣ, многимъ нанесли тяжелыя раны и съ особенною злостью накидывались на тѣхъ, которые пробовали спастись бѣгствомъ. Въ числѣ испуганныхъ бѣглецовъ былъ и младшій братъ нашего хозяина. Къ несчастію, онъ споткнулся о камень, сильно зашибъ себѣ ногу, растянулся на землѣ и представлялъ изъ себя совсѣмъ готовый кормъ свирѣпымъ и голоднымъ псамъ; тѣ всею сворою набросились на лежачую добычу и разнесли бѣднаго молодого человѣка въ клочья.

Братья услышали этотъ похоронный лай собакъ и въ глубокой печали бросились къ своему брату на помощь. Лѣвою рукою под-

держивая полы своей одежды, они схватили камни и изо всей силы стали бить ими разсвирѣпѣвшихъ псовъ. Но имъ не удалось отбить разъяренную свору. Ихъ младшій братъ, растерзанный въ клочки, умеръ отъ ранъ и отъ потери крови. Послѣдними его словами была просьба къ братьямъ—отмстить за его смерть надменному богачу.

Братья, не думая о себѣ и презирая всякую опасность, въ безумномъ порывѣ храбрости, бросаются на богача и издали кидаютъ въ него камнями. Но кровожадный преступникъ, у котораго такія расправы вошли въ привычку, беретъ копье, бросаетъ его, попадаетъ въ грудь одного изъ братьевъ и наноситъ ему смертельную рану. Однако мертвый юноша не свалился съ ногъ; копье прошло черезъ него насквозь, почти все вышло черезъ спину и съ удивительною силою вонзилось въ землю; такимъ образомъ на своемъ твердомъ древкѣ оно держало бездыханный трупъ юноши на перевѣсѣ.

Одинъ изъ рабовъ этого богача, человѣкъ проворный и сильный, бросился на помощь къ своему хозяину, схватилъ большой камень и съ разбѣгу бросилъ его въ плечо третьяго брата. Но, къ удивленію всѣхъ, камень, перебивъ пальцы у молодого человѣка, упалъ позади его, не причинивъ ему слишкомъ большого вреда. Находчивый юноша постарался воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы отмстить за смерть своихъ братьевъ. Онъ притворился, что совсѣмъ не можетъ владѣть рукою, и обратился къ убійцѣ своихъ братьевъ съ такою рѣчью.

— Радуйся, убійца! Тебѣ удалось погубить весь нашъ родъ. Тѣшь свое жестокое и алчное сердце смертью трехъ родныхъ братьевъ! Гордись тѣмъ, что ты пролилъ кровь своихъ же согражданъ! Но только помни, что, какъ бы ты ни расширялъ границы своихъ владѣній, у тебя все таки всегда будутъ сосѣди! Жаль только, что, по волѣ судьбы, лишилась силы моя рука, которая, конечно, съумѣла бы сорвать съ плечъ твою голову.

Эта рѣчь страшно разсердила неистоваго разбойника. Онъ схва-

тилъ мечь и стремительно бросился впередъ, чтобы своею рукою прикончить несчастнаго юношу. Но противникъ былъ далеко не такъ слабъ, какъ всѣ думали, и, къ общему удивленію, оказалъ сильное сопротивленіе. Ему удалось схватить своего врага за руку, вырвать у него, хотя и съ большими усиліями, мечъ и въ нѣсколько пріемовъ вышибить изъ жаднаго богача его нечистую душу.

А на помощь къ убитому хозяину уже со всѣхъ сторонъ сбѣгались слуги. Чтобы спастись отъ ихъ рукъ, несчастный юноша глубоко вонзилъ себѣ въ шею мечъ, еще влажный отъ крови поверженнаго врага.

Вотъ что предвѣщали эти странныя предзнаменованія! Вотъ что сулила судьба нашему гостепріимному хозяину!

Пораженный горемъ старикъ не могъ вымолвить ни одного слова, не могъ вызвать на свои глаза ни одной слезы. Онъ схватилъ ножъ, которымъ только что рѣзалъ для своихъ гостей сыръ и другія кушанья, и, подражая своему несчастному сыну, нѣсколько разъ сильно ударилъ имъ себѣ въ горло. Онъ упалъ на столъ, головою внизъ, и его кровь смѣшалась съ прежнею чудесною кровью, которая пророчески возвѣщала всѣ эти бѣды.—

Такъ почти мгновенно погибъ весь этотъ родъ, который еще недавно не чуялъ надъ собою бѣды. Мой садовникъ плакалъ о томъ, что такъ жалко погибъ господинъ этого дома, и о томъ, что ему не удалось получить обѣщанной награды. Слезами заплативъ за этотъ обѣдъ, онъ, всплескивая своими пустыми руками, подошелъ ко мнѣ, взобрался на мою спину и по прежней дорогѣ пустился въ путь къ своему огороду.

Но и для него это путешествіе не обошлось безъ приключеній. Намъ попался навстрѣчу какой то очень проворный солдатъ,— судя по одежѣ и манерамъ, солдатъ изъ легіона. Гордо и сурово онъ обратился къ садовнику съ вопросомъ, куда это онъ ведетъ пустого осла. А мой хозяинъ, не отвѣчая ему ни слова, проѣхалъ себѣ мимо, потому что все еще думалъ о недавнемъ событіи и

вдобавокъ совсѣмъ не зналъ латинскаго языка. Солдатъ не могъ удержаться отъ гнѣва. Въ этомъ молчаніи онъ увидѣлъ для себя обиду, сталъ нахально колотить моего садовника виноградною палкою, которая была у него въ рукахъ, и наконецъ ловко сшибъ его съ моей спины. Тогда садовникъ смиренно и униженно сталъ оправдываться тѣмъ, что, не зная латинскаго языка, онъ совсѣмъ не понялъ, о чемъ его спрашиваютъ. Послѣ этого солдатъ заговорилъ съ нимъ по-гречески.

— Куда ты ведешь этого осла?

Садовникъ отвѣтилъ, что онъ ѣдетъ на ослѣ въ ближайшій городъ.

— Но онъ нуженъ теперь мнѣ,—сказалъ солдатъ.—Мы возьмемъ еще нѣсколько животныхъ и навьючимъ на нихъ въ сосѣднемъ замкѣ всю поклажу нашего начальника.

Съ этими словами онъ подошелъ ко мнѣ, вырвалъ у садовника поводъ, на которомъ тотъ меня велъ, и потащилъ меня по дорогѣ за собою.

А садовникъ, обтирая кровь съ раны, которую сдѣлала на его головѣ солдатская виноградная палка, сталъ еще униженнѣе и настоятельнѣе умолять храбраго воина, чтобы онъ меня отпустилъ, сталъ сулить ему въ будущемъ за это успѣхъ и удачу.

— Вѣдь это,—говорилъ онъ,—самый лѣнивый оселъ на всемъ свѣтѣ. Къ тому же онъ страдаетъ падучею болѣзнью. Онъ съ величайшимъ трудомъ возитъ изъ ближайшаго огорода маленькіе пучки овощей, еле переставляетъ ноги и съ трудомъ переводитъ духъ. Гдѣ ужъ ему носить какія нибудь тяжелыя вещи?

Но солдатъ ни на какія просьбы не сдавался. Рѣчи старика только больше его сердили и онъ снова пустилъ въ ходъ свою палку, ударами отвѣчая на всѣ разсужденія садовника. Въ отчаяніи мой прежній хозяинъ пустился на крайнее средство. Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ вызвать у солдата сожалѣніе къ себѣ и обнять его колѣни, весь согнулся, наклонился почти до земли, схватилъ солдата за обѣ ноги, поднялъ ихъ на воздухъ

и — храбрый воинъ тяжело шлепнулся на землю. А старикашка пустилъ въ ходъ все—кулаки, локти и зубы, потомъ, схвативъ съ дороги камень, со всего духу сталъ колотить легіонера по лицу, по рукамъ и бокамъ. Солдатъ, растянувшись во весь свой ростъ на дорогѣ, не могъ защищаться и спихнуть старика. Онъ только время отъ времени грозилъ, что изрубитъ своимъ мечемъ старика на мелкіе куски, какъ только поднимется на ноги. Садовникъ не пропустилъ этого мимо ушей. Онъ отнялъ отъ солдата мечъ, какъ можно дальше зашвырнулъ его въ кусты и потомъ снова съ большимъ усердіемъ принялся тузить солдата.

Что было дѣлать храброму воину? Подняться съ земли—невозможно,—онъ ослабѣлъ отъ ранъ. Никакихъ средствъ спасти свою жизнь нѣтъ; оставался ему только одинъ выходъ, которымъ онъ и воспользовался. Онъ притворился мертвымъ.

Тогда садовникъ, захвативъ солдатскій мечъ съ собою, поспѣшно взбирается ко мнѣ на спину и, не думая даже взглянуть на свой огородъ, скорымъ шагомъ направляется къ городу и тамъ останавливается у одного своего знакомаго. Онъ разсказываетъ своему пріятелю все, что съ нимъ случилось, проситъ его помочь ему въ этомъ опасномъ положеніи, на нѣкоторое время скрыть его у себя вмѣстѣ съ осломъ, чтобы на два, на три дня ускользнуть отъ всякихъ поисковъ и такимъ образомъ избавиться отъ уголовнаго дѣла.

Тотъ не оставилъ своего стараго друга въ бѣдѣ и охотно принялъ насъ въ свой домъ. Мнѣ связали ноги и по лѣстницѣ втащили на чердакъ, а садовникъ залѣзъ въ большой сундукъ, который стоялъ въ комнатѣ, гдѣ его и заперли на замокъ.

А побитый солдатъ, какъ я узналъ потомъ, съ большимъ трудомъ, пошатываясь, поднялся съ земли, какъ послѣ хорошей попойки. Онъ сильно ослабѣлъ отъ ранъ и еле еле дотащился до города, опираясь на свою сучковатую палку.

Ему было стыдно, что онъ такъ крѣпко оплошалъ и не могъ справиться съ своимъ противникомъ. Поэтому никому изъ граж-

данъ онъ не сказалъ, что его обидѣли, затаилъ зло про себя и разсказалъ, какая у него вышла на дорогѣ баталія, только тогда, когда встрѣтилъ своихъ товарищей.

Всѣ нашли, что лучше всего ему спрятаться на нѣкоторое время въ общей палаткѣ. Помимо того, что это было позорное дѣло для солдата, онъ могъ еще опасаться, что его обвинятъ въ нарушеніи военной присяги, такъ какъ онъ явился въ лагерь безъ меча. Онъ разсказалъ товарищамъ всѣ наши примѣты и они усердно пустились розыскивать насъ, чтобы подвергнуть достойному наказанію.

У нашего хозяина нашелся одинъ вѣроломный сосѣдъ, который указалъ, гдѣ мы скрываемся. Тогда солдаты обратились къ городскимъ властямъ и сдѣлали имъ ложное заявленіе, что они, будто бы, потеряли на дорогѣ цѣнный серебряный сосудъ, что этотъ сосудъ поднялъ одинъ садовникъ, но не хочетъ вернуть его законнымъ владѣльцамъ, а скрываетъ у одного изъ своихъ друзей въ городѣ.

Представители власти, напуганные на нашу бѣду именемъ воинскаго начальника, идутъ къ дому, гдѣ мы остановились, вызываютъ нашего хозяина и настойчиво совѣтуютъ ему выдать насъ, потому что въ противномъ случаѣ ему самому грозитъ уголовная отвѣтственность за укрывательство преступниковъ. Нашъ хозяинъ не струсилъ. Ему во что бы то ни стало хотѣлось спасти пріятеля, которому онъ обѣщалъ защиту и покровительство. Онъ всячески запирался и съ клятвами увѣрялъ, что ему давнымъ-давно не удавалось даже видѣть какого нибудь садовника. А солдаты клялись пенатами и геніемъ своего начальника, увѣряя, что похититель скрывается именно здѣсь, а не въ другомъ домѣ.

Тогда представители власти рѣшили, что, въ виду упорнаго запирательства нашего хозяина, надо произвести обыскъ и осмотрѣть весь домъ. Въ силу этого рѣшенія въ домъ вошли ликторы и пристава, чтобы обшарить въ домѣ всѣ углы и розыскать насъ. Они сдѣлали свое дѣло, обыскали весь домъ и доложили на-

чальству, что, при всемъ своемъ усердіи, не могли найти въ домѣ даже человѣка, нетолько что осла.

Съ обѣихъ сторонъ споръ пошелъ горячій. Солдаты въ голосъ твердили, что мы здѣсь, и постоянно призывали имя Цезаря, а хозяинъ клялся всѣми богами и говорилъ, что онъ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Этотъ шумный споръ и рѣзкія пререканія привлекли наконецъ и мое вниманіе. Любопытный, какъ всегда, упрямый и настойчивый, какъ оселъ,—я выгнулъ затылокъ, просунулъ морду въ какое-то окошечко и сталъ смотрѣть на шумную толпу около дома. Какъ на грѣхъ одинъ солдатъ зачѣмъ то взглянулъ въ сторону, увидѣлъ на землѣ мою тѣнь и потомъ всѣмъ показалъ на меня пальцемъ.

Поднялся необыкновенный шумъ и хохотъ. Подставили къ чердаку лѣстницу, схватили меня за что попало и, какъ плѣнника, поволокли внизъ.

Поиски пошли энергичнѣе. Внизу наконецъ нашли сундукъ, открыли его, вытащили оттуда бѣднаго садовника и отдали по начальству, чтобы посадить въ тюрьму и, по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, подвергнуть смертной казни. Всѣ съ хохотомъ говорили о томъ, какъ я выдалъ себя и хозяина.

Съ тѣхъ то поръ и пошла въ ходъ поговорка о тѣни осла и его любопытствѣ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Я не знаю, что было на другой день съ моимъ хозяиномъ, а меня тотъ слабосильный солдатъ, котораго избилъ на дорогѣ мой садовникъ, утромъ отвязалъ отъ стойла. Я ничуть не сопротивлялся и пошелъ за нимъ. У своей палатки,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось,—онъ нагрузилъ меня своими мѣшками, взвалилъ на меня всю свою поклажу и придалъ мнѣ очень воинственный видъ. Я представлялъ изъ себя цѣлый арсеналъ, потому, что несъ на спинѣ мѣдный шлемъ, ярко блестѣвшій щитъ и красивое копье съ очень длиннымъ древкомъ. Солдатъ взялъ его, конечно, не для того, чтобы быть при всей формѣ, а для того, чтобы пугать несчастныхъ путниковъ на дорогѣ. Всѣ эти доспѣхи были положены сверху мѣшковъ.

Дорога шла полемъ, идти было нетрудно, мы скоро пришли въ какой-то городишко и остановились не на постояломъ дворѣ, а въ домѣ одного декуріона. Солдатъ поручилъ меня хозяйскому конюху, а самъ пошелъ къ одному изъ высшихъ офицеровъ, у котораго было подъ командою 1000 тяжело вооруженныхъ солдатъ.—

За это время мнѣ пришлось узнать объ одномъ дикомъ и возмутительномъ преступленіи въ этомъ городѣ и я хочу описать его въ этой книгѣ, чтобы о немъ узнали и вы.

Одинъ господинъ, довольно богатый, имѣлъ сына, которому постарался дать прекрасное образованіе. Молодой человѣкъ отличался почтительностью и скромностью. Каждый отецъ могъ бы гордиться такимъ сыномъ. Мать его давно умерла, а отецъ женился на другой. И отъ второй жены онъ имѣлъ сына, которому о ту пору было около 12 лѣтъ. Мачиха держала мужа въ рукахъ—не столько своею добродѣтелью, сколько своею красотою. Природное ли безстыдство или сама судьба толкала ее къ гнусному преступленію, только вышло такъ, что она остановила свои похотливые глаза на пасынкѣ.

Знай, дорогой читатель, что ты читаешь не фарсъ, а трагедію. Я бросаю въ сторону шутовскіе костюмы комедіи и становлюсь на трагическіе котурны.

Эта женщина, пока Купидонъ не ополчился еще всѣми своими доспѣхами, кое-какъ справлялась съ своимъ чувствомъ и молча таила свою похоть. Но когда Амуръ, какъ пьяный, разжегъ въ ея сердцѣ настоящій пожаръ и опалилъ всѣ ея внутренности, она покорилась свирѣпому богу и пустилась на хитрости.

Притворившись больной, она пыталась свой сердечный недугъ затаить подъ видомъ тѣлесной боли.

Всѣ, конечно, знаютъ, что блѣдность, влажный блескъ глазъ, невѣрная походка, тревожный сонъ, постоянные и глубокіе вздохи являются и отъ болѣзни тѣла, и отъ сердечныхъ страданій. Если бы не слезы, можно было бы подумать, что у нея дѣйствительно сильная лихорадка.

О, непроходимое невѣжество врачей!—Что значитъ ускоренный пульсъ, подъемъ и паденіе температуры тѣла, затрудненное дыханіе и усиленное сердцебіеніе? Великіе боги, не надо быть ученымъ медикомъ, чтобы дать на это отвѣтъ! Ясно всякому, кому дала нѣсколько уроковъ Венера, что значитъ жаръ у женщины, у которой температура не повышается.

Наконецъ, страсть пересилила терпѣніе влюбленной женщины. Она не могла больше скрываться и велѣла позвать къ себѣ пасынка. Это имя все таки затрогивало ея стыдливость и она дорого бы дала, чтобы его не существовало.

Молодой человѣкъ не замедлилъ придти на приглашеніе своей больной мачихи. Съ челомъ, на которомъ скорбь прорѣзала глубокія морщины, онъ почтительно вошелъ въ покои жены отца и матери брата, оказывая ей всѣ знаки сыновняго уваженія.

А она такъ истомилась за время своего молчанія, такъ запуталась въ сомнѣніяхъ и нерѣшительности, что не знала, съ чего ей начать. Каждое слово, которое прежде ей казалось умѣстнымъ и подходящимъ, теперь ей не нравилось. Она снова молчитъ, снова стыдится, снова не находитъ словъ. А юноша, не подозрѣвая, въ чемъ тутъ собственно дѣло, скромно опускаетъ глаза и спрашиваетъ, съ чего это у нея приключилась такая болѣзнь?

Они были одни и только это дало влюбленной мачихѣ смѣлость приступить къ выполненію своего преступнаго замысла. Сквозь плачъ и слезы, закрывъ одеждой лицо, она тихо, съ дрожью въ голосѣ, заговорила съ молодымъ человѣкомъ.

— Причина моей болѣзни—ты. Съ тебя она началась, только ты можешь меня вылечить, ты одинъ можешь меня спасти. Твои взоры черезъ мои глаза прошли до моего сердца и зажгли во мнѣ жестокій пожаръ. Пожалѣй свою бѣдную мачиху! Пожалѣй своего бѣднаго отца, которому ты можешь спасти его умирающую жену! Не смущайся ложнымъ уваженіемъ къ нему. Я имѣю право любить тебя, потому что въ чертахъ твоего лица я узнаю и люблю его. Тебѣ нечего бояться: мы одни. Ты теперь свободенъ и намъ ничто не мѣшаетъ. Чего никто не знаетъ, того почти нѣтъ.

Это неожиданное признаніе страшно испугало молодого человѣка. Онъ сразу же рѣшилъ, что этому гнусному преступленію не бывать, но боялся рѣзкимъ и рѣшительнымъ словомъ испортить все дѣло. Онъ постарался смягчить свой отказъ, успокоить мачиху неопредѣленными обѣщаніями на будущее. Онъ обѣщалъ ей все, но просилъ успокоиться и поберечь свое здоровье. Надо

подождать. Можетъ быть, отецъ вздумаетъ куда нибудь уѣхать и тогда никто не помѣшаетъ ихъ счастью.

Съ этими словами юноша поспѣшно ушелъ отъ мачихи, смотрѣть на которую для него было небезопасно. Раскинувъ умомъ, онъ убѣдился, что ихъ семьѣ грозитъ большая бѣда, что здѣсь ему не обойтись безъ посторонняго совѣта и обратился къ одному старцу, своему бывшему наставнику, человѣку серьезному и разсудительному.

Долго они думали надъ этимъ дѣломъ и наконецъ рѣшили, что при такихъ обстоятельствахъ лучше всего немедленнымъ бѣгствомъ спастись отъ надвигающейся бури, которую посылала на ихъ домъ жестокая судьба. Но мачиха не могла мириться съ тѣмъ, что ей приходится ждать и терпѣть. Она пускаетъ въ дѣло всю свою хитрость, чтобы уговорить мужа немедленно уѣхать по хозяйственной надобности въ самое далекое ихъ имѣніе. Добившись своего, она въ безумномъ и стремительномъ порывѣ требуетъ отъ пасынка, чтобы онъ сдержалъ свое слово и насытилъ ея желанія.

Молодой человѣкъ придумывалъ всевозможныя отговорки, обманывалъ ее, какъ умѣлъ, и всячески старался не попадаться ей на глаза. Его сбивчивыя и противорѣчивыя показанія убѣдили наконецъ мачиху, что ее обманули, что она не получитъ обѣщаннаго.

По женской привычкѣ быстро мѣнять настроеніе и чувство, мачиха забыла свою преступную любовь и возненавидѣла пасынка. Она позвала къ себѣ одного негоднаго раба, который былъ данъ за нею въ приданое,—человѣка, способнаго на всякое преступленіе. Вмѣстѣ съ нимъ она стала думать, какъ бы отмстить молодому человѣку и какимъ вѣроломствомъ лучше всего его погубить. По ихъ суду, бѣдный юноша долженъ былъ заплатить за свой отказъ—жизнью.

Бездѣльникъ-рабъ, по порученію своей госпожи, купилъ яду, который дѣйствуетъ мгновенно, потихоньку распустилъ его въ водѣ и приготовился при первомъ удобномъ случаѣ поднести его бѣдному пасынку.

Ядъ былъ готовъ. Заговорщики—рабъ и его госпожа—стали сговариваться, какъ имъ отравить невиннаго юношу. По странной игрѣ случая, въ это именно время вернулся изъ школы родной сынъ этой гнусной женщины,—тотъ мальчикъ, котораго она родила отъ этого мужа. Онъ пообѣдалъ, захотѣлъ пить, и залпомъ осушилъ до дна бокалъ съ виномъ, въ которомъ былъ растворенъ ядъ, ничего не зная о коварныхъ замыслахъ своей матери. Такъ онъ выпилъ ядъ, который былъ приготовленъ его брату, и безъ всякихъ признаковъ жизни упалъ на полъ. Его дядька, страшно перепуганный внезапною смертью своего питомца, заливаясь слезами, зоветъ къ бездыханному трупу мать бѣднаго мальчика и всю ихъ семью.

Скоро всѣ узнали, что мальчикъ умеръ отъ яду. Каждый по своему строилъ догадки, что бы узнать, кто бы это могъ покуситься на его жизнь. Скверная женщина,—рѣдкій и, можетъ быть, единственный примѣръ злой мачихи,—не унялась и въ эту минуту. Ни печальная смерть сына, ни сознаніе вины, ни скорбь всей семьи и ея мужа—нисколько не подѣйствовали на ея совѣсть. Въ смерти сына она видѣла только средство для своей мести.

Она послала къ своему отсутствующему мужу скорохода съ извѣстіемъ о несчастіи, которое постигло ихъ семью. Несчастный отецъ поспѣшно вернулся домой. Его жена, вооружившись безпримѣрною дерзостью, старалась увѣрить его, что ихъ сынъ погибъ отъ яда ея пасынка. Въ этомъ она, конечно, была права, потому что ихъ мальчикъ дѣйствительно умеръ отъ того яда, который былъ приготовленъ для пасынка. Но она лгала, когда говорила, будто бы пасынокъ отравилъ ея сына изъ мести,—отравилъ за то, что она не хотѣла отвѣчать на его нечистую любовь, съ которою, какъ она говорила, онъ будто бы постоянно приставалъ къ ней. Въ своей лжи она не останавливалась даже и на этомъ. Она говорила, что пасынокъ грозилъ смертью и ей, если она посмѣетъ разоблачить передъ отцомъ его преступленіе.

Бѣдный отецъ долженъ былъ потерять двухъ сыновей сразу.

Двойное несчастіе всею своею тяжестью обрушилось на его голову. Младшій сынъ—убитъ и завтра его похоронятъ; старшаго, конечно, будутъ судить и, несомнѣнно, приговорятъ къ смерти за убійство брата и за покушеніе на кровосмѣшеніе. А жена не перестаетъ лить притворныя слезы и жаловаться на пасынка.

Это такъ ожесточило сердце отца, что онъ почувствовалъ непримиримую ненависть къ своему старшему сыну.

Какъ только окончились торжественные похоронные обряды надъ трупомъ младшаго сына, несчастный старикъ, — прямо отъ погребальнаго костра, — съ слезами на лицѣ, съ траурнымъ пепломъ на головѣ, спѣшно отправляется на форумъ. Не зная коварства и вѣроломства своей жены, онъ падаетъ къ ногамъ декуріона и сквозь слезы умоляетъ судей разслѣдовать дѣло объ отравленіи его сына. Обманутый отецъ употребляетъ всѣ средства, чтобы погубить и своего послѣдняго сына. Онъ говоритъ, что это кровосмѣсникъ, который покушался осквернить отцовское ложе, — что это братоубійца, преступность котораго очевидна,—что это злодѣй, угрожавшій смертью своей мачихѣ.

Его слезы и скорбь вызвали такую жалость къ нему и такое негодованіе къ преступнику, — не только въ куріи, но и среди простого народа,—что, отвергнувъ обычные пріемы судопроизводства и порядокъ судоговоренія, не желая слушать доказательствъ и рѣчей защиты, всѣ въ голосъ начали кричать: *за явное преступленіе скорая казнь,—побить преступника камнями.*

Но высшія власти,—опасаясь, какъ бы изъ этого негодованія, вызваннаго въ сущности не особенно значительнымъ поводомъ, не вышло настоящаго возмущенія, опаснаго для общественнаго спокойствія и даже для государства,—ради личной уже безопасности стали просить декуріоновъ и уговаривать простой народъ, чтобы дѣло разбиралось правильно, *по обычаю предковъ,* чтобы обѣ стороны были подвергнуты строгому допросу, чтобы приговоръ былъ произнесенъ согласно съ гражданскимъ и судебнымъ уложеніемъ. Они говорили, что только у дикихъ варваровъ и

только при тираннической формѣ правленія осуждаютъ подсудимаго, не выслушавъ его оправданій. Они настаивали, чтобы это нечестивое дѣло было разслѣдовано спокойно и безпристрастно. Только тогда, — говорили они, — потомство могло получить въ этомъ процессѣ хорошій урокъ.

Эти разумныя рѣчи подѣйствовали на толпу. Глашатаю было приказано возвѣстить: *да соберутся сенаторы въ курію.*

Когда сенаторы заняли свои мѣста по правамъ старшинства и по степени своего достоинства,—на новый вызовъ глашатая выступилъ первымъ обвинитель. По его заявленію, подсудимаго ввели въ залъ засѣданія. Потомъ, по обычному порядку аттическаго судилища Марса [1]), глашатай назвалъ имена адвокатовъ сторонъ и, обращаясь къ нимъ съ рѣчью, напомнилъ имъ, что они не должны пускаться въ разсужденія, не относящіяся къ дѣлу, не должны возбуждать въ зрителяхъ чувства состраданія.

Отъ многихъ очевидцевъ я узналъ, что судопроизводство въ этомъ процессѣ велось слѣдующимъ образомъ.

Конечно, въ своей конюшнѣ, не присутствуя лично на судѣ, я не могъ узнать, какую рѣчь говорилъ представитель обвиненія, на что въ свою защиту ссылался подсудимый, какими аргументами обмѣнялись стороны во время судебнаго процесса. Не буду и говорить о томъ, чего не знаю. Я разсказываю здѣсь только то, что мнѣ хорошо извѣстно.

Когда стороны обмѣнялись своими рѣчами, судъ послѣ долгаго совѣщанія постановилъ, что обвиненіе не вполнѣ доказано, что для рѣшенія дѣла необходимы болѣе вѣскія доказательства и что сужденіе о такомъ исключительномъ преступленіи нельзя строить только на догадкахъ и предположеніяхъ. По рѣшенію суда слѣдовало прежде всего подвергнуть самому строгому допросу раба, который, судя по свидѣтельскимъ показаніямъ, одинъ только и зналъ, какъ собственно происходило это дѣло.

---

[1]) Ареопагъ, высшая судебная инстанція въ Аѳинахъ.

А рабъ, нисколько не смущаясь серьезною осмотрительностью столь великаго судилища и торжественнымъ засѣданіемъ сената въ полномъ его составѣ, сталъ повторять свои прежнія сказки и утверждать, какъ нѣчто вѣрное и несомнѣнное, то, что выдумалъ самъ. Онъ говорилъ, что молодой человѣкъ, разсерженный на холодность мачихи, чтобы отмстить ей за ея равнодушіе, хотѣлъ ее убить и поручилъ это ему, свидѣтелю, обѣщая за содѣйствіе и сокрытіе преступленія большую награду и угрожая ему, свидѣтелю, смертью за отказъ исполнить это дѣло. По его показаніямъ, молодой человѣкъ собственноручно приготовилъ ядъ и отдалъ приготовленную отраву ему, свидѣтелю, на предметъ отравленія младшаго брата. Но затѣмъ, подозрѣвая, что онъ, свидѣтель, сохранитъ этотъ бокалъ въ качествѣ будущей улики его виновности, молодой человѣкъ снова похитилъ у него бокалъ и своими руками подалъ его бѣдному мальчику.

Когда этотъ негодный болтунъ окончилъ свою рѣчь,—а онъ былъ большой мастеръ притворяться, хотя, давая свое показаніе, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ,—судебное разбирательство было окончено и судьи приступили къ совѣщанію о вердиктѣ. Не нашлось ни одного декуріона, который былъ бы настолько милостивъ къ этому уличенному молодому преступнику, чтобы протестовать противъ смертной казни посредствомъ зашитія въ мѣшкѣ.

Когда, по стародавнему обычаю, судьи готовы были бросать въ мѣдную урну свои записки, всѣ съ одинаковымъ обвинительнымъ приговоромъ,—а послѣ этого ничего уже нельзя было измѣнить въ окончательномъ судебномъ опредѣленіи и совершеніе смертной казни передавалось въ руки палача,—одинъ изъ старѣйшихъ сенаторовъ, человѣкъ исключительной добросовѣстности и честности, пользовавшійся въ городѣ особеннымъ авторитетомъ, по профессіи медикъ, закрылъ рукою отверстіе урны, чтобы никто преждевременно не бросилъ туда своей записки, и держалъ такую рѣчь.

— Сегодня,—заговорилъ онъ, обращаясь къ собранію,—я особенно радуюсь тому, что жилъ такъ долго и всегда пользовался общимъ уваженіемъ. Я не допущу, чтобы на подсудимаго, который привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по ложному обвиненію, смотрѣли, какъ на уличеннаго убійцу. Я не допущу, чтобы судьи по совѣсти и присягѣ, повѣривъ ложнымъ навѣтамъ раба, стали клятвопреступниками. И самъ я не могу подать завѣдомо ошибочнаго мнѣнія, обманывая свою собственную совѣсть и оскорбляя религію и боговъ. Выслушайте меня и я разскажу вамъ, какъ происходило это дѣло. Этотъ мошенникъ-рабъ недавно приходилъ ко мнѣ, чтобы купить у меня мгновеннодѣйствующаго яду и предлагалъ мнѣ за это 100 золотыхъ монетъ. Ядъ, по его словамъ, нуженъ былъ для одного больного, который, невыносимо страдая отъ тяжелой и неизлѣчимой болѣзни, хочетъ, наконецъ, избавиться отъ такой мучительной жизни. У меня тогда же возникло подозрѣніе, что этотъ безстыдный плутъ лжетъ, что онъ выдумалъ всю эту исторію. Я былъ почти убѣжденъ, что здѣсь затѣвается что то неладное. Питье я ему далъ, но, предполагая, что здѣсь дѣло безъ суда не обойдется, на всякій случай, получая отъ него деньги, принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности.

— Я боюсь,—сказалъ я рабу,—что въ числѣ твоихъ золотыхъ монетъ могутъ оказаться и фальшивыя деньги. Положика-ка лучше ихъ вотъ въ этотъ мѣшечекъ, запечатай своею печатью, а завтра мы сходимъ вмѣстѣ съ тобою къ мѣнялѣ и при немъ провѣримъ деньги.—Нѣсколько времени тому назадъ, я сдѣлалъ уже распоряженіе и послалъ одного изъ своихъ слугъ домой за этимъ мѣшкомъ, чтобы предъявить его суду. Вотъ этотъ мѣшочекъ. Пусть рабъ осмотритъ его и скажетъ, его ли это печать. Если этотъ ядъ покупалъ рабъ, то съ какой стати обвинять молодого человѣка въ отравленіи брата?

Болтливый и дерзкій рабъ задрожалъ отъ страха; румянецъ сбѣжалъ съ его лица, по щекамъ разлилась смертельная блѣдность, на лбу выступили капли холоднаго пота.

Онъ шатается, переступаетъ съ ноги на ногу, чешетъ у себя

въ затылкѣ, сквозь зубы бормочетъ какія то глупости и безсвязныя оправданія. Всѣ на судѣ,—и, конечно, съ полнымъ правомъ,—приходятъ къ убѣжденію, что въ этомъ преступленіи виноватъ именно онъ.

Но рабъ скоро успѣлъ оправиться. Къ нему вернулась его обычная дерзость. Онъ снова сталъ во всемъ запираться и говорить, что почтенный докторъ лжетъ.

А тотъ, видя, что рабъ такою дерзкою ложью не только оскорбляетъ достоинство суда, но подрываетъ довѣріе и къ его словамъ, пустилъ въ ходъ новыя доказательства, чтобы уличить наглаго мошенника. И онъ достигъ своей цѣли.

По рѣшенію суда, ликторы подходятъ къ свидѣтелю, хватаютъ негоднаго раба за руки, силою снимаютъ у него съ пальца желѣзное кольцо и сравниваютъ его печать съ оттискомъ ея на мѣшкѣ съ деньгами. Приносятъ, по обычаю грековъ, колесо и дыбу для пытки. Но никакія истязанія,—ни колесо, ни огонь, ни дыба,—не могли вырвать признанія у этого закоренѣлаго злодѣя.

— Клянусь Геркулесомъ,—сказалъ тогда медикъ,—я не допущу, чтобы вы безъ всякой вины осудили этого бѣднаго молодого человѣка! Не бывать тому, чтобы этотъ рабъ избѣжалъ законнаго наказанія за свое злое преступленіе и сталъ потомъ смѣяться надъ нашимъ судомъ! Я представлю суду новое и неоспоримое доказательство его виновности. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда этотъ негодяй пришелъ ко мнѣ покупать ядъ, я подумалъ, что мнѣ, какъ медику, не слѣдуетъ отпускать въ сомнительныя руки такое опасное средство. Я привыкъ думать, что медицина существуетъ для блага людей, а не для ихъ погибели. Но я думалъ, что, если я прямо и рѣшительно откажу этому плуту, я нисколько не помѣшаю преступленію. Гнусный рабъ легко могъ купить ядовитый напитокъ у кого нибудь другого, могъ пустить въ ходъ мечъ, веревку или что нибудь въ этомъ родѣ и такимъ образомъ довести до конца свой преступный замыселъ. Въ виду всего этого я далъ ему не ядъ, а снотворное средство изъ мандрагоры, которое, какъ извѣстно, многимъ помогаетъ отъ упорнаго насморка и всѣхъ погружаетъ въ сонъ, дѣйствительно очень похожій на смерть.—Съ другой стороны, вполнѣ понятно и то, что этотъ отчаянный злодѣй терпѣливо переноситъ всѣ пытки. Онѣ вѣдь несомнѣнно легче того наказанія по высшей мѣрѣ, какое, по обычаю предковъ, ему угрожаетъ за это преступленіе. Итакъ, если мальчикъ выпилъ дѣйствительно то питье, которое я приготовилъ, онъ живъ, онъ только спитъ. Стоитъ дать ему средство, чтобы разогнать этотъ крѣпкій сонъ, и онъ снова проснется, снова увидитъ бѣлый свѣтъ. Но если онъ не проснется, если онъ дѣйствительно умеръ, тогда причиной его смерти былъ, конечно, не этотъ напитокъ.

Судъ согласился произвести тотъ опытъ, на который указывалъ престарѣлый медикъ. Всѣ поспѣшно пошли къ той могилѣ, гдѣ было положено тѣло мальчика. Сенаторы, оптиматы, толпы простаго народа, — всѣ съ крайнимъ любопытствомъ бѣжали посмотрѣть на такое невиданное зрѣлище.

Отецъ своими руками снялъ съ могилы плиту. И вотъ удивительный сонъ мальчика разсѣялся и мальчикъ, котораго недавно похоронили, сталъ подниматься изъ гроба. Отецъ, обезумѣвъ отъ радости, не могъ выговорить ни слова, только молча обнялъ своего сына и съ торжествомъ вывелъ его къ народу. Молодого человѣка во всемъ его погребальномъ уборѣ повели въ судъ. Преступленіе негоднаго раба и гнусной женщины было доказано ясно. Суду не оставалось уже никакого сомнѣнія, какъ было дѣло. Мачиху приговорили къ пожизненной высылкѣ изъ города, а рабъ кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ. Съ общаго согласія старому медику были отданы тѣ деньги, за которыя онъ такъ кстати погрузилъ мальчика въ сонъ.

Такъ благополучно окончилось это сложное и запутанное дѣло. Всѣ прославляли божественное провидѣніе. Старикъ-отецъ, который недавно подвергался опасности сразу потерять своихъ сыновей и подъ старость совсѣмъ осиротѣть, почти чудомъ вернулъ себѣ своихъ дѣтей снова.—

А въ моей судьбѣ за это время произошли такія перемѣны.

Солдатъ, который завладѣлъ мною, не заплативъ за меня ни гроша, долженъ былъ по приказанію своего трибуна отправиться въ Римъ, чтобы отвести письма къ великому Цезарю. Въ виду этого, онъ продалъ меня двумъ рабамъ, роднымъ братьямъ, за 11 динаріевъ.

Господинъ, у котораго служили мои новые хозяева, былъ очень богатъ. Одинъ изъ нихъ былъ пекарь и прекрасно пекъ хлѣбы, лепешки, всякія сласти и лакомства, а другой—поваръ, большой мастеръ готовить похлебки и ароматныя приправы къ кушаньямъ. Жили они вмѣстѣ, въ одной палаткѣ. Когда вмѣстѣ съ господиномъ они должны были пускаться въ дорогу, что случалось нерѣдко, мнѣ приходилось переносить посуду и всѣ принадлежности ихъ ремесла. Такимъ образомъ въ ихъ компаніи я былъ третьимъ членомъ товарищества.

Судьба никогда еще такъ не баловала меня, какъ въ это время. Вечеромъ, когда у господъ кончался богатый, великолѣпно приготовленный ужинъ, пекарь и поваръ приходили домой и приносили вкусные остатки отъ пышнаго угощенія. Одинъ несъ свинину, куръ, рыбъ и другія изысканныя кушанья въ этомъ родѣ, другой хлѣбы, булки, пирожки, сухарики, ватрушки, всякія сласти и медовые пряники. Приготовивъ себѣ такое угощеніе, они запирали комнату и уходили въ баню, а я досыта наѣдался всѣмъ, что такъ благосклонно посылала мнѣ судьба. Я, конечно, былъ не такъ уже глупъ и совсѣмъ не настолько оселъ, чтобы ужинать жесткимъ сѣномъ, имѣя подъ руками такія вкусныя и превосходныя блюда.

Свое воровское дѣло я велъ очень ловко. Долго все это мнѣ сходило съ рукъ. Я дѣйствовалъ осторожно и робко, изъ огромныхъ запасовъ бралъ себѣ очень немного, такъ что мое воровство оставалось незамѣченнымъ. Братья въ своемъ ослѣ не подозрѣвали ни обмана, ни хитрости. Это придало мнѣ еще больше смѣлости. Думая, что все всегда будетъ шито-крыто, я сталъ выбирать

кусочки побольше и повкуснѣе,—что похуже, оставлялъ братьямъ, что послаще, ѣлъ самъ. Это то и вызвало у братьевъ смутное подозрѣніе. Они, конечно, очень хотѣли бы поймать виновника этого ежедневнаго воровства, но ни на одну минуту не допускали и мысли, чтобы я былъ способенъ на такое дѣло. Мало-по-малу, они стали подозрѣвать въ этомъ позорномъ воровствѣ другъ друга,—стали потихоньку подсматривать одинъ за другимъ, пересчитывать куски и внимательно слѣдить за своею провизіею. Наконецъ, одинъ изъ нихъ не вытерпѣлъ, бросилъ въ сторону всякія церемоніи и захотѣлъ объясниться съ братомъ напрямикъ.

— Это съ твоей стороны совсѣмъ уже не побратски! Это уже нечестно! Который день брать лучшіе куски и обманывать мое довѣріе! Должно быть ты продаешь наши запасы на сторону, а самъ втихомолку прикапливаешь себѣ деньжонки. Зачѣмъ же ты потомъ требуешь, чтобы и остальнымъ мы дѣлились поровну? Если уже на то пошло, если тебѣ не нравится наше общее хозяйство, давай лучше разойдемся по чести и останемся попрежнему братьями и друзьями. Я боюсь, что мы постоянно будемъ ссориться и браниться, если провизія будетъ пропадать попрежнему.

— Клянусь Геркулесомъ, ты удивительно находчивъ и ловокъ!—отвѣчалъ на это другой братъ.—Ты самъ каждый день воруешь наши лучшіе запасы и меня же винишь въ томъ преступленіи, о которомъ я такъ долго молчалъ, не желая обвинять въ гнусномъ воровствѣ брата, хотя, говоря по чести, мнѣ это было очень уже обидно. Впрочемъ, это очень хорошо, что мы откровенно объяснились. Теперь мы вмѣстѣ можемъ подумать, какъ намъ помочь горю. Если бы мы продолжали попрежнему молчать, между нами пошли бы такія же горячія пререканія, какъ между Этеокломъ и Полиникомъ [1]).

---

[1]) Сыновья Эдипа, которые убили другъ друга въ спорѣ изъ за обладанія престоломъ.

Объяснившись по этому дѣлу начистоту, братья дали другъ другу клятву не допускать въ своихъ отношеніяхъ ни воровства, ни обмана и употребить съ своей стороны всѣ средства, чтобы найти вора, который каждый день вводитъ ихъ въ такіе убытки. А дѣло казалось имъ очень страннымъ. Хотя дома оставался только оселъ, который едва ли польстится на такія кушанья, изъ замкнутой комнаты у нихъ все таки каждый день пропадали самые лакомые куски. Трудно было допустить, чтобы къ нимъ въ комнату повадились летать такія громадныя мухи, какъ гарпіи, которыя нѣкогда похищали пищу со стола Финея [1]). А я тѣмъ временемъ, наѣдаясь до отвалу, ужиная, какъ прилично порядочному человѣку, нагулялъ себѣ довольно жиру, раздался въ объемѣ, сталъ круглъ и толстъ. Моя шкура отъ жиру стала лосниться, волосы на хвостѣ и на гривѣ получили влажный и красивый блескъ. Но именно эта то моя красота и нанесла потомъ большой конфузъ моей стыдливости и скромности.

Братья обратили вниманіе на мои толстые бока и лоснящуюся спину, обратили вниманіе и на то, что я никогда не притрогиваюсь къ овсу. Это навело ихъ на слѣдъ. Однажды въ обычный часъ они сдѣлали видъ, что отправляются въ баню, заперли, какъ всегда, дверь, а сами черезъ какую то щелочку въ двери стали смотрѣть, какъ я съ жадностью набросился на ихъ припасы.

Имъ не жаль было и кушаній, когда они увидѣли, что у ихъ осла такой удивительный вкусъ и аппетитъ, и они громко отъ души хохотали за дверями. Одного за другимъ они подозвали цѣлую толпу своихъ пріятелей и челяди и показывали имъ на необыкновенныя гастрономическія наклонности неуклюжаго и грубаго осла. При видѣ этого зрѣлища никто не могъ удержаться отъ громкаго и заразительнаго хохота. Это обратило на себя вниманіе хозяина, который случайно проходилъ мимо. Тотъ поинтересовался узнать, съ чего это такъ весело смѣется его прислуга. Когда онъ узналъ, въ чемъ дѣло, ему и самому захотѣлось посмотрѣть на меня сквозь отверстіе въ двери. То, что онъ увидѣлъ, привело его въ полный восторгъ. Онъ закатился такимъ отчаяннымъ хохотомъ, что едва могъ удержаться, когда у него начались колики въ желудкѣ.

[1]) Гарпіи—крылатыя чудовища, птицы съ дѣвичьими лицами; онѣ похищали и оскверняли пищу со стола ѳракійскаго прорицателя Финея.

Онъ отворилъ дверь и вошелъ въ комнату, чтобы хорошенько разсмотрѣть, какъ я справляюсь съ своимъ ужиномъ. По нѣкоторымъ признакамъ, я догадался, что на этотъ разъ Фортуна смотритъ на меня ласково и рѣшилъ воспользоваться веселымъ хохотомъ присутствующихъ. Ничѣмъ не смущаясь, я спокойно продолжалъ свой ужинъ.

Хозяинъ былъ отъ этого въ восторгѣ, велѣлъ привести меня въ домъ и самъ ввелъ меня въ триклиній. Вкусныя блюда стояли на красиво убранномъ столѣ. Хозяинъ приказалъ подать и новыя перемѣны, до которыхъ никто еще не дотрогивался. Сказать правду, я уже довольно плотно набилъ свое брюхо, но, изъ любезности и признательности къ радушному хозяину, съ большимъ аппетитомъ принялся за ужинъ.

Хозяинъ видимо ломалъ голову, чтобы придумать такія блюда, которыя меньше всего могли бы быть по вкусу ослу. Онъ, очевидно, хотѣлъ узнать, до какой степени я усвоилъ себѣ вкусы людей. Мнѣ подавали мясо съ острою приправою горчицы, дичь, щедро посыпанную перцемъ, рыбу подъ соусами изъ восточныхъ пряностей. Я ѣлъ все — и это вызывало въ присутствующихъ неудержимый хохотъ.

Одинъ изъ гостей, большой шутникъ, предложилъ новый опытъ.

— Дайте-ка нашему новому гостю немного вина.

— Этотъ болтунъ,—отвѣчалъ на это замѣчаніе хозяинъ,—на этотъ разъ, кажется, сболтнулъ не слишкомъ глупо. Легко можетъ статься, что мой четвероногій гость охотно выпьетъ бокальчикъ хорошаго винца. Эй, мальчикъ! Возьми золотую чашу,

приготовь вина и меду, подай моему новому паразиту и скажи ему, что за его здоровье я уже отпилъ изъ бокала.

Всѣ гости съ большимъ любопытствомъ ждали, что изъ этого выйдетъ. Но это нисколько меня не смутило. Медленно и довольно граціозно я вытянулъ нижнюю губу на манеръ языка и залпомъ осушилъ объемистую чашу. Со всѣхъ сторонъ послышались шумныя пожеланія—«на здоровье».

Трудно и описать, какъ обрадовался мой хозяинъ. Онъ тотчасъ кликнулъ рабовъ и велѣлъ выдать за меня хлѣбнику и повару сумму, которая въ четыре раза была больше той, какую они за меня заплатили. Меня же онъ поручилъ одному изъ самыхъ близкихъ вольноотпущенниковъ, человѣку довольно состоятельному, и строго-настрого наказалъ ему—обращаться со мною какъ можно осторожнѣе. Сказать правду, мой приставникъ относился ко мнѣ очень гуманно и вѣжливо. Чтобы доставить удовольствіе моему патрону, онъ сталъ меня учить всякимъ хитрымъ штукамъ и фокусамъ. Прежде всего онъ научилъ меня, какъ надо ложиться на ложе и подгибать колѣни, научилъ ходить и припрыгивать, поднявъ на воздухъ переднія ноги, и,—что было, конечно, удивительнѣе всего,—знаками отвѣчать на вопросы. Медленно опуская голову внизъ, я выражалъ свое согласіе. Въ знакъ отказа я откидывалъ ее назадъ и отрицательно потрясалъ ею. Когда я хотѣлъ пить, я подмигивалъ кравчему, уставя на него свои глаза, и получалъ, что мнѣ было нужно.

Само собою понятно, что эта наука давалась мнѣ очень легко, потому что я давно зналъ все это и безъ указаній учителя. Но забѣгать впередъ я боялся. Если бы я сталъ продѣлывать всѣ эти фокусы безъ постороннихъ указаній, многіе могли бы подумать, что это явленіе чудесное, предзнаменованіе какой то новой бѣды, и меня, какъ какого нибудь оборотня или, по меньшей мѣрѣ, урода, не замедлили бы убить и бросить, какъ жирный обѣдъ, коршунамъ.

Слухъ объ этомъ прошелъ по всему городу. Своимъ необыкновеннымъ искусствомъ я заставилъ всѣхъ говорить о моемъ господинѣ и создалъ ему большую популярность.

— Вотъ,—заговорили про него въ обществѣ,—человѣкъ, сотрапезникомъ и собутыльникомъ котораго бываетъ оселъ. Этотъ оселъ умѣетъ бороться, понимаетъ человѣческую рѣчь и знаками выражаетъ свои желанія.

Но здѣсь,—хотя въ сущности это слѣдовало бы сдѣлать гораздо раньше,—мнѣ надо сказать, кто такой былъ этотъ Тіазъ, мой новый господинъ, и откуда онъ былъ родомъ. Родомъ онъ былъ изъ Коринѳа, главнаго города всей Ахайской провинціи. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ, при знатности своего рода и большомъ личномъ вліяніи на дѣла, послѣдовательно проходилъ всѣ почетныя должности на общественной службѣ по выборамъ и еще недавно вступилъ на пятилѣтній срокъ въ отправленіе обязанностей одного изъ высшихъ сановниковъ города. Чтобы быть достойнымъ ликторскихъ топоровъ, на которые онъ въ это время расчитывалъ, Тіазъ обѣщалъ народу трехдневный бой гладіаторовъ въ циркѣ. Но его щедрость не остановилась и на этомъ. Всѣми мѣрами добиваясь широкой популярности въ народѣ, онъ самъ лично отправился въ Ѳессалію, чтобы закупить тамъ самыхъ сарѣдкихъ звѣрей, какіе только попадутся, и привести оттуда самыхъ знаменитыхъ гладіаторовъ.

Ему удалось сдѣлать все такъ, какъ ему хотѣлось, и онъ сталъ собираться въ обратный путь. Онъ отказался отъ всѣхъ своихъ дорогихъ и удобныхъ колесницъ, отъ своихъ закрытыхъ и полузакрытыхъ повозокъ. Всѣ эти экипажи слѣдовали за длиннымъ поѣздомъ пустыми. Были у него чудные ѳессалійскіе кони, прекрасные галльскіе иноходцы, въ жилахъ которыхъ струилась старая и благородная кровь,—но и ими пренебрегъ въ этомъ путешествіи благородный Тіазъ. Онъ ѣхалъ на мнѣ. Золотые нагрудники, изящные чепраки, пурпуровые ковры—служили моимъ походнымъ уборомъ. Золотая узда, яркія ленты и звонкіе колокольчики дополняли мой костюмъ. Хозяинъ съ необыкновеннымъ

удовольствіемъ сидѣлъ у меня на спинѣ и время отъ времени велъ со мною ласковыя рѣчи. Многое онъ говорилъ въ похвалу мнѣ, но больше всего, повидимому, былъ доволенъ тѣмъ, что нашелъ во мнѣ и интереснаго гостя за столомъ, и удобную подводу. Когда же мы,—отчасти сухимъ путемъ, отчасти на корабляхъ,—сдѣлали свое путешествіе и прибыли въ Коринѳъ, на встрѣчу намъ высыпалъ положительно весь городъ. Я имѣлъ основаніе предполагать, что народъ шелъ не столько для того, чтобы оказать почетъ и уваженіе Тіазу, сколько для того, чтобы посмотрѣть на меня. Обо мнѣ и тамъ уже говорили немало.

Вполнѣ понятно, что при такихъ обстоятельствахъ я сталъ источникомъ довольно крупныхъ доходовъ для того вольноотпущенника, которому былъ порученъ надзоръ за мною. Онъ скоро понялъ, что всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія и любопытства, желая поскорѣе посмотрѣть на мои штуки. Въ виду этого онъ заперъ двери своего дома и сталъ пускать ко мнѣ посѣтителей по одиночкѣ, взимая за это довольно высокую входную плату, такъ что за день клалъ въ свой карманъ кругленькую цифру сбора.

Въ числѣ другихъ пришла посмотрѣть на меня одна богатая и вліятельная матрона. Какъ и всѣ, она заплатила деньги за входъ, съ наслажденіемъ любовалась моими забавными играми и фокусами и кончила тѣмъ, что почувствовала ко мнѣ страстное и непобѣдимое влеченіе. Напрасно она пробовала бороться съ своею безумною страстью. Какъ новая ослиная Пазифая [1]), она пламенно искала моихъ объятій и только въ нихъ видѣла свое счастье.

Она предложила моему приставнику очень крупную сумму денегъ и на одну ночь откупила меня для своего удовольствія. Вольноотпущенникъ, не интересуясь, насколько это будетъ пріятно мнѣ, охотно пошелъ на эту сдѣлку, которая обѣщала ему хорошій доходъ.

---

[1]) Пазифая, жена Миноса, влюбилась въ быка, посланнаго ея мужу Посейдономъ для жертвы, и имѣла отъ него сына Минотавра.

Ужинъ кончился и мы вышли изъ триклинія нашего господина. У дверей моей комнаты насъ ожидала благородная матрона. Великіе боги! Какъ чудно, какъ безумно роскошно было все приготовлено для этой ночи!

Четыре евнуха усердно взбиваютъ тонкій пухъ въ мягкихъ подушкахъ, запасенныхъ въ огромномъ количествѣ, готовятъ для насъ на полу постель, покрываютъ ее шитымъ золотомъ чуднымъ одѣяломъ и тирскою багряницею, сверху всего накладываютъ кучи маленькихъ изящныхъ подушечекъ, какія кладутъ себѣ подъ щечки и подъ затылокъ изнѣженныя и избалованныя женщины высшаго общества. Потомъ, чтобы не искушать терпѣнія своей госпожи и не мѣшать ея наслажденіямъ, слуги быстро уходятъ и запираютъ за собою дверь въ нашу комнату.

Восковыя свѣчи ярко озаряютъ нашъ богато убранный покой. Матрона своими руками снимаетъ съ себя всѣ принадлежности костюма, кромѣ ленты, которая поддерживала ея красивыя груди. Она подходитъ къ огню, изъ свинцовой баночки беретъ бальзамическое масло, натирается имъ, густо и щедро натираетъ меня, съ особеннымъ стараніемъ умащая мой ротъ и мои ноздри. Потомъ она безъ счету цѣлуетъ меня крѣпко крѣпко. О, это были отнюдь не тѣ поцѣлуи, какіе обыкновенно даются въ публичныхъ домахъ! Это были не продажные поцѣлуи блудницъ, но поцѣлуи искренней и чистой любви! И какія ласковыя рѣчи она мнѣ говорила!

— Люблю тебя, хочу тебя, только о тебѣ и тоскую, жить безъ тебя не могу!

Словомъ, она повторяла всѣ тѣ любовныя рѣчи, въ которыхъ женщины обыкновенно изливаютъ свое сердце и ласки на любимыхъ людей.

Взявъ меня за узду, она ласково и нѣжно пригибала меня къ себѣ. И это ей безъ труда удалось. Я сталъ гибокъ и подвиженъ, готовъ былъ бороться съ какими угодно затрудненіями, потому что слишкомъ уже давно у меня ничего подобнаго не

было и я слишкомъ соскучился по ласкамъ красивой и великосвѣтской женщины. Благородное вино, которое я пилъ за ужиномъ довольно исправно, и благовонныя притиранія — еще больше дразнили и распаляли мои желанія. Правда, не безъ страха я думалъ о томъ, какъ при своихъ огромныхъ ногахъ я, безъ вреда для нѣжной женщины, овладѣю ею,—какъ при своей огромной мордѣ своими безобразными, жесткими, какъ камень, губами буду цѣловать нѣжныя мягкія губки, на пурпурѣ которыхъ, казалось, еще лежала роса амброзіи,—какъ, наконецъ, она перенесетъ крупный объемъ моихъ формъ. Горе мнѣ, если я нанесу вредъ благородной женщинѣ! Если меня поймаютъ на мѣстѣ преступленія, мнѣ придется играть на аренѣ печальную роль въ качествѣ лакомства для дикихъ звѣрей!

А она все шептала мнѣ милыя любовныя рѣчи, все цѣловала меня—съ ласковою улыбкою на лицѣ, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ...

— Я твоя,—шептала она въ полномъ упоеніи, — я твоя, мой сизый голубчикъ, мой милый воробушекъ!

И съ этими словами она легко доказала мнѣ, что всѣ мои опасенія были излишни, что мнѣ нечего было бояться. Она такъ ловко прижалась ко мнѣ, что мнѣ не зачѣмъ было подвигаться впередъ. Когда же я, чтобы не причинить какой нибудь бѣды, старался слегка отодвинуться, она каждый разъ охотно прижималась ко мнѣ и, ухватившись обѣими руками за мою спину, снова пригибала къ себѣ. Клянусь Геркулесомъ, мнѣ иногда казалось, что у меня чего то не достаетъ, чтобы отвѣчать на ласки этой женщины,—что мать Минотавра не напрасно полюбила того, кто отвѣчалъ на ея ласковыя рѣчи мычаніемъ.

Ночь прошла у насъ безъ отдыха и сна. Передъ разсвѣтомъ матрона удалилась и за прежнюю цѣну откупила меня на слѣдующую ночь. Мой учитель съ полною готовностью предлагалъ меня къ услугамъ этой знатной дамы. Отчасти, конечно, ему были по душѣ тѣ деньги, которыя такимъ путемъ переходили къ

нему въ карманъ, но больше всего онъ былъ радъ тому, что можетъ предложить своему господину новое любопытное зрѣлище.

Устроивъ для этого все, что нужно, онъ позвалъ ночью хозяина и показалъ ему насъ, за что и получилъ щедрую награду. Тотъ въ полномъ восторгѣ задумалъ показать меня народу и съ этой стороны. Конечно, моя милая матрона, по своему высокому общественному положенію, не могла согласиться на участіе въ этомъ представленіи. Не пошла бы на это и никакая другая порядочная женщина. Съ большимъ трудомъ склонили къ этому каркую то жалкую женщину, которая по приговору суда была обречена на растерзаніе дикими звѣрями. Ей то и предназначено было войти со мною въ клѣтку въ присутствіи огромной толпы зрителей.

Мнѣ удалось узнать исторію ея преступленія. Въ общихъ чертахъ она заключалась въ слѣдующемъ.

У этой женщины былъ мужъ, отецъ котораго, собираясь въ далекое путешествіе и оставляя дома жену беременною, отдалъ приказаніе, чтобы жена убила своего ребенка, если это будетъ дѣвочка. Бѣдная женщина въ отсутствіе своего мужа родила дѣвочку, но, по естественному чувству материнской любви, не рѣшилась исполнить приказаніе своего мужа, отдала дѣвочку на воспитаніе сосѣдямъ, а мужу, когда онъ вернулся изъ путешествія, сказала, что родила дѣвочку и убила ее.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени. Дѣвочка стала невѣстою. Надо было ее выдавать замужъ. Мать не могла дать ей порядочнаго приданаго и не могла обратиться съ просьбою объ этомъ къ своему мужу, которому вся эта исторія была совершенно неизвѣстна. Въ этомъ положеніи бѣдная мать сдѣлала все, что могла. Она открыла свою старую тайну сыну—отчасти и потому, что опасалась, какъ бы молодой человѣкъ, въ пылкомъ порывѣ юношескаго увлеченія, по незнанію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не покусился на скромность своей родной сестры.

Это былъ очень добрый и очень сердечный молодой чело-

вѣкъ. Онъ охотно повиновался волѣ матери и съ полною готовностью оказалъ помощь своей сестрѣ. Онъ свято хранилъ тайну своего дома. Со стороны въ его поступкахъ было замѣтно только простое и обыкновенное человѣколюбіе. Прямой долгъ кровнаго родства онъ исполнялъ такъ, какъ будто принялъ въ свой домъ подъ свою охрану бѣдную чужую дѣвушку, которая, лишившись родителей въ такіе молодые годы, осталась одна на свѣтѣ. Скоро онъ выдалъ ее замужъ за одного очень хорошаго человѣка, своего близкаго пріятеля, и изъ своихъ средствъ далъ ей приличное приданое.

Но это прекрасное и доброе дѣло, которое было сдѣлано такъ великодушно и честно, не укрылось отъ очей завистливой Фортуны. По ея волѣ эта исторія подняла въ домѣ бѣднаго юноши цѣлую бурю гибельной ревности.

Жена этого добраго брата и сына,—та именно женщина, которую судъ приговорилъ къ растерзанію дикими звѣрями,—стала подозрѣвать невинную дѣвушку, увидѣла въ ней свою соперницу и любовницу своего мужа. Отсюда возникла ненависть.

Ревнивая женщина пустила въ ходъ самое утонченное коварство и злобно покушалась даже на жизнь своей мнимой соперницы. Все это закончилось преступленіемъ.

Похитивъ у мужа перстень, злая женщина отправляется изъ города въ деревню и посылаетъ оттуда къ бѣдной дѣвушкѣ одного раба, вѣрнаго своей госпожѣ, но такого, отъ котораго съ презрѣніемъ отвернулась бы богиня вѣрности. Рабу было поручено сказать дѣвушкѣ, будто молодой человѣкъ, мужъ преступницы, зоветъ ее къ себѣ въ деревню, гдѣ онъ и находится въ настоящую минуту. Рабъ долженъ былъ добавить къ этому просьбу, чтобы дѣвушка явилась какъ можно скорѣе и отправилась въ путь одна, безъ всякихъ провожатыхъ. Чтобы дѣвушка не замѣшкалась долго и не заподозрила посланнаго раба въ обманѣ и лжи, хитрая женщина распорядилась передать своей мнимой соперницѣ тотъ перстень, который она утащила отъ мужа. Та безпрекословно повиновалась волѣ брата (одно только это имя она и давала молодому человѣку) и, повѣривъ его печати на перстнѣ, который предъявилъ ей рабъ, согласно переданному ей приказанію, поспѣшно и совершенно одна пустилась въ путь.

Такъ этой ревнивой и вѣроломной женщинѣ удалось завлечь ее въ сѣти коварства и наглаго обмана.

Когда дѣвушка подошла къ деревнѣ, дикая Фурія, утратившая подъ вліяніемъ ревности и похоти все человѣческое, раздѣла сестру своего мужа до нага и немилосердно избила ее розгами. Бѣдная жертва ея ярости напрасно плакала и клялась, что никакихъ поводовъ къ ревности нѣтъ, что это ея братъ, который заботился о ней по праву родства,—освирѣпѣвшая женщина не хотѣла ничему вѣрить. Ей казалось, что все это ложь, однѣ пустыя выдумки, и она умертвила бѣдную дѣвушку самымъ жестокимъ образомъ, засунувъ ей между ногъ горячую головню.

Вѣсть объ этомъ ужасномъ преступленіи дошла и до города. Братъ долго оплакивалъ ужасную смерть своей бѣдной сестры и въ глубокой печали похоронилъ ее. Но молодой человѣкъ никакъ не могъ примириться съ такимъ возмутительнымъ убійствомъ своей сестры,—примириться съ тѣмъ, что виновницей этого убійства была та именно женщина, отъ которой меньше всего можно было ожидать этого. Невыносимая скорбь глубоко проникла къ нему въ душу. Онъ захворалъ, у него образовалось разлитіе желчи, появилась изнурительная лихорадка, такъ что, по всѣмъ признакамъ, онъ очень нуждался въ скорой и рѣшительной врачебной помощи. Его жена, которая давно уже вмѣстѣ съ стыдливостью утратила и право на названіе жены, обратилась къ доктору, способному на всякій обманъ и вѣроломство, загубившему на своемъ вѣку немало довѣрчивыхъ паціентовъ. Она предложила этому медику 50 сестерцій, если онъ дастъ ей сколько нужно моментально дѣйствующаго яда, съ помощью котораго она расчитывала навсегда отдѣлаться отъ своего мужа. Медикъ пошелъ на эту сдѣлку, приготовилъ ядъ, пришелъ къ больному и сталъ его увѣ-

рять, что для смягченія груди и для излеченія желтухи существуетъ одно, въ высшей степени дѣйствительное средство, которое ученые за его цѣлебныя свойства называютъ даже священнымъ. Вмѣсто этого средства подкупленный медикъ предложилъ своему паціенту питье, которое сразу открываетъ ворота въ царство Прозерпины.

Въ присутствіи всей семьи и нѣкоторыхъ изъ друзей и знакомыхъ, докторъ собственноручно подалъ больному отравленный кубокъ. Но эта дерзкая женщина, чтобы навсегда устранить съ дороги сообщника своего преступленія и удержать при себѣ деньги, которыя она посулила ему за трудъ, остановила протянутую руку врача и обратилась къ нему съ такими словами.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой дорогой докторъ! Прежде чѣмъ мой милый мужъ приметъ твое лекарство, ты самъ долженъ отпить изъ кубка. Почемъ я знаю, можетъ быть въ этомъ кубкѣ отрава. Ты самъ человѣкъ мудрый и ученый, поэтому тебя отнюдь не должно оскорблять то, что вѣрная жена, опасаясь за здоровье своего любимаго мужа, принимаетъ всѣ мѣры предосторожности при его леченіи.

Эта удивительная дерзость отчаянной женщины совсѣмъ сбила съ толку бѣднаго доктора. Онъ растерялся и, вынужденный дѣйствовать рѣшительно и быстро, не сообразивъ хорошенько, въ чемъ дѣло, отхлебнулъ изъ кубка добрый глотокъ. Онъ боялся обнаружить какіе либо признаки сомнѣнія и страха, чтобы не возбудить противъ себя подозрѣній,—опасался, чтобы кто нибудь не подумалъ, что совѣсть у него не чиста. Больной послѣ этой пробы не могъ не вѣрить доктору, взялъ отъ него чашу съ лекарствомъ и выпилъ всю ее до дна.

Такъ неожиданно сложилось все это дѣло. Докторъ хотѣлъ какъ можно скорѣе бѣжать домой, чтобы принять какое нибудь противоядіе и парализовать дѣйствіе выпитаго имъ яда. Но эта безстыдная женщина не останавливается на полдорогѣ, хочетъ довести до конца свое вѣроломство и не позволяетъ доктору отойти отъ постели больного.

— Погоди, любезный докторъ,—говорила ему она.—Пусть твое питье переварится въ желудкѣ больного и появятся признаки, что въ его болѣзни, благодаря твоему леченью, наступилъ переломъ.

Только тогда, когда докторъ истощилъ весь свой запасъ просьбъ и заклинаній, она наконецъ позволила ему удалиться. А ядъ уже огненною волною разлился по всѣмъ его внутренностямъ и проникъ до мозга костей. Полуживой, погруженный въ непобѣдимую сонливость, съ ощущеніемъ разстройства во всемъ организмѣ, вернулся домой бѣдный врачъ. Онъ все таки успѣлъ разсказать своей женѣ все, что съ нимъ случилось, завѣщалъ ей, по крайней мѣрѣ, получить обѣщанную награду за эту двойную смерть и, почти насильственно отравленный наглою женщиною, испустилъ духъ.

Ядъ оказалъ точно такое же дѣйствіе и на паціента. Онъ умиралъ подъ лживыя и притворныя рыданія своей преступной жены.

Его похоронили, справили по немъ всѣ погребальные обряды. Черезъ нѣсколько времени къ коварной вдовѣ пришла вдова медика и стала требовать деньги за это двойное убійство. Хитрая женщина умѣла притвориться и здѣсь. Она сдѣлала видъ, что готова точно и честно выполнить свое обѣщаніе, приняла вдову врача очень любезно и ласково и сказала ей, что разсчитается съ нею до копѣйки, какъ только получитъ отъ нея еще немного этого напитка, чтобы окончить начатое дѣло. Она пустила въ ходъ всѣ свои хитрости и уловки, успѣла обмануть вдову доктора, которая была готова на все, чтобы угодить своей заказчицѣ; та пошла домой и принесла весь остатокъ ядовитаго средства. Это былъ цѣлый арсеналъ для дальнѣйшихъ преступленій. Счастливая отравительница весело потирала свои окровавленные руки.

Отъ мужа, котораго она такъ недавно отправила на тотъ свѣтъ, у ней была маленькая дочка. Къ этой дѣвочкѣ по закону должна была перейти извѣстная часть отцовскаго наслѣдства, что было совсѣмъ не по душѣ ея матери. Та, какъ оказалось, не хотѣла дѣлиться и не задумалась идти на новое преступленіе, чтобы до-

стигнуть своей цѣли. Она оказалась такою же матерью, какою была и женою. Она знала, что права наслѣдства отъ дочери перейдутъ къ ней. Затаивъ свои замыслы про себя, она устроила у себя пиръ и на этомъ пиру тѣмъ же самымъ ядомъ отравила и дочь, и вдову медика. Сильный ядъ скоро разрушилъ слабый и хрупкій организмъ маленькой дѣвочки и остановилъ работу ея молодого сердца. Но вдова медика, какъ только ядовитая влага разлилась по ея легкимъ и внутренностямъ, сразу догадалась, въ чемъ тутъ дѣло. Предчувствуя, что ей грозитъ въ самомъ непродолжительномъ времени смерть отъ отравы, она со всѣхъ ногъ бросилась къ дому предсѣдателя мѣстнаго суда.

Она кричитъ во весь духъ, говоритъ, что имѣетъ открыть чрезвычайно важныя и серьезныя преступленія, возбуждаетъ этимъ волненіе среди городского населенія и наконецъ добивается того, что передъ нею открываются двери дома представителя судебной власти. Высокопоставленный сановникъ изъявилъ готовность ее выслушать. Все по порядку съ начала и до конца разсказала она о жестокихъ преступленіяхъ неугомонной отравительницы. И вдругъ сильное головокруженіе разстроило рядъ ея мыслей, крѣпко сжались поблѣднѣвшія губы, рѣзкій звукъ отъ скрежета зубовъ навелъ на всѣхъ ужасъ и вдова доктора мертвою упала къ ногамъ представителя правосудія.

Это былъ человѣкъ очень опытный въ своемъ дѣлѣ. Онъ не былъ расположенъ давать снисхожденіе преступной женщинѣ мѣшкотностью и отсрочками. Поэтому онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе схватить приближенныхъ слугъ этой отравительницы, которые подъ пытками показали всю правду. Негодную женщину приговорили отдать на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Это, конечно было меньше того, что она заслуживала, но пришлось остановиться на этомъ, потому что не было такого жестокаго наказанія, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея злодѣйству.

И съ такою то женщиною мнѣ предстояло публично, въ присутствіи огромной толпы зрителей, войти въ самыя интимныя отношенія! Я съ ужасомъ ждалъ назначеннаго для этого дня. Я долго и много думалъ, какъ бы мнѣ добровольно и собственноручно покончить съ собою, чтобы только не запятнать себя прикосновеніемъ къ этой гнусной преступницѣ, чтобы не покрыть себя вѣчнымъ стыдомъ и позоромъ, выступивъ на сценѣ въ роли ея любовника. Но я забылъ, что у меня не человѣческая рука, что у меня нѣтъ пальцевъ. Своимъ круглымъ копытомъ я не могъ обнажить мечъ и направить его по своей волѣ.

Кромѣ того, среди всѣхъ этихъ ужасныхъ несчастій я не могъ отогнать отъ себя слабой надежды на полное избавленіе. Наступала весна, вездѣ показались почки, зазеленѣли изумрудныя ковры луговъ. Я зналъ, что скоро на кустѣ розъ шипы прорѣжутъ тонкую кору,—скоро, напоя воздухъ ароматами киннамона, заблещутъ пурпурныя розы и, можетъ быть, во мнѣ снова возродится прежній Люцій.

Наступилъ день, назначенный для гладіаторскихъ игръ. Въ сопровожденіи огромной толпы народа, меня съ великимъ торжествомъ подвели къ барьеру клѣтки. Но очередь была еще не за мною.

На сценѣ шли танцы,—актеры вели хоровую пляску.

Оставленный до поры до времени у дверей, я съ большимъ аппетитомъ лакомился свѣжею травкою, которая росла у самаго входа въ театръ. Ворота были открыты. Я съ любопытствомъ поглядывалъ на сцену и находилъ спектакль очень интереснымъ.

Юноши и дѣвушки, сіяя свѣжестью молодости и рѣдкою красотою, въ изящныхъ костюмахъ, съ необыкновенною граціею въ манерахъ и движеніяхъ, плясали греческую пиррійскую пляску. Они то заплетались въ красивые хороводы и ихъ кругъ вертѣлся какъ колесо, то расходились, и взявшись за руки, становились косой двойной колонной, то, перемѣнивъ мѣста, составляли правильный четырехъугольникъ, то дѣлились на два отдѣльныхъ хоровода. Наконецъ, раздались звуки трубы,—знакъ окончанія этого сложнаго танца съ его разнообразными фигурами.

Поднялся театральный занавѣсъ [1]). Декораціи были сдѣланы съ тѣмъ расчетомъ чтобы представить среди нихъ судъ Париса [2]). Изъ дерева была сдѣлана гора на подобіе той Иды, которую воспѣлъ вдохновенный Гомеръ. Сдѣлана она была мастерски, покрыта кустарниками и живою зеленью. Декораторъ ухитрился устроить на ея вершинѣ источникъ, который тихими струйками ручейка разбѣгался по горѣ. На зеленой травѣ паслось стадо маленькихъ козъ. Молодой человѣкъ, съ золотою повязкою на головѣ, въ прекрасномъ костюмѣ, закутанный въ варварскій плащъ, который красиво спускался съ плеча, игралъ роль фригійскаго пастуха Париса.

Вотъ подходитъ къ нему прехорошенькій мальчикъ—совсѣмъ голый, только легкая хламида слегка закрываетъ лѣвое плечо. Онъ поразительно красивъ. Въ золотистыхъ волосахъ красиво поднимаются двѣ пары симметрически расположенныхъ крылышекъ. По кадуцею и вѣточкѣ въ рукѣ видно, что это Меркурій.

Приплясывая, онъ шелъ по сценѣ. Подойдя къ Парису, Меркурій подалъ ему яблоко, сверху покрытое золотой пластинкой. Жестами онъ объяснилъ, что это яблоко посылаетъ Парису Юпитеръ. Исполнивъ порученіе, мальчикъ красиво и быстро сталъ уходить со сцены и скрылся за кулисами.

Потомъ на сценѣ показалась красивая дѣвушка. Своимъ серьезнымъ видомъ она напоминала богиню Юнону. Въ рукахъ у нея былъ скипетръ, на головѣ лежала бѣлая діадема.

Потомъ появилась другая дѣвушка. По всему можно было видѣть, что это Минерва. Вѣтка оливы обвивала блестящій шлемъ, который былъ у нея на головѣ. Она поднимала свой щитъ и потрясала копьемъ. Казалось, что это сама богиня въ разгарѣ битвы.

Третья дѣвушка поразительною красотою и чуднымъ цвѣтомъ

---

[1]) Буквально «опустился», потому что въ античномъ театрѣ занавѣсъ поднимаясь закрывалъ сцену.

[2]) Это очень цѣнное для исторіи греческаго театра описаніе балета на классической сценѣ.

прелестнаго лица напоминала богиню Венеру. Это была Венера-дѣвственница! Чудная и безупречная красота формъ не пряталась подъ тяжелыми покрывалами, только тонкій и прозрачный шелковый вуаль легко спускался съ ея пояса. Но любопытный вѣтеръ то нѣжно и шаловливо свѣвалъ въ сторону эту легкую ткань и открывалъ пышный цвѣтокъ молодой зрѣлости, то сладострастно закрывалъ ее и, плотно прижавъ къ тѣлу, рельефно очерчивалъ всю прелесть формъ. Два цвѣта сливались вмѣстѣ въ этой богинѣ. Бѣлый цвѣтъ кожи—признакъ того, что она сошла съ неба, и голубой цвѣтъ ткани—знакъ того, что она вышла изъ моря.

Каждая изъ богинь пришла на судъ съ своею собственною свитою.

За Юноной шли Касторъ и Поллуксъ въ мѣдныхъ шлемахъ, на которыхъ сіяли и искрились звѣзды. Подъ стройные звуки боевой трубы, спокойно и строго, съ увѣреннымъ и безстрастнымъ жестомъ, шла по сценѣ богиня. По ея скромнымъ и строгимъ движеніямъ можно было угадать, что она обѣщаетъ пастуху за рѣшеніе дѣла въ ея пользу. Она сулитъ ему власть надъ всею Азіею, если ей онъ отдастъ призъ за красоту.

Два молодыхъ оруженосца шли за Минервой со всѣми ея доспѣхами и танцовали съ обнаженными мечами въ рукахъ. Это были обычные спутники воинственной богини—Страхъ и Ужасъ. Позади ихъ трубачъ игралъ воинственный маршъ. Звенящіе звуки то поднимались, то падали, ускоряя или замедляя шагъ спутниковъ великой богини. Стремительно и безпокойно, съ грозящими очами, подошла къ Парису богиня и рѣзкимъ жестомъ обѣщала ему храбрость, великую боевую славу и много побѣдныхъ трофеевъ, если она выйдетъ побѣдительницей изъ этого состязанія красоты.

На самой серединѣ сцены, при бѣшеномъ восторгѣ всего театра, появилась Венера, окруженная толпою веселыхъ и граціозныхъ мальчиковъ. Она остановилась—съ чудною улыбкою

на губахъ. Казалось, что эти милые мальчики—Купидоны, настоящіе Купидоны, которые только что спустились съ неба или прилетѣли отъ моря. Съ своими маленькими крылышками, съ своими стрѣлами, со всѣми доспѣхами сыновей Венеры — они съ необыкновеннымъ искусствомъ исполняли свою роль. Яркими факелами они озаряли дорогу своей госпожѣ, которая, казалось, собралась на брачный пиръ. Вокругъ нея тѣснились хороводы молодыхъ невинныхъ дѣвушекъ; это—изящныя Граціи и красавицы Горы. Съ веселой улыбкой онѣ осыпали свою царицу цвѣтами и вѣнками и, расчесывая волоса богини наслажденій, сплетались въ какой то волшебный хороводъ.

Запѣли свирѣли съ многими отверстіями, раздалась нѣжная мелодія лидійскаго напѣва. Эти звуки ласкали и нѣжили слухъ зрителей. Но, когда Венера, легко и плавно извиваясь всѣмъ тѣломъ, медленно стала двигаться и пустилась въ пляску, настоящій восторгъ охватилъ всѣхъ зрителей. Плавно сгибая свою чудную голову, она легко и красиво шла подъ аккомпаниментъ нѣжныхъ звуковъ трубы. Казалось, что у нея даже глаза танцовали; въ нихъ свѣтились то отказъ и угроза, то чудная нѣга и желаніе.

Вотъ она остановилась передъ своимъ судьею. Граціознымъ движеніемъ руки она обѣщала ему красивѣйшую изъ женщинъ, во всемъ похожую на саму богиню, если ей онъ присудитъ первый призъ на этомъ состязаніи.

Фригійскій пастухъ быстрымъ и сильнымъ движеніемъ подалъ ей золотое яблоко, которое было у него въ рукахъ.

Чего же вы, глупые люди, вы, кляузники по судамъ, вы, коршуны въ тогахъ, дивитесь тому, что наши судьи торгуютъ своими вердиктами, если на зарѣ жизни, въ состязаніи между богами и людьми, судья былъ подкупленъ красотою? Если деревенскій юноша-пастухъ, избранный въ судьи по волѣ и указанію самого Юпитера, продалъ свой вердиктъ за тотъ посулъ, который льстилъ его сладострастію и похоти,—вердиктъ, погубившій впослѣдствіи

весь родъ легкомысленнаго судьи? Клянусь Геркулесомъ, не лучше былъ и тотъ судъ, который впослѣдствіи разбиралъ споръ между знаменитѣйшими вождями ахейцевъ. Развѣ не на основаніи ложныхъ показаній былъ обвиненъ въ измѣнѣ Паламедъ, знаменитый своею мудростью и своими познаніями? Развѣ не было отдано предпочтеніе обманщику Улиссу въ спорѣ съ великимъ Аяксомъ, героемъ необыкновенной храбрости и доблести? Справедливъ ли былъ судъ и у аѳинянъ, этихъ великихъ законодателей, великихъ мудрецовъ и учителей всякаго знанія? Развѣ тотъ старецъ божественной мудрости, котораго самъ дельфійскій богъ призналъ мудрѣйшимъ изъ смертныхъ, по интригамъ какой то негодной партіи, изъ зависти пустившей въ ходъ ложь и клевету, не подвергся судебному преслѣдованію, какъ развратитель молодежи,—той молодежи, которую онъ всегда держалъ въ уздѣ своими уроками и совѣтами? Развѣ онъ не былъ вынужденъ выпить гибельный сокъ ядовитой цикуты? И это не наложило на его согражданъ пятна вѣчнаго позора?—А теперь даже величайшіе мудрецы и мыслители принимаютъ его возвышенное ученіе и клянутся его святѣйшимъ именемъ, когда подвергаютъ изслѣдованію вопросъ о счастьи.

Но я боюсь, что могутъ найтись люди, которые станутъ упрекать меня за этотъ порывъ негодованія,—которые можетъ быть скажутъ—«до чего же мы дожили, если оселъ рѣшается разводить передъ нами философію и мораль?» Поэтому я снова возвращаюсь къ своему разсказу, отъ котораго нѣсколько уклонился.

Парисъ сказалъ свое рѣшающее слово. Гнѣвными и скорбными жестами выражая свое негодованіе, Юнона и Минерва уходятъ со сцены. Веселая и довольная Венера танцуетъ вмѣстѣ съ своимъ хоромъ, выражая свою радость.

Тогда съ вершины горы, черезъ какое то искусственное отверстіе, брызнула вверхъ струя вина, смѣшаннаго съ шафраномъ. Крупными брызгами разлетаясь по горѣ, она бросила ароматнымъ дождемъ на козъ, которыя паслись по ея склонамъ. Скоро бѣлыя

козы приняли шафранно-желтоватый оттѣнокъ, что придало имъ еще больше прелести. Чудное благоуханіе пронеслось по всему театру. И вдругъ полъ раскрылся и деревянная гора провалилась.

Изъ толпы народа послышались голоса. Требовали, чтобы привели изъ государственной тюрьмы ту женщину, которая, какъ я уже сказалъ, за свои многочисленныя преступленія была приговорена къ растерзанію дикими звѣрями, а предварительно должна была при всемъ народѣ войти со мною въ брачныя отношенія.

Одинъ солдатъ вышелъ изъ театра и пошелъ по площади къ тюрьмѣ.

Для насъ заботливо и усердно готовятъ на аренѣ брачное ложе и стелютъ на немъ мягкую постель. Высокое ложе, отдѣланное блестящею индійскою слоновою костью, было покрыто шелковыми одѣялами и поднимало на себѣ горы пышныхъ подушекъ.

Мнѣ, конечно, было бы очень стыдно такъ всенародно заключать какой бы то ни было бракъ. Но прикосновенія къ этой негодной и преступной женщинѣ я боялся, какъ заразы. Кромѣ того я имѣлъ всѣ основанія бояться и за свою жизнь.

— Какое бы животное,—думалъ я про себя,—ни выпустили на казнь и погибель этой женщины въ ту минуту, когда она будетъ находиться у меня въ объятіяхъ, будетъ неладно и мнѣ. Едва ли отъ дикаго звѣря можно ждать такой разсудительности и такой необыкновенной дрессировки, чтобы онъ по приговору суда растерзалъ только лежащую подо мною женщину и пощадилъ меня, какъ невиннаго осла, незамѣченнаго ни въ какомъ преступленіи?

Опасаясь не только за свою скромность, но и за самую жизнь, я улучилъ минутку, когда мой учитель все свое вниманіе обратилъ на приготовленіе для насъ ложа, когда всѣ слуги были заняты приготовленіемъ звѣрей для представленія на аренѣ и въ ожиданіи забавнаго и неприличнаго зрѣлища оставили меня одного съ моими думами,—улучивъ, говорю минуту, когда за мною

никто не смотрѣлъ, потому что всѣ считали меня кроткимъ и тихимъ осломъ,—я, крадучись и потихоньку, добрался до ближайшихъ воротъ и потомъ во весь опоръ пустился въ самое поспѣшное бѣгство.

Съ опасностью для жизни я галопомъ промчался около шести тысячъ шаговъ и достигъ Кенхреи, одной изъ самыхъ знаменитыхъ колоній Коринфа, которую омываютъ два моря—Эгейское и Сароническое. Сюда собирается обыкновенно очень много народа, потому что эта бухта даетъ самую надежную гавань для кораблей.

Избѣгая многолюдной толпы, я бросился на уединенный берегъ, и, чтобы немного отдохнуть, всѣмъ своимъ тѣломъ растянулся на мягкомъ и нѣжномъ пескѣ, почти подъ брызгами морской волны.

Колесница солнца уже огибала послѣднюю часть дневной дороги. Въ тихомъ сумракѣ вечера я сладко задремалъ и скоро крѣпкій сонъ смежилъ мои утомленныя вѣжды.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ [1]

Было около первой стражи ночи, когда я вдругъ, въ какомъ то ужасѣ, проснулся. Изъ-за морскихъ волнъ только что поднималась полная луна и струила необыкновенно сильное сіяніе.

Въ таинственномъ молчаніи темной ночи, — убѣжденный, что именно богиня луны обладаетъ особеннымъ могуществомъ, что ея волею строится и управляется въ мірѣ все, что божественнымъ мановеніемъ этого блистающаго божества движутся не только домашнія и дикія животныя, но и бездушные предметы, что все на небѣ, на землѣ и на морѣ растетъ вслѣдъ за ея увеличеніемъ и уменьшается, когда она на ущербѣ,—я понялъ, что судьба насытилась моими долгими и тяжелыми страданіями, что, хотя и поздно, она посылаетъ мнѣ нѣкоторую надежду на спасеніе, и рѣшилъ вознести свои молитвы къ этому чудному явленію великой богини.

Я отогналъ отъ себя сонъ, бодро всталъ съ земли и ради очищенія омылся въ морской водѣ. Семь разъ я погружалъ свою голову въ воду, потому что именно это число божественный Пиѳагоръ особенно рекомендуетъ для дѣлъ религіи и набожности. Спокойный и бодрый, но со слезами на глазахъ, я усердно молился могущественной богинѣ.

[1] Эта книга представляетъ особенный интересъ для изслѣдованія класической древности, такъ какъ въ ней находятся самыя подробныя свѣдѣнія о культѣ и таинствахъ Изиды.

— Кто бы ты ни была, о богиня неба,—Церера ли, обитающая нынѣ въ елевзинскихъ поляхъ, благая и щедрая подательница плодородія, которая въ радости по поводу возвращенія своей дочери указала людямъ, до тѣхъ поръ питавшимся сырыми желудями, какъ животныя, другую и лучшую пищу,—или Венера, чтимая нынѣ въ паѳосскомъ святилищѣ, омываемомъ морскими волнами, праматерь всего, въ самомъ началѣ созданія міра родившая Амура и этимъ положившая отличіе между полами и обезпечившая человѣческому роду вѣчное существованіе дарованіемъ смертнымъ потомства,—или сестра Феба, царящая въ чудныхъ храмахъ Ефеса, покровительница беременныхъ женщинъ и рожeницъ, милостью которой является на свѣтъ огромное число многочисленныхъ народовъ,—или ужасная Прозерпина, которую призываютъ по ночамъ дикими криками, которую по лѣсамъ и рощамъ ублажаютъ различными обрядами и церемоніями, владычица подземныхъ тайниковъ, своимъ трехъликимъ видомъ отгоняющая призраки и привидѣнія,—кто бы ты ни была, о великая богиня, своимъ дѣвственнымъ сіяніемъ озаряющая всѣ страны, своимъ влажнымъ огнемъ питающая въ землѣ всѣ сѣмена, струящая свои таинственные лучи послѣ заката солнца,—кто бы ты ни была, подъ какимъ бы именемъ тебя ни чтили, какими бы обрядами не призывали твое благоволеніе,—о, помоги, помоги мнѣ, богиня! Мои несчастія ужасны. Судьба все еще грозитъ мнѣ гибелью. Помоги мнѣ, поддержи меня, не дай мнѣ погибнуть, пошли мнѣ послѣ всѣхъ моихъ испытаній отрадный покой! Трудовъ и опасностей было уже слишкомъ довольно. Освободи меня отъ безобразной наружности четвероногаго животнаго, верни меня людямъ и моимъ друзьямъ, сдѣлай меня снова прежнимъ Люціемъ! Но, если противъ меня все еще злобствуетъ какое то неумолимое въ своемъ гнѣвѣ и жестокое божество, если мнѣ не суждено жить человѣкомъ,—позволь мнѣ умереть, богиня!

Долго изливалъ я въ молитвѣ свое сердце, горько жаловался на свою судьбу и на свои страданія и потомъ, утомленный, снова

легъ на песчаное ложе, чтобы успокоить свою тоскующую душу, и снова погрузился въ глубокій сонъ.

Только что я успѣлъ задремать, какъ передо мною изъ нѣдръ моря съ высоко поднятою головою стала выходить фигура богини, чтимой богами. Раздвигая морскія воды, все яснѣе выступало это прозрачное видѣніе и тихо подходило ко мнѣ. Я попробовалъ бы описать дивную наружность великой богини, еслибы человѣческій языкъ былъ достаточно богатъ и еслибы сама богиня дала мнѣ необходимое для этого пламенное и могучее краснорѣчіе.

Пышные, чудные волосы свободной волной сливались внизъ по божественой шеѣ. Многоцвѣтный вѣнокъ обвивалъ ея высокое чело. Изъ средины вѣнка плоскій кружокъ, похожій на зеркало или, скорѣе, на дискъ луны, бросалъ надъ ея челомъ лучи бѣлаго сіянія. Справа и слѣва, поднимая голову, какъ борозды на полѣ, вились змѣи. Казалось, что они лежали надъ колосьями Цереры.

Ея платье изъ очень тонкой ткани то отливало чудной бѣлизною, то принимало желтоватый шафранный оттѣнокъ, то рдѣло яркимъ пурпуромъ розы. Больше всего меня смущало ея черное покрывало, сверкавшее какимъ то темнымъ блескомъ. Обвивая весь ея станъ, пропущенное подъ правою рукою, оно, какъ щитъ солдата, было закинуто на лѣвое плечо и спускалось большими, широкими складками. Края этого покрывала красиво развѣвались по вѣтру. Какъ по его каймѣ, такъ и по всей ткани тамъ и здѣсь мерцали ночныя звѣзды, а посреди ихъ, во всемъ своемъ великолѣпіи, полная луна, изливавшая потоки свѣта. По всему полю покрывала длинной лентой шла гирлянда изъ цвѣтовъ и фруктовъ.

Странные предметы были въ рукахъ богини. Въ правой рукѣ у нея была мѣдная погремушка, пустая внутри и согнутая въ видѣ пояса; внутри ея было нѣсколько небольшихъ палочекъ, которыя при каждомъ движеніи богини производили рѣзкій звукъ. На лѣвой рукѣ у ней висѣлъ золотой сосудъ; было видно, какъ

съ одной стороны его, высоко поднимая голову и извивая пухлую шею, показывалась змѣя. Ноги, струившія ароматы амброзіи, были одѣты въ сандаліи, сплетенныя изъ листьевъ побѣдной пальмы. Весь воздухъ, казалось, былъ напоенъ чудными благоуханіями счастливой Аравіи.

Богиня близко подошла ко мнѣ и удостоила меня своей благосклонной рѣчи.

— Я тронулась твоими мольбами, Люцій,—я, праматерь всего въ природѣ, владычица стихій, перворожная дочь времени, старшая въ сонмѣ боговъ, царица въ царствѣ тѣней, первая среди небожителей, въ которой воплощаются всѣ лики боговъ и богинь,—я, которая однимъ своимъ мановеніемъ повелѣваю судьбами высокихъ небесъ, спасительными вѣтрами моря, темными тайнами подземнаго міра,—я, то единое божество, которое чтитъ весь міръ подъ различными видами и именами, при всемъ разнообразіи обрядовъ и церемоній. Древніе фригійцы называли меня пессинунтскою матерью боговъ; первые поселенцы Аттики звали меня кекропской Минервой; на Кипрѣ, вокругъ котораго плещется море, мое имя—паѳосская Венера; критскіе стрѣлки поклоняются мнѣ въ видѣ диктинской Діаны; сицилійцы, которые говорятъ на трехъ языкахъ, зовутъ меня стигійской Прозерпиной, елевзинцы древней богиней Церерой; одни—Беллоной, другіе Юноной, тѣ Гекатой, эти Рамнузіей, и только эфіопы, которыхъ озаряютъ первые лучи восходящаго солнца, египтяне, хранители древней мудрости, и сирійцы называютъ меня моимъ настоящимъ именемъ богини Изиды и поклоняются мнѣ при достойныхъ меня и подобающихъ мнѣ обрядахъ. Я сжалилась надъ тобою и пришла къ тебѣ, полная милости и снисхожденія. Перестань плакать, уйми свою скорбь, отгони отъ сердца свои печали. По волѣ моей для тебя настаетъ день спасенія. Внимай моимъ повелѣніямъ, устреми свой печальный слухъ къ моимъ словамъ. Вѣчная религія посвящаетъ мнѣ тотъ день, который сегодня родится изъ нѣдръ этой ночи. Въ этотъ день, когда унимаются зимнія бури,

когда смиряются грозныя морскія волны, когда спускаются на воды корабли для новогодняго плаванія, мои жрецы ежегодно посвящаютъ мнѣ новый корабль и приносятъ начатки земныхъ плодовъ. Готовься къ этой священной церемоніи—безъ унынія, но и безъ разсѣянности и легкомыслія. По моему приказанію, во время этой торжественной процессіи первосвященникъ на систрѣ [1]) правой руки будетъ нести вѣнокъ изъ розъ. Отбросивъ смущеніе и страхъ, полагаясь на мое благоволеніе, спокойно и смѣло подойди къ этой процессіи. Иди тихо и скромно, сдѣлай видъ, что хочешь облобызать руку первосвященника, и сорви нѣсколько розъ изъ его вѣнка на систрѣ. Тотчасъ же спадетъ съ тебя шкура этого гнуснаго и особенно ненавистнаго для меня четвероногаго животнаго. Небойся ничего. То, что я повелѣваю тебѣ, не трудно. Въ эту самую минуту, когда я говорю съ тобою, я, присутствуя здѣсь и тамъ, даю въ сонномъ видѣніи указаніе своему первосвященнику, что ему надо дѣлать. По волѣ моей передъ тобою разступятся густыя толпы народа; во время веселыхъ церемоній и торжественныхъ обрядовъ моего праздника твое превращеніе изъ осла въ человѣка никого не испугаетъ. Никто, по злобѣ или зависти, не истолкуетъ ложно то мгновенное и чудесное перерожденіе, которое совершится на глазахъ у всѣхъ. Только запомни разъ навсегда и вѣчно держи въ своемъ сокрушенномъ сердцѣ, что вся твоя остальная жизнь, вплоть до твоего послѣдняго дыханія, должна быть посвящена мнѣ. По моей милости ты снова станешь человѣкомъ и за это ты, по всей справедливости, изъ благодарности долженъ отдать мнѣ все, что остается тебѣ въ жизни. А я буду всегда хранить тебя и ты будешь счастливъ, будешь пользоваться всеобщимъ почетомъ и извѣстностью. Когда же исполнится срокъ твоей жизни, когда ты сойдешь въ царство тѣней, не забудь и на елевзинскихъ поляхъ всегда чтить меня,

[1]) Систръ—металлическая погремушка, которая употреблялась при обрядахъ культа Изиды.

милостивую къ тебѣ богиню, царицу стигійскихъ чертоговъ, блистающую во тьмѣ Ахерона, которую теперь ты видишь предъ собою. Если же постояннымъ повиновеніемъ, дѣлами благочестія, упорнымъ постомъ и воздержаніемъ ты докажешь, что ты достоинъ моей божественной милости, ты увидишь, что мнѣ—и только мнѣ—возможно продлить дни человѣческой жизни дольше срока, указаннаго судьбою.

Весь обливаясь потомъ, я проснулся отъ глубокаго сна. Полный страха и радости, я поднялся съ своего ложа. Пораженный чудеснымъ явленіемъ могущественной богини, я вновь омылся въ морской волнѣ, вспоминалъ по порядку все, что она мнѣ говорила, и размышлялъ о ея знаменательномъ повелѣніи.

Тѣни темной ночи стали расходиться и блѣднѣть передъ разсвѣтомъ. Показалось золотое солнце. Густыя толпы народа въ праздничномъ и торжественномъ настроеніи покрывали всѣ дороги и площади. Наступилъ день, посвященный великой богинѣ.

Легко и весело было у меня на душѣ. Мнѣ казалось, что все кругомъ,—и животныя, и стѣны домовъ, и даже самъ день,—радуется моею радостью и полно моимъ весельемъ. Густой туманъ минувшей ночи безслѣдно исчезъ. День былъ тихъ и ясенъ. Въ влажномъ воздухѣ, напитанномъ ароматами весны, раздавались звонкія трели проснувшихся птичекъ. Казалось, что и онѣ своими свѣтлыми гимнами славили мать созвѣздій, родоначальницу временъ, праматерь міра. И плодовыя деревья съ первою завязью будущихъ плодовъ и безплодныя, которая своею зеленью даютъ людямъ только тѣнь, мягко сгибая свои зеленѣющія вѣтви, съ нѣжнымъ и ласковымъ ропотомъ склоняли молодую блестящую листву подъ тихимъ дыханіемъ утра. Замерли всѣ бурные отголоски зимняго ненастья, улеглись шумные звуки половодья, тихо журчало у береговъ море, а небо, разсѣявъ мглу тумана, въ ослѣпительномъ блескѣ сіяло своею лазурью.

Вотъ появляются первые вѣстники великаго праздника. Впереди идутъ комическія маски, сдѣланныя съ большимъ остро-

уміемъ и вкусомъ. Идетъ солдатъ, туго затянутый своимъ поясомъ. За нимъ, въ длинной хламидѣ, съ саблею у бока и съ дротикомъ въ рукахъ, показывается охотникъ. Этотъ, очевидно, замаскировался женщиной; онъ драпируется въ шелковыя ткани, весь убранъ драгоцѣнными украшеніями, заплелъ свои волосы въ косы и щеголяетъ въ золоченыхъ башмачкахъ. Тотъ должно быть только что вышелъ изъ школы гладіаторовъ; онъ въ легкихъ сандаліяхъ, съ шлемомъ на головѣ, вооруженъ щитомъ и кинжаломъ. А это, по всѣмъ признакамъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ города; онъ въ пурпурной тогѣ, передъ нимъ—ликторы со своими связками, за нимъ идетъ философъ—въ длинной мантіи, въ туфляхъ, съ длинною палкою въ рукѣ и съ всклоченною бородою. Съ удочками въ рукахъ и со всѣми аттрибутами своего ремесла идутъ рыбаки. Птицеловы несутъ на плечахъ силки и сѣти. На носилкахъ въ костюмѣ знатной дамы несутъ ручную медвѣдицу. За нею идетъ обезьяна въ костюмѣ Ганимеда—съ тюрбаномъ на головѣ, въ одеждѣ шафраннаго цвѣта; въ рукахъ у нея золотой бокалъ и вся она напоминаетъ ѳракійскаго пастуха. Шествіе заключаетъ оселъ, убранный въ птичьи перья; за нимъ его хилый и дряхлый погонщикъ. Эта группа возбуждаетъ всеобщій хохотъ, потому что погонщикъ называетъ себя Беллерофонтомъ, а осла Пегасомъ.

За комическими масками, которыя вызвали въ народѣ полный восторгъ, въ торжественной процессіи показались жрецы великой богини, моей покровительницы. Шли женщины въ ослѣпительно бѣлыхъ одеждахъ; на ихъ лицахъ свѣтилась веселая и довольная улыбка. Однѣ изъ нихъ несли въ подолахъ букеты и гирлянды цвѣтовъ; цвѣтами и зеленью онѣ усыпали дорогу, по которой двигалось это торжественное шествіе. У другихъ на спинѣ были блестящія зеркала, въ которыхъ отражалась вся многочисленная свита богини. У третьихъ въ рукахъ были гребенки изъ слоновой кости; тѣ дѣлали видъ, будто убираютъ царственные волосы великой Изиды. Наконецъ было нѣсколько и такихъ женщинъ, ко-

торыя, по каплѣ изливая изъ сосудовъ ароматныя вещества и драгоцѣнный бальзамъ, опрыскивали площади и улицы. Огромная толпа мужчинъ и женщинъ шла съ лампами, факелами, восковыми свѣчами и всевозможными свѣтильниками въ рукахъ, чтобы свѣтомъ земного огня почтить высокую госпожу небесныхъ созвѣздій.

Раздавались стройные звуки музыки. Трубы и свирѣли наигрывали мелодичные и граціозные гимны. Имъ вторилъ хоръ изъ лучшей молодежи города. Всѣ въ одинаковой бѣло-снѣжной одеждѣ безъ рукавовъ—дѣвушки и юноши—пѣли вдохновенную пѣснь, которую, по высокому внушенію Каменъ, сложилъ и написалъ на этотъ случай знаменитый поэтъ, воспользовавшись для этого обрядными молитвами и обѣтами. Съ кривыми рогами, которые загибались къ лѣвому уху, шли трубачи, посвященные великому Серапису, и наигрывали гимны, какими обыкновенно оглашается храмъ этого великаго бога. Вездѣ были видны вѣстники и герольды, которые громко кричали, чтобы народъ давалъ дорогу священной процессіи.

За ними появились группы людей, посвященныхъ въ великія таинства богини,—мужчинъ и женщинъ, всякаго возраста и всякаго сословія. Всѣ были въ блестящихъ бѣлыхъ льняныхъ одеждахъ. Раздушеные волосы женщинъ были окутаны легкимъ флеромъ. Черепа мужчинъ были такъ гладко выбриты, что подъ солнцемъ блестѣли и лоснились. Эти земныя звѣзды великой религіи мѣдными, серебряными и золотыми систрами производили рѣзкіе металлическіе звуки. Старшіе жрецы, эти предшественники богини, въ узкой и длинной, доходившей до пятъ одеждѣ изъ бѣлаго льна, несли великіе символы всемогущихъ боговъ. Одинъ несъ свѣтильникъ, который горѣлъ необыкновенно ярко. Этотъ свѣтильникъ нисколько не былъ похожъ на тѣ, какіе освѣщаютъ наши ночныя пирушки. Весь изъ золота, онъ былъ похожъ на челнокъ, изъ середины котораго—черезъ сдѣланное для этого отверстіе—выходило широкое пламя. Второй, одѣтый такъ же, какъ и первый, въ обѣихъ

рукахъ несъ алтари, которые называются *алтарями помощи*. Такое имя дано имъ потому, что молитвы при нихъ особенно располагаютъ на скорую помощь милостивую богиню. Третій несъ пальмовую вѣтвь, листья которой были искусно сдѣланы изъ золота, и кадуцей, напоминавшій кадуцей Меркурія. Четвертый несъ эмблему справедливости,—лѣвую руку съ прямо вытянутыми пальцами. Лѣвая рука обыкновенно не такъ гибка, проворна и подвижна, какъ правая, и именно поэтому болѣе соотвѣтствуетъ сущности справедливости. Тотъ же жрецъ несъ золотой сосудъ, сдѣланный на подобіе женской груди, изъ котораго капало молоко. Пятый несъ вѣялку, покрытую золотыми вѣтками, а шестой—золотую амфору.

Вслѣдъ за этими жрецами показались сами боги, соблаговолившие на этотъ разъ шествовать на человѣческихъ ногахъ. Одинъ, съ лицомъ наполовину чернымъ и наполовину золотымъ, на длинной шеѣ высоко поднимаетъ кверху собачью голову; этотъ спутникъ боговъ неба и ада въ лѣвой рукѣ несъ кадуцей, а въ правой зеленую пальмовую вѣтвь. По его слѣдамъ съ поднятыми на воздухъ передними ногами шла корова, какъ великій символъ всерождающей богини; ее, съ большимъ благоговѣніемъ воздѣвъ на свои рамена, несъ одинъ изъ блаженнаго синклита старшихъ жрецовъ. Слѣдомъ за нимъ другой жрецъ несъ таинственную корзину, въ которой хранились священныя тайны чудодѣйственной религіи. Одинъ изъ жреческой братіи въ обѣихъ рукахъ держалъ досточтимый образъ высшаго существа. Этотъ символъ не имѣлъ никакого сходства ни съ птицами, ни съ домашними или дикими животными, ни съ человѣкомъ; онъ былъ сдѣланъ очень замысловато; самая новизна и оригинальность замысла возбуждала особенное благоговѣніе; въ немъ чуялось неизъяснимое откровеніе болѣе высокаго и въ великой тайнѣ оберегаемаго культа. Это была маленькая урна съ круглымъ основаніемъ, сдѣланная съ большимъ мастерствомъ и покрытая листовымъ золотомъ; съ наружной стороны она была покрыта удивительными письменами и фигурами египтянъ. Ея не особенно длинная шейка была сдѣлана въ видѣ канала и длиннымъ ручейкомъ выходила наружу; съ другого конца изъ широкаго основанія выходила длинная ручка, на крутомъ изгибѣ которой сидѣла змѣя съ опухшею чешуйчатою шеею.

Наконецъ появляется и тотъ, который держалъ въ своихъ рукахъ обѣщанное мнѣ великою богинею счастіе,—появляется верховный жрецъ, мой избавитель. Все до мелочей въ его уборѣ было именно такъ, какъ это было предсказано мнѣ въ прошедшую ночь божественнымъ откровеніемъ; въ правой рукѣ у него былъ систръ для богини и вѣнокъ для меня,—клянусь Геркулесомъ, поистинѣ побѣдный вѣнокъ. Жрецъ по благости милостивой богини, несъ наконецъ мнѣ послѣ столькихъ бѣдствій и испытаній побѣду надъ моею неумолимою судьбою.

Но, охваченный внезапною радостью, я не бросился впередъ въ неудержимомъ порывѣ, опасаясь неожиданнымъ появляніемъ четвероногаго животнаго нарушить торжественное шествіе священной процессіи. Медленно, благоговѣйнымъ и поистинѣ человѣческимъ шагомъ, слегка наклонивъ все свое тѣло, я тихо шелъ впередъ, а народъ,—конечно, по внушенію свыше,—давалъ мнѣ дорогу.

Старшій жрецъ, какъ я могъ замѣтить, сразу же вспомнилъ о своемъ ночномъ видѣніи. Удивляясь, что все шло именно такъ, какъ ему было предсказано, онъ остановился, протянулъ впередъ правую руку и поднесъ мнѣ къ самому рту вѣнокъ изъ розъ.

Я чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Сердце мое билось неудержимо. Жадными губами я схватилъ вѣнокъ, который весь былъ усѣянъ чудными розами, и алчно глоталъ чудесные лепестки.

Не обмануло меня божественное обѣщаніе!

Безобразная наружность животнаго тотчасъ же пропала. Клочьями стала падать съ меня грязная шерсть; толстая шкура становится тоньше; огромный животъ опадаетъ; ослиныя копыта превращаются въ человѣческую ногу съ настоящими пальцами; руки перестаютъ быть ногами, поднимаются кверху и становятся способными къ человѣческой работѣ; короче становится

длинная шея; ротъ и голова дѣлаются круглѣе; огромныя уши принимаютъ прежній небольшой объемъ; зубы, крѣпкіе, какъ камень, становятся настоящими зубами человѣка и хвостъ, который особенно мучилъ меня, совсѣмъ пропадаетъ.

Толпы народа дивятся этому чудесному превращенію. Жрецы прославляютъ воочію явленное здѣсь могущество величайшей богини. Превращеніе, которое произошло такъ легко и быстро, по своей чудесности напоминало какой то чудный сонъ.

Яснымъ и звучнымъ голосомъ, воздѣвъ руки къ небу, присутствующіе свидѣтельствуютъ о новомъ дивномъ благодѣяніи богини.

Глубокое изумленіе, казалось, пригвоздило меня къ моему мѣсту. Я стоялъ безъ слова и движенія. Мое сердце не могло сладить съ приливомъ такой нежданной и такой полной радости. Я не зналъ, какое слово лучше всего сказать мнѣ въ эту минуту, чѣмъ испробовать способность рѣчи, которая ко мнѣ снова вернулась. Я не зналъ, какіе звуки возвращеннаго мнѣ языка принесутъ мнѣ счастливое предзнаменованіе на будущую жизнь, чѣмъ и какъ я могу воздать свою благодарность великой богинѣ.

Верховный жрецъ по откровенію свыше зналъ уже всѣ превратности въ моей судьбѣ, но и онъ былъ глубоко пораженъ такимъ необыкновеннымъ чудомъ.

Наконецъ онъ пришелъ въ себя и далъ знакъ, чтобы мнѣ дали какой нибудь льняной плащъ, потому что я, когда оселъ выпустилъ меня изъ своей гнусной шкуры, крѣпко сжавъ ноги и вытянувъ впередъ руки, старался, насколько это возможно голому, прикрыть свою наготу естественными средствами. Одинъ изъ участниковъ этой процессіи немедленно снялъ съ себя тунику и быстро накинулъ ее на меня.

Тогда верховный жрецъ, съ веселымъ и въ высшей степени добрымъ лицомъ, пристально посмотрѣлъ на меня и заговорилъ такъ.

— Послѣ многихъ и разнообразныхъ бѣдствій и испытаній,

послѣ всевозможныхъ ударовъ и неистовыхъ бурь судьбы, ты, о Люцій, достигъ наконецъ спокойной гавани и жертвенника милосердія! Ничто не могло спасти тебя отъ бѣды,—ни твое высокое происхожденіе, ни твои личныя достоинства, ни та наука, въ которой ты сдѣлалъ такіе успѣхи. Ты былъ на скользкомъ пути юношескихъ увлеченій, отдался страсти къ рабѣ и за свое несчастное любопытство понесъ заслуженное наказаніе. Но слѣпая и враждебная къ тебѣ судьба, подвергнувъ тебя худшимъ изъ своихъ ударовъ, совершенно неожиданно привела тебя къ этому торжественному моменту спасенія. Пусть же она идетъ отъ насъ своей дорогой! Пусть неистовствуетъ въ своемъ непримиримомъ гнѣвѣ, но пусть ищетъ для своей жестокости другую жертву! Нѣтъ мѣста для несчастной случайности въ жизни тѣхъ, кого величіе нашей богини избираетъ для своего священнаго служенія! Что могутъ сдѣлать тебѣ разбойники, дикіе звѣри, рабство, всѣ случайности трудныхъ путешествій, постоянный страхъ смерти и всѣ другія средства неумолимой судьбы, если ты принятъ подъ охрану судьбы не слѣпой, но зоркой,—подъ охрану той богини, которая блескомъ своего сіянія озаряетъ самихъ боговъ? Пусть же прояснится твое лицо! Пусть твоя наружность соотвѣтствуетъ твоей бѣлой одеждѣ! Спокойно и торжественно иди въ процессіи благосклонной къ тебѣ богини. Пусть видятъ тебя нечестивые и невѣрующіе, пусть видятъ и познаютъ свое заблужденіе! Вотъ, онъ, освобожденный отъ прежнихъ страданій,—вотъ онъ, Люцій, славящій милости великой Изиды,—вотъ онъ, одержавшій побѣду надъ рокомъ! Но, чтобы спасти себя отъ опасности и на будущее время, чтобы имѣть надъ собою вѣрный покровъ и защиту,— немедленно вступи въ ряды нашей священной милиціи, таинства которой нѣкогда будутъ открыты тебѣ на твое благо. Посвяти же себя служенію нашей религіи, добровольно прими на себя бремя нашихъ священныхъ трудовъ! Ты только тогда узнаешь лучшіе плоды своего спасенія и своей свободы, когда начнешь служить нашей богинѣ.

Съ трудомъ переводя дыханіе, великій жрецъ кончилъ свое вдохновенное поученіе и замолкъ.

А я, смѣшавшись съ толпою слугъ великой богини, пошелъ въ этой процессіи, сопровождая святыню. Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ и любопытствомъ, показывали на меня пальцами и кивками головы, всѣ только обо мнѣ и говорили.

— Сегодня,—слышались замѣчанія изъ толпы, — благая воля всемогущей богини сдѣлала его человѣкомъ. Сегодня онъ счастливъ, трижды счастливъ, клянусь Геркулесомъ! Такую дивную благосклонность неба онъ, конечно, заслужилъ благочестіемъ и добродѣтелями прежней жизни. И, какъ только что онъ ожилъ для новой жизни, онъ далъ уже обѣщаніе посвятить себя служенію святыни.

Среди такихъ рѣчей, при звукахъ гимновъ и молитвъ мы медленно шли къ морскому берегу. Мы приближались уже къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ я ночевалъ послѣднюю ночь въ шкурѣ осла.

По обряду были разставлены всѣ священныя изображенія. Верховный жрецъ факеломъ, яйцомъ и сѣрою освятилъ корабль, сдѣланный съ большимъ искусствомъ и покрытый египетскими письменами и начертаніями. Онъ очистилъ его, вознося изъ своихъ чистѣйшихъ устъ торжественнѣйшія молитвы, и посвятилъ его великой богинѣ. Священный корабль, какъ жертвенный даръ, стоялъ у берега. На его бѣлоснѣжномъ парусѣ большими буквами было написано пожеланіе счастливой навигаціи на новый годъ. Высоко поднималась круглая, блестяще отполированная мачта; на ней по вѣтру развѣвался яркій и блестящій вымпелъ. Блистала загнутая, покрытая золотыми бляхами корма. И вся лодка, сдѣланная изъ лучшаго лимоннаго дерева, такъ и сіяла, такъ и свѣтилась своей полировкой.

Всѣ присутствующіе—и жрецы, и міряне—льютъ на воду молоко, несутъ въ лодку корзины съ ароматами и другими приношеніями, съ пожеланіями счастливаго плаванія. Щедрыми дарами

лодка наполняется до краевъ. Перерубаются якорные канаты. Свѣжій и легкій вѣтерокъ гонитъ лодку въ море.

Когда обѣтный корабликъ скрылся изъ глазъ народа, жрецы и служители храма подняли священные предметы, вынесенные сюда для торжественнаго освященія воды, и съ прежними обрядами, при праздничномъ ликованіи всей толпы, въ красивой церемоніи понесли ихъ снова въ храмъ.

Шествіе остановилось у воротъ святилища. Служители храма и посвященные въ таинства богини вошли во внутреннія помѣщенія храма, и тамъ, соблюдая положенные на это обряды, поставили священныя изображенія. Тогда выступилъ одинъ изъ жрецовъ, который назывался Грамматеемъ, сталъ у воротъ храма и пригласилъ на засѣданіе всю коллегію пастофоровъ (такъ назывались члены этого священнаго братства). Потомъ, съ довольно высокой каѳедры, по книгѣ съ странными буквами, онъ призвалъ благословеніе на императора, на сенатъ, на сословіе всадниковъ, на весь римскій народъ, на мореплавателей, на все, что покорно и подвластно нашему государству, и по ритуалу заключилъ свое благословеніе греческою формулою λάοις ἄφεσις (отпускъ мірянамъ).

Это были напутственныя слова для непосвященныхъ въ таинства участниковъ процессіи. Толпы народа съ священными предметами, цвѣтами и травами въ рукахъ шумно хлынули къ ступенямъ храма и цѣловали ноги серебрянаго изображенія богини. Потомъ всѣ стали расходиться по своимъ домамъ. Но я, въ порывѣ благоговѣнія и благодарности, не могъ удалиться отъ храма. Не отводя глазъ отъ изображенія богини, я молча вспоминалъ всѣ свои злоключенія.—

Молва не опустила своихъ крыльевъ. Скоро и бодро она снесла на мою родину вѣсть о великомъ благодѣяніи милостивой богини и всѣмъ разсказала любопытную исторію моихъ бѣдствій. Тотчасъ же мои слуги, друзья и родственники, которыхъ такъ опечалило ложное извѣстіе о моей мнимой смерти, въ радости по

поводу моего чудеснаго спасенія, поспѣшили къ священнымъ порогамъ нашего храма, чтобы увидѣть меня, какъ какого то выходца изъ могилы. Я давно уже не разсчитывалъ на такое свиданіе. Мнѣ было очень пріятно свидѣться и говорить съ ними и я съ благодарностью принялъ ихъ щедрыя приношенія. Сказать правду, мои домашніе въ достаточномъ количествѣ принесли мнѣ всего, что было мнѣ нужно, чтобы жить и одѣться.

Я досыта наговорился съ каждымъ изъ нихъ; всѣмъ разсказалъ, какъ я бѣдствовалъ прежде и какъ счастливъ теперь, и снова вернулся къ созерцанію богини, что съ этихъ поръ стало для меня величайшею радостью въ жизни.

Въ самой оградѣ храма я нанялъ себѣ небольшой домикъ, устроилъ себѣ временное жительство и, не будучи еще посвященъ въ таинства храма, все свое время посвящалъ общественному и частному служенію богинѣ и долгимъ бесѣдамъ съ жрецами. Я неотлучно былъ при святынѣ, какъ самый усердный и ревностный поклонникъ ея божества.

Каждую ночь, какъ только сонъ сходилъ на мои глаза, я въ видѣніи зрѣлъ ея ликъ и слышалъ ея совѣты и увѣщанія. Она говорила мнѣ, что я избранъ ею для служенія ея таинствамъ и долженъ принять посвященіе. Очень хотѣлось мнѣ этого и самому, но по какому то чудесному и благоговѣйному страху я, до поры до времени, воздерживался отъ окончательнаго рѣшенія и спрашивалъ у всѣхъ объ обязанностяхъ этого служенія. Всѣ мнѣ говорили, что оно очень нелегко, что привыкнуть къ воздержанію, цѣломудрію и чистотѣ — подвигъ трудный, что новая жизнь полна своихъ соблазновъ и искушеній и именно по этому требуетъ особенной осторожности и сдержанности. Я не зналъ, на что мнѣ рѣшиться,—то торопился принять посвященіе, то снова откладывалъ это дѣло.

Однажды во снѣ мнѣ приснилось, будто бы ко мнѣ подходитъ верховный жрецъ, у котораго за пазухой лежатъ какія то вещи. Я спросилъ у него, что это такое. Онъ сказалъ мнѣ, что

все это прислали мнѣ изъ Ѳессаліи и что ко мнѣ вернулся мой прежній рабъ—Кандидъ (бѣлый).

Проснувшись, я долго думалъ, что бы могло значить это сновидѣніе. Особенно меня смущало то, что, сколько я ни рылся въ памяти, я не могъ вспомнить, чтобы у меня когда нибудь былъ рабъ по имени Кандидъ. Какое бы, впрочемъ, ни было истинное значеніе этого сна, мнѣ все таки было ясно, что онъ обѣщаетъ мнѣ что то хорошее, какую то выгоду, такъ какъ мнѣ были принесены какія то вещи.

Предполагая, что мнѣ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ какая то удача, я нетерпѣливо ждалъ той минуты, когда утромъ откроются ворота храма. И вотъ раздвинулись въ стороны бѣлыя завѣсы. Мы склонились передъ досточтимымъ ликомъ богини, а верховный жрецъ обошелъ всѣ жертвенники, совершая обычные обряды. При чтеніи торжественныхъ молитвъ онъ бралъ изъ источника, находившагося въ святилищѣ храма, воду и по ритуалу возливалъ ее на жертвенникъ. Эти обряды были исполнены. Всѣ присутствующіе воспѣли привѣтственный гимнъ новому дню, возвѣщая наступленіе его перваго часа.

Тогда мнѣ сказали, что ко мнѣ съ родины пришли мои слуги, которыхъ я тамъ оставилъ, когда роковая ошибка Фотиды снабдила меня длинными ушами. Отъ нихъ я узналъ, что они привели съ собою и моего коня, который не разъ уже переходилъ съ тѣхъ поръ изъ рукъ въ руки. Его узнали по особой отмѣткѣ на спинѣ и теперь снова возвращали мнѣ по принадлежности. Только тогда я понялъ свой сонъ. Онъ сбылся въ точности. Я получилъ и выгоду, которая мнѣ была обѣщана, и своего раба Кандида, такъ какъ ко мнѣ вернулся мой конь бѣлой масти.

Это на меня сильно подѣйствовало. Я сталъ еще усерднѣе и ревностнѣе служить богинѣ, видя въ ея настоящей благосклонности залогъ будущихъ благодѣяній. Съ каждымъ днемъ во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе разгоралось желаніе добиться посвященія въ ея таинства. Я часто ходилъ къ первосвященнику и неотступно

просилъ его назначить ту ночь тайны, когда меня примутъ въ число посвященныхъ.

А это былъ человѣкъ въ высшей степени серьезный. Онъ пользовался репутаціею ревностнаго и усерднаго жреца строгой религіи. Какъ отецъ, который сдерживаетъ нетерпѣливые порывы своихъ юныхъ дѣтей, такъ и онъ ласково и кротко уговаривалъ меня ждать и поддерживалъ во мнѣ надежду, когда я начиналъ поддаваться тревожнымъ опасеніямъ. Онъ говорилъ мнѣ, что волею богини опредѣляется и день, когда можно принять кого либо въ число ихъ братства, и тотъ жрецъ, которому предлежитъ исполнить необходимые при этомъ обряды. По ея же указанію опредѣляется и сумма издержекъ, неизбѣжныхъ при этой церемоніи. Онъ говорилъ, что и мнѣ слѣдуетъ смиренно и кротко подчиниться этимъ условіямъ, что нетерпѣливость такой же грѣхъ, какъ и упорство, что нельзя медлить, когда богиня зоветъ къ себѣ, и нельзя торопиться безъ ея призыва. Онъ былъ убѣжденъ, что въ его коллегіи не найдется такого нечестиваго и преступнаго человѣка, который безъ яснаго и опредѣленнаго приказанія богини осмѣлился бы — по безразсудству, достойному смерти, — совершитъ обрядъ помазанія въ таинство. Это могло бы грозить страшной опасностью, такъ какъ въ рукахъ богини и тайны ада, и источники здоровья. Самое посвященіе служитъ символомъ сперва добровольной смерти, потомъ возрожденія къ новой жизни. И богиня, для служенія себѣ, обыкновенно избираетъ людей, почти совершившихъ путь жизни, которые стоятъ на порогѣ смерти, потому что имъ съ большею увѣренностью можно довѣрить великія тайны религіи. Потомъ, по ея могуществу, эти избранники снова запасаются силами на новую жизнь и какъ бы начинаютъ жить новый вѣкъ. Этимъ религіознымъ установленіямъ долженъ подчиниться и я, хотя, по очевидной милости ко мнѣ великаго божества, я уже призванъ и предназначенъ для ея блаженнаго служенія. Какъ всѣ другіе ея слуги, я долженъ воздерживаться отъ недозволенной и нечистой пищи. Именно такъ я

скорѣе всего дойду до познанія глубочайшихъ тайнъ чистѣйшей религіи.

Такъ говорилъ верховный жрецъ. Моя нетерпѣливость не пересилила моей покорности. Погруженный въ тихую задумчивость и ненарушимое безмолвіе, я много дней ревностно прислуживалъ при всѣхъ богослужебныхъ обрядахъ.

И надежда меня не обманула. Дивная благосклонность могущественной богини не заставила меня долго ждать и терзаться. Въ темную ночь, но въ ясныхъ словахъ она прямо возвѣстила мнѣ, что насталъ для меня великій день, когда можетъ исполниться мое завѣтное желаніе. Она опредѣлила и сумму издержекъ на этотъ предметъ и указала на Митру, своего главнаго жреца, какъ на совершителя всѣхъ обрядовъ при моемъ посвященіи. Именно онъ, говорила богиня, по таинственному соотношенію созвѣздій близокъ и родственъ мнѣ.

Обрадованный этими милостивыми словами богини, я проснулся, только что слегка забрезжилъ свѣтъ утра и быстро бросился къ жилищу первосвященника. Я встрѣтилъ его, когда онъ выходилъ изъ своихъ покоевъ, и привѣтствовалъ его. Я хотѣлъ особенно настойчиво на этотъ разъ просить его о посвященіи, какъ о дѣлѣ повиновенія волѣ великой богини. Но верховный жрецъ, замѣтивъ меня, самъ первый заговорилъ со мною.

— О, какъ ты удивительно счастливъ, мой Люцій! Какъ явно благоволитъ къ тебѣ высочайшее божество! Чего же теперь ты ждешь? Зачѣмъ ты медлишь? Онъ наступилъ, тотъ великій день, котораго ты ждалъ такъ жадно и такъ нетерпѣливо! По божественному повелѣнію многоименной богини, я самъ, своими собственными руками, введу тебя въ сокровеннѣйшія таинства богини.

Почтенный старецъ взялъ меня за руку и повелъ къ воротамъ обширнаго храма. Съ особенною торжественностью онъ совершилъ обрядъ открытія священныхъ воротъ, по ритуалу исполнилъ утренніе жертвенные обряды и изъ потаенныхъ нѣдръ святилища принесъ мнѣ какія то книги, буквы которыхъ были мнѣ совсѣмъ

незнакомы. Тамъ были фигуры всевозможныхъ животныхъ, какъ символы многихъ словъ прямой рѣчи, и угловатыя черточки, которыя то сгибались въ видѣ колеса, то походили на очертанія виноградной лозы. Эти письмена ограждали великую тайну отъ любопытства непосвященныхъ.

Верховный жрецъ сказалъ мнѣ, что надо приготовить для этой церемоніи. Отчасти самъ лично, отчасти черезъ друзей я купилъ все—даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ было приказано.

Насталъ, по словамъ верховнаго жреца, тотъ часъ, когда можно было приступить къ совершенію таинства. Я, въ сопровожденіи всей достопочтенной коллегіи, отправился въ баню. Когда я вымылся въ банѣ, верховный жрецъ, призывая на меня благословеніе боговъ, таинственнымъ образомъ окропилъ меня—ради моего очищенія.

Былъ уже вечеръ, когда мы снова вернулись къ храму. Мой мистагогъ [1]) поставилъ меня у самыхъ ногъ богини и по секрету сдѣлалъ мнѣ нѣсколько наставленій, которыя выше всякаго слова. Потомъ громко, въ присутствіи всѣхъ свидѣтелей, онъ приказалъ мнѣ въ теченіе десяти дней воздерживаться отъ удовольствій Венеры, не ѣсть мясного и не пить вина.

Я добросовѣстно исполнилъ это приказаніе и провелъ десять дней въ полномъ воздержаніи.

Наступилъ день, назначенный для священнодѣйствія. Солнце склонялось къ вечеру.

Со всѣхъ сторонъ стекаются толпы народа и, по старинному обычаю, предлагаютъ мнѣ подарки. Послѣ этого всѣ непосвященные должны были удалиться. На меня надѣли грубую холщевую одежду. Мистагогъ взялъ меня за руку и ввелъ въ самую потаенную часть святилища.

Можетъ быть ты, любопытный и любознательный читатель, пожелаешь узнать, что говорилось и дѣлалось тамъ? Я бы охотно

[1]) Мистагогъ—тотъ жрецъ, который посвящаетъ въ таинства Изиды.

сказалъ тебѣ это, еслибы объ этомъ можно было говорить. Ты бы услышалъ это, еслибы это можно было слышать. При безразсудномъ любопытствѣ одинаково грѣшатъ какъ языкъ, такъ и уши. Однако я не хочу подвергать пыткѣ твое любопытство, которое, можетъ быть, исходитъ и изъ религіозныхъ побужденій. Итакъ, слушай и вѣрь мнѣ, что все это правда.

Я былъ у предѣловъ смерти. Я переступилъ порогъ Прозерпины, прошелъ по всѣмъ стихіямъ міра и вернулся назадъ. Въ глубокую полночь я видѣлъ солнце, блистающее всѣмъ своимъ свѣтомъ. Я подходилъ къ богамъ неба и ада, стоялъ передъ ними лицомъ къ лицу и склонялся къ ихъ ногамъ.

Я сказалъ тебѣ все, но, конечно, и выслушавъ это, ты не можешь понять великой тайны. Все таки я разскажу тебѣ то, что можно сказать непосвященнымъ, не преступая тайны.

Обрядъ посвященія кончился утромъ. При торжественной церемоніи я двѣнадцать разъ мѣнялъ священныя одѣянія и вошелъ наконецъ въ святилище храма въ такомъ костюмѣ, который, при всей его священной таинственности, я имѣю право описать здѣсь. Въ этомъ отношеніи мнѣ не мѣшаютъ никакія обязательства. Кромѣ того, въ немъ меня видѣли и весьма многіе изъ присутствующихъ.

Посрединѣ священнаго храма меня поставили предъ изображеніемъ богини и приказали стать на деревянную скамейку. На мнѣ была красивая льняная одежда, затканная пестрыми цвѣтами. Дорогая хламида, спадая съ плечъ, спускалась по спинѣ до самыхъ пятокъ. По обѣимъ сторонамъ ея различными красками были изображены всевозможныя животныя,—драконы Индіи и гиперборейскіе грифы съ львинымъ тѣломъ, но съ головою и крыльями орла, какія водятся въ этихъ далекихъ краяхъ. У посвященныхъ эта хламида называется олимпійскою столою.

Въ правой рукѣ я держалъ зажженный факелъ. Моя голова была красиво убрана листьями бѣлой пальмы, расположенными въ видѣ лучей.

Такимъ образомъ, когда я со всѣми аттрибутами солнца стоялъ въ видѣ статуи, завѣсы были отдернуты и я предсталъ любопытнымъ взорамъ народа.

Потомъ, чтобы отпраздновать счастливый день моего возрожденія путемъ мистерій, былъ устроенъ веселый и обильный пиръ. На третій день, въ силу религіозныхъ установленій, этотъ пиръ и весь обрядъ посвященія былъ торжественно оконченъ.

Нѣсколько дней я оставался еще при храмѣ, съ несказаннымъ блаженствомъ погружаясь въ лицезрѣніе великой богини, которой я былъ такъ много обязанъ за ея милостивое благодѣяніе. Въ полномъ смиреніи, по мѣрѣ силъ, я воздалъ глубокую благодарность богинѣ, хотя и слабую въ сравненіи съ неизрѣченною милостью, и потомъ, по настойчивому внушенію богини, уже довольно поздно сталъ готовиться къ отъѣзду домой.

Съ трудомъ могъ я порвать узы горячей любви, которыя связывали меня съ моей всемогущей благодѣтельницей. Я палъ ницъ передъ ея свѣтлымъ ликомъ, я осыпалъ поцѣлуями ея божественныя ноги;—глубокіе вздохи поднимали мою грудь, слезы лились изъ глазъ и рыданія прерывали мои слова, когда я возносилъ ей свою благодарственную молитву.

— О, богиня, вѣчная и святѣйшая покровительница человѣческаго рода, неустанная заступница слабыхъ и бѣдныхъ смертныхъ! О, ты, которая съ материнскою нѣжностью и ласкою идешь на помощь страдающимъ и несчастнымъ! Нѣтъ дня, нѣтъ ночи, нѣтъ ни одной минуты въ жизни, когда бы не изливались на смертныхъ твои божественныя щедроты! На морѣ и на сушѣ ты всѣмъ подаешь твою благую руку! Ты разгоняешь всѣ бури жизни и всѣхъ покрываешь своимъ покровомъ! Ты разрѣшаешь самые запутанные узлы судьбы, смир[illegible]истовыя бури Фортуны, сдерживаешь угрозы враждебныхъ созвѣздій! Тебя чтутъ небожители, тебѣ поклоняются божества ада, ты движешь міромъ, ты зажигаешь солнце, ты правишь вселенной, ты держишь подъ пятою адъ, тебѣ радостно вторятъ звѣзды, тебя привѣтствуютъ свѣтила, тобой движутся времена, ты питаешь облака и тучи, о тебѣ зрѣютъ сѣмена, о тебѣ наливается колосъ! Передъ твоимъ величіемъ ужасаются птицы, рѣющія подъ небомъ, звѣри, блуждающіе по горамъ, змѣи, гнѣздящіяся въ безднахъ, чудовища, плавающія въ морѣ! Но мой умъ слишкомъ слабъ, чтобы восхвалить тебя, о, богиня! И самъ я слишкомъ бѣденъ, чтобы почтить тебя достойными жертвами! Я чувствую, что у меня не хватило бы слова и голоса, чтобы говорить о твоемъ величіи, если бы у меня были тысяча устъ, столько же языковъ и способность безпрерывной, безконечной рѣчи! Но я потщусь совершить все, что можетъ сдѣлать бѣднякъ, исполненный благоговѣйной преданности къ тебѣ. Я вѣчно буду представлять себѣ твое божественное лицо, твое святѣйшее величіе. Я глубоко и навѣки заключу это въ завѣтныхъ тайникахъ моего сердца.

Такъ я молился высшему божеству. Потомъ я простился съ Митрой, моимъ мистагогомъ, моимъ отцомъ, возродившимъ меня къ новой жизни. Я обнялъ его, я припалъ къ нему на грудь, осыпая его поцѣлуями, я смиренно принесъ ему свои извиненія, что не могъ достойно вознаградить его за всѣ его дары и благодѣянія. Долго, какъ могъ и умѣлъ, я благодарилъ почтеннаго старца и съ трудомъ вырвался изъ его объятій.

Я имѣлъ въ виду прямо отправиться домой, взглянуть на свою родину, гдѣ я такъ долго уже не былъ. Но черезъ нѣсколько дней, по внушенію богини, я наскоро собралъ всѣ свои пожитки, сѣлъ на корабль и направилъ свой путь къ Риму. Путешествіе мое было благополучнымъ, попутный вѣтеръ надувалъ наши паруса. Я высадился въ гавани Августа, взялъ повозку и на другой же день послѣ декабрьскихъ идъ вечеромъ благополучно достигъ священнѣйшаго города.

Моею главною заботою было ежедневно возносить смиренныя молитвы богинѣ Изидѣ. Въ городѣ ея культъ чтили съ особеннымъ усердіемъ, называя ее Изидою Марсова поля—по мѣсту, на которомъ стоялъ ея храмъ. Я былъ однимъ изъ самыхъ ревно-

стныхъ ея поклонниковъ, — чужой въ этомъ храмѣ, но свой въ ея великой тайнѣ.—

Пройдя по всѣмъ знакамъ небесныхъ созвѣздій, солнце совершило свой годичный кругъ. И снова, въ своей благостной заботѣ обо мнѣ, въ ночномъ видѣніи мнѣ явилась великая богиня, снова повелѣла мнѣ готовиться къ новому посвященію.

Я не могъ понять, что это значитъ, я не могъ догадаться, что ждетъ меня въ будущемъ. Мнѣ казалось, что я посвященъ уже во все и не ждалъ новыхъ откровеній. Я старался разрѣшить это религіозное сомнѣніе, внимательно вдумывался въ слова богини и обращался за совѣтами къ посвященнымъ въ тайны.

Мнѣ открылась новая и дивная тайна. Оказалось, что я посвященъ только въ тайны богини, но что мнѣ еще не открыты тайны великаго бога боговъ, божественнаго отца міра, непобѣдимаго Озириса. Я узналъ, что хотя и культъ, и основная мысль этихъ двухъ религій родственны и почти одинаковы, но посвященіе въ каждую изъ нихъ совершенно различно. Тогда я понялъ, что мнѣ надлежитъ искать посвященія и въ тайны этого великаго бога.

Не долго пришлось мнѣ раздумывать и сомнѣваться. Въ ту же ночь я увидѣлъ во снѣ одного изъ посвященныхъ. Онъ вошелъ въ мой домъ въ своей льняной одеждѣ, принесъ мнѣ тирсы, плащъ и другіе предметы, говорить о которыхъ я не имѣю права. Онъ сѣлъ на моемъ креслѣ и приказалъ мнѣ приготовить все для торжественнаго пира при моемъ посвященіи. Наконецъ,—чтобы впослѣдствіи я могъ узнать его, какъ своего мистагога,—онъ показалъ мнѣ одну свою примѣту. У него была попорчена пятка, такъ что онъ на ходу слегка хромалъ.

Весь мракъ моихъ сомнѣній разошелся, когда богиня такъ явно выразила мнѣ свою волю.

При совершеніи утреннихъ жертвоприношеній во храмѣ богини я пристально смотрѣлъ на ея жрецовъ, чтобы узнать, кто изъ нихъ хромаетъ и кто изъ нихъ являлся ко мнѣ во снѣ.

Я скоро его увидѣлъ. Это былъ одинъ изъ пастофоровъ. Онъ всѣмъ—и своимъ внѣшнимъ видомъ, и походкою, и костюмомъ—напоминалъ того, кто приходилъ ко мнѣ этою ночью. Потомъ я узналъ, что его зовутъ Азиніемъ Марцелломъ (тощій оселъ), и это имя напомнило мнѣ о моемъ безобразномъ превращеніи.

Я не сталъ медлить и подошелъ прямо къ нему. Оказалось, что онъ уже знаетъ, о чемъ я хочу повести съ нимъ рѣчь. И ему богиня сообщила уже, что онъ долженъ готовиться къ новому посвященію меня въ новыя тайны. Онъ видѣлъ во снѣ, что, когда онъ возлагалъ вѣнокъ на голову великаго бога, божественныя уста, которыя изрекаютъ судьбы всѣхъ людей, открылись и онъ услышалъ, что богъ пошлетъ къ нему одного человѣка изъ Медавры, человѣка очень бѣднаго; но его все таки надо немедленно посвятить въ мистеріи, ибо со временемъ онъ будетъ славою ученыхъ и вознаградитъ божество за его попеченія.

Избранный такимъ образомъ для болѣе высокаго служенія, я, вопреки своему личному желанію, долженъ былъ медлить съ посвященіемъ по недостатку средствъ. Мое небольшое состояніе значительно уменьшилось во время моихъ путешествій. Кромѣ того, расходы при посвященіи въ священное братство въ Римѣ были гораздо больше, чѣмъ въ провинціи. Суровая бѣдность явилась для меня очень большой помѣхой, такъ что я, по словамъ старой пословицы, долго вертѣлся между храмомъ и камнемъ. А съ другой стороны, богиня настойчиво и неотступно повелѣвала мнѣ немедленно приступать къ дѣлу.

Наконецъ, когда всѣ эти внушенія, къ большому моему смущенію, стали повторяться чаще и чаще и когда мнѣ было дано прямое приказаніе, я, хотя и не безъ нѣкотораго колебанія, продалъ свой скромный гардеробъ и кое какъ набралъ сумму, достаточную для этого дѣла. И по этому поводу мнѣ было дано особое наставленіе.

— Какъ,—было сказано мнѣ,—ты не жалѣлъ своихъ лохмотьевъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи такихъ нечистыхъ

желаній, а теперь, приступая къ столь торжественной церемоніи, ты боишься какой то, хотя и заслуженной тобою бѣдности!..

Я запасъ въ достаточномъ количествѣ все, что было нужно. Снова въ теченіе десяти дней я воздерживался отъ животной пищи и былъ посвященъ въ ночныя оргіи верховнаго бога Сераписа. Съ полною вѣрою въ тайны новой, но почти одинаковой религіи, я ревностно сталъ посѣщать храмы во время богослуженія.

Это доставляло мнѣ особенно большое утѣшеніе и почти заставляло забыть, что я живу на чужбинѣ. Кромѣ того, послѣ этого же посвященія я нашелъ для себя довольно хорошій заработокъ, такъ какъ занялся адвокатурой и случай послалъ мнѣ нѣсколько очень выгодныхъ дѣлъ.

Прошло нѣсколько времени. И вдругъ, совершенно неожиданно, я получаю отъ боговъ крайне удивившее меня приказаніе—готовиться къ новому, по счету третьему, посвященію.

Признаюсь, что это меня очень обезпокоило, я былъ даже испуганъ. Но, сколько я ни ломалъ себѣ голову, чтобы угадать, къ чему клонятся эти неслыханныя и дивныя указанія небожителей, я никакъ не могъ додуматься до этого. Какія же тайны могли быть открыты мнѣ послѣ двухъ великихъ откровеній! Развѣ прежніе мистагоги показали мнѣ не все? Или передали мнѣ великія тайны невѣрно? Клянусь Геркулесомъ, въ эти минуты я готовъ былъ заподозрить честность и добросовѣстность посвящавшихъ меня жрецовъ.

Всѣ мысли у меня пошли въ разбродъ, я не зналъ, что мнѣ дѣлать и на что рѣшиться, пока въ сонномъ видѣніи мнѣ не предсталъ кроткій и ласковый божественный образъ, который объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Не бойся! Отъ тебя ничего не было утаено при твоемъ двукратномъ посвященіи. Если же въ настоящее время тебѣ предстоитъ третье посвященіе, то ты долженъ этому только радоваться. Тебѣ трижды придется испытать то, что немногіе испытываютъ только разъ въ жизни. И помни навсегда, что именно

это число принесетъ тебѣ въ будущемъ много счастья. Настоящее посвященіе въ таинство тебѣ безусловно необходимо. Вспомни только то, что одежда богини, которую ты когда то надѣвалъ въ Греціи, осталась тамъ, въ ея храмѣ, и въ настоящее время у тебя нѣтъ ея таинственной мантіи, чтобы являться въ ней къ торжественному жертвоприношенію, или для благодарности въ храмъ, или на оргіи, когда это будетъ указано богиней. Итакъ, съ радостью на душѣ, приступи, по волѣ боговъ, къ новому посвященію, — что будетъ тебѣ на благо, на счастье и на спасеніе.

Сонъ, посланный мнѣ по повелѣнію свыше, открылъ мнѣ все, что я долженъ былъ сдѣлать и какъ я потомъ долженъ былъ поступать.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ и отгоняя отъ себя всякія колебанія, я тотчасъ же объявилъ жрецу о томъ, что мнѣ было открыто, и снова подвергъ себя посту, воздерживался отъ всякой животной пищи. По своей доброй волѣ я удвоилъ тотъ десятидневный срокъ—срокъ воздержанія и поста, который былъ установленъ практикой и закономъ. Въ благочестивомъ усердіи я приготовилъ все, потребное для церемоніи, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ это было предписано религіозными правилами.

И мнѣ, клянусь Геркулесомъ, не пришлось раскаиваться ни въ этомъ постѣ, ни въ этихъ расходахъ! По щедрости милостивыхъ боговъ, я имѣлъ прекрасный заработокъ отъ своей адвокатской практики. Кромѣ того, въ самомъ непродолжительномъ времени богъ боговъ, величайшій изъ великихъ, изъ величайшихъ высшій, изъ высшихъ могущественнѣйшій и могущественнѣйшихъ повелитель—самъ Озирисъ—соблаговолилъ говорить со мною лицомъ къ лицу, не скрывая себя подъ чуждымъ ему видомъ. Онъ, въ своемъ собственномъ многочтимомъ образѣ, предсталъ предо мною въ сонномъ видѣніи и заповѣдалъ мнѣ немедленно посвятить себя дѣятельности при самыхъ громкихъ судебныхъ процессахъ, не

обращая вниманія на завистниковъ, которымъ хотѣлось бы пошатнуть репутацію моей, съ большимъ трудомъ и прилежаніемъ добытой учености.

Наконецъ, онъ возвысилъ меня изъ толпы своихъ обыкновенныхъ служителей и ввелъ въ коллегію пастофоровъ. Черезъ нѣкоторое время я былъ избранъ въ этой коллегіи на пятилѣтній срокъ декуріономъ.

Тогда я велѣлъ чисто выбрить свои волоса и, ничѣмъ не прикрывая своего голаго черепа,—съ глубокимъ удовлетвореніемъ вступилъ въ число членовъ этой стариннѣйшей коллегіи, основанной еще во время Суллы.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗДАНІЯ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

Бобржинскій, М. Очеркъ Исторіи Польши, пер. съ 3-го польскаго изданія подъ ред. проф. *Н. И. Карѣева.* Цѣна за 2 тома 5 руб. 50 к.

Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Съ предисловіемъ Альфреда Фулье. Перев. по 2-му франц. изд. подъ ред. *А. Н. Пыпина.* Цѣна 2 р. 50 к.

Дайси, А. В. Основы государственнаго права Англіи. Перев. съ 3-го англ. изд. *О. В. Полторацкой*, подъ ред. *П. Г. Виноградова*, проф. Московскаго университета. Ц. 2 р. 50 к.

Дарестъ, Р. Изслѣдованіе по исторіи права. Переводъ *Н. Н. Чеботаревскаго.* Ц. 2 р. 50 к.

Джеббъ, Р. Гомеръ. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Пер. съ англ. *А. Ѳ. Семенова.* Ц. 1 р. 50 к.

Иберверrъ-Гейнце. Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перев. съ -го нѣм. изд. *Я. Н. Колубовскій.* Въ приложеніи очерки философіи у славянъ два указателя. Цѣна 5 руб.

Карѣевъ, Н. Основные вопросы философіи исторіи. 2-е изд. 2 тома. Цѣна за 2 тома 4 р. 25 к.

Ланге, Фр. Исторія матеріализма. Перев. съ нѣм. *Н. Н. Страхова.* Ц. за 2 тома 5 р. Отдѣльно 2-й томъ 2 р. 50 к.

Масперо, М. Историческія чтенія. Древняя исторія: Египетъ, Ассирія. Переводъ съ франц. съ 192 рис. Цѣна 2 руб.

Ланглуа. Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ. Перев. съ франц. съ 81 рис. Цѣна 2 р. 50 к.

Марьежоль, Ж. Г. Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени. 1270—1610 гг. Перев. съ франц. съ 111 рис. Ц. 2 р.

Лакуръ Гайе. Историческія чтенія. Исторія новаго времени. 1610—1789. Перев. съ франц. съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Матеріалы для исторіи сѣверной Россіи. Цѣна 1 р.

Модестовъ, В. И. Лекціи по исторіи римской литературы. Полное изданіе — три курса въ одномъ томѣ. Ц. 5 р.

Монтескье. Персидскія письма. Перев. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Симонъ, Ж. Срединное Царство. Основы китайской цивилизаціи. Перев. съ франц. *В. Ранцева.* Ц. 2 р.

Сорель, А. Европа и французская революція. Перев. съ франц. съ предисловіемъ профес. *Н. И. Карѣева.* Т. I и II. Ц. 6 р., т. III и IV. Ц. 5 р. 50 к.

Спиноза, Б. Этика. Перев. съ лат. подъ ред. проф. *В. И. Модестова*, изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Тацитъ, К. Сочиненія. Перев. съ примѣч. и со статьею о Тацитѣ и его сочин. *В. И. Модестова.* Т. I. Агрикола. Германія. Исторія. Ц 2 р. 50 к.

Тацитъ, К. Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Шереръ. Исторія нѣмецкой литературы. Перев. съ нѣм. подъ ред. *А. Н. Пыпина.* Т. I-й. Ц. 3 р. Т. II-й. Ц. 3 р. За два тома—5 р. 50 к.

Эварницкій, Д. И. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа; въ 2-хъ частяхъ, съ 55 рисунками въ полную страницу и 7 планами. Ц. 6 р.

Вновь вышедшія книги:

Бойсъ, Ч. В. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности. Переводъ с франц., подъ ред. *Б. П. Вейнберга.* Ц. 60 к.

Карелинъ, А. А. Краткое изложеніе политической экономіи. Ц. 1 р. 50 к

Майковъ, Л. Н. Историко-литературные очерки: Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Плетневъ, Погодинъ, Фетъ. Ц. 2 р.

Томсонъ, В. Строеніе матеріи, популярныя лекціи и рѣчи. Перев. съ анг. *Б. П. Вейнберга*, подъ ред. проф. *И. И. Боргмана,* съ 67 рис. Ц. 2 р. 50 к

Куторга, М. С. Неизданныя сочиненія. Т. I. Съ билетомъ на окончаніе 9 р.

Градовскій, А. Д. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ держав. Лекціи, читанныя въ 1885 г. Издано подъ ред. проф. *Н. М. Коркунова.* Ц. 3

Тенъ. Объ умѣ и познаніи, пер. съ послѣдняго фр. изд., подъ ред. *Н. Страхова.* Ц. 3 р.

Печатаются:

Куторга, М. С. Неизданныя сочиненія. Т. II.

Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Переводъ съ франц.

Мюллеръ. Исторія ислама. Перев. съ нѣмецкаго.

Ждановъ, И. Н. Русскій былевой эпосъ.

Лесажъ. Жиль-Блазъ. Перев. съ франц.

Исторія крестовыхъ походовъ, соч. Куглера. Перев. съ нѣмецкаго.

Готовятся къ печати:

Де-Мендоза. Лазарилло де-Тормесъ. Перев. съ испанск.

Безгинъ, И. Г. Библіографія русскихъ книгъ XVIII в. гражданск. печати.

Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ (Les provinciales).

Масперо. Древняя исторія народовъ Востока, съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Французское изданіе, еще только начатое, составитъ 150 листовъ большого формата.

Бѣловъ, Е. А. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго.

Штраусъ, Ф. Ульрихъ ф. Гуттенъ.